РИЧАРД ХЭК
АГАТА КРИСТИ
ГЕРЦОГИНЯ СМЕРТИ
БИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ричард Хэк – известный американский сценарист, драматург и автор четырнадцати биографий, несколько из них стали бестселлерами. На этот раз его внимание привлекла непревзойденная королева детектива Агата Кристи. Получив доступ к архиву писательницы, автор использовал в своей работе более пятисот ее писем и документов, прежде недоступных исследователям ее творчества.

- Ричард Хэк
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Эпилог
  - Романы и сборники рассказов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

Ричард Хэк
Герцогиня смерти. Биография Агаты Кристи

Пролог
Таинственное происшествие в Ньюлендз-Корнере

– Ты прекрасна, ты волшебно прекрасна. Обещай мне, что навсегда останешься прекрасной.

– Но ты ведь так же будешь меня любить, даже если не останусь?

– Нет, не так. Не совсем так. Обещай же. Скажи, что всегда будешь прекрасна.

Агата Кристи.
Неоконченный портрет

3 ДЕКАБРЯ 1926. Отодвинув тяжелую бархатную портьеру, Агата Кристи старательно всматривалась в темноту Над дорогой клубился столь обычный для декабрьского Саннингдейла туман, подползал к парковочной площадке. Агата ненавидела туман, ненавидела неодолимую назойливость, с какой он обволакивал знакомые силуэты, придавая им зловещий, угрюмый вид. Она зябко поежилась и снова тщательно расправила портьеру, чтобы в спальню не проникла вечерняя промозглая сырость. Был десятый час, и Агата знала, что ее муж больше никогда сюда не вернется.

После двенадцати лет замужества миссис Агата Мэри Кларисса Миллер Кристи, тридцати шести лет от роду, автор нескольких детективных романов, была знаменита и одинока. Конечно, она находилась не одна в этом притихшем кирпичном особняке по имени Стайлз, таком огромном. В соседней комнате спала Розалинда, ее семилетняя дочь, а внизу завершала обычные хлопоты горничная Лили, тоже собиравшаяся лечь. Примерно через час из Лондона должна была приехать Шарлотта Фишер на последней электричке. Это ее секретарь и гувернантка Розалинды, человек весьма пунктуальный. Она прибудет скорее всего уже через сорок минут.

Обычно Агата с радостным нетерпением ждала Шарлотту, самую близкую свою подругу. Еще вчера вечером они с Шарлоттой (по-домашнему – Карло) танцевали чарльстон, по крайней мере, пытались танцевать, неподалеку от дома, в Эскоте, где вместе занимались в танцевальной студии. Милая Карло. Преданность за почасовую оплату.

Непременно нужно оставить Карло записку, объяснить, на что она уже почти готова решиться. Но как объяснить, что твоя жизнь кончена? Как объяснить, что тебе уже невмоготу пустота одиночества?

Подойдя к письменному столу, Агата взяла почтовую карточку и самописку, вывела “Дорогая Карло”, но никак не могла сообразить, что же писать дальше. Писательница, у которой нет слов. Даже в эту минуту она не удержалась от ироничной усмешки. Агата выпустила восемь книг, но по-прежнему писание давалось ей с трудом. Сюжеты придумывала легко, играючи. Зато потом, когда надо было все логически выстроить, свести концы с концами, начиналась каторжная работа.

Первую книгу не удавалось опубликовать несколько лет, однако, когда она в конце концов стала продаваться во всех магазинах, тридцатилетняя Агата и не помышляла о писательской карьере. Муж тоже тогда не принимал ее увлечение всерьез. Считал ее детективные истории дамской забавой вроде вышивания или разведения цветов. Ну да, ерундовые “пустячки”, такие же нелепые, какой казалась ему теперь и сама жена.

А ведь когда-то их отношения были совсем другими. В том декабре 1914 года, когда Агата Миллер сбежала из дому с Арчибальдом Кристи, она была бесконечно счастлива, ее грезы о сказочной, невероятной любви стали явью. Он, высокий красавец под стать киногероям, бравый летчик из Королевского летного корпуса. Арчи ухаживал за Агатой два года, и все это время она не могла думать ни о ком другом. В ту пору кожа ее была безупречно гладкой, рыжие кудрявые волосы были роскошно длинными. Высокая, статная (тогда худосочные девицы еще не были эталоном), она мечтала остаться с Арчи навсегда. По правде говоря, суженый ее с самого начала не любил разговоров о будущем, она же упорно не желала замечать, что его волнует не столько долговечность брака, сколько долговечность красоты жены. “Обещай мне, что навсегда останешься прекрасной”, – процитирует его позже Агата в одном из своих романов.

Всецело доверившись мужу, она тем не менее никогда не показывала ему свои опусы, да он и не стремился их читать. Такой уж Арчи человек. Когда бравый летчик стал начинающим финансистом, то все его мысли сосредоточились лишь на собственной карьере, и робкие надежды Агаты хотя бы на улыбку или комплимент терялись в сумраке равнодушия. С каждым годом Арчи отдалялся от нее все больше, вечерами предпочитал торчать в лондонском клубе, а выходные проводил в гольф-клубе. Агате катастрофически не хватало его внимания и поддержки. Но

чем старательней она налаживала отношения, тем сильнее ее муж рвался прочь. Однако же она вопреки обидам и печалям кропала книгу за книгой, и благодаря гонорарным отчислениям (хоть и не ахти каким) наладилось семейное финансовое благополучие, впрочем, в данный момент опять возникли трудности…

“Так вот к чему все пришло”, – подумала она, осматривая неуютно тихую комнату. Почувствовав у ног легкую возню, она протянула руку вниз, чтобы погладить своего любимца, жесткошерстного терьера Питера, в ответ пес благодарно лизнул ее пальцы. Но хозяйка почти не почувствовала прикосновения влажного горячего язычка, ее сознание словно было окутано несколькими слоями ваты, мысли путались. Бог с ними, с мыслями, пора уже покончить со всем этим, и быстрее, пока разумные доводы не охладили ее решимость.

Стянув с пальца кольцо, Агата положила его в шкатулку, стоявшую на столе из красного дерева, там его сразу найдут. С опущенной головой, будто ее мучил стыд, Агата медленным, но уверенным шагом направилась в комнату дочери. Зайдя внутрь, молча посмотрела на Розалинду, которая мерно дышала во сне, по-детски крепком и спокойном. Агата поцеловала дочь в лоб, обычный вечерний ритуал, точно так же когда-то целовала Агату ее мать. Агата вышла из комнаты и только тогда позволила себе вспомнить запах фиалкового одеколона, которым веяло, когда мама наклонялась над подушкой. Агата утерла слезы, вмиг подступившие к глазам.

Восемь месяцев назад все было иначе. Была еще жива мать Агаты, Клара, которая жила в Эшфилде, это их фамильное поместье в Торки. Вот она знала бы, как нужно действовать. Клара всегда была уверена: она точно знала, что и как нужно делать.

Она была властной и несговорчивой. И все равно тогда, в апреле двадцать шестого, внезапная смерть семидесятидвухлетней матери ввергла Агату в жесточайшую депрессию, лишила ее обычного жизнелюбия и стойкости. Боль приглушали лишь серые мутные струи отрешенности. “Иногда так хочется покинуть свое тело, – однажды сказала ей Клара, все чаще болевшая. – Так хочу вырваться из этой тюрьмы”. И Агата, как ни странно, понимала ее.

В моменты испытаний на помощь Арчи рассчитывать не приходилось. Он панически боялся бед, так честно и говорил, “терпеть не могу болезней, смертей и прочих неприятностей”. И ни малейшего желания хотя бы посочувствовать, Арчи предпочитал все переводить на шутливый тон. Буквально сразу после смерти Клары он предложил съездить в Испанию. Там

“будет весело”, так и сказал. Это путешествие хорошо Агату “отвлечет”.

Отвлечет? Но Агата не хотела отвлекаться. “Я хотела побыть со своим горем, переболеть им”, – говорила она. Муж остался в Лондоне, Агата одна поехала в Торки (три часа пути), ей самой пришлось закрывать дом, тихую, волшебную гавань своего детства. Невыносимо. Стоило тогда подняться на крыльцо, как боль налетела, словно буря. Агата, сжав зубы, пробивалась сквозь этот натиск, еле держась на ногах, шаркая домашними тапочками. Хотела побыть в Торки несколько недель, а не месяцев. В результате пробыла полгода.

Арчи заявил, что ездить на выходные в Эшфилд – это жуткая морока, предложил отправиться в августе в Италию, в Алассио, тихий курортный город на берегу Генуэзского залива. Агата тут же согласилась в надежде, что путешествие возродит былую любовь, она вцепилась в эту мысль. И когда Арчи все же прикатил на машине четвертого августа в Эшфилд, то обнаружил, что жена его уже упаковала чемоданы, приготовившись к двухнедельному курсу минеральных ванн и косметических процедур. Она что-то возбужденно бормотала, она не утихала, словно потревоженный пчелиный рой. Уж лучше бы молчала.

Арчи показалось, что его благоверная не совсем в себе, да и вид у нее был удручающе болезненный. В письмах она действительно писала, что не может спать, что нет аппетита, что ее одолевает отчаяние, но только когда она торопливо выбежала его встречать, он осознал, до какой степени это все серьезно. Совершенно потрясенный, Арчи стал говорить о каких-то ненужных пустяках, был светски любезен, и только…

Его холодное равнодушие огорошило Агату “То, что я в этот момент почувствовала, напоминало давно забытый кошмар, – писала она потом в своей “Автобиографии”. – Когда ты сидишь за чайным столом со своим возлюбленным, смотришь на него и вдруг понимаешь, что перед тобой чужой, не знакомый тебе человек”.

То, чего она не желала замечать ни тогда, ни позже: на лице мужа не отражалось даже тени любви. Ее сияющие глаза тут же погасли, а его старательно смотрели в сторону, ибо в них таилось предательство. Вымученная беседа в какой-то момент сменилась тягостным, растерянным молчанием, и тут Арчи не выдержал, признался. Заставив себя посмотреть Агате в глаза, он сообщил, что полюбил другую женщину и хотел бы немедленно получить развод.

Развод… Агата не поверила собственным ушам, лицо ее покрылось красными и белыми пятнами, изумление сменилось

гневом. Это невозможно, этого *просто не может быть!*

“Ее зовут Нэнси Нил, – сказал Арчи. – Ты, разумеется, ее помнишь. Она бывала у нас дома”.

Все произошло так быстро, так неожиданно… его слова ударились о стену неверия, неужели все ее грезы о счастливом воссоединении были напрасны?

Накатила тошнота, так желудок реагировал на едкую горечь обиды и унижения. Она просила Арчи повременить, она станет другой, все будет иначе. Донельзя потрясенная, она вымолила три месяца отсрочки, Арчи согласился на четыре. Шестнадцать недель изощренной вежливости, окольных путей, дежурных реплик, совершенно никчемных. Он мастерски уходил от главного, вел свою игру, выжидал, когда завершатся оговоренные недели, расчетливо выжидал.

В пятницу, третьего декабря, утро в Саннингдейле началось как обычно. Кухарка поставила на стол яйца, фасоль, сосиски и помидоры, типичный английский завтрак. Агата заговорила первой, сказала, что в выходные хочет съездить в йоркширскую деревушку, всласть поваляться в кровати, выходить разве что к завтраку, езды туда всего три часа, она предложила Арчи составить ей компанию. Выяснилось, что он уже собрался на выходные к своим друзьям Джеймсам, у них коттедж в Хартморе, в окрестностях Годалминга. От обиды Агата потеряла голову. Она сорвалась на крик, у нее теперь не было иного оружия. Бессмысленные укоры, напрасная, как выяснилось, угроза. А угроза была такова: если Арчи не останется на выходные, то, когда вернется, ее не будет дома.

Арчи ее слова не тронули, будто он заранее приготовился к скандалу. Самое ужасное, что он оставался совершенно спокойным. И чем громче кричала его жена, тем проще ему было отмалчиваться. Но высказаться начистоту Арчи все же пришлось. И он это сделал, не повышая голоса, очень доходчиво. Он ждал достаточно долго, он устал от спектакля, который они друг перед другом разыгрывают. Он уходит из дома, уходит от нее.

Агата зажмурилась от боли или просто пыталась удержать слезы. Она закрыла лицо ладонями и в этот момент услышала: он все равно добьется развода, вне зависимости от ее согласия. Высказавшись, он схватил газету и удалился из комнаты. Все решилось в одну секунду. Этот приступ ярости, и потом – *ничего.*

Как Арчи выходил, она не видела, но знала, что он уехал: по звуку мотора “дилейджа” на подъездной дорожке и по хрусту шлака под колесами.

Она взъерошила волосы, убирая их со лба, привычный жест в моменты сильного волнения, потом накрутила на палец локон и

уставилась в пространство, будто это могло помочь ей определиться с дальнейшим. Так, в состоянии отрешенности, Агата провела несколько часов, пока вдруг не зазвонил телефон. Она вздрогнула от неожиданности.

Она решила, что это он, Арчи. Но звонила ее неугомонная соседка, миссис Десильва, приглашала на чай и партию бриджа. Агата отказалась, не слишком убедительно сославшись на срочное дело, хотя была абсолютно свободна. Несколько дней назад они вдвоем ездили в Лондон, прогулялись по магазинам на Албемарл-стрит, голова кружилась от азарта и удовольствия. Агата купила тогда шелковую ночную сорочку, белую, красоты необыкновенной. Теперь можно было очаровывать мужа, что и намечалось на выходные. Агата знала, что выглядеть в ней будет восхитительно. И наконец-то *вернется утраченная любовь*. Какими глупыми сейчас казались эти надежды, утренней ссорой их вымело прочь, будто грубой метлой.

Первый безотчетный порыв – помчаться в понедельник в Лондон, вымолить у Арчи прощение. Но потом ей вспомнился последний его взгляд, брошенный поверх накрытого к завтраку стола, взгляд, источавший ненависть, даже страшно вспоминать. Конечно, Арчи *был* расстроен и оскорблен, но может быть, она преувеличивает? Узнать бы, *что* на самом деле он чувствовал и действительно ли их разлад уже непреодолим? В тот же день Агата тщательно укутала дочь и, сунув ей в руки любимого мишку, посадила в машину, они покатили в Доркинг, к матери Арчи, двадцать пять миль пути. К своей свекрови, Пег Хемсли, Агата относилась с прохладцей, но Арчи всегда был очень близок с матерью. И конечно же Пег точно знала, как обстоят дела.

Пег обрадовалась неожиданной встрече с внучкой, к чаю подали свежие ячменные лепешки и крыжовенный джем из дорогого лондонского магазина. Пег любила себя побаловать. Увы, Агата почти не чувствовала вкуса угощения; чуть наклонившись вперед, она вслушивалась в монотонную болтовню, а свекровь жужжала и жужжала, словно муха, попавшая в ловушку. Миссис Хемсли бездумно перелетала с одной темы на другую, зачем – непонятно: казалось, ее завораживает звук собственного голоса.

Так ничего и не вызнав, Агата вернулась домой, ужинать ей пришлось в одиночестве. В мыслях снова и снова прокручивалась ужасающая утренняя сцена с завершившей ее оскорбительной угрозой.

Уже ни на что не рассчитывая (но в глубине души все же надеясь спасти семейное благополучие), Агата стала изобретать хитроумный план, достойный ее детективных романов. Сюжет

был выстроен чрезвычайно искусно, но те, кто знал, где следует искать улики, могли просчитать возможный исход. Только на этот раз финал истории был отдан в распоряжение судьбы.

Агата положила в саквояж несколько платьев, новую ночную сорочку, два шелковых шарфика и две пары туфель, отнесла его к входной двери, потом снова поднялась в спальню, все еще надеясь. Арчи все-таки вернется, надо подождать. Глупая мечта, мечта женщины, не желающей расстаться с иллюзией. Ближе к десяти часам Агата окончательно смирилась с тем, что чуда не произойдет.

Не зажигая света в холле, она положила на инкрустированный столик два письма, одно для Карло, другое для Арчи. Потом стала одеваться: любимая ондатровая шуба, велюровая шляпка, кожаные перчатки. Наспех посмотревшись в зеркало, приказала себе забыть про попранную гордость. Не удержавшись, обняла на прощанье своего верного пса, схватила саквояж и, не оборачиваясь, покинула уютный, надежный дом и свой привычный мир.

Ночное небо было ясным и черным. Морозный воздух холодил щеки, которые, впрочем, тут же заполыхали румянцем от усилия: саквояж оказался довольно увесистым. От учащенного дыхания изо рта беглянки вырывались облачка пара. Гравий под ногами хрустел, будто гренок под лезвием ножа, пока она медленно приближалась к своему авто, тускло поблескивавшему “моррису каули”. К счастью, мотор завелся сразу. Про машины Агате было известно только одно: сидеть самой за рулем – сплошная нервотрепка. “А теперь будь что будет”, – подумала она и, преодолев страх, нажала на педаль газа. Буквально через несколько секунд “моррис каули” растворился в темноте.

На следующее утро по ньюлендз-корнерской дороге беспечно шагал пятнадцатилетний Джек Бест, тощий как жердь, с копной светло-каштановых волос, строптиво торчавших надо лбом и затылком. Этот улыбавшийся во весь рот цыганенок направлялся в деревню Олбани. Приятно было пройтись по морозцу и полюбоваться живописными видами Норт-Даунса, но больше всего он радовался случаю подработать. Сегодня во владениях герцога Нортумберлендского устраивают охоту. Огромные луга и пастбища, до самого горизонта, изредка перемежались ясеневыми рощами и островками из кленов, которые здорово разрослись в окрестностях Гилдфорда.

В этой части Ньюлендз-Корнера было много еще не мощенных дорог, которые вдруг переходили в тропинки, петлявшие среди колючих зарослей ежевики и густого подлеска. Тут были целые мили нетронутых земель, до которых не добрался

городской комфорт. Но именно это дикое место в данный момент было для Джека Беста домом.

В стороне от обочины он увидел сквозь кусты вроде бы какую-то машину и, уступив жгучему любопытству, свернул на колеистую тропу, проложенную в трехстах ярдах от шоссе. “Прямо у мелового карьера я заметил пролом в изгороди из кустов и крышу автомобиля, – рассказывал он после. – Я глянул внутрь, на полу, смотрю, одежда, и никого. Машина вся уж заиндевела, а колеса застряли в кусте. Я побежал на дорогу и все сказал полицейскому”. Неподалеку от полицейского поста, в заведении Альфреда Луланда, неспешно завтракал механик Фредерик Дор, работавший на автозаводе в городе Теймз-Диттон. Проезжая несколько минут тому назад по дороге, он тоже заметил автомобиль, но ничто его не смутило. Но теперь, услышав взволнованные крики Джека Беста, Дор, забыв про овсянку, бекон и помидорные ломтики с сахаром, ринулся к меловому карьеру, а на подступах продирался сквозь чащобу, чтобы самолично осмотреть брошенный кем-то “моррис каули”. “Смотрю – над кустами лобовое стекло, – вспоминал он, – и фары и габаритные огни не горят. Кончился ток, но когда машину оставили, думаю, фары были включены, темно же было, ночь. Да, похоже, с холма машина катилась уже пустой, поскольку на склоне нет никаких следов от торможения, они всегда остаются, когда жмут на тормоза”, – сообщил он после газетчикам.

По деревне сразу покатился взволнованный шепоток, и к тому моменту, когда Дор снова выбрался на шоссе, там уже собралась толпа зевак. Потом он помчался в гостиницу на Клэндон-роуд, оттуда позвонил в полицейский участок, досконально описал авто и разбросанные в салоне вещи.

Через два часа, то есть примерно в половине одиннадцатого, в Ньюлендз-Корнер приехала бригада полицейских из управления суррейского графства, которое находилось в Гилдфорде. Весть о необыкновенном происшествии уже долетела до деревень Олбери и Шалфорд. Жизнь там была тихая, без ярких событий, поэтому все только и говорили о брошенном на произвол судьбы авто. Помимо самой машины полиция запротоколировала наличие в ней некоторого количества предметов: шуба, две пары черных туфель, серый джемпер, вечернее платье и просроченные водительские права на имя миссис Агаты Кристи, проживающей в Саннингдейле.

Очень скоро двое полицейских прибыли в особняк Стайлз побеседовать с супругами Кристи. Но побеседовать удалось лишь с измученной неведением Карло, ни мистера, ни миссис дома не оказалось. Мистер Кристи, сказала Карло, вероятно, сейчас в

Годалминге, а миссис Кристи внезапно куда-то уехала на машине.

"Удивительное дело, не всегда самые тревожные события оказываются *самыми* печальными. Промаявшись всю ночь без сна в страхе за Агату, теперь Карло с еще большим страхом ждала, что скажут полицейские. Неизвестно, что она ожидала услышать, но наверняка не про застрявший в кустах на краю мелового карьера автомобиль и не про то, что владелица его бесследно исчезла. Побелев от ужаса, Карло неловко опустилась в кресло, даже не заметив, как со спинки соскользнула выцветшая накидка из Дамаска.

Трясущимися руками она извлекла из кармашка платья оставленную ей записку.

“Сегодня вечером меня не будет дома, – писала Агата. – Завтра сообщу тебе, где я”. Агата просила, чтобы Карло отменила ее поездку в йоркширскую деревушку Беверли, куда она собиралась в выходные. Несколько часов назад Карло послала в гостиницу телеграмму, через Эскотский телефонный узел: “Приехать, к сожалению, не смогу. Кристи”.

А в нескольких милях от Стайлза хозяева харт-морского коттеджа, мистер и миссис Джеймс, собирались приступить к ланчу. И тут вдруг раздался стук в дверь, негромкий, но настойчивый. Спустя минуту их дворецкий, Уиллз, шепнул на ухо мистеру Джеймсу, что в гостиной ждут полицейские. “Полиция ведь просто так не приходит, – заметил он потом в разговоре с репортером “Дейли мейл”, – огорчились мы невероятно, когда узнали, что пропала миссис Кристи”.

И как только прозвучала печальная новость, в гостиную вошел Арчи, держа за руку Нэнси Нил. На нем был костюм для гольфа: куртка и короткие шерстяные брюки. Полицейские поднялись с дивана, приветствуя эту парочку, Нэнси сразу вырвала руку из руки своего кавалера. Узнав, что в Ньюлендз-Корнере нашли едва не рухнувший в меловую яму автомобиль его супруги, Арчи не сказать что испугался. Скорее был раздосадован тем, что ему помешали наслаждаться отдыхом.

Он заявил, что понятия не имеет, где может находиться его жена, и не знает даже, как она собиралась провести выходные. Потом добавил, что в последнее время Агата была очень подавлена, поскольку человек она “весьма впечатлительный” и имеет обыкновение доводить себя до “нервозного состояния”. Принять участие в поисковой операции у деревни Норт-Даунс Арчи согласился. Но попросил у представителей власти отсрочку, он подъедет чуть позже, должен же он поблагодарить людей за гостеприимство, извиниться, что вверг их в такую историю, объясниться, наконец.

Надо сказать, к месту происшествия Арчи Кристи отправился отнюдь не *чуть* позже. Все свидетели сообщали, что сначала он наведался в Стайлз, где подробнейшим образом расспросил о случившемся Шарлотту. Горничная Лили, открывшая хозяину дверь, не без опаски приняла у него шляпу и пальто. Оно и понятно: в доме уже побывала полиция, местные сплетники горячо обсуждали произошедшее, пророчили всякие злодейства, а прислуга всегда готова поверить в самое худшее.

Мисс Фишер Арчи нашел в кабинете, в полном отчаянии.

Мистер Кристи никогда не вызывал у нее симпатии, эгоист, которому нет никакого дела до своих близких. Он часто бывал чем-то раздражен или разгневан, что лишь подтверждало справедливость ее неприязни.

Исчезновение жены не особо его встревожило, похоже, он воспринимал это как фарс, разыгранный отчаявшейся женщиной. На лице Карло застыли скорбь и страх, но Арчи это не трогало, он продолжал злиться, ведь выходные пошли насмарку. И записка, которую Агата ей оставила, мало его интересовала. Но от равнодушия не осталось и следа, как только Карло протянула Арчи запечатанный сургучом конверт с его именем.

Ей очень хотелось узнать, что Агата написала мужу, в письме наверняка изложена причина ее таинственного исчезновения. Он нетерпеливо, как голодный хищник, вскрыл конверт, предусмотрительно повернувшись к Карло спиной. Она поняла только, что письмо вызвало вспышку ярости, судя по тому, что мистер Кристи тут же швырнул его в камин. Ей оставалось лишь вместе с ним смотреть, как пламя пожирает столь важное для расследования свидетельство. Покачав головой, он буркнул: “Ничего существенного”.

“Ничего существенного? – подумала Шарлотта. – Тогда зачем было сжигать?”

Когда Арчи, прихватив с собой Карло, явился наконец в Ньюлендз-Корнер, у того места, где машина Агаты съехала с дороги, уже толпилась дюжина полицейских. Его встретил заместитель главного констебля Уильям Кенуард, тучный, уже в летах, офицер полиции. Он надеялся, что расследование исчезновения Агаты Кристи обеспечит ему быстрое продвижение по службе, а потом, глядишь, и мировую славу.

Два года назад, в двадцать четвертом, этого служаку уже удостоили почестей за усердие, проявленное при задержании Жан-Пьера Вакье, дело было в Байфлите. Вакье (кстати, вылитый Эркюль Пуаро, бельгийский сыщик из книжек Агаты Кристи, бывают же совпадения) обвиняли в отравлении. Этот щеголь подсыпал стрихнина Альфреду Джонсу, хозяину паба “Синий

якорь”, поскольку крутил шуры-муры с его женой Элси. Этот случай тогда получил грандиозную огласку. Мистеру Кенуарду очень хотелось снова покрасоваться в газетах, и он начал измышлять эффектную интригу для истории с машиной, брошенной в лесной чаще у деревни Норт-Даунс.

Неподалеку от гаража (на Эпсон-роуд), куда поместили авто, которое пришлось втаскивать вверх по холму, начались поиски его владелицы. Кенуард приказал обследовать таинственный Тихий пруд, воспетый лордом Теннисоном (“тот черный молчаливый пруд”). По слухам, над ним иногда видели призрак – некой средневековой девушки, которую утопил король Иоанн. Но тела Агаты Кристи в нем не нашли. Разочарованный Кенуард не желал сдаваться, он приказал снова обшарить дно.

Арчи сказал, что жена его могла уехать в свой родной Торки, и местной полиции было приказано наведаться в Эшфилд. Но визит этот был напрасным: в фамильном доме Агаты Кристи никого не оказалось. “На крыльце лежала огромная груда опавших листьев, ставни на окнах были закрыты, в саду на тропинках никаких отпечатков ног, а на подъездной аллее никаких следов от шин”.

Настало воскресенье. Арчи по-прежнему томился в заточении, обреченный торчать в Стайлзе вместе с дочерью и ее гувернанткой. А Кенуард, возглавивший поиски, призвал добровольцев (их набралось довольно много) прочесать ближние и дальние окрестности.

К вечеру резко похолодало, почти до двадцати градусов, и пруд кое-где схватился льдом, пришлось разбивать его толстыми сучьями. Но писательницу так и не обнаружили. Школьники, радуясь неожиданному развлечению, рыскали по полям, мечтая найти улики, не замеченные полицией, то тут, то там раздавалось мелодичное эхо их хохочущих голосов. Когда в небе запылал золотисто-оранжевый закат, Кенуард вернулся в управление, в свой рабочий кабинет, наметив на завтра очередную вылазку, только теперь нужно будет забросить в пруд большую сеть.

А еще заместитель главного констебля разослал в соседние полицейские участки, в сорок восемь точек, уведомление о том, что пропала такая-то. Потребовав у Карло фото миссис Кристи и подробное описание ее внешности, Кенуард заинтриговал лондонских газетчиков, всячески намекая, что финал истории может оказаться роковым.

Документ, составленный Кенуардом, гласил:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ
проживавшая в особняке Стайлз (Саннингдейл)

миссис Агата Мэри Кларисса КРИСТИ
(супруга полковника А. Кристи)
35 лет[1], рост 5 футов 7 дюймов.

Волосы темно-рыжие (стрижка “фокстрот”), зубы натуральные, глаза серые, здоровый цвет лица, сложение нормальное.

Была одета:

юбка серая, средней длины, зеленый джемпер, кардиган серый, с темно-серой отделкой, зеленая шляпка из велюра. Возможно, имеется сумочка с несколькими банкнотами достоинством в пять или десять фунтов.

3 декабря в 21.45 вышеназванная дама покинула дом на четырехместном авто марки “моррис каули”. Оставила записку, в которой было сказано, что она собирается уехать. Утром 4 декабря эта машина была найдена в районе Ньюлендз-Корнера, деревня Олбери (графство Суррей).

Разумеется, среди местных жителей сразу обнаружилось множество очевидцев, кто-то искренне хотел помочь следствию, кто-то мечтал прославиться. Фюэ, носильщик со станции Милфорд (это в южной части Годалминга), доложил в воскресенье утром, что некая дама, точь-в-точь миссис Кристи, спросила у него, когда будет следующий поезд до Портсмута. В тот же самый день Агату видела миссис Китчинг, но в Малом Лондоне[2]. Джон Бакнер приметил ее в чайной города Питершам, близ Ричмонда. Ральф Браун хотел подвезти ее на машине, это было в Баттерси; “по-моему, она не замечала ничего вокруг и сама не понимала, куда идет!” – с чувством добавил он. Однако дама отказалась от его предложения.

Наиболее достоверным сочли показание Эрнеста Кросса, рабочего с фермы. В субботу ранним утром он помог одной женщине завести “каули моррис”. “В половине седьмого шел я на работу и увидел неподалеку от гостиницы “Ньюлендз-Корнер” даму, очень она была расстроенная, – дав присягу, сообщил Кросс, – стонала, плакала, обхватив голову руками, и зубы у бедной стучали от холода. В одном платье и в туфельках, и без шляпы. И фары горят, и габаритные огни… ну я и подумал: спрошу, не надо ли чего”.

Заметив, что Кросс направляется к ней, дама громко, чуть не рыдая, окликнула его, молила помочь, машина ее окончательно заглохла. Кросс галантно отдал свою куртку замерзшей женщине, потом крутанул два раза ручку, и мотор завелся как миленький.

Кросс помог даме забраться в машину, та горячо его

поблагодарила и отдала куртку, после чего он развернулся и отправился дальше.

“Я послушал, мотор работал ровно, ну и со спокойной душой ушел, – сказал он полицейским, – а было еще темно, ну, удивился, конечно, что дама в такую рань на улице и без пальто, но мало ли, может, сбилась с дороги, да еще мотор заглох, как тут не расстроиться. И последнее вот что я заметил: поехала она по дороге через Ньюлендз-Корнер, в сторону деревни Шир”.

Этому свидетелю Кенуард поверил и тут же выстроил версию: миссис Кристи настолько устала, что съехала с дорожного полотна вбок. Потом выбралась наружу, даже не подумав о том, что с машиной может что-то случиться. Пешком двинулась к гостинице, а машина вдруг покатилась вниз по склону, случайно врезавшись в кусты у самого края мелового карьера. Версия, что и говорить, довольно спорная, но поскольку Кенуард сам ее сочинил, то она тут же была принята.

“Она, вероятно, пыталась выйти на нужную дорогу, но заблудилась в темноте и забрела в лес, с той поры никто ее не видел и ничего о ней не слышал”.

К понедельнику таинственное исчезновение Агаты Кристи обсуждалось уже в газетах Франции, Германии, Испании. Даже солидная “Нью-Йорк тайме” на первой полосе крупными буквами напечатала сенсационную новость: “Английская писательница Агата Кристи исчезла из собственного дома при загадочных обстоятельствах”.

Миссис Десильва тоже дала показания – уговорили партнерши по бриджу, ведь Агата звонила ей как раз перед исчезновением. Чувствовалось, что миссис Десильва очень трепетно относится к своей соседке, она назвала ее “прекрасной, замечательной женщиной”.

Миссис Кристи необыкновенно милая, общительная женщина, редкого обаяния. Однако люди, хорошо ее знавшие, сразу замечали, что свои эмоции и проблемы она предпочитает держать при себе, не обременяя ими других. Думаю, Агата слишком много работала и однажды обмолвилась, что ей уже месяца трине удается придумать новый сюжет, она ни строчки не написала за это время.

Полагаю, самым тяжким испытанием стала смерть матери, в начале года, Агата очень ее любила.

Горе выбило ее из колеи, но Агата старалась не раскисать. Врач настоятельно рекомендовал ей отдохнуть, говорил, тогда все будет восприниматься иначе, станет легче.

Несколько месяцев назад, в июне или в июле, она уезжала,

потом вернулась в Саннингдейл, ей нужно было что-то делать с мебелью матери, как-то ее размещать. Она зашла ко мне, выглядела ужасно, я тут же отправила ее в постель. Наутро у нее был вполне свежий вид, она, помнится, сказала: "Вы вернули меня к жизни". Бедняжка еще долго не могла оправиться, но в последнее время ей стало намного лучше.

Неделю назад, в прошлый понедельник, мы с ней даже снова играли в гольф, она провела отличную партию, и в теннис, и на машине проехались. А в среду съездили вместе в Лондон. Она говорила, что хочет снять там дом, обставленный уже, мечтала больше времени проводить с мужем. А Стайлз собиралась сдать внаем, тоже прямо с мебелью.

В Лондоне мы встретились с друзьями и все вместе отправились на ланч в "Карлтон", там обсуждали, как бы съездить на несколько недель в Португалию, в начале года. Миссис Кристи сказала, что до Рождества ей никак не вырваться, из-за дочурки, потому решили поехать в начале января. У моего мужа есть дом в Португалии, собирались пожить там месяц. Миссис Кристи очень понравилась эта идея.

Ну вот, в среду днем мы ходили с ней по магазинам, а к вечеру расстались, ночевать она должна была в клубе "Форум", ее пригласили туда на званый обед.

Миссис Десильва наслаждалась, приятно ведь оказаться в центре внимания. Своим придворным, завсегдатаям ее дома "Линдсей-Лодж", она с чуть наигранной скорбью рассказывала: "В пятницу я ей позвонила, пригласила на чай и на партию бриджа, – томно ворковала она, – но получила отказ; насколько я поняла, ей нужно было куда-то ехать или она ждала кого-то. Это был последний наш разговор. А потом узнаю, что она пропала, какой кошмар. Уверена, это все из-за предельной, *невыносимой* усталости, организм не выдержал, и у бедной миссис Кристи вдруг случилась потеря памяти, что-то в таком роде".

Днем раньше и муж Агаты, пытаясь объяснить странное поведение жены, тоже ссылался на загадочную потерю памяти. Вот его слова из беседы с репортером "Вестминстер газетт": "Ни в коем случае не берусь ничего утверждать, на чем-то настаивать. Могу только предположить, что исчезновению моей жены предшествовал нервный срыв, и как следствие этого – потеря памяти".

Звучало это вполне убедительно. Если бы Арчи удалось убедить в сказанном и самого себя…

В понедельник утром они с Карло отправились в Лондон, Арчи всю дорогу о чем-то думал, угрюмо молчал. А ехали они в

Скотленд-Ярд, надеялись уговорить столичных инспекторов подключиться к расследованию. Позже Шарлотта скажет, что ее спутник “витал в своих мыслях”. В Скотленд-Ярде их приняли благосклонно и, признав версию Кенуарда неубедительной, решили действовать, не дожидаясь официального запроса местной полиции.

Посадив Карло на поезд, отправившийся обратно в Саннингдейл, Арчи неприкаянно бродил по лондонским улицам, размышляя о своей не очень-то заладившейся жизни. Он вспоминал о войне, ему хотелось снова летать. К слову сказать, и в гражданском костюме бравый летчик был неотразим, но сейчас ему вдруг все стало не мило.

Предрождественская суета лишь усиливала унылое отчаяние. Эти толпы в магазинах, эти весельчаки, орущие хором рождественские гимны, этот бодрящий зимний искристый воздух Арчи воспринимал как издевательство. Он ведь мечтал о том, как будет предвкушать праздник вдвоем с Нэнси. Кто же знал, что его втянут в нелепую, дикую историю! Сейчас Арчи чувствовал особенно остро, насколько дорога ему та, с кем он не смеет встречаться, не смеет из-за фокусов опостылевшей жены.

Они с Нэнси не виделись с субботы, два дня, для влюбленных целая вечность. Нэнси вернулась в родительский дом под Лондоном, в Кроксли-Грин, и теперь они общались только по телефону. Встречаться было опасно. Если пронюхают про их свидания, сразу сделают выводы: к этой душераздирающей драме причастен неверный муж.

Арчи старался уберечь Нэнси от дотошных газетчиков, но хорошо понимал, что его отношения с двадцатишестилетней красоткой для многих давно не тайна. Они часто вместе ездили в Сандвич, в гольф-клуб, и обедали вдвоем в лондонских ресторанах. Но самой опасной была сейчас Пег Хемсли. Маменька поощряла сына, закрутившего роман на стороне. Она обожала скандалы и сплетни и, как только газетные стервятники попросили рассказать что-нибудь достойное внимания, тут же выложила все, что знала.

“Моя невестка была крайне удручена тем, что у нее не ладилась работа, – поведала миссис Хемсли специальному корреспонденту “Дейли мейл”, который отловил ее в Доркинге в надежде вызнать подробности чаепития в ту роковую пятницу, – она имела в виду книгу, которую в тот момент писала”.

Она часто вспоминала о матери, которая умерла весной, ясно было, что бедняжка никак не может оправиться от этого удара. Несколько дней после похорон миссис Кристи пребывала в тяжелой

депрессии, она порой даже не помнила, где была и что делала.

Был, например, такой случай. Отъезжая от дома приятельницы, она нечаянно сбила своего любимого песика Питера. Она подняла его и положила в машину в полной уверенности, что Питер мертв. Она рассказывала, что буквально обезумела от горя и даже не помнила, как добралась до дома. Ехала ничего и никого не замечая и в таком состоянии преодолела значительное расстояние.

И вот что любопытно: когда она приехала, служанка увидела на заднем сиденье преспокойно сидящего пса, в полном здравии. Но миссис Кристи сообщила ей, что их дорогой Питер умер. И когда служанка, вытащив Питера из машины, предъявила его хозяйке, та не поверила собственным глазам.

Мне кажется, нет, я даже уверена, что и в пятницу произошло нечто в том же роде, что-то ее потрясло. Она была очень привязана к мужу и к дочери и никогда бы ОСОЗНАННО их не покинула.

Полагаю, произошло вот что. Моя невестка, чем-то страшно подавленная, не понимая, где она, куда идет и что делает, доехала до Ньюлендз-Корнера, а там вышла в какой-то момент из машины и стала бродить по округе.

“Когда Агата от меня уезжала, вроде бы настроение у нее немного улучшилось, – отметила Пег Хемсли, – но, сев за руль, она долго что-то обдумывала, а когда наконец двинулась в путь, взгляд у нее был отрешенный”.

Чтобы читатели не утратили интерес к цирковому представлению, устроенному из исчезновения Агаты Кристи, “Дейли ньюс” пообещала сотню фунтов “тому, кто первым предоставит информацию, которая поможет найти писательницу – если она, конечно, жива”.

Благодаря предприимчивости Кенуарда поиски обрели грандиозный масштаб: в небе кружили бипланы, по земле рыскали ищейки, сотня полицейских прочесывала загородные просторы, разбив их на квадраты. Кенуард упорно твердил, что пропавшая наверняка тут, в Норт-Даунсе, у какого-нибудь из прудов или в зарослях ежевики. Но внезапно всплыла одна подробность, спутавшая все его карты. Выяснилось, что брат Арчи, Кэмпбелл Кристи, получил письмо, отправленное в субботу из центра Лондона. На штемпеле значилось время – 9.45, то есть его отослали через три часа *после* того, как в кустах был найден “моррис каули”. Письмо было от Агаты Кристи.

Кэмпбелл со спокойной душой оставил его на кабинетном столе, в вулвичской Королевской военной академии. Агата писала про обычные житейские дела. Писала, что неважно себя чувствует

и собирается на выходных в Йоркшир, немного отдохнуть и попить минеральной воды. О том, что невестка его пропала, Кэмпбелл узнал только в понедельник из газеты. Кстати, письмо куда-то подевалось, но он нашел конверт с почтовым штемпелем и отослал его Арчи, а тот сразу переслал конверт Кенуарду.

Доблестный полицейский понял, что, скорее всего, миссис Кристи жива и здорова и к тому же находится в Лондоне, то есть вне зоны его полномочий..

Во вторник Кенуард призвал в свой офис ясновидящую, мисс Райс-Джонсон, их приватная беседа длилась почти все утро. Сведения, полученные мисс из параллельных миров, были таковы: миссис Кристи найдут “в глухих зарослях у заброшенного пруда”. Вооружившись этой информацией, Кенуард решился устроить пресс-конференцию, где, опираясь на имеющиеся временные ориентиры, описал весьма затейливый маршрут, проделанный пропавшей.

… Миссис Кристи выехала из дома примерно в 22 часа; прибыв в Лондон, сразу или немного погодя отослала письмо своему деверю, капитану Кристи, на почтовом штемпеле означено время отправки: 9.45, то есть утро субботы.

Потом она буквально через несколько часов вернулась в Суррей, через деревню Шир выехала на шоссе Доркинг-Гилдфорд, на некотором расстоянии от Ньюлендз-Корнера. Там ее увидел… водитель, ехавший в западном направлении, в 3 часа утра.

В конце концов она достигла Ньюлендз-Корнера, где и оставила свой автомобиль, чтобы отправиться дальше пешком, и – заблудилась.

Во вторник в Ньюлендз-Корнер съехались корреспонденты, лондонские и местные, “Таймс”, “Дейли мейл”, “Дейли экспресс”, “Вестминстер газетт”, суррейская “Эдвертайзер”, “Дейли скетч”. Для них разбили специальную палатку, дабы пресса не мокла под моросящим дождем. Несколько десятков репортеров десантировались в Беркшире, в непосредственной близости от дома четы Кристи, соседи все громче возмущались: совсем не стало покоя от галдящих толп и машин.

Старший инспектор беркширской полиции, Чарльз Годдард, чья штаб-квартира располагалась в ближайшем округе "Мэркингем, приказал расставить посты подальше от Стайлза, а допрашивать Арчи (прямо в доме) он поручил сыщику в гражданском костюме. В отличие от своего суррейского коллеги Годдард с некоторым скепсисом относился к происходящему, как к затянувшемуся спектаклю. Он не сомневался в том, что

пропавшая жива, просто даме захотелось на какое-то время расстаться с мужем.

Однако же бдительности Годдард не терял. Он терпеливо наблюдал за Арчи, отмечая и его нарастающую нервозность, и нарочитую дерзость. Видимо, такова была реакция на незатихавшие, бурлящие сплетни. Кто-то из добровольцев-искателей неподалеку от Тихого пруда нашел туфлю, “похожую на те, которые были на миссис Кристи”. Поговаривали, будто у пропавшей был пистолет и, возможно, она покончила с собой. Кроме того, не нашли ее паспорт, и обнаружилось, что с ее счета была снята крупная сумма. Но для Арчи ужаснее было то, что на первой странице “Вестминстер газетт” среди множества обстоятельств, связанных с исчезновением миссис Кристи, один из репортеров отметил: “Полковник Кристи в пятницу вечером находился в *Хартмуре* (sic!), в уединенном уютном коттедже мистера и миссис Джеймс (в двух милях от Годалминга), там присутствовала еще одна гостья, мисс *Нильд* (sic!), молодая женщина, которая часто бывает у них дома”.

Как говорится, черным по белому, и теперь каждый мог это прочесть. Шрифт был мелким, но Арчи казалось, что сообщение сразу бросается в глаза, будто огромный хлесткий заголовок., вот он, первый намек на его незаконную связь. Раздвинув пальцем полоски жалюзи, полковник смотрел на толпу, собравшуюся за воротами, глазеющую, топочущую, непредсказуемую. А самым удручающим было даже не то, что он не знал, что именно успели нарыть писаки, а то, что он не мог просчитать, что они напишут.

Предвидя, что газетчики потребуют от него объяснений, Арчи сделал письменное заявление и попросил детектива в штатском передать сей документ представителям прессы. “От жены моей никаких вестей так и нет”, – писал он, присовокупив, что крайне вымотан и очень переживает. Он заверил, что у его жены никогда не было пистолета и она никогда не говорила о том, что хочет свести счеты с жизнью. Еще Арчи уточнил, что паспорт Агаты дома, на месте, и что денег с ее счетов никто не снимал – ни в Саннингдейле, ни в Торки.

Утром в среду Кенуард усилил поисковую группу тремя сотнями полицейских, в том числе опытными следопытами, “они, выстроившись в шеренгу, прощупывали длинными шестами густо заросшие вересковые пустоши, были там и собаки. Иногда полицейские окликали друг друга сквозь промозглый туман, клубы которого окутали вершины пологих холмов, а над головами искателей тарахтели самолеты, кружа над исследуемыми участками”.

Корреспондент из “Дейли кроникл”, узнав про письмо,

полученное Кэмпбеллом Кристи, отправился в Йоркшир и стал обходить курортные гостиницы Харрогейта. Он потратил на поиски целый день, но никаких сведений о писательнице так и не добыл.

В четверг же, по подсчетам журналистов, уже человек пятьсот вытаптывали растительность, рыская по округе. Но их усердие оказалось напрасным. Тем не менее Кенуард стоял на своем: “Разгадка тайны обнаружится в окрестностях Ньюлендз-Корнера, там, где миссис Кристи оставила свою машину”.

Арчи тайком присоединился к поисковой партии, взяв с собой пса Питера, который обнюхивал землю, пытаясь снова обрести свою хозяйку, но, увы, стараниями одного репортера обрел только новую кличку. “Сегодня в Ньюлендз-Корнер привезли любимого пса миссис Кристи, чтобы *Пэтси* (sic!) принял участие в поисках пропавшей хозяйки”, – писала “Дейли кроникл”.

Едва ли Пэтси догадывался, зачем его привезли сюда, он весело резвился на сельских просторах. Полковник Кристи присоединился к заместителю главного констебля Кенуарду и в течение трех часов помогал искать. Они вместе с Пэтси начали с того места, где была обнаружена машина Агаты Кристи, и тщательно обследовали берега Тихого пруда.

Очень немногие знали, что полковник Кристи тоже там, среди искателей, и что на поводке у него любимый терьер пропавшей.

Большие надежды возлагались именно на сегодняшнюю операцию, в которой было задействовано множество людских и технических ресурсов. Два аэроплана кружили над обыскиваемой территорией на предельно низкой высоте. Сквозь непроходимые заросли кустов и чащоб пробивался трактор, а искатели двигались по болотистым участкам, осматривали каждую впадину, каждую расселину. Но – никаких следов, никаких свидетельств того, что тут побывала миссис Кристи.

Вернувшись в Стайлз, Арчи обреченно бродил по этому огромному особняку, ему казалось, что он угодил в ловушку, газетчики не давали ему прохода и все чаще говорили о том, что это из-за него, такого-сякого, Агата Кристи покинула дом. Горничная Лили в подробностях описала этим стервятникам ту проклятую утреннюю ссору, а потом еще все прочитали его раздраженное письменное заявление, которое, по их мнению, свидетельствовало о виновности Арчи, а не о тревоге за жену. К тому же Лили упомянула второе письмо, адресованное мужу, то самое, которое он уничтожил и о существовании которого

полиция даже не подозревала.

В четверг вечером в полицейский участок Бэгшота прибыли мистер Кенуард и представитель старшего инспектора Годдарда, мистер Сидни Фрэнк Батлер. А спустя час туда был доставлен Арчи Кристи, которому был учинен допрос. Полковник был возмущен и отчаянно пытался объяснить, почему уничтожил письмо, которое теперь воспринималось как улика. Но чем усерднее он старался прояснить ситуацию, тем меньше стражи закона верили в его непричастность к случившемуся.

“Письмо ее касалось сугубо личных моментов, ни малейших намеков на то, что она задумала уйти из дому, – твердо сказал он. – Она должна была кое-что мне сказать, но я не могу и не стану это обсуждать. Уверен, что она написала его задолго до того, как собралась уйти из дому, до того, как обдумала этот уход”.

У выхода из участка Арчи обступили газетчики, не ведавшие о том, каким напряженным было его общение с представителями закона. Отогнав жестом назойливых корреспондентов, он сказал только одно: Кенуард обнародует его заявление. Однако же обычно словоохотливый служака категорически отказался комментировать только что состоявшийся разговор.

В пятницу, 10 декабря, лондонская “Дейли кро-никл” опубликовала заявление Арчи, сделанное, как там было написано, “от чистого сердца”.

“Не было никакой ссоры, – уверял мистер Кристи, надеясь пресечь сплетни о своих семейных раздорах. – Никаких обид и недоразумений относительно моих знакомых, она всех их отлично знала. В коттедже Джеймсов, в гости к которым я приехал в те выходные, я был до этого месяца три назад. Агата прекрасно знала, к кому я еду”.

О да, еще бы ей не знать, подумалось ему. Он постарался, чтобы она узнала. Его приговор их отношениям назревал постепенно, слова вырвались наружу, когда молчать уже не было сил. Пора было нажать на кнопки, свернуть в сторону, пока их брак не стал совсем жалким и унылым.

“Все у нас было нормально, никаких недоразумений”, – повторил он в заявлении то же самое, но несколько иначе, будто бы это могло прибавить его лжи достоверности. Однако, старательно убеждая, сам Арчи выглядел все менее убедительным. Полковнику Кристи важнее было не уронить себя в глазах общества, чем говорить правду, и это чувствовалось. В газетной вотчине на Флит-стрит умели добывать и анализировать факты, а факты подводили к мысли об убийстве.

“У меня в голове не укладывается, что миссис Кристи могла,

находясь в здравом уме, уехать от своей малышки, от Розалинды, которую она обожает, – недоумевала приятельница Агаты, беседуя с корреспондентом. – А если она действительно потеряла память и где-то там бродила, то почему никто ее не видел? Любой человек, и здоровый, и страдающий амнезией, нуждается в пище, и ему нужно где-то ночевать, сейчас все-таки зима".

Лондонский бизнесмен Себастиан Эрл, сотрудник Арчи, работавший с ним в "Рио Тинто Билдинг"[3], сообщил, что они как-то вместе ехали на лифте и коллега его был в ужасном настроении. "Он пожаловался, что полицейские следили за ним всю дорогу до офиса, а теперь стоят снаружи. "Они считают, что я убил свою жену", – сказал он".

Эдгар Уоллес, автор бесчисленных триллеров (который спустя шесть лет напишет сценарий для фильма "Кинг-Конг"), считал, что у происшествия есть вполне объяснимая подоплека. "Похоже, исчезновение было преднамеренным, – писал он в статье для "Дейли мейл". – Такова была кульминация затяжной депрессии, возникшей отнюдь не из-за спада в работе. Типичный образец "психологического давления" на кого-то, кто причинил ей боль. Грубо говоря, ей прежде всего хотелось насолить неведомому обидчику, которому ее исчезновение наверняка принесет массу неприятностей".

Дороти Сэйерс, автор популярных детективов, видевшаяся иногда с Агатой, тоже выстроила свою собственную теорию, приведя все возможные причины происшествия в интервью для "Дейли ньюс":

В случаях, подобных этому, можно выявить четыре причины: потеря памяти, намеренный розыгрыш, самоубийство или добровольное исчезновение.

Вариант первый, потеря памяти. Допущение весьма сомнительное, ибо в нашем распоряжении нет никакой существенной причины, "мотива" для подобного оборота событий. Принцип любого расследования таков: ищи улики, исходя из мотива. Теперь о добровольном исчезновении. Оно, знаете ли, вполне может быть искусной инсценировкой, а напустить таинственности и всех сбить с толку и со следа писательнице, мозг которой постоянно измышляет ловушки для читателя, не так уж сложно.

Дороти Сэйерс приехала в Ньюлендз-Корнер, по этому поводу грянули фанфары восхищения. Глянув на Тихий пруд, на окрестные холмы, по которым рыскали двуногие и четвероногие ищейки, Сэйерс с пророческой уверенностью изрекла: "Ее тут

нет”.

Нашлись и не согласные с ее мнением, среди них был наш доблестный служака Кенуард. Он никак не желал расставаться с версией убийства, наоборот, удвоил силы искателей, призвав на помощь общественность, ибо предстояло осмотреть еще триста акров диких зарослей и пустошей.

Двенадцатого декабря, под заголовком “Сегодня все ищут миссис Кристи”, газета “Санди пикториал” описывала это грандиозное действо. Казалось, огромная компания явилась на пикник, причем компания удивительно разношерстная: начиная от прислуги и заканчивая важными персонами. Тысячи любопытствующих откликнулись на мольбы Кенуарда, одетые как для загородной прогулки, в грубых башмаках, вооружившиеся тросточками.

“Дейли мейл” насчитала пять тысяч людей, а “Дейли кроникл” – все пятнадцать. Эта цифра была напечатана жирным шрифтом на первой полосе, а под ней строчка: “Добровольцев доставили на трех тысячах авто”.

Под покровом тумана бродили тысячи людей, и мужчины и женщины, многие производили осмотр, сидя верхом на лошадях.

Шестеро псов-ищеек помогали следопытам. Но кроме этих, так сказать, профессионалов в поисках принимали участие и представители других пород. Немецкие овчарки, колли, терьеры и даже крохотные моськи пробирались вместе с хозяевами сквозь густой подлесок и сквозь бурые разросшиеся папоротники, брели по диким пустошам, карабкались по холмам и спускались к долинам, плутали в тумане и во мраке чащоб. Суррейская полиция у же потратила на поиски тысячу фунтов.

Сэр Артур Конан Дойл, подаривший миру Шерлока Холмса, пламенный проповедник спиритизма, попросил прислать ему перчатку Агаты Кристи, надеясь, что ее вещь поможет определить, где она. В 1902 году Конан Дойл был удостоен почетной должности помощника мирового судьи (лорд-лейтенаната) в графстве Суррей. Спиритизмом он увлекся после того, как умерла его первая жена и погиб на войне старший сын. Сэр Конан Дойл вместе со своим медиумом Хорэсом Лифом ездил по миру с лекциями о спиритизме.

Мистеру Лифу дали перчатку Агаты и попросили узнать, где сейчас пропавшая: на *том* свете или на *этом*. В письме в редакцию лондонской “Морнинг пост” Конан Дойл сообщил: Лиф считает, что Агата найдется, и очень скоро. “Я отдал ему перчатку, но не сказал, чья она, и не сказал, что именно хочу

узнать; медиум никогда не видел эту перчатку раньше. Я положил ее на стол непосредственно перед сеансом, он знать не знал, что меня интересует что-то, связанное с исчезновением миссис Кристи. Это *опознание* проводилось в последнее воскресенье. Мистер Лиф сразу назвал имя Агата".

"Этот предмет говорит о некой тревожной ситуации, – пророчествовал Лиф. – Его обладательница в активном состоянии, но сознание ее несколько затуманено. Однако она не умерла, как многие думают. Она жива. Вы узнаете, где она, полагаю, в ближайшую среду".

В понедельник, тринадцатого декабря, свои услуги предложили аквалангисты из фирмы "Сиб Горман и компания", производящей оборудование для подводников. Они вызвались исследовать все окрестные пруды, Кенуард, разумеется, ухватился за это предложение. Одлерский клуб мотоциклистов тоже рвался помочь, восемь его членов готовы были бесплатно прочесать на своих мотоциклах близлежащую территорию. За неимением существенных новостей Кенуард был рад предложить журналистам на очередной пресс-конференции хотя бы эту информацию.

Результаты воскресной "большой охоты" были смехотворны: перепачканные грязью ботинки и казус с одним пожилым следопытом, который едва не утонул в трясине, – вот и все события. Разочарованные журналисты, призвав на помощь воображение, стали плести новую интригу. Придумали, что Агата скрывается от уважаемой публики, переодевшись в мужской костюм или в какой-нибудь еще, чтобы ее не узнали. Но было очевидно, что устраивать подобный маскарад глупо и вряд ли писательница на такое пошла бы.

Потом обнаружили на далекой пустоши некий "охотничий домик", который тут же был представлен как "загадочный волшебный домик, точь-в-точь зловещее лесное пристанище гриммовских Гензеля и Гретель, только затеряно оно среди суррейских холмов". У этого бунгало с тремя комнатами имелся владелец, майор Уильям Эллис, имелось и название, "Степлдаун", но журналистам вздумалось объявить домик идеальным укрытием для потерявшейся писательницы. На первой странице "Вестминстер газетт" корреспондент подробно описывал обнаруженные в этой хижине "свидетельства пребывания".

"Пустой пузырек синего цвета на двадцать унций, надпись на ярлычке: "яд, свинец и опиум". Почтовая открытка (содержание нам неизвестно – ВГ). Женское велюровое пальто, отороченное мехом. Пудреница. Кусок батона. Картонная коробка с адресами в городах Клэндон и Твайфорд. Детские книжки "Солнечный луч" и

“Плюшевый заяц”. Обуглившиеся поленья в камине и прочие приметы того, что в доме совсем недавно кто-то жил”. Явно несколько преувеличивая, автор заметки добавил: “Во всем Суррее не найти более глухого места и более надежного убежища, к нему ведет лабиринт из еле заметных лесных тропок, настолько запутанных, что человеку, не знающему хорошо дороги, туда не добраться”.

Кенуард без всяких на то оснований продолжал твердить: “Миссис Кристи точно не в Лондоне. Ее найдут здесь, на территории Даунса. Это не голословная версия. Я исхожу из того, что мне известно”.

Но какие бы убедительные слова ни произносил этот пышноусый слуга закона, он и сам не слишком в них верил. Предстояло прозондировать еще несколько десятков акров пустующей земли, однако Кенуард прекрасно понимал, что самые вероятные для страшной находки участки уже тщательнейшим образом осмотрены. А тут еще позвонил старший инспектор Гилберт Макдауолл, из Западного подразделения конной полиции, сказал, что миссис Кристи, кажется, нашли.

Надо сказать, сообщение о том, что миссис Кристи обнаружена, суррейской полиции было не в новинку, иногда за день звонили человек двенадцать. Например, вчера утром ее увидела одна дама, ехавшая на поезде из Ватерлоо в Эгхем. “Подозреваемую” вызвали; оказалось, что волосы у нее светло-русые, а не рыжие, что ей двадцать два, а не тридцать шесть, что рост у нее пять футов и пять дюймов – пять, а не семь. Мейбл Краст, дочь местного лавочника. Молодая особа была возмущена и грозилась подать в суд на полицейских города Раннимида за незаконное преследование.

В общем, когда Макдауолл попросил помочь опознать очередную миссис Кристи, Кенуард отнесся к этому спокойно, как к чему-то несерьезному.

Заместитель главного констебля уже привычно наслаждался славой, настолько яркой, что он уже даже не помышлял о том, что придется с кем-нибудь ее делить. Да-да, он и вообразить не мог, что с ним будут соперничать какие-то прикурортные полицейские из Северного Йоркшира.

А там, в городке Харрогейт, произошло вот что. Однажды саксофонист Боб Лиминг и ударник Боб Таппин, подрабатывавшие по вечерам в Танцевальном оркестре Гарри Кодда, заметили в толпе постояльцев знакомое лицо. Играли они в тот вечер в танцевальном зале гостиницы “Гидро” при городской водолечебнице. Признав в одной из дам Агату Кристи, два Боба тут же позвонили в Западную конную полицию, надеясь

получить сто фунтов, обещанные газетой “Дейли ньюс”.

Известный еще с шестнадцатого века своими целительными серными источниками, Харрогейт был излюбленным местом отдыха богачей и знаменитостей. Эти баловни судьбы и общества весьма ревностно оберегали свою частную жизнь, не терпели вторжения в нее. Испугавшись возможной ошибки, которая привела бы к неминуемому скандалу, Макдауолл попросил Кенуарда оказать содействие. Но только после второго звонка коллеги, утром четырнадцатого декабря, Кенуард решился потревожить звонком Карло Фишер, и та тут же позвонила Арчи Кристи в его лондонский офис.

Полковника уговорили поехать в Харрогейт на поезде, который в час сорок отходил от вокзала Кингс-кросс. Арчи прибыл в город, когда только-только зашло солнце, огромные щеголеватые сады вокруг солидного и уютного здания гостиницы “Гидро” погрузились в розовато-лиловые зимние сумерки. На станции мистера Кристи встретил старший инспектор Макдауолл и препроводил в гостиницу. Арчи вошел в роскошный стильный вестибюль, с пальмами в кадках и бельгийским ковром. Он уселся в дальнем углу, раскрыв газету, которая почти целиком загородила его лицо. Он глянул на первую страницу, и над верхней губой проступили капельки пота… там было фото женщины, которую искали.

На лестнице раздалось легкое шуршание: по широким ступеням спускалась высокая рыжеволосая дама. На ней было легкое платье из нежно-розового, с янтарным оттенком, креп-жоржета. На голые плечи была накинута шелковая шаль, дама шла уверенной походкой, ни от кого не прячась, грациозная, как юная девушка, впервые оказавшаяся на балу. Она была прекрасна, совсем как в былые времена. Окинув взглядом вестибюль, Агата сразу заметила мужа.

Арчи поднялся, и она двинулась прямо к нему, ловко лавируя среди толпы постояльцев, направлявшихся в обеденный зал.

“Привет, – сказала Агата, протягивая ему руку. – Моя фамилия Нил. Миссис Тереза Нил”.

Глава первая
У миссис Миллер родилась вторая дочь

Думаю, счастливое детство – одна из самых больших удач в нашей жизни.

У меня было очень счастливое детство.

Агата Кристи. Автобиография

21 ФЕВРАЛЯ 1890. Когда миссис Фредерик Эльва Миллер (для друзей просто Клара) обнаружила той зимой, что беременна, то сразу приказала кухарке подавать сливки к каждой трапезе. Клара знала, что требуется женщине в интересном положении. Одиннадцать лет назад она произвела на свет Маргарет, которую называла Мэдж. Через год родился Луис Монтан, Монти. Она и тогда облегчала себе тяготы беременности сливками, они упреждали и всякие осложнения, так ей казалось. А сейчас ей уже тридцать шесть, она женщина опытная. Да, пусть на столе всегда будут сливки.

Ее собственная мать, Мэри Энн, родила пятерых: четырех сыновей и одну-единственную дочку. Отец Клары, Фредерик Бомер, капитан армии, умер, когда ей было всего девять лет, расшибся насмерть, упав с лошади. Средств у семьи почти не было, и вдова отправила дочь к богатой родственнице, тете Маргарет, старшей сестре своей матери. Жила тетя в Бейсуотере, это западный пригород Лондона.

Маргарет в то время только что вышла замуж за пожилого вдовца Натаниеля Фрэри Миллера. Этот удачливый американский бизнесмен переехал в Англию и обосновался в Чеширском графстве, ближе к южной границе с Манчестером, в огромном доме. У мистера Миллера был собственный, взрослый уже, сын Фред, оставшийся в Америке. Потому он обрадовался, что в доме снова появится ребенок, и принял Клару как родную дочь.

В девять лет непросто переносить столь резкие перемены. Бедная девочка оказалась в чужом доме, с незнакомцем-дядей, да и с тетушкой она прежде виделась довольно редко. Что и говорить, дом был роскошным, но Клара скучала по родным, по

привычному и теплому мирку, до которого теперь было целых двести миль. Тогда довольно часто детей отсылали к более обеспеченным родственникам, чтобы проще было сводить концы с концами. Разумеется, девочке оттого, что “все так делают”, было не легче. Шли годы, Клара чувствовала себя одинокой и незащищенной и поэтому старалась прятаться от действительности в мечтах, а воображение у нее было пылкое.

Но случались и в реальной жизни счастливые моменты, особенно когда приезжал на каникулы Фредерик, сынок дяди Натаниеля. Фред был старше Клары на девять лет, весельчак, каких поискать, неистощимый на выдумки повеса. Так и сыпал забавными историями. Кузен был хорош собой, и столько в нем было огня, живости, что Кларе он казался сказочным принцем. Он рассказывал про свою нью-йоркскую жизнь, про Калифорнию, про озорной, искрометный Париж, рассказывал с очаровательной юношеской беспечностью и самоуверенностью, ведь принцу было всего семнадцать.

Учился Фред Миллер в Швейцарии, в закрытой школе. Закончив ее, вернулся в манхэттенский дом, к деду с бабкой. Его пригласили стать членом весьма престижного клуба, “Юнион-клаб”, где ему, между прочим, доводилось насладиться сигарой в обществе Уильяма Астора (отпрыска крупнейшего миллионера), равно как и в обществе прочих представителей элиты. Трудолюбием он не отличался, однако был честолюбив и чрезвычайно гордился тем, что попал в “Светский альманах”[4]. У него были мускулистые, как у фермера, руки, хотя спортом он почти не занимался, атлетическую фигуру Фред унаследовал от предков. Спал допоздна, остаток дня проводил в приятном безделье. В викторианской Англии так сибаритствовали все его сверстники, которым посчастливилось родиться в богатой семье.

Молодые люди из его окружения не думали о завтрашнем дне, их полностью обеспечивала родня, снабжала деньгами и для насущных нужд, и для развлечений, джентльмену работать не полагалось. У светской жизни свой распорядок, свои обычаи. Сегодня одна вечеринка, завтра другая, гостевые домики, загородные коттеджи. К шестнадцати годам молодой Миллер обзавелся четырьмя смокингами. В семнадцать повстречался с первой своей возлюбленной, молоденькой дебютанткой, что не мешало ему неделями гостить в загородном имении “Бэтгейт”, у “короля Уолл-стрит” Леонарда Джерома, у этого ворочавшего миллионами финансиста, и не просто гостить, но и ухаживать за его дочерью Дженни. За той самой красавицей, которая впоследствии станет женой герцога Рэндольфа Черчилля и матерью герцога Уинстона Черчилля.

Незаметно пролетали годы, но Фред с неизменной теплотой относился к юной кузине, жившей за океаном, и однажды прислал ей в подарок томик стихов Роберта Саути с надписью: “Кларе в знак любви”. *Любви.* Это слово заставило ее сердце биться сильнее, она, как и всякая девочка, надеялась, что ее когда-нибудь полюбят, пылко и преданно. О такой любви пишут в книгах, именно о такой она мечтала. Получив подарок, Клара завела особую тетрадку, куда записывала все невысказанные изъявления сердечной нежности, объектом которой был mon cousin merveilleux[5]. Семь лет ее тайная влюбленность прорывалась в стихах и сонетах. Время от времени она переплетала листочки с виршами, делала нарядные обложки, на которых золотыми буквами писала заветное имя, “ФРЕДЕРИК”.

А он радовался жизни в далекой Америке, флиртовал с девушками из высшего общества, все искусней очаровывал светских приятелей своими забавными рассказами. Только в двадцать два года Фред впервые осознал, что пора бы остепениться, и то лишь после откровенного разговора с отцом, у которого к тому времени начались серьезные нелады с сердцем. Но пройдет еще восемь лет, прежде чем он в конце концов предложит Кларе Бомер стать его женой. Свершилось это в сентябре 1877 года. Клара сразу испуганно выпалила “нет”, убежденная, что она “слишком скучная особа”, совсем не пара гуляке и дамскому угоднику. Так и сказала.

“Как жаль, что я не красавица”, – подумала тогда Клара. Ей очень хотелось ответить “да” и крепко обнять этого мужчину, о котором она мечтала целых двенадцать лет. Но – лишь пожала ему руку и ушла в свою комнату и там уже дала волю слезам.

Фред был растерян и удивлен, но отказ только сильнее разжег его пыл и упрямство. Он предпринял еще несколько довольно неуклюжих попыток добиться ее руки. Наконец Клара согласилась, убедившись, что Фредерик действительно ею дорожит и что можно верить его обещанию “любить и беречь свою единственную”.

Поженились они в апреле 1878-го, в Чешире, медовый месяц провели в Швейцарии, несколько месяцев пробыли у овдовевшей к тому времени Маргарет, ну а потом началась самостоятельная семейная жизнь. Они сняли меблированную квартиру в Торки. Это весьма известный морской курорт на южном побережье, прозванный Британской Ривьерой. Благодатное место для скучающих аристократов и состоятельных иностранцев, желавших транжирить время и деньги в престижном и завидном антураже.

Редьярд Киплинг в одном письме своему другу, профессору Чарльзу Элиоту Нортону (который преподавал в Гарварде

историю искусства), как-то обмолвился: “Торки такое место, которое просто провоцирует на дерзкие выходки. Хорошо бы, скажем, пройтись по нему, нацепив на себя очки, и ничего больше. Виллы, подстриженные живые изгороди, выбритые газоны. Дебелые пожилые дамы в респираторах, восседающие в обширных ландо. Рядом с ними сам Всемогущий Господь будет выглядеть беспутным вертопрахом”.

Супруги потом всю жизнь будут тепло вспоминать свой первый дом, и с особой нежностью узенькую застекленную веранду, выходившую на бухту Торбей. Веранда была невелика, больше похожа на лоджию, но там помещались несколько кадок с пальмами и кресла-качалки. Клара полюбила этот уголок, подолгу там сиживала, пока ее муж играл с друзьями в вист в Королевском яхт-клубе.

На свет появилась Мэдж, которую Фредерик иногда дразнил Маджулей-грязнулей, а через несколько месяцев Клара поняла, что опять беременна, и стала уговаривать мужа свозить ее в Америку. Надо же было наконец познакомиться с новыми родственниками и взглянуть на недвижимость, которую Фред получил в наследство от отца, а получил он обширные владения. Манхэттен показался Кларе “очень шумным, и дома там какие-то ненормальные”. Зато великолепные магазины на “Дамской миле”[6] очень ей нравились. В огромной, крытой железом мансарде магазина “Лорд энд Тейлор” можно было перекусить, Клара ела огромные сэндвичи, прослоенные кресс-салатом. Приятели Фреда были в восхищении: какая молодчина! У нее маленькая дочь, она ждет второго ребенка, и еще остаются силы на магазины. Редкую выносливость и житейскую хватку молоденькая миссис Миллер в полной мере продемонстрировала позже, когда семейство в сентябре 1880-го вернулось в Торки, уже с младенцем Монти.

Вернулись, и почти сразу Фредерику пришлось снова уехать в Нью-Йорк: призывали дела. Кларе самой пришлось спешно подыскивать новое жилье, поскольку в прежних апартаментах поселилась известная русская оперная певица вместе со своим застенчивым и скромным мужем.

Из Манчестера примчалась на поезде тетя Маргарет, они вдвоем с Кларой осмотрели почти сорок домов, но везде что-нибудь было не так. Приглянулся лишь Эшфилд на улице Бартон-роуд, расположенной высоко над портом.

Эта большая вилла из дерева, покрытого штукатуркой, принадлежала семье квакеров, Браунам. Они прожили там не один десяток лет, но, когда дети выросли и разъехались, супруги надумали продать свой Эшфилд и перебраться в Лондон. Брауны

запросили две тысячи фунтов, Клара тут же согласилась и выплатила всю сумму, воспользовавшись деньгами, оставленными ей дядюшкой Натаниелем. Мужу она решила ничего не говорить, а поставить его перед свершившимся фактом: дом куплен, нравится это ему или нет.

“Дорогая моя, я счастлива, что здесь будете жить вы и ваши дети”, – сказала Кларе миссис Браун. Новая хозяйка Эшфилда была на седьмом небе, услышав такие слова.

Дом стоял в стороне от дороги, вокруг аккуратные аллеи, пологие лужайки, за ними ясеневая роща. Рядом с рощей теннисный корт и площадка для игры в крокет. В саду множество вазонов с тюльпанами, нарциссами и бархатцами, расставленных на гравиевых площадках. Высокое крыльцо надежно укрыто от полуденного солнца вьюнком “ползучая смоковница” с чрезвычайно плотными и густыми листочками. Вдоль одной стены огромная веранда, к другой примыкала теплица, чуть меньше веранды, ее в основном использовали как сарай, а сажали там что-то от случая к случаю.

Кроме основной гостиной имелась и малая, библиотека, столовая, бильярдная комната, бальная зала. На нижнем этаже кладовка для вещей, кладовка для съестных припасов, кухня (весьма просторная, даже по викторианским понятиям). На кухне главной была Джейн Роу. Джейн оказалась истинным сокровищем. Мало того что она безропотно готовила еду на восемь – десять человек, но еще умела изобрести что-то необыкновенное, знала множество рецептов. Печь топили углем, на ней помещалось сразу шесть кастрюль, еще у плиты имелся бойлер для нагрева воды и духовка. В этой духовке хорошо пропекались “камешки” – печенье, и впрямь похожее на камни, но восхитительно нежное и рассыпчатое.

Как только Фредерик Миллер вернулся в Торки, жена предъявила ему сюрприз: теперь у него имелась собственная просторная спальня и собственная гардеробная. Там же, наверху, были детские спальни, и у Монти, и у Мэдж. Внизу, рядом с холлом, игровая комнатка, совсем небольшая, поэтому классная комната с пианино, на третьем этаже, постоянно превращалась либо в крепость, либо во дворец, смотря какая на повестке дня бывала игра.

Самая большая спальня безоговорочно была отдана Кларе. Спустя десять лет она проведет тут две недели в ожидании знаменательного события. Из Лондона тогда снова примчалась на поезде верная тетя Маргарет помочь с приготовлениями, которыми руководила акушерка миссис Шелтон-Прайс. Согласно квитку об оплате, за свои услуги она получила крону и десять

шиллингов, после того как в понедельник, 15 сентября 1890 года, в 14.14 появилась на свет Агата Мэри Кларисса Миллер. Имя Кларисса было дано новорожденной в честь самой Клары, Мэри – в честь матери Клары, Агата – в честь героини книги Дины Марии Мьюлок. В ту пору ее роман “Муж Агаты” был у миссис Миллер самым любимым.

Дети отнеслись к появлению сестренки довольно сдержанно и даже настороженно, зато отец их ликовал и устроил пышное торжество. Двери были распахнуты для всех. В доме собрались и соседи, и местные “отцы церкви”, и несколько директоров частных школ, на тот момент самых лучших в Торки.

Пухленькая светловолосая крошка с голубоватосерыми глазами сразу стала любимицей Клары. Она так ее обожала, что целых полтора месяца не желала брать няню, хотя в их кругу, в кругу зажиточного среднего класса, это было делом обыкновенным.

Когда Агате исполнилось два месяца, в дом все же была приглашена Няня. Теперь Клару избавили почти от всех хлопот по уходу, но в три часа она обязательно шла в детскую поиграть с малышкой. Ритуал, строго соблюдавшийся на протяжении пяти лет. Клара очень дорожила этими минутами общения с дочкой, пожалуй, с каждым годом все сильнее.

Но Клара появлялась в детской уже днем, и большую часть времени девочка проводила, разумеется, с Няней. Когда Агата научилась ходить и стала энергично осваивать неведомое пространство, при ней неотлучно бывала ее круглолицая морщинистая наставница в накрахмаленном батистовом чепце. Вместе с Няней она, сладко замирая от страха, бегала по напоминающим детскую “горку” пологим лужайкам Эшфилда. Бегала, конечно, только Агата, а страдавшая ревматизмом Няня сидела в сторонке, не сводя с подопечной своего зоркого, все подмечавшего взгляда. Подопечная подрастала, превращаясь из пухлого карапуза в высокую тоненькую девчушку. Агате повезло. Вокруг было приволье, благословенный мир природы, даривший каждый день какие-то открытия: дупло на дереве, первые летние цветы, кусочек кожицы с черепашьего хвоста, оброненный во время линьки.

В двенадцать лет Мэдж отправили на учебу в Брайтон, в школу-пансион мисс Лоуренс. А одиннадцатилетнего Монти отвезли в Лондон, в престижнейшую закрытую школу “Харроу”. Так Агата осталась одна, но в этом, оказывается, имелись и некоторые преимущества. Одиноко ей совсем не было, ее обожали слуги, ее обожали родители. Клара умела придумывать замечательные истории. И когда Агата научилась говорить, то,

естественно, стала соавтором этих историй. Мать и дочь экспромтом изобретали всякие чудеса и дальнейшие перипетии, мелочей в столь важном деле не существовало. А после Агата как бы приняла у матери эстафету. Когда ей приходилось впоследствии оставаться одной, она уже сама стала придумывать сказки.

Дети часто утешают себя обществом воображаемых друзей. Агата исхитрялась нафантазировать целые семейства. Первыми из тех персонажей, которые ей запомнились, были “Котята”, у каждого было человечье имя и вполне человечьи замашки. Потом появились гладиаторы, похожие на викингов, дальше – рыцари Круглого стола, впрочем, иногда рыцари были вынуждены довольствоваться и обычным квадратным столом.

В этих историях были задействованы и домашние животные. Первым актером в разыгрываемых спектаклях стал ярко-желтый кенарь Голди, который был наречен “господином Дики”. Второй театральной звездой был Джордж Вашингтон, четырехмесячный йоркширский терьер, подарок от папы на пять лет. Но вообще-то все называли его просто Тони. Терьера наряжали то в ленты и банты, то в шляпы и “шлемы”, в зависимости от того, куда благородный рыцарь держал путь: на бал или на битву.

В бильярдной стояла низенькая круглая емкость с карпами, которых Агата воспринимала скорее как украшение, чем что-то живое. Она называла всех их сразу миссис Фиш, видимо, ей трудно было в сгрудившейся стае различать отдельных рыб, то их бывало много-много, то почти все куда-то вдруг исчезали.

Всеобщим любимцем был денди-динмонт-терьер Скотти, хозяином его числился Монти. Этот смешной кудлатый пес часто разгуливал по большой гостиной, лапы короткие, шерсть длинная, заодно протирал ею пыльный пол: комнатой редко пользовались. Агата родилась, когда Скотти было десять лет, а еще через пять он угодил под опрокинувшуюся повозку продавца горшков и щеток. Безутешный Монти похоронил его на заднем дворе, где покоились все жившие когда-то в Эшфилде звери. Агата горевала даже сильнее Монти и требовала, чтобы все слуги надели траурные повязки.

За год до трагедии Фредерик попросил местного художника Н.Х.Дж. Бэрда нарисовать Скотти. Агата настояла, чтобы этот портрет завесили черной тканью. Позже Бэрд напишет портреты всей семьи, в том числе и Нянин. Но портрет Скотти так и останется для Агаты особым. Это символ утраты любимого существа. Напоминание о первой на ее веку семейной трагедии. Портрет-память.

А потом девочку вдруг стали одолевать кошмары: ей

постоянно снился незнакомец с ледяными голубыми глазами, он загадочно улыбался, и в руке у него был пистолет. Она так его и называла: “Человек с пистолетом”. Этот злодей так бедняжку запугал, что она просила Няню не гасить газовую лампу и оставлять окно приоткрытым, чтобы можно было глотнуть свежего воздуха, когда от страха перехватывало горло.

В тот же период Агата полюбила моменты, которые называла потом “моментами уединенья”, это когда ей разрешали одной гулять в саду, где можно было дать волю своей фантазии. Отважные детские шалости были не в ее духе, она предпочитала постигать вещи, а не ломать их. Залезть на ветку какого-нибудь высокого дерева и о чем-нибудь поразмышлять – вот что ей нравилось. Кстати, самой любимой была огромная пихта, “дерево Мэдж”, так его назвала когда-то сама Мэдж. Был на этой пихте удобно изогнутый сук, широкий, как скамейка, устланный опавшей хвоей, надежно защищенный ветками с гроздьями шишек.

Укрывшись за роскошной живой завесой, Агата неутомимо придумывала умопомрачительные приключения, где героям приходилось, рискуя жизнью, покорять неведомые земли. То, что пространство ее жизни ограничивалось пределами Торки, значения не имело. Главное, что сам образ жизни маленькой Агаты способствовал развитию воображения, к ее услугам был целый мир волшебства, где она была королевой. Чудесный мир, созданный ее матерью.

Выше упоминалось уже, что Агате сызмальства рассказывали замечательные истории, какие-то из жизни, чаще выдуманные, но в каждой прямо или косвенно утверждалось, что добро непременно побеждает зло.

Няня тоже знала сказки, но у нее в запасе было примерно полдюжины, и она повторяла их снова и снова, на прогулках или укладывая Агату спать. А вот у Клары сказки всякий раз бывали новыми. Правда, она их мгновенно забывала, но ей ничего не стоило придумать очередную, сюжеты и вдохновение дарила сама жизнь. В повествование тут же попадал паук, пробежавший по столу, и свеча на окне… да что угодно, мышь, апельсин, дверь, которая, оказывается, умела читать чужие мысли!

Агата, затаив дыхание, ловила каждую фразу, точнее, каждое слово, потому что мама иногда умолкала на середине предложения, ведь приходилось на ходу придумывать сюжет. Агата дергала ее за юбку, умоляя рассказать, что же было дальше. К тому моменту, когда история наконец завершалась, Агату уже обуревало множество вопросов и собственных предположений, которые потом помогали ей сочинить иную, более полную версию

маминой сказки; разумеется, сие таинство происходило в “момент уединения” под ветвями великанши-пихты.

Старшие брат и сестра учились в других городах, ровесников, товарищей для игр, по соседству не оказалось. Поэтому единственным утешителем, другом и собеседником маленькой Агаты стало ее собственное воображение. И еще она продемонстрировала необыкновенные способности: в свои пять лет научилась читать, сама, без всякой помощи!

Почему вдруг Клара решила, что не стоит младшую дочку учить чтению раньше восьми лет? Об этом домашние предания умалчивают. Известно только, что миссис Миллер всегда руководствовалась своей интуицией, уверенная в собственной правоте. Теперь ей казалось, что чтение испортит ребенку глаза. И переубедить ее было невозможно, хотя старших детей она приобщила к чтению, едва те научились держать в руках книгу.

Запрет на чтение был не единственным. Когда Клара лежала в гостиной на кушетке, набираясь сил после родов, ее порой озаряли и другие истины. Например, эта: нельзя отдавать ребенка в руки учителей, которые нещадно муштруют своих несчастных питомцев. А еще она распорядилась, чтобы Агату обували в высокие, туго зашнурованные ботинки (чтобы ножки были прямыми), платья, напротив, были свободными, чтобы не мешали росту, а на улицу ее выводили непременно в соломенной шляпке или в панаме, солнце ведь такое коварное.

Итак, Няне был дан строгий наказ: книги убирать подальше, чтобы Агата не могла до них добраться. Легко сказать, ведь в Эшфилде было море книг, кругом полки, полки, да еще целая библиотека, в основном с античной литературой, которую Фредерик очень любил. И вот однажды Агата забрела в тесную кладовку при классной комнате, где и обнаружила книжку, то есть восхитительный запретный плод: “Ангел любви” детской писательницы Л.Т. Мид, эту историю для юных барышень Монти подарил в 1885 году Мэдж на Рождество.

Спрятав добычу под длинным шерстяным жилетом, Агата прошмыгнула мимо классной, спустилась в холл, тихонечко прошла мимо комнаты, где прилегла поспать Клара, потом юркнула в дверь рядом с буфетной и на цыпочках прокралась к выходу. А оттуда – уже бегом на поляну, к “дереву Мэдж”. Свидетелем преступления был только терьерчик Тони, весело несшийся следом, уверенный, что хозяйка придумала для него новую игру. Но как только Агата расположилась на ветке и раскрыла толстую, в двести страниц, книжку, все игры были забыты. Она водила пальцем по строчкам, пытаясь осилить слова.

Ее “страшную тайну” еще долго бы никто не узнал, но месяца

через два-три Няня зачем-то подошла к этой пихте и услышала… голос Агаты, рассказывавшей самой себе про какую-то школьницу. Она ее окликнула, и из гущи ветвей на перепуганную нянюшку свалилась книга, а потом выпрыгнула и сама Агата. Вид у этой негодницы был виноватый, но и очень довольный. Девчушка скакала вокруг Няни с ликующими воплями:

– А я умею читать, а я умею читать!

В тот же день Няне пришлось сообщить печальную новость хозяйке.

– Боюсь, мэм, мисс Агата все ж таки выучилась читать, – скорбным голосом доложила она, протягивая Кларе изрядно потрепанную книжку.

Клара изумилась, потом подняла руки вверх, сдаваясь. И велела принести в классную комнату книги, всякие, и старые, и новые.

– Раз Агата умеет читать, пусть читает что хочет.

Мама разрешила, и пятилетняя Агата вскоре читала запоем, открывая для себя новые миры. Книг было столько, что она даже не успевала испугаться обилию незнакомых слов и понятий, главное —*успеть* все прочесть и постичь. Специальные книжки для малышей она вообще не раскрывала, сразу набросившись на романы Диккенса, на истории Эдгара По, на Льюиса Кэрролла и Киплинга. Агате очень полюбились книги Мэри Луизы Моулсворт, которую тогда называли “Джейн Остин для детской”, она по нескольку раз их перечитывала: “Часы с кукушкой”, “Расскажи мне сказку”, “Комната с гобеленом”, “Резные львы”.

Читать было гораздо проще, чем выводить буквы и цифры. У Агаты не хватало терпения, Няня так медленно диктовала, такие долгие делала паузы. Вскоре учительские полномочия были переданы мистеру Миллеру. Он занимался с ней по часу в день, сразу после завтрака и вечером, перед тем как отправиться в клуб. Она послушно усаживалась на широкие колени уже погрузневшего отца, касаясь затылком его бороды, пахнувшей табаком и еще почему-то мокрыми хризантемами.

Да, в конце концов, уроки чистописания и арифметики проводил отец, он сам и писал и считал отлично, к тому же умел заинтересовать Агату, используя “пособия” из реальной домашней жизни. Например, копии заполненных от руки квитанций из мебельного магазина вмиг стали подспорьем в сложении и вычитании.

По окончании школы Мэдж отправили на девять месяцев в Париж (для окончательной “шлифовки”). Оттуда она привезла сестренке учебник французского языка для начинающих Le Petit Precepteur (“Маленький учитель”). Мэдж, и прежде-то очень

милая и живая, теперь обрела парижский шик и грацию. Ее преображение взбудоражило весь Торки, внимания остроумной, очаровательной Мэдж стали добиваться многие молодые холостяки.

Когда сестра вернулась домой, Агата в первый момент даже ее не узнала, но не сомневалась, что со временем обязательно и сама станет такой.

“Помню, с каким волнением я смотрела, как она выходит из кеба. В кокетливой соломенной шляпке, отделанной белой вуалью с черными мушками, она показалась мне прекрасной незнакомкой”.

Мэдж напропалую сыпала французскими словечками и остротами. Агату она стала называть ma petite poulette[7] и взялась учить ее французскому, руководствуясь привезенным учебником. Собственно, с этого и началась их дружба, на всю жизнь.

По тогдашним правилам Мэдж полагалось уже вывозить в свет, а достойное общество, считал ее папа, можно найти только в Нью-Йорке. Поездка туда стоила бешеных денег, но ради дочери Фредерик Миллер готов был на траты, поэтому в начале 1896 года часть семьи отбыла в Америку. Под руководством Клары и благодаря материальной поддержке Фредерика Мэдж вела бурную жизнь: балы, приемы, званые обеды, по вечерам опера или театр.

Агата, пока их не было, оставалась на попечении тети Маргарет, которая приходилась ей двоюродной бабушкой, поэтому она звала ее *Тетушкой-Бабушкой.* В 1869 году овдовевшая Тетушка-Бабушка переехала из Чешира в Илинг, который впоследствии превратится в престижный лондонский пригород. Агата подолгу гостила в ее огромном особняке – вместе с матерью, которая тревожилась за старушку, постоянно недомогавшую. Агате казалось, что время там замирает, дни незаметно сливаются в недели, монотонные, похожие один на другой, покойно-безмятежные.

Каждое утро Тетушка-Бабушка с удовольствием встречала в своей спальне Агату, появлявшуюся вместе с лучами солнца. И тогда раздвигались длинные шторки, свисавшие из-под балдахина, открывая ложе с четырьмя столбцами и горой перин и подушек. Комната была пропитана запахом лаванды, а от огромного мраморного камина тянуло застарелым дымом, повсюду лежали стопки писчей бумаги, рядом с ними теснились безделушки.

Тетин дом не очень-то годился для детских игр, но зато там было много всяких ниш, неизведанных закутков, это же

замечательно! Там легко было представить, что ты в замке, а назавтра замок превращался в мощный галеон. В этом доме реальность всегда граничила с волшебством. Агата позже говорила, что он был “наполнен романтикой дальних стран”.

Тетушка-Бабушка всегда носила черные платья, приличествующие статусу вдовы: строгий фасон, ворот застегнут до самого горла, длинный подол, почти целиком прикрывавший лодыжки. Каждое воскресенье приезжала Мэри, родная бабушка Агаты, которую она называла Бабушкой Б. (то есть Бомер), перед обильным чинным обедом она тоже наряжалась в черное. Бабушка Б. с годами сильно раздалась, и от этих воскресных трапез становилась все пышнее.

“Огромный кусок запеченного мяса, вишневый торт с кремом, головка сыра и, наконец, десерт на чудесных тарелочках из праздничного сервиза” – вот некоторые блюда из воскресного меню, упомянутые в “Автобиографии”.

Обед подавали ровно в половине третьего. К этому моменту бабушки непременно завершали свои расчеты за минувшую неделю: Маргарет отдавала сестре деньги за всякие мелкие услуги и покупки. Мэри приходилось жить на скромную вдовью пенсию, потому сестра и давала ей посильные поручения, все ж таки приработок. А еще Мэри шила и рукодельничала для своих бейсуотерских соседей. Маргарет была богата, зато у Мэри была семья. Эрнест и Гарри часто приезжали вместе с ней (старший сын, Фред, находился в Индии). Они да еще Агата, компания собиралась веселая, дом наполнялся гомоном, который стихал лишь ближе к ночи, когда все разбредались по своим комнатам и мигом засыпали.

Когда приезжали родственники, Агата получала доступ к огромным парадным комнатам, уставленным тяжелой мебелью красного дерева, смотрела, как пробиваются лучи сквозь ажурные шторы из дорогого ноттингемского кружева, разглядывала разложенные на столиках вещицы, книжки всякие, фотографии в затейливых рамках и бронзовые статуэтки, купленные по случаю. Порой забредала на кухню, где повариха Ханна учила ее месить тесто и делать из сахара хрупкие карамельки.

В гостях у Тетушки-Бабушки можно было всласть побездельничать, любой ребенок тут же побежал бы на улицу играть с друзьями. Но у Агаты друзей не было, только те, которых она придумывала. А их, между прочим, становилось все больше. Они теперь с трудом помещались в детской, Агата уже не знала, кого куда уложить. Именно в эти минуты ей бывало грустно, и она постигала неведомые ей до той поры чувства: неприкаянности и заброшенности. В жизни Агаты часто будут

периоды одиночества, как нечто само собой разумеющееся, тщательно скрываемое. Но порой, в самый неожиданный момент, выдержка ей изменяла.

Из Нью-Йорка родители и сестра вернулись летом, Агата встречала их в саутгемптонском порту, домой в Торки отправились на трех экипажах. В одном сами пассажиры, а два других были набиты сундуками с бальными платьями, купленными в Америке. Дамы увлеченно обсуждали предстоящий летний сезон, тогда как глава семейства был молчалив и невесел, он понимал, что прежняя вольготная жизнь ему теперь не по карману.

Он допустил несколько промашек, и теперь придется за это расплачиваться. Материальное благополучие необходимо поддерживать, а Фредерик Миллер оказался никчемным бизнесменом и финансистом. Впрочем, справедливо ли называть "никчемным" дельца, которого никто не заставлял постигать законы экономики, который никогда не интересовался тенденциями развития бизнеса? Он, как и многие из его окружения, был человеком праздным. Для того чтобы вести счет каждому пенни, взимать арендную плату, продавать недвижимость, вкладывать капиталы, существовали *другие.* К сожалению, те *другие,* которых находил отец Агаты, оказывались не намного опытнее его самого. И поездка в Америку заставила мистера Миллера в этом убедиться.

Он был партнером известной нью-йоркской бакалейной компании, но в 1885 году умер основатель этой компании, Х.Б. Чафлин, и тут же посыпались неприятности. Фирма Чафлина так "умно" распорядилась долей Фредерика Миллера, что его доходы стали неуклонно уменьшаться. Фирмачи оправдывались, приводили множество вполне объективных и уважительных причин, но от этого Фреду было не легче. Его капиталы таяли, и он оказался в весьма тяжелом положении.

Узнав об этом, коллеги его покойного батюшки посоветовали ему самому заняться делами. Это было уже слишком, о подобном варианте он никогда всерьез не задумывался. Люди *его круга* не созданы для работы. Выход оставался один – на год сдать в аренду Эшфилд, с мебелью и прислугой.

Нелегко покидать собственный дом, пусть даже только на год, но, когда все-таки решились на это, семейство принялось энергично готовиться к "захвату дома" чужаками. Все ценности, в том числе фарфор и серебро, были упакованы и отправлены на хранение, шкафы освобождали от одежды, книги пересчитывали, складывали в коробки, надписывали на листочках бумаги, где что лежит. Десятки сундуков и чемоданов заполняли вещами.

Клара, прирожденная фантазерка, сумела превратить сборы в увлекательную игру, говорила Агате, что это самое настоящее “приключение”. Смысл этого манящего слова шестилетняя Агата уже хорошо понимала, но истинную причину приключения улавливала смутно. Когда она в конце концов уяснила, что у папы сложности с деньгами, то сразу предложила ему свой кошелек с медными монетами и главное сокровище – кукольный домик.

Кукол у Агаты было две. Причем одна из них, Розалинда, коллекционная: из фарфора, в шелковом платье, с шелковыми бантами. Впрочем, Агату больше прельщал домик этих кукол, с которым она могла возиться часами. Он был уже полностью обставлен. Миниатюрные диваны, кровати, столы, стулья. Имелась и посуда: стаканчики, тарелочки, столовое серебро. И кухонная утварь тоже. И даже игрушечная еда. Агата очень гордилась тем, что у нее такой “всамделишный” домик. Однако же готова была расстаться с ним, чтобы помочь отцу, что свидетельствует о глубокой привязанности.

Успокаивая тогда дочку, Клара крепко прижала ее к себе и погладила по голове, пропустив сквозь пальцы длинные локоны. Для шестилетней Агаты эта ласка всегда была лучшим утешением. В Клариных объятьях она чувствовала себя защищенной. За твердым корсетом слышались мерные удары маминого сердца, это отгоняло все страхи. Мама просила не расстраиваться, домик никто забирать не станет. А раз она так сказала, то бояться нечего. Мама никогда не обманет.

Уже после того, как были подписаны бумаги об аренде (Эшфилд был выгодно сдан богатому американцу), мужественная Клара устроила несколько щедрых вечеринок и чаепитий, чтобы хоть немного заглушить боль расставания. Среди прочих гостей приглашены были только что прославившийся Редьярд Киплинг с супругой Керри и леди Макгрегор, вдова сэра Джорджа Макгрегора. Эта дама, известная в светских кругах Торки своим острым язычком, жила в роскошном особняке Гленкарнок.

Керри Киплинг и ее муж любили кататься на велосипедах, Агата видела их несколько раз на только что отстроенной в Торки велосипедной дорожке. Светские кумушки проведали, что Керри *старше* мужа, и теперь только о ней и говорили. Леди Макгрегор постаралась, чтобы все знали о столь ошеломительном факте. Зашел как-то на чай и друг Киплинга, Генри Джеймс. Обескуражил хозяйку дома своим требованием разделить кубик сахара. “Да еще приговаривал, чтобы ровно пополам”, – жаловалась Клара.

Среди всех этих треволнений и разговоров разыгралась еще одна драма. Няня заявила, что уходит, что поселится теперь в

маленьком коттедже, который облюбовала в графстве Сомерсет. В общем-то довольно близко от Торки, но Агате казалось, что Няня уезжает в дальнюю страну. Бедняжка была безутешна, свою тоску она изливала в каждодневных письмах, ей очень не хватало Няни, долгие годы. “Дорогая Няня, – писала она. – Я ужасно по тебе скучаю. Надеюсь, у тебя все хорошо. У Тони блохи. Очень тебя люблю и целую много-много раз. *Агата*”.

Все книги, игрушки и обожаемый кукольный домик были уже упакованы и отвезены в хранилище. Агата теперь часто забредала в маленькую теплицу по прозвищу Кай-Кай, находившуюся на западной стороне двора. Среди густой паутины, старых крокетных молотов и сломанных садовых стульев она однажды обнаружила облезшую грязную Матильду. Эту лошадку-качалку когда-то привезли из Америки для Мэдж. Хозяйка давно про нее забыла. Она давно утратила лоск, хвост и гриву, рессоры сильно проржавели, однако лошадка была извлечена из забвенья другой юной всадницей. Матильда, по мнению Агаты, была в отличной рабочей форме, могла даже сбросить седока, если ее сильно пришпорить.

Самым универсальным подспорьем в играх был обыкновенный железный обруч, который катили специальной палочкой. “Этот обруч превращался то в коня, то в морское чудовище, то в поезд, – вспоминала Агата, – гоняя его по садовым дорожкам, я становилась то странствующим рыцарем в доспехах, то придворной дамой верхом на белом коне. А еще Кловером (он, между прочим, был одним из моих Котят), решившимся на побег из тюрьмы. Или (совсем уже никакой романтики) становилась машинистом, кондуктором или пассажиром, на трех железных дорогах, которые сама же придумала”.

Агата еще с удовольствием каталась на Верном. Так звали коня с педальной коляской, принадлежавшего Монти. Педали больше не крутились, но Агата нашла выход: втаскивала Верного на верхушку поросшего травой откоса и скатывалась вниз, набирая постепенно нешуточную скорость, важно было вовремя затормозить, чтобы не врезаться в огромную араукарию, росшую в глубине сада. Агате было и страшно и весело, она то визжала от ужаса, то смеялась. Потом, карабкаясь назад, она постепенно успокаивалась, “приходила в нормальное состояние”.

В изобилующей переменами жизни Агаты “нормальное состояние” очень часто сохранить было сложно. Вот и в 1896 году, когда Миллеры на год отправлялись за границу, выяснилось, что Тони с ними не едет, Агата горько рыдала. А сам Тони, пожалуй, рад был остаться с Фруди, их бывшей горничной, которая холила его густую шерсть, а похлебку даже подогревала

на плите.

Клара и Фредерик везли с собой немыслимое количество вещей, так уж в приличном обществе полагалось путешествовать. Восемнадцать единиц багажа. Несколько огромных, высотой в четыре фута, сундуков, внутри которых были ящики и полки с откидными крышками. И все это нужно было доставить на пароход, оснащенный гребными колесами, полное название которого звучало так: “пассажирский пароход “Герцогиня Йоркская”. Отплывал он из Фолкстоуна (графство Кент).

Мэдж и Клара, обе склонные к морской болезни, запаслись “терпингидратом с морфином”. Эту микстуру аптекарь велел принимать “по две десертных ложки при первых симптомах недомогания”. Симптомы не заставили себя ждать, и обе, выпив лекарство, спустились в свои каюты, где благополучно уснули.

Агата же осталась с папой наверху, они вдвоем следили за выгрузкой багажа, проверили, все ли на месте, а потом прошли на карапасную палубу[8], где и простояли на ветру два часа, до самой Булони. Потом еще целую ночь семейство ехало на поезде до города По, на юг Франции. Там Миллерам полгода предстояло жить в гостинице “Божесур”.

По расположен в живописной горной долине, окруженной Пиренейскими горами. Курортный город, как и Торки. Но Торки морской курорт, а По – горный. Самым величественным и знаменитым зданием там был замок Chateau de Раи, где родился французский король Генрих Четвертый. Город очень популярный среди любителей горных лыж и живописных ландшафтов. Однако Агате Пиренеи совершенно не понравились. “Это было одно из самых больших разочарований в моей жизни, – напишет она спустя много лет. – Где же громады, взмывающие до самого неба?” Вместо громад она “увидела на горизонте нечто похожее на острые зубы, поднимающиеся на один-два дюйма над равниной”.

Жизнь во Франции оказалась гораздо дешевле, чем в Торки, хоть его и называли Британской Ривьерой. Мистер Фредерик Миллер даже позволял себе отвлечься от неурядиц на пирушках с друзьями, а Клара решила приобщить Агату к французскому языку, раз уж они жили во Франции. Для приобщения наняли мадемуазель Моуру, крепко скроенную и крепко надушенную уроженку Гелоса, ближней деревушки. Занятия проходили в гостиничном вестибюле трижды в неделю. Мадемуазель, в отличие от ее подопечной, нисколько не смущало, что мимо снуют туда-сюда постояльцы, она упорно добивалась верного произношения. Агата страдала. И однажды после гриппа притворилась совсем ослабевшей, лишь бы больше не встречаться

с мадемуазель Моурой.

Несмотря на этот печальный опыт, миссис Миллер не отступалась от своего намерения: ее дочурка должна овладеть “языком любви”. Так сама Клара предпочитала величать французский. Познакомившись у портнихи с ее помощницей Мари Сиже, Клара поняла: вот человек, который ей нужен. И предложила девушке “тройственную” должность: учительницы, няни и портнихи. Двадцатидвухлетняя Мари волосы собирала в тугой пучок, от нее пахло розовой водой, и она совершенно не говорила по-английски, оставалось лишь догадываться, что она имеет в виду.

Между тем Агата, преодолев природную застенчивость, подружилась с сестрами Селвин, Мэри и Дороти (ее все называли Дар), их покойный отец был епископом. Видимо, именно этот флер набожности, который всегда окутывает семьи церковных служителей, придавал храбрости этим отчаянным барышням, семилетней Дар и пятилетней Мэри, бесконечными проказами они скрашивали монотонность гостиничной жизни: сыпали сахар в солонки, наряжали статуи в хитоны из туалетной бумаги – примерно все в таком роде, вполне невинные шалости.

Но однажды сестры и во всем их поддерживавшая Агата вылезли из чердачного окошка на карниз под четвертым этажом и прошлись, балансируя руками, до чьего-то открытого окна. После чего Клара отправила Агату в спальню, велев ей “хорошенько обдумать эту чудовищную, опасную выходку”. А миссис Селвин поднялась к себе добровольно, чтобы отлежаться после пережитого кошмара и объяснения с гостиничной администрацией (оказывается, это горничная заперла девочек на чердаке, устав от их фокусов).

Агата не понимала, что она *такого* сделала, им было просто весело и совсем не страшно. Она радовалась обретенной дружбе. Наконец-то она могла играть с настоящими, а не вымышленными подругами.

Оглядываясь назад, миссис Кристи с добрым чувством вспоминала ту зиму 1896 года, считала ее почти неправдоподобной идиллией. ‘Absolument incroyable de chaque maniere”, – с удовольствием говорила она. Конечно, возникали какие-то сложности, но, как правило, они были вызваны трудностями роста, а не провинностями. Агата как-то резко вытянулась, еще больше похудела, стала гораздо выше своих подружек, хотя все трое были почти ровесницами. Ей вечно были тесны вверху ботинки, поскольку она унаследовала от Миллеров толстые лодыжки, проклятые кнопки часто расстегивались, это было ужасно неудобно.

В июне прохладный и легкий горный воздух стал по-летнему влажным и тяжким, накрахмаленные кринолины обвисали под собственной тяжестью, небо быстро очистилось от облаков, как будто Господу Богу помогала какая-то ретивая домохозяйка. Фредерик теперь все чаще сидел вечерами на гостиничной веранде, отрешенно глядя вдаль, будто старался разобрать какие-то письмена. В последние две-три недели он неважно себя чувствовал, из-за перемены погоды, казалось ему.

По совету доктора он вместе с семейством отправился на море, в живописное местечко Аржель-сюр-Мер на берегу Лионского залива. Этот городок в народе называли “гуляй-до-упаду”. Он был наполнен веселыми зычными криками уличных торговцев, нахваливавших свой товар: сыры, рыбу, орехи, овощи. Еще они предлагали всякие поделки из дерева, вышивки, глиняную посуду.

Агата решила, что Аржель похож на Торки, только виллы тут поменьше и нет минеральных источников и чудодейственных эликсиров, которые на Британской Ривьере назначают всем. Вот Лурд, куда Миллеры прибыли через неделю, тот совсем другой.

Миллеры посетили церковь Лурдской Богоматери, рядом с которой была огромная очередь, состоявшая из верующих, страждущих и просто любопытствующих. Все заходили в базилику Непорочного Зачатия, чтобы помолиться, а потом в грот со святым родником, попить чудодейственной воды. Агата потом признавалась, что вода показалась ей “совсем обычной”, она восприняла это паломничество как обыкновенную экскурсию.

Когда-то (точнее, в 1858 году) четырнадцатилетней дочке бедного мельника, Бернадетте Субиру, явилась в этом гроте Дева Мария и потом являлась ей еще раз восемнадцать. С тех пор сюда приезжают толпы почитателей Девы Марии, в том числе и те, кто надеется, что она дарует исцеление. Фредерик Миллер тоже надеялся.

Фредерик скрывал от близких, что его мучают боли в груди. А когда начались все эти путешествия, приступы участились. Ему было уже пятьдесят лет, он был тучен, у него были серьезные житейские проблемы. Так уж вышло, что в свои солидные годы он стал чувствовать себя неудачником, и это человек, привыкший к надежному благополучию. Врачи велели ему больше отдыхать, меньше ходить – к сожалению, долгие пешие прогулки при грудной жабе опасны. Чудодейственная вода утолила жажду, но не помогла. Фредерик был разочарован и растерян, ему было страшно – и за себя, и за будущее семьи.

Далее отправились в городок Котере, в тридцати минутах езды от Лурда, этот город знаменит своими термальными

водоемами. Там они – вот так сюрприз! – наткнулись на Селвинов. Шестилетняя Агата ликовала, после разлуки ей было еще слаще участвовать в проделках неугомонных сестриц.

У подножия горы Кабалирос (7600 футов) было много холмов с неисчислимыми тропами. Усевшись прямо на землю, девочки скатывались “с горки” вниз, к ужасу Мари, которой поручили присматривать за этой удалой троицей. Скатившись, шли вспять, догоняя взрослых, хохоча над их неловкостью и боязливостью, передразнивая, изображая притворный ужас, если кто-то замечал, что они вытворяют.

Но как только подружки оказывались в самом городке, шумные забавы прекращались. Котере со всех сторон был окружен дикими, нетронутыми горами, казалось, они охраняли его, словно сокровище. Время в городке тянулось медленно, “куда и зачем спешить?” – безмолвно вопрошал он. Фредерику тут было привольно и уютно, он ездил по окрестным холмам на лошади, наслаждаясь красотами природы, ее первозданным покоем.

В августе Миллеры приехали в Париж. Эйфелева башня, которой было в ту пору девять лет, оставила Агату равнодушной. Зато ее совершенно ошеломили автомобили. “Они неслись с бешеной скоростью, тарахтели, гудели, издавали ужасный запах, а за рулем сидели полные водительского азарта мужчины, в кепи и защитных очках”.

Далее, продвигаясь на север, они на несколько месяцев осели в Бретани, в Динард-Сен-Энога. Поселились в гранд-отеле, из окон которого видно устье реки Ране, как она впадает в Английский пролив (он же Ла-Манш). Там был изумительный, райский пляж, навевавший мысли о Господе. По крайней мере, именно такие мысли посещали Фредерика. Дело в том, что местный врач обнаружил у него почечную недостаточность, и мистер Миллер понимал, что неотвратимо приближается к смерти. Но вопреки неутешительному диагнозу, самочувствие его довольно скоро заметно улучшилось, такова была прихоть судьбы или борющегося организма.

Он даже с удовольствием смотрел спектакли, которые устраивала по вечерам Агата в эркере их с Кларой спальни, похожем на альков, отгороженный шторами. Дочь вдруг увлеклась театром. Маленькая актриса разыгрывала всякие сказки при содействии Мари (поэтому представление шло на французском). Самой грандиозной стала инсценировка “Золушки”, где Агата исполняла роль принца и обеих зловредных сестер.

На свои семь лет Агата получила несколько подарков: абонемент на уроки плавания и трех экзотических птичек,

которым пришлось расстаться с Динардом, поскольку их новые хозяева поехали на остров Гернси (это была последняя “стоянка” на пути домой). Жили в столице острова, Сент-Питер-Порт, в эти зимние месяцы уже с волнением думали о возвращении, запасались дешевыми подарками для слуг и более основательными – для Тетушки-Бабушки и Бабушки Б. Обеим будут куплены дивные духи во флаконах из стекла “баккара”.

Самая хрупкая птичка, Кики, внезапно умерла, Агата расстроилась, но не очень сильно, она еще не успела к ней привязаться. Однако похороны были торжественными и пышными. Кики уложили в обувную коробку, которую обвязали атласной лентой. Фредерик тоже принял участие в похоронах (а место выбрали за городом, в двух милях от гостиницы), шел с гробиком во главе процессии и пел слегка переделанный гимн “Вперед, Христовы воины”[9]. Потом Агата чуть ли не каждый день говорила, что ей надо посетить могилку Кики (“visiter la tombe de Kiki”). Это превратилось в ритуал, Мари покорно ее сопровождала.

Домой в Эшфилд семейство вернулось к концу октября. Миссис Роу, несравненная их кулинарка, соорудила в честь прибытия хозяев обед из шести блюд, накануне весь день колдовала над кастрюлями.

Из Илинга специально приехала Тетушка-Бабушка. В столовой накрыли пиршественный стол, угощалось все семейство, кроме Тони. Любимец Агаты чудовищно растолстел под неусыпными заботами Фруди. Решено было безотлагательно посадить его на строгую диету.

С деньгами было туговато, но об этом больше сокрушались (обычно шепотом), чем принимали какие-то действенные меры. Приемы теперь стали более скромными, но количество их не уменьшилось. Грандиозные обеды и балы сменились чаепитиями, пикниками на траве. Обильные пиршества уступили место миниатюрным сэндвичам.

В Торки было принято устраивать садовые вечеринки, публика собиралась избранная, строго по приглашениям, столы ломились от блюд с закусками и десертом. Дамы в муслиновых платьях, отделанных лентами нежнейших расцветок, в шляпках, украшенных цветами. Мужчины в строгих тройках, прятавшие животы под тесными жилетами. Фруктовое мороженое, лимонад, это было восхитительно, а вокруг веселый летучий смех и глухое постукивание крокетных молотков по разноцветным деревянным шарам.

Такие приемы на открытом воздухе как нельзя лучше помогали девушкам в возрасте Мэдж знакомиться с достойными

молодыми людьми из близлежащих городов. Хорошенькая, умная, с изящными манерами, Мэдж пользовалась бешеным успехом. В гостиной Эшфилда постоянно томились кавалеры, Клара тоже усаживалась там, в сторонке. Агате казалось, что Мэдж не торопится сделать выбор, она милостиво дозволяла своим воздыхателям сражаться за ее внимание. Агата даже завела специальный дневник, в котором записывала всех кавалеров сестры и свои соображения относительно шансов каждого на успех.

Деньги на счете главы семьи неуклонно таяли, но Клара продолжала возить Мэдж в лондонские магазины, к портнихам и прочим мастерицам, умевшим скопировать любой фасон или виртуозно перекроить платье, вышедшее из моды. Мистер Миллер опять отправился в Нью-Йорк, надеясь выправить финансовое положение. Агата в эту зиму и весну проводила много времени с Мари.

Тогда же она начала заниматься музыкой с фрейлейн Удер. Эта немецкая пианистка в свое время даже концертировала, но недолго. Теперь она жила в Торки и, “потягивая какой-нибудь бодрящий напиток”, проводила занятия лишь с “особо одаренными и трудолюбивыми учениками”. Особую одаренность и трудолюбие Агата, совсем еще малышка, продемонстрировать пока не могла, но фрейлейн охотно взялась ее учить.

Клара настояла и на уроках танцев. Каждый четверг Мари за полторы мили водила ее в танцевальную студию, которая располагалась над “Кондитерской Каллард”. Стоило только открыть дверь кондитерской, и в ноздри бил упоительный жаркий воздух, насыщенный ароматом сладостей.

У миссис Каллард Агата покупала свои любимые тянучки, две штуки, одну себе, другую Мари, которая всегда говорила: “Magnifique”[10]. Дожевав конфеты, они по боковой лесенке поднимались в зал “Атенеум”. Он был огромным, вдоль северной стены стояли деревянные стулья, сидя на одном из них, мисс Флоренс Эва Хики руководила танцорами. Вальс Агата разучивала под музыку Иоганна Штрауса-старшего, а польку – под музыку Иоганна Штрауса-младшего. Девочки танцевали друг с другом и по очереди – с самой мисс Кики. Мальчиков, похоже, не хватало, по крайней мере в “Атенеуме”.

Зато в летнюю пору, во время игр в крикет, Агата могла полюбоваться юными атлетами, “такими удалыми” в своих ослепительно-белых спортивных костюмах. После возвращения из Франции мистер Фредерик несколько лет был судьей на этих играх. Агата помогала ему подсчитывать, сколько было пропущено калиток, сколько каждой командой сделано пробежек,

а для нее самой это было хорошей тренировкой в счете. Дни, проведенные с папой вместе у крикетной площадки, потом вспоминались как по-настоящему счастливые. Волнение было только спортивным, правила игры были четкими и понятными, и она вдвоем с папой, они вместе вершат праведный суд.

Весной 1899 года у Фредерика снова появились боли в груди, чаще по ночам. С апреля он даже стал записывать в специальный дневник количество сердечных приступов (в июне 1901-го он насчитает пятнадцать)…

Расстраивать жену и Агату своими недомоганиями он не хотел и теперь чаще обращался к лондонским врачам, чем к местным, в Торки. Поэтому неудивительно, что сообщение о смерти королевы Виктории (22 января 1901 года) застало мистера Миллера в Илинге, в доме Маргарет. Королева пробыла на троне шестьдесят четыре года! Дольше всех английских правителей. Народ любил Викторию, и ее похороны вызвали огромный ажиотаж. Маргарет и Мэри тут же придумали снять квартиру, из окон которой можно будет наблюдать за траурной процессией. Фредерик уведомил об этом свою “дорогую Клару”, которая боготворила королеву, теперь его женушка могла с комфортом разделить народную скорбь. В том же письме он сообщал, что закрыты все магазины и банки, правда, “в бедных кварталах их закрывать не стали”, еще писал, что посетил нового доктора, который лечит “какими-то сомнительными снадобьями”.

Фредерик надеялся, что после зимы ему станет легче, летом в Торки так хорошо. Он всегда с наслаждением вдыхал долетавший с берега ветерок, влажный, с привкусом соли. Но тем летом в дневнике не появилось ни одной строчки про море и солоноватый бриз. Там были отмечены тридцать приступов грудной жабы (между июнем и октябрем), несколько раз они застигали его на пути в Халдон-Пир, где проводилась регата, самое важное для Торки событие года. Начиная с середины девятнадцатого века август был ознаменован гонками яхт и лодок. Два дня соревнований, а для болельщиков – фейерверки, пикники, игры на воде. Завершался праздник грандиозным балом.

Во время регаты устраивали ярмарку, в тот год Мари привела Агату в шатер предсказательницы мадам Аренска, на голове которой красовался тюрбан, голубой, как перышки сойки. А еще на ярмарке был чудовищный толстяк с выбитым зубом и дама с татуировками на обеих руках. Конечно же катались вдвоем с Мари на карусели и лакомились нугой, увесистые порции от огромного куска отрезал балагур-торговец, который не умолкал ни на секунду, непонятно, как ему удавалось дышать.

Клара уговорила мужа отвезти ее на воскресный бал, не

догадываясь о том, что грудь его словно бы стянуло железным обручем, невидимым под элегантным смокингом. Леденящая боль пронзила сердце, но потом постепенно отступила, уже в экипаже, на обратном пути.

В начале следующего месяца Фред вернулся в Илинг, там он посетил очередного кардиолога, мистера Сэнсома. После визита написал Кларе: “Он говорит, что сердце у меня не увеличено и с клапанами все нормально (sic!), но сердечная мышца слабая, и аритмия. Последние два дня чувствую себя гораздо лучше, а три недели было плоховато, сейчас одышки почти нет, и сплю нормально. Не знаю, что подействовало, прописанная мне микстура с дигиталином или то, что теперь совсем мало хожу”.

Он еще дважды ездил к илингскому кардиологу на консультацию. В конце ноября он поехал на ланч в лондонский клуб “Будлс”, где должен был встретиться с правительственным чиновником и поговорить насчет устройства на работу Это была очередная напрасная попытка, он, конечно, предчувствовал, что его выслушают из вежливости, а не из желания помочь. И, возвращаясь из клуба в Илинг, уже и не думал о работе, только о Кларе. О том, как сильно до сих пор ее любит и она его тоже. О том, что им здорово повезло.

Беда подкралась в виде легкого кашля, он держался пару недель, потом начался затяжной насморк, потом бронхит. К тому моменту, когда Маргарет вызвала врача, бронхит развился в пневмонию. Фредерику был назначен строгий постельный режим и отвар из мать-и-мачехи в качестве отхаркивающего.

Получив телеграмму, Клара помчалась в Илинг, ведь телеграмма могла означать только одно: ее муж в тяжелом состоянии. Да, он бредил, а простыни были мокрыми от пота, хотя в комнате было довольно прохладно. Поняв, что муж умирает, Клара вызвала дочерей…

И вот однажды днем, когда Агата стояла на лестничной площадке рядом со спальней папы, дверь распахнулась, и оттуда выбежала мама, закрыв лицо руками. За ней вышла сиделка. Увидев поднимавшуюся по лестнице Тетушку-Бабушку, сиделка произнесла:

– Все кончено.

Да, все было кончено. Фредерик Эльва Миллер умер, пятидесяти пяти лет от роду. И для его младшей дочери Агаты началась в этот миг совсем другая жизнь.

Глава вторая
На пути к взрослению

Я больше тебя не увижу,
но ты всегда предо мною, в этом
черпаю утешение.

Клара Миллер на смерть
своего супруга

Ноябрь 1901. Клара Миллер тяжело переносила утрату. Шторы в доме были задернуты, говорить все старались вполголоса, ходили потихоньку, словно в ее горе были повинны яркий свет и громкие звуки. Клара дни напролет лежала в постели, ей было трудно даже оторвать голову от подушки, не из-за немощи, нет. Просто теперь, когда череда дней была наполнена и придавлена смертью, а судьба уготовила миссис Миллер только скорбь и неизбывные сожаления, всякое действие и движение утратили смысл.

Агату опекала Ханна, повариха Тетушки-Бабушки, изобретала ей поручения на кухне, чтобы девчушка не видела страшных похоронных приготовлений и мертвого отца, чтобы могла поплакать, уткнувшись в ее юбку. В мамину спальню Агату не пускали, пустили только в тот вечер, когда не стало папы, а после приводили лишь на несколько минут, редко.

Клара старалась утешить Агату, но свидания эти были мучительны. Ведь на нее смотрели точно такие же, как у мужа, глаза с тяжелыми веками, и все дочкины вопросы так или иначе касались грядущей церемонии прощания. Гроб с телом Фредерика поместили в столовой под большим газовым канделябром, мягко освещавшим полированное дерево. Тетушке-Бабушке пришлось писать на специальных карточках с черным кантом о смерти пасынка и рассылать их в качестве приглашения на похороны. Она мужественно выполнила эту тяжкую миссию, сидя в своем любимом огромном кресле, которое стояло в той же комнате, что и гроб. В один из выходных дней Фредерик Эльва Миллер был похоронен на илингском кладбище, неподалеку от дома. Его мачеха проследила, чтобы все прошло на должном уровне, и сама оплатила ритуальные услуги.

Монти, человек военный и в общем-то давно отвыкший от семьи, не стал отпрашиваться у начальства, на похороны отца он не явился.

Несколько лет назад он завалил экзамены в “Харроу”, в шестнадцать ему пришлось покинуть это элитное заведение. Потом он случайно нашел работу на линкольнширской верфи, на Северном море. Обаятельный и славный молодой человек, но совершенно не приспособленный к работе, еще меньше, чем его отец. Кораблестроение для Монти тоже оказалось делом сложным и малоперспективным. И тогда он решил попытать счастья на военной стезе. Он записался в Третий Уэльский полк и в 1899 году отбыл на военном корабле в Южную Африку, на войну с бурами. У Фредерика Миллера тогда полегчало на душе: за его неудачливого сына теперь отвечали командиры.

Весть о смерти отца настигла Монти на аванпосту Де-Вильдт (ныне эта область называется Трансваалем). Ответной телеграммы он не прислал.

Клара была сломлена горем, газовый фонарь в ее спальне еле теплился. Два дня после похорон она вообще не ела, не желала никого видеть и все время перечитывала письмо, написанное незадолго до смерти.

“Ты изменила мою жизнь, – писал Фред. – Ни у кого из мужчин не было такой жены. С тех пор как мы поженились, я с каждым годом лишь сильнее тебя люблю. Благодарю тебя за преданность, любовь и понимание. Да благословит тебя Господь, моя радость, скоро мы снова будем вместе”.

В конверт с письмом она вложила несколько прядок, срезанных с головы мужа. Прочитав эти строки, она снова прятала конверт под ночную рубашку, поближе к сердцу. Еще она изъяла из мыльницы остаток душистого глицеринового мыла, выпускаемого фирмой “Пэйерс”, Фред всегда пользовался им, Клара вдыхала знакомый свежий аромат, и к глазам тут же подступали слезы. Прозрачный, как стеклышко, обмылок тоже был помещен в конверт, на котором она написала: “Я больше тебя не увижу, но ты всегда предо мною, в этом черпаю утешение”.

Дом Тетушки-Бабушки сделался обителью приглушенных голосов, которые становились словно бы еще тише от черных траурных платьев. Эти темные силуэты усугубляли уныние и чувство бессилия перед судьбой. Но для Агаты новое платье отчасти было поводом для некой игры: строгий по-взрослому наряд, траурная кружевная шляпка позволили ей ощутить себя членом сообщества избранных, связанных столь значительным событием.

Больше месяца Мэдж и Агата молча наблюдали за исхудавшей матерью, продолжавшей твердить, что у нее нет сил и желания покинуть кровать. Рождество отметили скорее для проформы, какой уж тут праздник. Чтобы уважить покинувшего

этот мир Фредерика, из списка ингредиентов для готовки исключили ликер, а луковки для начинки рождественского гуся не стали томить в пиве (как полагалось по особому рецепту Ханны). В январе наконец перебрались домой, в Эшфилд, парадную дверь тут же обтянули черной тканью, и весь Торки понял, что Клара больше не принимает гостей, что она предпочитает скорбеть в одиночестве.

По совету их домашнего врача, доктора Хаксли, Клара вскоре отправилась на юг Франции, чтобы “немного окрепнуть”, в эту трехнедельную поездку ее сопровождала Мэдж. Агату оставили под приглядом кухарки, заботливой миссис Роу, которая научит Агату готовить замечательные кулинарные шедевры.

У доктора Хаксли было пять дочерей, Милдред, Сибилла, Мюриель, Филлис и Инид. Эти великодушные барышни, отчасти из жалости, уговорили Агату ходить вместе с ними на уроки пения к мистеру Крау, которые тот проводил каждый вторник. И маэстро был покорен ее “чистым гибким сопрано”. Вскоре к урокам пения добавились занятия в оркестре, по средам. Агата играла на мандолине, хотя предпочла бы банджо. Она слышала его на концертах, которые устраивали “бродячие” музыканты на пирсе. Однако среди ее знакомых в Торки не было ни одного, кто играл бы на банджо.

Среди сестер Хаксли Агата особенно сдружилась с белокурой Мюриель. Она была лишь на год старше ее самой, ужасная хохотушка, с ямочками на щеках. Агата и ее приятельницы любили прогуляться по набережной, глазея на витрины и лакомясь сладостями, что было очень даже удобно и приятно делать, поскольку дерзкие сестры не надевали перчаток. “Ох уж эти Хаксли”, – негодующе шипели окрестные няньки, завидев их голые пальцы. Какое неприличие!

По четвергам Агата продолжала заниматься танцами, настолько успешно, что ее включили в группу наиболее способных девочек, которых обучала сама мисс Кики, а не ее ассистентки. Агата была младшей, но самой рослой, гибкой и выносливой. Вальс ей нравился не очень, зато так замечательно было всем вместе отрабатывать связки и па!

В этот трудный переходный возраст случались в жизни Агаты и счастливые моменты постижения мира, она начала вести дневник, куда записывала свои мысли и открытия, и еще она записывала туда первые стихи. Ей было всего одиннадцать, когда она придумала вот эти строки:

Примуле, юной красавице,
Ее платье совсем не нравится,

Колокольчиком хочет быть
И в плаще голубом форсить.

Примуле, юной красавице,
Золотистое платье не нравится,
И тоскует она, и рыдает,
О плаще голубом мечтает.

Ребенок, который еще только учится правильно писать, – уже сочиняет стихи… Клара стала приобщать дочку к высокой поэзии, разумеется и к творчеству Элизабет Браунинг, которая когда-то несколько лет прожила в Торки, поскольку была очень болезненной. Однако же Агата предпочитала погружаться всей душой в менее изысканные, но захватывающие перипетии романа Энтони Хоупа “Пленник Зенды”. Она перечитывала его, запоминая отдельные куски наизусть. “Я по уши влюбилась не в Рудольфа Рассендила, как можно было ожидать, а в настоящего короля, заточенного и горюющего в башне”. Агата жаждала спасти этого падшего короля, представив, что она превратилась в прекрасную принцессу Флавию и что принцесса любит именно пленника.

Можно понять, почему Агату не влекли возвышенные сонеты. Лето в Торки в тот год началось рано, а с ним и нежащие вечера на веранде, и неспешное потягивание кисло-сладкого лимонада, который разливали в увесистые кувшины. Мэдж в январе исполнилось двадцать три (когда они с мамой жили во Франции), она еще больше похорошела, она очаровывала своим искренним дружелюбием и обаянием. К лету у нее набралась свита из шести преданных (кто-то более, кто-то менее) поклонников.

Агату поражало, с каким изяществом и легкостью Мэдж кружила головы.

Впрочем, она не раз убеждалась в том, что все, что делала ее сестра, *в принципе* давалось той легко, во всем она добивалась успеха. Например, взять хотя бы серию ее рассказов “Пустые речи”, которые напечатали в журнале “Ярмарка тщеславия”. Эти ее истории про горе-спортсменов покорили весь Торки, в свете обсуждали тогда ее талант, а теперь вот сплетничали о том, что Мэдж прибрала к рукам всех завидных местных женихов.

Джеймс Уоттс был сыном Клариной подруги детства Энни Браун, которую Агата и Мэдж знали давным-давно; кто бы мог подумать, что он сумеет произвести впечатление. Учился он в Оксфорде, держался скромно, жил с родителями в великолепном поместье Эбни-Холл, одном из крупнейших в Большом

Манчестере.

Семья его состояла сплошь из творческих личностей. У брата Хамфри был собственный театр, брат Лайонел стал лондонским актером, покойный дедушка прославился ораторским даром на посту лорд-мэра Манчестера.

Но у Джеймса-младшего не было времени на артистические забавы, он унаследовал от отца любовь к бизнесу, а именно к складскому делу Офис компании W&J.Watts располагался в богато украшенном здании на Портленд-стрит, в центре Манчестера. Там были великолепные широкие лестницы и хрустальные люстры. Скорее всего, Джеймс покорил сестру Агаты не белокурой солнечной шевелюрой и не тихим ласковым голосом, а своим талантом финансиста. Со дня официального знакомства прошло меньше года, он приехал на лето в Торки и вскоре сделал Мэдж предложение. Та приняла его как нечто само собой разумеющееся и явно не собиралась тянуть со свадьбой.

В былое время Клара конечно же призвала бы дочь не торопиться. Но после смерти мужа у нее не осталось сил ни на споры, ни на мудрые советы. Ей приходилось каждый день бороться за выживание, и это было непросто при крайне ограниченных средствах. Фредерик оставил ей все свое имущество, но оно порождало больше расходов, чем прибыли. Гарантированный пенсион Клары составлял 300 фунтов в год, каждому из детей, по завещанию отца, полагалось 100 фунтов в год. В пересчете на нынешний долларовый эквивалент расклад был таков: 30 000 долларов ежегодно – Кларе и по 10 000 Мэдж, Монти и Агате.

Мэдж, разумеется, видела, как мать экономит каждый пенни, как сокращает количество еды, как закрывает целые отсеки дома, чтобы поменьше топить. Клара дала расчет садовнику, прослужившему у них пятнадцать лет. Опытных горничных сменили неумехи, потому что им можно было меньше платить. “Да, конечно да”, – ответила Мэдж Джеймсу, с облегчением сжимая его руку, радуясь так, словно сбылись давние ожидания. Джеймс был послан небом в ответ на горячие молитвы о помощи.

Поженились они в сентябре, свадьба была – насколько это возможно – скромной. Ведь семья соблюдала траур, а по обычаю он должен длиться год. Но и в викторианской Англии даже в пору печали любящим не возбранялось вступать в брачный союз. Церемония венчания происходила в старой церкви Торки. Когда Мэдж, теперь уже миссис Джеймс Уоттс, вышла из врат храма, то выглядела она восхитительно, словно приехавшая на свой первый бал дебютантка. Агате доверили роль главной подружки невесты, и, как все остальные подружки невесты, она была в белом наряде

и в венке из ландышей. Клара устроила в Эшфилде свадебный завтрак, сама она оставалась в черном. На торжественном застолье присутствовали братья жениха, Лайонел (он был шафером), Хамфри, Майлз и сестра Нэн, которая слыла настоящим сорванцом, лихо лазила по деревьям и стреляла из рогатки. Еще были приглашены подруги Мэдж, Нора Ньюитт и Констанс Бойд, и сестра Джеймса, крошка Эйда, которую его родители удочерили.

В день заключения этого союза (оказавшегося счастливым и прочным) Агата обрела замечательную подругу – в лице Нэн Уоттс. По характеру они были очень разные, и взрослые твердили: “вот, Агата, бери пример с Нэн”, “вот, Нэн, бери пример с Агаты”. Однако сразу же обнаружилось и общее – страсть к проказам, обе вмиг додумались напихать рису в дорожные чемоданы молодоженов.

Наутро после свадьбы Клара прошлась по просторным помещениям Эшфилда. Раньше они казались величественными и уютными, а теперь стали хранилищем воспоминаний, мемориалом утерянного счастья. И ведь всего-то год назад все было иначе. Теперь, когда рядом не было любимого мужа, эти огромные пространства угнетали могильной тишиной.

Клара решила, что имение нужно продать, сейчас же, не только потому, что на него уходит уйма денег, но и ради собственного здоровья и душевного покоя. “Можно переехать в Эксетер, это всего в семнадцати милях отсюда, но все равно там начнется иная жизнь”, – подумала она. Пологие холмы и бодрящий воздух расположенного чуть севернее Девоншира на самом деле нравились ей гораздо больше, чем приморье. К тому же в Эксетере великолепный кафедральный собор. Соборы Клара очень любила. Эксетерский готический собор, построенный в 1400 году, поражал изумительными ажурными сводами, самыми красивыми в Англии. И наверняка по соседству найдутся подружки для Агаты. Да, решено. *Эксетер.*

Как только Мэжд вернулась из свадебного путешествия, Клара сообщила ей о своем намерении. Мэдж, обычно бурно реагировавшая на любую неприятность, на этот раз сохранила спокойствие, но, когда заговорила, в голосе ее звучала твердость:

– Если дело только в деньгах, может быть, Джеймс поможет. Уверена, что поможет.

А тихая и скрытная Агата, напротив, дала волю негодованию.

– Уехать из Эшфилда? Но ведь это наш дом! – воскликнула она и разрыдалась. Глаза ее были полны отчаянной мольбы. Конечно, этот бунт был проявлением детского эгоизма. Позже в своей “Автобиографии” Агата напишет, что “никогда не страдала

от ощущения бездомности, отсутствия корней". Но эти корни имел лишь один дом, единственный на свете. Ласково обняв свою младшую, Клара гнала прочь мечту о коттедже в Эксетере (разумеется, неподалеку от собора), тайком утирая не желавшие униматься слезы.

В Эшфилде произошли существенные перемены. Новую горничную рассчитали, теперь на все хозяйство была одна служанка и миссис Роу, которую просили экономнее расходовать продукты. Старой кухарке, привыкшей готовить человек на десять всякие деликатесы вроде омаров, трудно было смириться с меню, где главенствовали макароны с сыром. Она старалась, но иногда по инерции заказывала восемь рыбных филе, хотя достаточно было двух.

Несмотря на столь кардинальные меры, материальное благополучие оставалось шатким. Не проходило дня без волнений по поводу денег или здоровья. Деньги на счете были, но их хватало только на самые насущные нужды, и то лишь благодаря щедрости зятя. А здоровье у Клары было сильно подорвано жизненными невзгодами. То одно болело, то другое. Боль в груди объясняли сердечными приступами, боль в желудке – язвой. Боль в бедре одни врачи считали следствием ревматизма, другие – косвенным симптомом желчнокаменной болезни.

Став теперь для Клары единственной в доме родной душой, Агата часто спала в папиной гардеробной, по соседству от маминой спальни, чтобы, если начнется приступ, оказаться поблизости. На столике у Клары всегда были коньяк и нюхательная соль. Приступы учащались, и Агата каждый раз боялась, что случится самое страшное.

Она так писала об этом времени: "Мы не были больше семьей Миллер; просто остались вдвоем два человека: немолодая женщина и маленькая наивная девочка, еще не знавшая жизни". Да, Агата была наивна, но не глупа, она с удвоенным рвением читала, черпая опыт из книг и рассказов окружающих.

Кстати о рассказах. Ей посчастливилось познакомиться с семейством Льюси, новые подруги Бланш, Марджи и Нуни были старше Агаты, еще у них был брат Реджи. У их двоюродного деда имелось в Уорвикшире прекрасное фамильное поместье Чарлкот с оленьим парком. А уж тем для захватывающих историй у новых знакомцев Агаты всегда было в избытке. Ведь их предки прибыли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем. Сам Уильям Шекспир однажды тайком подстрелил оленя во владениях Льюси. Реджи клялся, что это выдумки, но легенда, конечно, хороша, признавал он.

Марджи и Нуни научили Агату (они звали ее Эгги) кататься

на роликовых коньках. Кататься можно было на пирсе, где имелась концертная эстрада с деревянным полом, которая все равно зимой пустовала. За два пенса можно было ездить и по эстраде, и по мощеной дорожке вокруг нее. Соленый ветер трепал кудри Агаты, развеивал тяжесть на душе, отвлекал от страха за маму.

А еще ей нравились музыкальные представления. Сестры Хаксли задумали поставить одну из оперетт Гилберта и Салливана, “Телохранитель короля”, где тринадцатилетней Агате доверили играть полковника Ферфакса. Главную роль! Маленькой девочке предстояло изобразить джентльмена Елизаветинской эпохи, настоящего вояку (не важно, что он пел нежнейшим сопрано). Это был ее первый *настоящий* спектакль, самодельные пьесы, которые она когда-то разыгрывала вместе с Мари, разумеется, не шли ни в какое сравнение со знаменитой опереттой. Агата имела бешеный успех, она наслаждалась восхищением публики и почти не робела на сцене, хотя в обычной жизни всегда страдала от чрезмерной застенчивости. Конечно, помогло то, что выступала она перед друзьями. Едва ли она решилась бы так отважно лицедействовать перед незнакомой аудиторией.

В общем, Агата потихоньку прилаживалась к жизни. К ним наезжала Мэдж, теперь хозяйка имения Чидл-Холл, которое свекор подарил им с Джеймсом на свадьбу. И, выходя однажды из экипажа, она небрежным тоном сообщила потрясающую новость. Она ждет ребенка и надеется, что это будет сын. Клара страшно разволновалась: у нее появится внук! Ребенок – это прекрасно, это самое волшебное в нашей жизни чудо. Агата, мало что понимавшая в детях, тем не менее сразу пообещала быть “лучшей в мире теткой”.

В августе Мэдж родила. Действительно сына, и Агата действительно стала замечательной тетушкой.

Появление Джека Уоттса разбудило в душе Агаты материнские чувства. Она чмокала племянника в щечки, она теребила его подбородок, она восторженно агукала и лепетала что-то на тарабарском языке, понятном лишь Джеку и самой Агате.

На Рождество Агата и Клара отправились в Чешир, где находилось фамильное имение Уоттсов, Эбни-Холл. Этот викторианский особняк, построенный в 1847 году, сэр Джеймс Уоттс-старший основательно расширил. Стиль и убранство дома были готическими. На стенах изображения гербов и скрещенных мечей соседствовали с картинами эпохи Ренессанса и со старинными рисунками. Массивные широкие лестницы из

огромного холла вели ввысь, к десяткам спален и спаленок. Ну а библиотека и бальная зала поражали размерами, изобилием позолоченной резьбы и прочей роскоши.

Пятнадцать ливрейных слуг, почтительно кланяясь, встречали Агату и Клару в украшенном к Рождеству доме. Этот ритуал повторялся много лет, как и предписанный вековыми традициями праздничный обед из шести блюд. Устричный суп, филе палтуса, жареная индейка, говяжий филей, рождественский пудинг, пирожки с изюмом и миндалем и плюс к этому еще с полдюжины разных десертов.

Агата была вдохновенным и выносливым едоком, на равных состязалась с братом своего зятя, Хамфри, а встав из-за стола, уверяла, что попробовала бы что-нибудь еще. В Эбни-Холле все располагало к гастрономическим безумствам, весь день напролет гости жевали что-нибудь вкусненькое. Но праздник заканчивался, и для будущих леди наступали суровые будни. Клара дважды в неделю отправляла Агату в школу мисс Гайер (на Мидфут-роуд, это престижный в Торки район), где она занималась грамматикой, риторикой и математикой.

Мэри Гайер, образованная старая дева, была директрисой этой школы при Гертон-колледже. Учили там строго и по строгой системе, для постижения точных наук как раз то, что надо. Агате математика нравилась, она ее завораживала. Правильный ответ, неправильный ответ, в задачках и примерах все было ясно и понятно.

Гуманитарные дисциплины мисс Гайер не жаловала, ей не нравилось, что приходится предоставлять ученицам свободу творчества. Неуемную фантазию и энергию Агаты она называла “утомительной”, такова была первая оценка ее литературного дара. Мисс Гайер не была готова к первым атакам нарождавшегося писательского дара маленькой фантазерки. Взять хотя бы сочинение про осень, Агата замечательно стала описывать опадающие золотые листья, и вдруг в эту элегическую картину ворвался поросенок Короткохвостик и начал искать желуди, рыская по лесу и подкапывая рылом корни. Агата не сумела сосредоточиться на заданной теме, слишком много выдумки. Таков был вердикт мисс Гайер.

Учение в этой школе с математическим уклоном продлилось примерно два года, потом Клара вдруг загорелась новой идеей (сколько их уже вспыхивало!). Надо срочно везти дочь в Париж и соответственно срочно сдать кому-нибудь Эшфилд. Желающий нашелся и деньги предлагал хорошие. Достали чемоданы, начали складывать вещи. Терьера Тони снова отправили на временное житье к Фруди, ценный фарфор опять сдали на хранение, чтобы

был целее.

Дорожные сборы Агата всегда воспринимала как прелюдию к приключениям. Багаж на этот раз был гораздо менее основательным, слуги сноровисто все упаковали, можно было договариваться насчет дальнейшего образования юной леди – во Франции.

Поселились в фешенебельной гостинице “Иена”, в Шестнадцатом округе Парижа. Поблизости и замечательные магазины с платьями и шляпками (а как же без них?), и множество музеев, в том числе музей Гимэ – восточных искусств, и частный музей мадам де Эннери, с чудесными коллекциями фарфора и образцами деревянного интерьера.

Американскому семейству Паттерсон, прибывшему в Торки, Эшфилд понравился с первого взгляда (как когда-то самой Кларе), они даже согласились сделать предоплату ренты наличными, так что на континент (а именно в Париж) Клара и Агата приехали с увесистым кошельком. Был 1904 год.

Мэдж в свой “парижский сезон” посещала пансион мадемуазель Каберне. Клара узнала, что эта школа переживает не лучшие дни, но все равно определила дочь туда. Агате предстояло изучать историю Франции и постигать тонкости светского этикета. Еще там давали уроки игры на фортепиано, под руководством мадам Легран она разучивала сложнейшую третью часть бетховенской Патетической сонаты.

Время, проведенное в этой школе, Агата назовет в своих воспоминаниях “довольно тусклым”. Возможно, потому, что ей не удалось совершить ничего выдающегося, в отличие от Мэдж. Все пансионерки были наслышаны о том, как отчаянная старшая сестрица Агаты выпрыгнула на улицу из окна третьего этажа. И это еще не все: она умудрилась приземлиться посреди чайного стола, за которым сидела сама директриса и две важные посетительницы. Почтенные дамы замерли от ужаса.

Успехами в учебе Агата отнюдь не блистала. Зазубривать названия провинций в эпоху французской Фронды было скучно, а в диктантах по французскому языку она делала ужасающее количество ошибок. Клара забрала дочь из пансиона, и они переехали в квартал Отёй, один из самых дорогих в Париже. Когда-то в этих местах жили Виктор Гюго, Мольер и Марсель Пруст. Именно там располагалась престижная сверхмодная школа “Ле Марронье”, возглавляемая педантичной мисс Хогг. Девушек учили вырабатывать правильную “английскую” походку (как будто все француженки как-то не так двигались!). Отметки у Агаты теперь не были ужасающими, зато ужасающей оказалась плата за обучение. Пора было урезать расходы, и по настоянию

Клары Агата снова сменила школу. На этот раз она очутилась в заведении мисс Драйден, родственницы мистера Барвуда, врача Тетушки-Бабушки. Он и порекомендовал Миллерам это заведение.

Там большое внимание уделялось искусству, оперному и драматическому. Учениц было всего двенадцать, им читали лекции настоящие актеры, для них пели настоящие певцы, их водили на лучшие спектакли, в том числе на поставленную в “Комеди Франсез” сатирическую комедию Ростана “Шантеклер”, где фазанью курочку исполняла сама Сара Бернар (это была одна из последних ее ролей).

Однако впечатлительную Агату куда больше поразила Габриэль Режан в пьесе Поля Эвриё “Бег с факелами”. Эта приверженка реалистической школы играла очень сдержанно, но накал драматизма был потрясающим. Миссис Кристи на склоне лет вспоминала: “Даже сейчас стоит мне закрыть глаза, как я слышу ее голос и вижу лицо, когда она произносит последние слова пьесы: “Pour saver ma filie, j’ai tue ma mere”[11], – я снова ощущаю, как по залу пробегает дрожь, и в этот момент занавес падает”.

Именно в школе мисс Драйден в полной мере раскрылись музыкальные способности Агаты, а уроки по грамматике и точным наукам отступили в тень.

Австрийский пианист, маэстро Карл Фюрстер, строго поблескивая моноклем, вслушивался в игру Агаты, осваивавшей шедевры Чайковского, Штрауса, Габриэля Форе, Шопена. Она занималась по пять часов в день и подавала большие надежды, ей даже пророчили исполнительскую карьеру на лучших сценах Европы. Маэстро Фюрстер именно таким рисовал будущее своей пятнадцатилетней подопечной, и она ему верила.

Агата занималась и пением, причем у самого месье Боэ, одного из лучших парижских профессоров по вокалу, он тоже твердил, что Агату ждет сцена, но оперная.

“Ах, мадемуазель поет как соловей”, – заявил Боэ Кларе, все еще сомневавшейся в певческих данных дочери.

Голос у Агаты был не очень сильным, но тембр, тембр! Изумительный! Боэ почувствовал, что ее сопрано можно развить и отшлифовать.

Трудно судить, что тут оказалось решающим, наивная доверчивость или увлеченность, так или иначе, Агата после школы ежедневно отправлялась в студию профессора Боэ. Надо было идти на Йенскую площадь и пешком подниматься на шестой этаж. Агату сопровождала наставница, поскольку юным ученицам запрещалось в одиночестве разгуливать по парижским улицам. В

студии Агата пела множество классических арий, и на итальянском, и на немецком, и на французском, и на латыни. Усердно тренировала гортань и связки под руководством маэстро Боэ.

В 1905 году обучение в школе мисс Драйден было завершено, теперь Агата могла считать себя “законченной леди”. Занятия музыкой пришлось прервать, поскольку надо было уезжать домой. Агату с ликованием встретили сестры Льюси, тут же доложившие, что, пока она была во Франции, в Торки произошли приятные перемены, стало “гораздо веселее”. На берегу моря, в “Купальном салоне”, устраивали танцевальные вечера, а во второй половине дня там же проходили концерты Струнного оркестра морских пехотинцев. На роликовых коньках теперь катались по всему пирсу, а на улице Южной появилась конюшня, и можно было устраивать верховые прогулки вдоль берега. То есть у молодых людей и девушек появилась возможность общаться. А других шансов побыть вместе у моря не было, ведь купальни были раздельными.

Для женщин купание было сопряжено с рядом обременительных процедур. Купальники были очень закрытыми, да еще полагалось надевать чулки, но и в этом “откровенном” костюме не дозволялось ходить по пляжу. Купальщицу прямо в кабинке завозили уже на некоторую глубину, затем отворялась задняя дверца, и даму из комнатки для переодевания выпускали прямо в воду, чтобы она не попалась на глаза дерзким мужчинам. Кабинки выглядели как настоящий домик, нарядно расписанный, к нему были приделаны деревянные колеса, в общем, это отдаленно напоминало перемещение кареты на театральной сцене.

Агата обожала плавать, летом каждый день ходила на море, часто вместе с любимым племянником (малолетнему Джеку пока разрешали находиться в дамской купальне). Обычно она сажала его на спину и плыла к плотику, прикрепленному цепью ко дну. Но однажды Агату накрыло шальной волной, и она ушла под воду. К счастью, та же волна оторвала от нее Джека, и малыш успел доплыть до плота, находившегося совсем близко. Спас ее старый моряк, который завозил кабинки купальщиц в воду и следил за порядком на пляже. Он заметил, как она барахтается, пытаясь всплыть. Агата уже теряла сознание. Когда опасность миновала, спасенная ничего толком не могла вспомнить, но была скорее раздосадована, чем напугана. Ей говорили, что перед утопающим проносится вся его жизнь, а перед ее глазами не пронеслось ни единого эпизода.

Агата Мэри Кларисса Миллер из подростка превратилась в

эффектную (хотя и слишком застенчивую) девушку и очень быстро поняла, что молодые люди тоже заметили эту метаморфозу. Конечно, лодыжки у Агаты были плотноватыми, а длинные, до самой талии, волосы часто не слушались, выбиваясь из модной высокой прически. И все же был в ней шарм именно классической красоты, почитатели которой в первую очередь ценят гибкость и гармоничность женской фигуры, а не вздернутый носик.

Спустя год после возвращения из Франции Агата попала во Флоренцию. Произошло это так. Американская приятельница Клары, Мэй Стердж, отправилась в Альпы, чтобы в одной из швейцарских клиник избавиться от огромного зоба. После успешной операции она под присмотром сиделки захотела поехать в Италию и попросила Агату составить ей компанию.

Общеизвестно, что итальянцы отличаются пылким темпераментом. Были они таковыми и в 1906 году. Стоило Агате зайти в какой-нибудь собор, даже в величественный Санта-Мария-дель-Фьоре, как ее вмиг обступала толпа юнцов, норовивших чуть ли не ущипнуть.

В “Академии” она долго любовалась “Давидом” Микеланджело, а в галерею Уффици ходила несколько дней подряд, так ей не хотелось расставаться с великолепными шедеврами. Домой Агата вернулась через месяц, в неимоверном восторге от увиденного, и поражала знакомых длинными пассажами на итальянском. Уж теперь-то она действительно обрела лоск, такое у всех сложилось мнение.

Но не у Клары. Она знала, что, пока девушка не начнет “выходить в свет”, полноценного признания в обществе ей не добиться. Причем светская жизнь дебютантки должна быть очень насыщенной, как когда-то у Мэдж в Нью-Йорке. Однако при теперешнем финансовом положении Клара не могла устроить бал в честь дебюта Агаты (что делали в богатых домах), не могла представить ее при королевском дворе. Зато она могла отвезти дочь на три месяца в Египет, где и зимой было тепло. Опять выручил Эшфилд, его сдали за очень большие деньги, хватило и на оплату счетов, и на поездку.

Клара стремилась уехать в Египет не только из-за дочери. Ее одолевали всякие недомогания и врачи, тщетно пытавшиеся помочь, хотя даже диагнозы все они ставили разные. После длившихся не один месяц обследований и споров с эскулапами Клара решила бежать и заказала номер в каирской гостинице “Гезира-палас”[12] с видом на Нил.

Плыли они на пароходе “Гелиополис”, недавно спущенном на воду египетской компанией “Мейл Стимшип”; с этого морского

путешествия и начался их вояж. В Египте Агата и Клара пробудут три месяца, которые значительно повлияют на их представления о жизни.

Но, как говорится, каждому свое. Вдали от Эшфилда, где все не находилось свободного времени, Клара надеялась наконец составить завещание, весьма обременительное занятие. Вскоре стало очевидно, что египетская жара занятия просто обременительные делает мучительными. У семнадцатилетней Агаты были иные заботы. Пять раз в неделю она танцевала в роскошных отелях, которые цепочкой выстроились вдоль Нила. А днем нежилась на веранде, время от времени прихлопывая надоедливую муху, и это было величайшим подвигом для изнеженной английской барышни – так считала ее свита, сплошь состоявшая из офицеров Британской королевской армии.

Но свита, разумеется, всерьез не принималась. Клара никогда бы не позволила какому-нибудь солдату, моряку или военному полицейскому заморочить голову ее невинной крошке. Но тем не менее умело подводила дочь к раздумьям о возможном замужестве, ей бы очень подошел потомственный аристократ или человек с деньгами, разумеется “полученными честным путем”.

Проклятые деньги… даже на обычные молодежные развлечения требовались изрядные суммы. Все ведь нужно было оплачивать: билеты на игры в поло, пикники, участие в крокетных соревнованиях, бадминтон. Теперь пришла пора другой учебы, не просто в школе, а в *школе жизни.* И Агата, как могла, постигала житейские премудрости, насколько ей позволял ее возраст и склад характера.

За три месяца, проведенные в Каире, Агата познакомилась почти с тридцатью джентльменами, но интересными ей казались лишь люди солидные, кому было уже под тридцать или даже слегка за сорок. Ровесники и даже молодые люди постарше были ей скучны, у них не было жизненного опыта, а юной Агате нравились те, кто мог рассказать что-то новое об этом мире, чего она еще не знала.

Несмотря на счастливую внешность, Агата никак не могла преодолеть робость и поддержать беседу, в компании держалась скованно и молчала. Египет, безусловно, был очень ей полезен. Учил наблюдательности. Она узнала множество жизненных историй и, скажем так, человеческих типажей, что впоследствии очень пригодится для ее книг. Но наука светского общения давалась ей с трудом.

Однажды Агату пригласил на танец некий капитан Крайк, а потом, проводив ее к сидевшей у стены Кларе, заявил: “Вот, получите вашу дочь. Она научилась танцевать. В самом деле,

танцует она замечательно. А теперь вам стоило бы научить ее разговаривать”.

Да, обидный комплимент, приправленный, в общем-то справедливым упреком. Агата была образованна, умна, привлекательна, то есть обладала всеми качествами для нормального, без издержек подростковой неуверенности, общения. Но такой уж у нее был характер: по-настоящему комфортно она чувствовала себя только в одиночестве. Клара с обычной своей горячностью принялась исправлять нрав дочери, удвоив количество посещаемых мероприятий, таких, где уклониться от общения было невозможно.

Возвращение в Торки стало поводом для семейных праздников, путешественницы нанесли визиты к Мэдж в Чидл-Холл и в Эбни-Холл. Уже началась весна, и теперь можно было ездить на выходные в загородные дома друзей, обретенных в Каире.

Однажды Агату пригласили мистер и миссис Парк-Лайл (последнего все называли “сахарным королем”, поскольку он сделал свое состояние на сахаре), они устраивали грандиозный прием с охотой и катанием на лодках. Ни первое, ни второе Агату не вдохновляло, но Клара настояла на поездке, уверенная, что дочь отлично проведет время в этом загородном виндзорском особняке (хозяева его снимали).

Агата сразу же понравилась одному офицеру, армейскому стрелку, и он постоянно оказывался рядом: настойчиво предлагал ей сыграть в теннис, просил оставить для него несколько танцев, приглашал пройтись вокруг озера. Каким-то образом даже упросил хозяйку позволить ему отвезти Агату на станцию, когда та собралась уезжать.

Когда поезд тронулся, Агата облегченно вздохнула, радуясь, что избавилась от назойливого кавалера, но тот вдруг снова появился в купе и уселся напротив. Сверля ее страстным взглядом, он сделал пылкое признание: “Я хотел отложить этот разговор до нашей встречи в Лондоне, но понял, что не могу больше ждать. Я должен сказать вам все сейчас. Я безумно вас люблю. Вы должны выйти за меня замуж. В первый же миг, как только я вас увидел на лестнице, когда вы спускались к ужину, с того самого мгновенья я понял, что вы для меня единственная женщина на свете и других быть не может”.

Теперь уже Агата сверлила его взглядом, но не страстным, а укоряющим. Первое предложение руки и сердца она мечтала получить от личности более достойной. Это должен был быть рыцарь или хотя бы герцог. Кто-то сильный и значительный, и гибельно неотразимый, владелец целого табуна горячих скакунов.

Но никак не армейский стрелок, пусть даже и отличный, не этот нудный солдафон, который ни на минуту не оставлял ее в покое. Агата в ответ произнесла нечто витиевато-вежливое, но вполне определенное, однако изысканность фразы не могла смягчить суровость короткого слова “нет”. Весь путь попутчики провели в неловком молчании, Агата чувствовала себя крайне неуютно.

То ли тайная мечта найти своего принца, то ли желание просто подурачиться и порадоваться роскоши лета тому причина, но восемнадцатилетняя Агата порхала с вечеринки на вечеринку, с бала на бал, и, разумеется, количество поклонников росло. Но влюбленности были несерьезными. Их можно отнести к легкому флирту. То, что Агата, по примеру средневековых трубадуров, назовет позже “le pays du tendre”[13]. Как знать, возможно, романтические поиски были бы завершены в тот же сезон, но Агата внезапно заболела, доктор Хаксли предписал несколько недель постельного режима. Лишенная общества уже завоеванных и потенциальных воздыхателей, Агата подсушивала ломтики хлеба, разрисовывала их красками и надписывала имена друзей, вот такие самодельные подарки. Скучнейшее занятие. Именно тогда, вспоминала Агата, мама предложила ей что-нибудь написать.

О романе речи не шло. Несколько лет назад Клара предложила написать рассказ и старшей дочери, тоже как раз набиравшейся сил после гриппа. Пробы пера Мэдж завершились, как уже упоминалось, публикацией в престижном журнале “Ярмарка тщеславия”. Агата приняла этот вызов, надеясь превзойти Мэдж *хотя бы в чем-то*. Поставив на стол старую пишущую машинку сестры, она принялась тюкать двумя пальцами по клавишам. В рассказе под названием “Дом красоты” получилась тридцать одна страница, свое творение Агата подписала псевдонимом “Мак-Миллер, эсквайр”. Это был рассказ о безумии, с основательной примесью мистицизма. Он был не так откровенно беспомощен, как опусы большинства увлекающихся сочинительством молодых барышень и юношей, но для журнала все-таки не годился. Агата быстро это уяснила, рассылая копии по разным редакциям и получая в ответ письма с отказом.

Позже, в минуты досуга, появятся еще несколько рассказов, в том числе “Зов крыльев” и “Одинокий божок”. Все они под разными псевдонимами были педантично отправлены издателям журналов, а издатели столь же педантично присылали письма, разные по форме изложения, но одинаковые по сути, означавшие “нет”.

Эти свои писательские опыты Агата воспринимала как приятное развлечение, продолжая прилежно заниматься вокалом,

не сомневаясь, что ее ждет успех, по крайней мере у местной публики. Чтобы хоть немного подстегнуть ее величество удачу, Агата посещала обеды “с музицированием”, которые издавна устраивались в Торки, на радость хозяевам, ведь тогда еще не существовало радио, а фотографирование еще не было доступным развлечением. Конечно, домашняя сцена – это не сцена Королевского концертного зала “Альберт-Холл”, тем не менее там были *выступления.* И поскольку играть, петь и аккомпанировать доводилось на вечеринках у друзей, Агату всегда баловали вниманием и восхищенными комплиментами, что подпитывало ее мечту о профессиональной сцене.

Мечта стала особенно желанной в 1909 году, когда Мэдж пригласила сестру на вечер “Оперы Вагнера”. Это был концерт артистов вашингтонской оперы, который состоялся в лондонском “Ковент-Гардене”. Дирижировал Карл Рихтер, а европейским меломанам впервые посчастливилось услышать выразительное сопрано американской певицы Минни Зольцман-Стивенс. Сестры были потрясены ее талантом, оперной диве даже оркестранты аплодировали стоя. Мэдж онемела от восторга, а по щекам Агаты катились слезы.

Ее взбудоражил неистово рукоплещущий зал, и она тут же представила себя в роли Изольды[14]. Она тоже когда-нибудь будет стоять на сцене, и к ее ногам тоже будут бросать розы! Вернувшись домой, она с еще большим усердием стала тренировать голосовые связки и даже потом сама удивлялась, какого ей удалось достичь прогресса. А вскоре в Торки приехала американская подруга Мэй Стердж, у этой дамы (случаются же такие совпадения!) были связи в нью-йоркском “Метрополитен-опера”. Она согласилась прослушать Агату Именно благодаря ее откровенному отзыву Агата оставила грезы об оперной сцене и в конце концов обрела славу на ином, далеком от музыки поприще.

“Арии вы исполнили довольно средне, – сказала дама и, увидев, как огорчилось юное дарование, торопливо добавила: – А упражнения для голоса мне понравились. Вы могли бы стать неплохой камерной певицей, и даже известной”.

Это, конечно, утешало, но Агата мечтала о грандиозном успехе, не меньшем, чем у мадам Зольцман-Стивенс, которой она сама недавно аплодировала стоя. В эту минуту Агата Мэри Кларисса Миллер уже точно знала, что никогда не станет певицей.

“ Я спустилась с небес на землю, – писала она в “Автобиографии”, – и сказала маме, что теперь ей больше не нужно тратить деньги на уроки музыки. Я могла петь сколько угодно, но учиться пению было уже незачем. Уверена: ничто так

не опустошает душу, как напрасные старания попасть туда, где вы все равно останетесь только статистом”.

Оставив грезы о певческой карьере, Агата принялась снова пописывать рассказы, теперь гораздо чаще, но скорее от скуки, чем от желания набить руку. Просто ей необходимо было удовлетворять неодолимую тягу к творчеству, не важно, в какой форме. Ее поддразнивала сестра и подбадривала Клара. В конце концов Агата принялась творить, опираясь на впечатления, полученные в Египте, она прекрасно помнила и атмосферу, навеянную зноем пустыни, и ее жителей. Кураж сделал свое дело: на свет появился роман “Снег в пустыне”, своего рода подражание “комедии нравов”.

Сконструирован роман был плохо, нуждался в основательном редактировании, но все же было очевидно, что автору отлично удается изображать запоминающиеся характеры и придумывать увлекательный сюжет. Агата начала писать одну историю, потом ей в голову пришла другая, снова вернулась к первой, потом соединила оба сюжета. Сама в них запуталась, и поэтому персонажи становились все менее убедительными. Однако этот опус был в чем-то удачным, поскольку в нем открылись потенциальные возможности будущей писательницы. Их, собственно, и заметил Иден Филлпотс, живший по соседству с Миллерами.

В 1910 году Филлпотс был очень популярен, девонширцы им гордились. Этот весьма опытный и плодовитый писатель был давним (более двадцати лет) другом семьи. В его романах и пьесах обычно описывалась сельская жизнь. По книге “Жена фермера” в 1941 году Альфред Хичкок снял сенсационный фильм, где блистательно сыграл Майкл Уайдлинг. Клара уговорила дочь отослать роман именитому соседу, и та, преодолев смущение, решилась это сделать. А в ответ получила письмо.

Мистер Филлпотс очень дружелюбно, но откровенно высказался, разложив по полочкам достоинства и недостатки творения юной коллеги, хотя мог бы прислать формальную отписку. Агата была тронута: “Трудно выразить словами, какую я почувствовала благодарность, он мог с легкостью от меня отделаться, ограничившись несколькими справедливыми, но равнодушными замечаниями, после которых я могла окончательно в себе разувериться. Но он понял, насколько я стеснительна и как трудно мне с кем-то обсуждать свое творение”.

Вот что он писал:

Некоторые фрагменты очень хороши. У Вас прекрасное чувство

диалога, и Вы должны смелее использовать естественную живую речь. Попробуйте выбросить все нравоучения, Вы слишком ими увлекаетесь, а они так скучны. Предоставьте Вашим героям возможность действовать самостоятельно, пусть они сами за себя говорят, не заставляйте их говорить то, что они вроде бы должны сказать, и не надо разъяснять читателю, что именно Ваши персонажи имели в виду.

Советы весьма полезные, но, возможно, еще важнее было знакомство с литературным агентом Филлпотса, Хьюджесом Мэсси. Легендарная личность в издательском мире: благосклонного отзыва этого старого ворчуна иногда бывало достаточно для успеха начинающего автора. Агата оробела, увидев высокого смуглого господина с хмурым лицом, но, прочитав заголовок, он оживился: “Снег в пустыне”, что ж, звучит интригующе”.

К сожалению, сам роман показался ему совсем неинтересным. Возвращая Агате рукопись, он порекомендовал ей написать что-нибудь другое. И на другую тему.

Агата не особенно расстроилась и, послушавшись строгого мистера Мэсси, написала рассказ “Видение”, который во многом перекликался с романом Гастона Леру “Тайна желтой комнаты”, он тогда только вышел во Франции и имел успех. Возможно, это лучший образец “детектива в замкнутом пространстве”. То есть убийство совершает не кто-то со стороны, а один из центральных персонажей.

“Видение” не принял ни один журнал, но Агата упорно продолжала сочинять короткие рассказы и еще иногда стихи.

Развлекаясь сочинительством, Агата не забывала кружить головы молодым людям, тоже отличное развлечение. Надо сказать, Клара всегда была в курсе сердечных дел Агаты. Обычно отношения ее дочери с новыми знакомцами не заходили дальше невинного флирта и дружеской болтовни.

И вот однажды Агате захотелось покататься верхом, она отправилась на выходные к друзьям Клары, мистеру и миссис Рэлтон-Патрик, жившим в Уорвикшире. У них она познакомилась с полковником Семнадцатого уланского полка Болтоном Флетчером, высоким, но довольно-таки плотным мужчиной тридцати с лишним лет. Болтон сопровождал Агату на бал. В своем белом парчовом платье она была сказочно хороша.

Вскоре после возвращения в Торки Агата получила письмо с признанием в любви. Потом еще одно. Флетчер задаривал ее цветами и шоколадом, он преподнес ей эмалевую брошь. Далее последовало предложение руки и сердца. Агата была польщена и

пребывала в блаженной беспечности, “как зачарованная птичка”. Этот опытный сердцеед покорил ее красивым ухаживанием и изысканными, страстными комплиментами.

Дочь бездумно наслаждалась вниманием поклонника, но столь стремительный штурм встревожил материнское сердце. Оно и понятно, Агате было всего двадцать лет. Клара призывала ее хорошенько подумать и предложила влюбленным проверить свои чувства, расставшись на полгода. Ровно через шесть месяцев полковник прислал Агате такую телеграмму: “Изнемогаю от неопределенности. Вы выйдете за меня? Да или нет?”

Ответ ее состоял из одного-единственного слова: “Нет!”

Лето и ранняя осень прошли спокойно, но потом появился еще один серьезный претендент на ее руку, между прочим старый знакомый. С Уилфредом Пири Агата не виделась тринадцать лет, а познакомились они в Динарде, в том первом путешествии Миллеров по Франции. Тогда он был курсантом военно-морского училища, а теперь уже получил звание младшего лейтенанта в Королевском военном флоте, и службу он нес на подводной лодке, которая часто останавливалась в доке Торки.

Их отцы были хорошими друзьями, но и мистер Миллер, и мистер Пири давно покинули этот мир. За чаем с булочками Клара и миссис Лилиан Пири часто вспоминали о прошлом, о своих мужьях. Агата зачарованно их слушала, не столько потому, что ее так уж интересовали эти воспоминания, сколько из-за миссис Пири. Она была блистательной, необыкновенной женщиной. Могла с легкостью говорить обо всем, от впечатлений об опере тут же перейти к обсуждению интерьера или к картинам такого-то художника, ей не требовалось даже паузы, чтобы собраться с мыслями. Миссис Пири была именно такой, какой хотелось бы стать самой Агате.

А вот сын ее, Уилфред, был куда менее яркой личностью. Несмотря на заверения в любви и на предложение пожениться (сделанное уже на третьем свидании), Агата воспринимала его скорее как приятеля. Он был славным и добрым человеком, но абсолютно неромантичным. Мог предложить свою помощь, если требовалось помыть лапы собаке, но никогда бы не додумался прислать цветы. И все же Агата обручилась с ним “по взаимному согласию”, так называлась неофициальная помолвка. Однако же это не помешало Уилфреду отправиться в длительную экспедицию в Южную Африку, где он рассчитывал обнаружить залежи драгоценных камней. Агата поняла, что согласию их пришел конец.

Эти “происшествия”, как позже назовет их Агата, можно было бы отнести к безобидным влюбленностям, о которых вообще не

стоило бы упоминать, если бы они не отвлекали ее от сочинительства. Романы вдохновляли ее разве что на любовные сонеты, не слишком удачные.

В сентябре 1911 года свой день рождения (двадцать первый) Агата отмечала в гостях у семейства Льюси. По случаю столь торжественного события на раут были приглашены лучшие местные женихи, “гвоздем” вечера стало разучивание нового модного танца, танго. Танец произвел фурор, все барышни сочли его “чересчур вызывающим”. Именно благодаря танго Агата увидела старшего брата сестер Льюси в новом свете. Реджи только что вернулся из Гонконга, где служил в артиллерийском полку, и выглядел великолепно. Настоящий красавец. Впрочем, красив он был всегда. Появилось что-то еще, вероятно шарм мужской зрелости, что-то такое, что трудно объяснить словами. Как бы то ни было, Агата Миллер и опомниться не успела, как состоялась очередная помолвка “по обоюдному согласию”. А предыстория была такова. Они отправились в гольф-клуб, Реджи показывал своей спутнице, как правильно держать длинную деревянную клюшку, и, нежно обхватив ее пальцы, сжимавшие рукоятку, вдруг шепнул в самое ухо:

– Как вам перспектива выйти за меня замуж?

Реджи был верен себе: даже в этот ответственный момент немного ерничал, видимо, чтобы не возникло неловкости, и, помолчав, добавил:

– Имейте меня в виду, и, если не подвернется кто-то еще, я в вашем распоряжении.

Несмотря на эту оговорку, Агата сразу же ответила “да”.

Но и Реджи не стал ее вечной любовью, и даже не вечной толком стать не успел. Ибо вскоре после того, как он отбыл в свой полк, Агата начала осознавать, что он не совсем тот, кто ей нужен.

Они больше года переписывались, письма были скорее дружеские, чем страстные. Это была в большей степени братская привязанность. Он, безусловно, любил Агату, но неизменно напоминал, что она вольна искать что-то более подходящее, если таковое найдется. И оно нашлось. В городке Чадли, на балу у лорда Клиффорда. Двенадцатого октября 1912 года в его старинном замке, построенном в одиннадцатом веке, был устроен бал в честь доблестных воинов Эксетерского артиллерийского гарнизона.

Герои вечера были великолепны в своих темнобежевых мундирах с нашивками, на груди поблескивали медали, на ногах – начищенные высокие ботинки. В общем, вид у солдат его величества был бравый, очень гордые собой и своим гарнизоном,

они картинно прохаживались перед дамами. Агата попала на торжество по рекомендации знакомого Клиффордов. Там должен был присутствовать и ее давний приятель, лейтенант Артур Гриффитс, но он заболел и попросил своего друга позаботиться о мисс Миллер.

Не заметить Агату было, конечно, невозможно. Прелестное лицо, стройная гибкая фигурка, изящество которой подчеркивало платье персикового цвета, светлые волосы были стянуты на затылке в пышный узел, украшенный ландышами.

Мисс Миллер нервно теребила пальцами ремешок расшитой бисером сумочки и смотрела куда-то вдаль. Друг приятеля подошел в тот момент, когда рядом с ней никого не было, и представился: второй лейтенант Арчибальд Кристи. Он был выше Агаты на полфута, на щеках рдел нежный румянец, приглаженные волосы были разделены идеальным пробором, в голубых глазах мерцали искорки. И как только эти глаза встретились с глазами Агаты Миллер, она влюбилась. Страстно, безумно, она и представить не могла, что можно так любить.

Глава третья
Миссис Арчибальд Кристи

А – это “Ангел небесный, Агата”

—

Женушка Арчи, красавца и хвата.

“Стихотворный алфавит"
Агаты Кристи 1915 год

12 ОКТЯБРЯ 1912. В тот вечер, когда Агата Кристи познакомилась с Арчибальдом Кристи, в ее ушах почему-то не раздался звон колоколов. А должен был, или хотя бы звезды должны были вспыхнуть над их головами. Ведь по заверениям миссис Л.Т. Мид, сочинительницы жгучих любовных романов, именно это происходит в тот момент, когда в первый раз оказываешься лицом к лицу с Ним, настоящим Суженым. Агате и без всяких звезд хватало забот: она пыталась разобраться в своих чувствах и той информации, которой ее снабжал партнер, пока они кружились в вальсе.

За два танца Агата узнала, что Арчи Кристи родился в Индии, что отец его был судьей и погиб несколько лет назад, упав с лошади, совсем как дедушка Агаты. Мать зовут Маргарет (для знакомых – Пег), отчим – Уильям Хемсли, директор именитого бристольского Клифтон-колледжа. Там учился и сам Арчи, и его брат Кэмпбелл. Внимая рассказу кавалера, Агата успела заметить, что он еще и превосходный танцор.

Он ловко и умело вел ее, при этом оставался почтительным, почти робким, однако они все же успели многое друг другу рассказать, поминутно заливаясь смехом.

Едва начавшийся роман обречен был оборваться в тот же день, ведь Агате предстояло покинуть замок. Она села на поезд и отправилась домой, зная, что больше никогда не увидится с лейтенантом Арчи. Но, разумеется, постоянно о нем думала, и ей очень хотелось знать, вспоминает ли ее он.

Вскоре после Рождества она получила ответ на этот вопрос. Однажды Агата пошла в гости к Мэллорам, жившим по соседству. Когда стали играть в бадминтон, позвонила Клара и сообщила, что явился какой-то молодой человек, *совершенно незнакомый,* велела дочери немедленно отправляться домой и самой выяснять, кто это.

Вбежавшая в гостиную двадцатидвухлетняя особа была

совсем не похожа на ту милую барышню, которая покорила Арчи Кристи. Вся взъерошенная, запыхавшаяся, злая… Арчи вскочил, приветствуя ее, отчаянно покраснел, стал извиняться, пробормотал, что случайно проезжал мимо на мотоцикле и решил зайти.

Теперь уже покраснела Агата. Она была уверена, что ее дожидается “молоденький морской офицер, ужасный зануда”, от которого она давно пыталась избавиться. Увидев Арчи, Агата, сама того не желая, расплылась в улыбке, и это была очень нежная, любящая улыбка.

“Арчи”, – услышала Агата свой голос.

Она протянула ему руку, потом, разом обессилев, опустилась на табурет у пианино.

Мало-помалу разговорились и вскоре уже болтали как давние знакомые, Арчи от души хохотал, когда Агата уморительно описывала свои бесшабашные развлечения: катание на роликовых коньках, заплывы с нырянием из дурацких кабинок и пятиминутный полет на аэроплане, за который ее мама выложила целых пять фунтов. Услышав про аэроплан, Арчи вскочил на ноги и сбивчиво, с жаром стал рассказывать: он ведь теперь *летчик,* только что получил удостоверение авиатора в Бристольском аэроклубе. И не преминул похвастаться: “Я номер двести сорок пятый. Нас, летчиков, в Англии наперечет”.

Агата восторженно округлила глаза и представила, как они с Арчи вдвоем летят на аэроплане. Однако прелестное видение тут же растаяло, поскольку он сообщил, что надеется попасть в только что сформированный Королевский летный корпус.

Профессия летчика очень романтична, но дьявольски опасна. Оба отлично это понимали, что не мешало мистеру Арчи сиять от гордости, а мисс Агате восхищенно улыбаться. Еще бы! Ее новый поклонник настоящий герой!

Гостю предложили за компанию поужинать, благо в доме еще оставалось после Рождества кое-какое угощенье. Арчи пригласил Агату в Эксетер, где в воскресенье днем должен был состояться концерт музыки, а потом они могли бы попить чаю в отеле “Редклифф”.

Агата с радостью согласилась, однако Клара была начеку.

“Моя дочь не ездит на концерты *одна,* – сказала она, повернувшись к гостю, – и уж тем более не пойдет в гостиницу пить чай в обществе мужчины”.

За столом возникло неуютное молчание, но Арчи быстро нашелся: предложил миссис Миллер поехать вместе с ними.

Клара не знала, как ей выпутаться. Быть дуэньей при взрослой дочери не хотелось, да и концерт не особо прельщал. В

конце концов был найден компромисс: на концерт пусть едет, а в гостиницу – ни в коем случае. А чай… чай можно попить в эксетерском вокзале, перед тем как Агата отправится обратно в Торки. Обычно миссис Миллер не была такой покладистой, и дочь оценила ее великодушие. Ясно было, что Арчибальд Кристи понравился Кларе.

Когда Агата увидела, как Арчи уносится на своем мотоцикле, ей захотелось, чтобы он остался у них навсегда.

За ужином Агата пригласила его на новогодний бал, который устраивали в Павильоне, построенном в Торки всего четыре месяца назад. Это белоснежное чудо придумали архитекторы Эдвард Роджерс и Х.К Госс. Далее проект был отточен и "привязан" к месту главным инженером города Торки, мистером Генри Аугустусом Гарретом. Павильон нарекли "Дворцом развлечений". И действительно, он выглядел как волшебный дворец, воздушный, с ажурными окнами, отделанный даултонской керамикой и лепниной.

Над танцующими сияла великолепная хрустальная люстра, доставленная из Франции за несколько дней до торжества. Новогодний бал стал бы для Агаты самым счастливым событием года, если бы не странное поведение Арчи. За три дня, остававшиеся до бала, ее внимательный, остроумный, неотразимый поклонник превратился вдруг в угрюмого молчуна с рассеянным взглядом, он походил "на больного барашка". На самом вечере он танцевал словно бы через силу и почти не притронулся к еде, которую положил себе на тарелку.

Агата испугалась, что чем-то его огорчила, и вскоре поймала себя на том, что тараторит как сорока, пытаясь преодолеть безнадежное молчание. Только через два дня после новогоднего празднества Арчи осмелился открыть тайну своей меланхолии. Его приняли в Королевский летный корпус. Отныне второй лейтенант Арчибальд Кристи официально числился военным летчиком, прикомандированным к летной школе в Фарнборо, в тридцати четырех милях от Лондона. А куда его направят после тренировок – вообще неизвестно.

Они были едва знакомы, но Арчи уже не представлял себе жизни без этой девушки, с которой ему так легко и спокойно. Он поспешил уведомить об этом саму девушку и тут же попросил выйти за него замуж. Агата растерялась, она ведь, в сущности, любила одиночество, привыкла потакать своим фантазиям и творческим прихотям. Осмысливая слова Арчи, она медлила с ответом, но в мозгу уже крутилось: *"И в радости и в горести… до самой смерти*".

Когда Агата заговорила, то первым с ее губ слетело мужское

имя. Нет, не Арчи. Реджи. Она сообщила, что помолвлена с Реджи Льюси, неофициально, тем не менее это ее жених. И разумеется, он должен знать, что происходит.

Наличие соперника нисколько не смутило настойчивого лейтенанта. Он повторил, что безумно любит ее, своего Ангела. Узнав, что она ангел, Агата Миллер с улыбкой посмотрела в глаза тому, кто собрался сделать явью заветную девичью мечту. Несколько недель Агата не решалась отослать Реджи письмо с признанием: увы, полюбила одного летчика. Новость тот воспринял с грустью, но и философски, примерно так же он когда-то отнесся к их помолвке и к тому, что стал не просто другом, а потенциальным мужем.

Арчи служил в Третьем эскадроне, командиром Арчи был майор Роберт Брук-Попем. Майору нравился кураж новичка, он видел, что из второго лейтенанта Кристи получится отличный летчик-истребитель. Арчи был педантом, безупречно аккуратными были не только его стрижка и мундир, но и записи полетов. Он фиксировал в дневнике каждый полет: дата, дальность, длительность. Дневник он вел всю свою жизнь.

Но было и то, что невозможно было отразить в цифрах: чувство свободы, которое испытывал Арчи, поднимаясь в воздух. Ему очень подходила профессия летчика, которая требовала умения мгновенно принимать решение и действовать без колебаний. Мистеру Арчибальду было комфортно за штурвалом, когда каждое действие просчитано и все можно держать под контролем. Постепенно под влиянием полетов он превратится в другого человека, более жесткого и хладнокровного.

Но тогда Агата никаких предвестников перемены не замечала, ее захлестывали страх и любовь. Она боялась, что с ее возлюбленным случится несчастье: или разобьется насмерть, или останется инвалидом. Она больше не воспринимала авиацию как арену для дерзких романтических подвигов, теперь ей хотелось убедить Арчи отказаться от полетов.

Начался 1913 год. Агата в каждом письме умоляла больше не летать, найти занятие “менее опасное”. Она была в панике, ведь тогда же погиб известный авиатор и шоумен Сэмюель Франклин Коуди: его биплан рухнул с высоты четыреста футов и врезался в дерево. А именно Коуди выпускал военные самолеты. Арчи в ответных письмах ласково успокаивал невесту, но и не думал отказываться от полетов.

“И все-таки я хочу летать, – писал он ей еще в августе 1912 года, обмолвившись о том, что самолеты Коуди не совсем устойчивы. – Но доля риска ничтожна, уверен, что со мной ничего не случится”.

Клара даже не пыталась успокоить дочь. Она была твердо уверена, что авиация – это происки дьявола. “Господь не дал человеку крыльев, значит, не достоин”, – теперь часто говаривала она. Да и вообще, летчик – это несерьезно, какой из него муж. Ни приличного дохода, ни карьерного роста.

Но Агата твердо решила выйти замуж по любви и сказала матери, что “страстно мечтает стать женой Арчи”. Готова ждать его хоть всю жизнь. На протяжении двух лет они виделись урывками, когда лейтенанту Кристи удавалось ненадолго получить увольнительную.

Разлука стала для обоих испытанием почти невыносимым, любовь все настойчивей вытесняла здравые соображения. Ведь Арчи, а потом и Агата все же пытались осмыслить перспективы своих отношений, и пока все складывалось не лучшим образом. Арчи понимал, что Агата живет в стесненных обстоятельствах, и он не в состоянии ее поддержать, ни морально, ни материально. Агата пребывала в постоянной тревоге – за него и за мать, которую одолевали недуги.

Что и говорить, мисс и миссис Миллер приходилось нелегко. Но по большому счету жизнь в Торки была по-прежнему уютна и приятна. Солнечные пляжи, регаты, вечеринки, званые обеды – ласкающие душу и тело курортные радости. В Торки по-прежнему нежились богачи и знаменитости, их стало даже больше, поскольку в Европе нарастали волнения, и было очевидно, что назревает какой-то грандиозный общественный катаклизм. Об этом свидетельствовало множество событий. Суфражистки, сражавшиеся за предоставление женщинам избирательного права, устраивали уличные демонстрации и погромы. В Ирландии обострилось противостояние католиков и протестантов. Германия обвиняла Британию в захватнической политике, Британия в том же самом обвиняла Германию. Балканские страны неустанно предъявляли друг другу претензии, как справедливые, так и надуманные.

28 июня 1914 года в Сараеве были убиты наследник престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд, и его супруга София, их застрелил член тайного сербского общества “Черная рука”. В Торки мало кого взволновала эта расправа. Никаких официальных соболезнований, ни одной отмененной вечеринки. В Лондоне власти все-таки насторожились и забеспокоились. Но и в палате общин, и в палате лордов тем не менее звучали спичи о том, что Австро-Венгрия не станет воевать с Сербией.

Ровно через месяц после трагедии в Сараеве Австро-Венгерская монархия начала военные действия против Сербии, после чего даже над безмятежными пляжами Торки нависла

тревога. О начале войны сообщила по телефону Тетушка-Бабушка, Клара сказала об этом Агате, и та сразу поняла, что Англию непременно вовлекут в конфликт, причем со дня на день. Первого сентября Арчи срочно вызвали к начальству. Велели готовиться к скорой отправке во Францию. Понятно было, что он может вообще не вернуться назад. И с этой минуты лейтенант Кристи мечтал лишь об одном: увидеться с Агатой, пока еще он здесь, в мирном Солсбери.

Поезда ходили плохо, целых два дня Агата и Клара с множеством пересадок и объяснений с контролерами добирались до дислокации Третьего эскадрона. Арчи на месте не оказалось, он был на тренировочном полигоне. Влюбленным удалось провести вместе всего несколько часов, которые станут для Агаты одним из самых дорогих в ее жизни воспоминаний.

Когда возвращались на поезде в Торки, Клара всю дорогу молча молилась, перебирая четки, а ее дочь неотрывно смотрела в окно. Она всем своим существом чувствовала, что грядут чудовищные утраты. Привычный мир вот-вот рухнет (уже летит!) в темную пропасть. И даже если не разобьется насмерть, то все равно никогда не станет прежним. И Агата заранее по нему тосковала.

Судя по записям в дневнике Арчи, из тренировочного лагеря он отбыл пятого августа, а из Англии – двенадцатого. Как только была объявлена война против Германии, в каждом выпуске новостей говорили о потерях в рядах британской армии и о бесконечных бомбежках. В воздухе постоянно витала угроза уничтожения, но на многих это почему-то действовало как пьянящий эликсир. По всей стране толпы добровольцев атаковали призывные пункты.

Агата поступает в Добровольческий медицинский отряд, но предварительно посещает платные курсы помощниц медсестер, где учат обрабатывать и бинтовать раны, и постигает тонкости хирургической гигиены. Все ее таланты теперь были никому не нужны; лишь служа в Добровольческом отряде, она могла поддержать фронт, в том числе и своего жениха.

“Мне хотелось хоть чем-то помочь”, – скажет она в 1976 году в своем интервью для Имперского военного музея.

Помощница медсестры. Грязная, монотонная, изнуряющая работа. Тем более для барышни, которой совсем недавно приходилось разматывать не окровавленные бинты, а разве что закрутившиеся во время плавания чулочки. Она работала под началом одного доктора и восьми сестер, профессиональных медиков катастрофически не хватало, поэтому ценили любые руки, даже не очень умелые.

Госпиталь был устроен в старом здании городского муниципалитета, куда очень скоро на морских судах и по железной дороге стали доставлять раненых.

Сначала Агате пришлось потрудиться уборщицей. Она мыла полы, чистила медные дверные ручки и все такое прочее. Но через пять дней ей доверили уход за тяжелыми больными, в том числе и за безнадежными.

Молодые мужчины, лишившиеся ног или рук, с изувеченными лицами, с пробитыми черепами, – она видела их каждый день. Ее фартук был пропитан кровью, смрад смерти и смертных страданий был неистребим, не выветривался даже после долгой дороги домой, в Эшфилд. Из мирной жизни Агата нырнула прямиком во все эти ужасы. Такова была участь многих ее современников: чудовищные звуки и картины войны. Однако же среди своих друзей Агата была единственной, кто делом откликнулся на беду. Она радовалась, что занимается действительно необходимой работой, отец наверняка бы ею гордился.

“Работа медсестры понравилась мне сразу, – пишет миссис Кристи в “Автобиографии”, – я легко всему научилась и пришла к выводу, что это одна из тех профессий, которые приносят наибольшее удовлетворение. Всегда так считала и считаю”. Кроме морального удовлетворения служба в госпитале позволяла Агате отвлечься от страха за Арчи, который постоянно рисковал жизнью.

Первый отпуск возлюбленный Агаты получил только в декабре 1914 года, когда “чудо на Марне” было уже позади. Победа французов и англичан в прозванном так историками сражении действительно была чудом, ведь немцы имели колоссальное преимущество и после месячного наступления едва не захватили Париж. Итак, немцы двенадцатого сентября отступили, а тринадцатого Арчибальд уже участвовал в первой битве на Эне, авиации предстояло помешать противнику, который собирался окопаться вдоль этой реки. Мистер Кристи проявил себя в боях самым лучшим образом, и в ноябре его назначили командиром звена.

Итак, в декабре “дорогой Ангел” получил письмо, в котором Арчи уведомлял, что через пару недель приедет в Лондон. А получив, “Ангел” тут же начал кампанию по подготовке к торжественной встрече. Во-первых, Агата попросила кухарку испечь любимый кекс Арчи – с цукатами и марципановой глазурью, во-вторых, упаковала в чемодан самые кокетливые платья, намереваясь быть неотразимой.

Двадцать первого декабря Агата вместе с матерью

отправилась в Лондон. Клара призывала дочь к терпимости. Ее Арчи ведь пришлось напрямую столкнуться с войной. И возможно, он стал по-другому что-то воспринимать. Клара, как всегда, оказалась провидицей. Влюбленные не виделись четыре месяца, и он сильно изменился. Очень нервничал, стеснялся смотреть невесте в глаза. “Мы оба за это время очень многое пережили, но обретенный опыт у каждого был своим, подчас все было разным настолько, что мы встретились почти как чужие. Пришлось узнавать друг друга заново, – вспоминала потом Агата. – Его наигранная беззаботность, легкомыслие, чуть ли не веселость, огорчили меня”.

Порой ей казалось, что он смотрит *сквозь* нее. Так гадалки смотрят сквозь хрустальный шар и видят, что происходит в другом времени и в другом месте. Вероятно, он мыслями был где-то далеко, в иной реальности, потому что, когда Агата заговорила о возможности пожениться, Арчи ответил не сразу, долго молчал. Этакая театральная пауза, которую выдерживает актер, чтобы еще больше заинтриговать публику.

А ответ его был вполне определенным: никакой женитьбы. Идет война, самолеты постоянно сбивает артиллерия. “Ты метишь в установку, она шарахает по тебе, и твоя жена становится молодой вдовой”, – пояснил Арчи с улыбкой, словно бы подшучивая над смертью, но ясно было, что она кажется ему неотвратимой.

Агате захотелось его обнять, прижать к груди, пусть выплачет все свои страхи. Но вместо этого она зачем-то, можно сказать, уговаривала этого почти незнакомого ей человека взять ее в жены. Несколько минут она молчала, не зная, как быть, но потом решила больше ничего не выяснять. Зачем? Надо радоваться тому, что им удалось увидеться, что ее летчик снова с ней, немного изменившийся, но неизменно бравый и пригожий в своем наглаженном мундире.

Вот только напрасно он в этот довольно напряженный момент вручил Агате (в качестве рождественского подарка) роскошный дорожный несессер, стоивший немыслимых денег. Вещь, конечно, замечательная и незаменимая для поездки на дорогой курорт, но Агате эта роскошь была ни к чему, о чем она откровенно заявила своему другу. Из-за постоянного безденежья им с матерью пришлось отказаться даже от услуг американского кладбищенского смотрителя, ухаживавшего за могилой Натаниеля Миллера. Это был хлесткий аргумент, породивший раздражение и даже легкую обиду. Оба втайне досадовали, что мучают друг друга из-за пустяков и пустяки эти словно бы перевесили их пламенную любовь.

Двадцать третьего декабря они проводили Клару на поезд, отбывший в сторону Торки, а сами отправились в Бристоль, где их ждали мать и отчим Арчи. Ехать пришлось в тесноте, людей полно, под ногами какие-то тюки. Короче, за несколько часов дороги Агата отчаянно устала, она нервничала и злилась. В таком настроении она вышла на платформу, где их встречал брат Арчи, Кэмпбелл. Да уж, путешествие в переполненной электричке было отнюдь не идиллическим, Агата совсем приуныла. А ведь ей еще предстояло знакомство с мамашей Арчи, вполне благополучной дамой, бедняжке казалось, что этого она уже точно не вынесет…

Извинившись и сославшись на усталость, Агата сразу поднялась в отведенную ей комнату и прилегла на мягкую (даже чересчур) кровать. Но довольно скоро услышала стук и голос Арчи, спрашивавший позволения войти. Дверь со скрипом растворилась, и в узкой полосе света Агата увидела своего возлюбленного. Вид у него был воинственный. Она догадалась, что он хочет на ней жениться завтра же, в сочельник. Сейчас он был уверен, что они должны соединить свои судьбы *безотлагательно.* А ведь еще вчера считал, что во время войны женятся только безумцы.

Агата распахнула дверь, молча приглашая его войти. Когда она увидела его напряженный взгляд, ее измученное сердце забилось еще сильнее. Во взгляде Арчи она увидела не страстную нежность влюбленного мужчины, а нечто сродни капризному нетерпению. Так смотрят на пакет, в котором спрятан подарок. Она слушала, как Арчи сбивчиво и торопливо объясняет, почему принял такое решение, и вдруг почувствовала себя совершенно разбитой, она физически не могла больше выносить весь этот груз эмоций.

Арчи словно сорвался с тормозов, и Агата уже не могла его остановить. Азартное нетерпение – в этом был весь Арчи, и тому, кто его любит, приходится принимать это как данность. Отбросив в сторону благоразумие, Агата Мэри Кларисса Миллер согласилась отправиться под венец.

Церемония прошла вполне обыденно, никакой романтики, воспетой поэтами, о которой грезила когда-то и сама Агата. Не было произнесено предписанных обычаем торжественных обетов, не звучало тщательно подобранной музыки, не толпились в церкви многочисленные гости, провожающие восхищенным взглядом прекрасную невесту в белом наряде. Не было свадебного завтрака, и новобрачных никто не осыпал зернами риса. К тому же сложилось так, что на венчании не присутствовал никто из родных, ни со стороны жениха, ни со стороны невесты.

Как известно, празднику предшествует множество хлопот.

Оформить документы для брака было проблемой, нужные службы не работали по случаю Рождества, а когда влюбленные примчались в городскую регистратуру, выяснилось, что заявление подают за две недели до брачной церемонии. Но Арчи повезло: его узнал тамошний клерк и как местному жителю позволил купить разрешение, по которому их могли в тот же день обвенчать в бристольской церкви Святого Эммануэля, это чудесный готическим храм с примечательной колокольней. Викария в церкви не оказалось, но его быстро нашли в соседнем доме, был даже церковный органист, репетировавший рождественскую службу, который сыграет для них свадебный марш.

Спустя несколько часов, когда над городскими роскошными домами и тщательно подстриженными садами начали сгущаться сумерки, Агата шла к церковной двери, шла и думала, где бы раздобыть свидетеля, необходимого для проведения обряда. И вдруг увидела свою знакомую, Ивонну Буш, та сразу согласилась выручить влюбленных.

Свидетелем Арчи был его отчим, Уильям. Супруга его, узнав, что сын собрался жениться, удалилась в спальню, где, рыдая, провела несколько дней.

Агата так вспоминает свое венчание: “Наверное, еще ни одна невеста не была так мало озабочена своим видом. Ни фаты, ни белого платья или хотя бы просто нарядного. Обыкновенная юбка и кофта, а на голове фиолетовая бархатная шляпка”.

Несмотря на то что церемония была проведена впопыхах, мистер и миссис Арчибальд Кристи стали теперь законными супругами, о чем говорило брачное свидетельство, которое Агата тщательно рассмотрела во время поездки из Лондона в Торки, куда они отправились в тот же вечер.

Агата перед отъездом позвонила домой – сообщить о своем скоропалительном замужестве и что они с Арчи едут. Увидев, как сильно расстроилась Пег, Агата подумала, что Клара тоже разразится слезами. К счастью, трубку взяла Мэдж, приехавшая к матери на сочельник, а день Рождества они с ней, по традиции, собирались провести в Эбни-Холле.

Мэдж сначала онемела, потом возмутилась (а как же иначе?), что Агата не пригласила ее на церемонию, потом перевела дух, собираясь продолжить нотацию, но вместо этого расхохоталась: курьезная у ее сестренки получилась свадьба! Мэдж пообещала укротить гнев матери и успокоить ее раненое самолюбие. Она надеялась, что к моменту появления молодоженов в Эбни-Холле все бури утихнут. Торопливо выпалив “пока”, она повесила трубку.

Новобрачные остановились на ночь в небольшом номере “Гранд-отеля”, расположенного через дорогу от железнодорожной станции. Гостиница представляла собой викторианский дворец, возвышавшийся над бухтой, да и над всем городом. Вестибюль был украшен рождественскими гирляндами и лампочками, а около гостиничной библиотеки горделиво возвышалась замечательная елка. Изысканная простота в соединении с праздничной роскошью, что могло быть уютнее и чудеснее! Но мистер и миссис Кристи ничего этого не замечали, и едва их, уже спотыкавшихся от усталости, привели в апартаменты, оба рухнули на кровать и уснули.

Клара и Мэдж наслаждались прелестями Рождества в обществе многочисленного семейства Уоттс. В самый разгар веселья в гостиную Эбни-Холла вошли Агата и Кристи, их встретили дружными овациями. Праздник получился двойным, семья приняла Арчи с воодушевлением, теперь уже как своего. И только прозорливая Клара даже в эти благословенные минуты сумела разглядеть в зяте нечто совсем не вязавшееся с беспечным молодым счастьем. Позже она назовет эту его черту одним словом: “беспощадность”. И до конца дней будет чувствовать себя не слишком комфортно в его присутствии.

Агата, разумеется, чувствовала лишь одно: как он ее любит. Сияя от восторга, она с гордостью и обожанием смотрела на мужа. Торжество, увы, длилось недолго, вечером молодые уехали в Лондон, поскольку на следующий день Арчи должен был отбыть во Францию. Молодоженам предстояла шестимесячная разлука, полная тревоги и страха перед неизвестностью.

Агата вернулась в госпиталь, и опять начались дни с окровавленными бинтами и ампутированными конечностями, ночи с кошмарами, и сутки напролет – неистребимый запах смерти. Вечерами, когда все окна в Торки были плотно занавешены (светомаскировка на случай бомбежек), Агата читала для Тетушки-Бабушки. Катаракта лишила престарелую даму зрения и возможности оставаться в своем илингском доме. Клара конечно же давно звала тетю к себе, но Маргарет Миллер упрямилась, считала, что племянница посягает на ее независимость. Переехать согласилась лишь при условии, что в Эшфилд привезут ее мебель красного дерева.

Клара, несмотря на своенравие тетушки, втайне радовалась, что та все-таки поддалась уговорам. Агата приходила поздно, в огромном особняке было пустынно, сумрачно и уныло, даже кусты около дома тянули ветки прочь от него, словно хотели убежать. Как правило, Агата появлялась дома уже после захода солнца, а после ужина сразу поднималась к себе, утром же

убегала еще задолго до завтрака. Да, хотя Тетушка-Бабушка так и норовила покомандовать, с ней Кларе было лучше, чем совсем одной.

Арчи писал своему Ангелу письма, полные любви и жалоб на тяготы службы, хотя служилось ему довольно спокойно: опасности и необходимость идти на риск, похоже, настигали его нечасто. И вот примерно в середине 1915 года ему дали короткую увольнительную. Агата примчалась в Лондон, но, как и в предыдущий отпуск, свидание получилось сумбурным и напряженным.

Арчи скрыл от жены, что его отстранили от полетов, поскольку у него обострилась астма: на большой высоте начинался приступ удушья. Его временно приставили к организационной службе, он составлял списки призывников, одних определял в тренировочные отряды, опытных отправлял в действующие подразделения. Администратор из Арчи получился превосходный, но душа его рвалась в небо. Естественно, доблестному летчику было обидно: он хотел бить врага, а его заставили шуршать бумажками. Прятать раздражение не очень-то удавалось. Агата заметила, что ее возлюбленный стал еще более резким и непредсказуемым. Когда он поддавался своему настроению, то что бы Агата ни сказала, что бы ни сделала, все ему было не так.

В общем, они отчаянно спорили по любому поводу, совершенно того не стоившему.

Всего три дня Агата провела с мужем, но их оказалось достаточно, чтобы в ее душу закрались сомнения. Может быть, она напрасно согласилась на это скоропалительное замужество? Тогда, в волшебной предрождественской атмосфере, все было прекрасным и казалось единственно верным. Но так ли это на самом деле?

Клара пыталась смириться с выбором дочери, но, откровенничая с Тетушкой-Бабушкой, твердила, что напрасно Агата так поспешила, и признавалась, что не доверяет зятю, который, похоже, думает только о себе, эгоист невероятный.

В августе Агата заболела гриппом, и довольно серьезно, ей долго пришлось томиться дома, посему снова была изъята из футляра пишущая машинка сестры. Поначалу Агата перепечатывала свои вирши, но в один прекрасный день взялась за детектив. Отступать было некуда: поспорила с Мэдж, что сумеет настолько все запутать, что та не сможет догадаться, кто же в романе убийца.

Три недели она билась над детективом. Потом выздоровевшей писательнице надо было снова отправляться в

госпиталь. А там жена доктора Кларенса Эллиса открыла бесплатную аптеку, куда и пригласила Агату, поскольку знала, что она хорошо умеет делать расчеты и вообще человек очень организованный. Аптека была истинным раем в сравнении с палатами, где одни со стонами и криками умирали, других спешно пытались спасти. Под руководством миссис Эллис и своей напарницы Эйлин Моррис Агата постепенно постигала каверзные тонкости фармакологии. Кому-то это занятие могло бы показаться скучным, но только не дотошной Агате, всегда с удовольствием узнававшей что-то новое и необычное.

Не так уж много на земле мест, где собеседники будут все утро с воодушевлением обсуждать свойства какого-нибудь яда и – мало того! – продолжат это занятие за чаем. Аптечный закуток в госпитале Торки был именно таким местом. Со свойственным ей азартом Агата усердно во все вникала, надеясь успешно пройти головоломные квалификационные испытания в лондонском “Обществе аптекарей” и стать профессиональным фармацевтом. Задачка не из легких для женщины, не имевшей даже диплома медсестры, но Агата была настроена решительно и не жалела времени на зубрежку, хотя после рабочего дня его практически не оставалось.

Поэтому во второй половине 1915 года ее писательский талант оттачивался исключительно в письмах к Арчи. Ему неслыханно повезло, его ни разу “даже не задело”, пока он пребывал на чужбине, и во время редких и краткосрочных отлучек в Англию он мог в полную силу наслаждаться красотой жены. Агата, в отличие от многих тогдашних дам, с радостью предавалась любви, о чем она позже напишет в своих стихах, окутанных флером чувственности.

Агата была изначально предрасположена к робкому обожанию, и судьба свела ее с мужчиной, которого постоянно нужно было утешать и заниматься его проблемами. А уж это безмерно преданная своему Арчи Агата делала искренне и страстно. Первую годовщину свадьбы они провели врозь, довольствуясь только страстными письмами: Агата мечтала видеться с мужем чаще чем несколько дней в году, а он заверял ее, что никакая разлука не остудит его горячую любовь. “Моя милая, ты так отважно, так безоглядно доверилась мне в прошлом году, обещаю, что ты никогда об этом не пожалеешь, я всегда буду любить тебя так же, как в те дни”.

В первый год супружества они (в общей сложности) провели вместе шесть дней. Арчи упорно добивался свидания с любимой, ему шли навстречу исключительно как летчику-асу, демонстрировавшему в небе чудеса мастерства и героизма.

Агата прилежно просматривала военную газету, ища сведения о подвигах мужа, служившего в Третьем эскадроне. Увидев его фамилию, она ликовала от гордости. Разумеется, эти заметки она вырезала и бережно хранила.

Она писала ему и о работе в аптеке, но Арчи никак это не комментировал, видимо, считал какой-то ерундой. В его буднях все было куда драматичнее: упав на землю, погибали в муках пилоты; в полете отказывали двигатели или разыгрывались смертельные воздушные бои: кто кого. Она тоже становилась асом в своем аптечном деле, но что значили ее достижения в сравнении с его подвигами? Он методически описывал бомбовые удары и проведенные военные операции, хотя она не очень-то понимала технические подробности.

В середине 1916 года она снова взялась за рассказы, без особого рвения, просто нужно было чем-то заглушить тоску Дошла очередь и до прошлогоднего заброшенного детектива, его она решила переделать, выстроив интригу вокруг яда. Ей показалось довольно забавным задействовать знания, почерпнутые на нынешней работе, к тому же за сочинительством не такими унылыми казались минуты простоя, когда не было заказов на приготовление лекарств.

В “Автобиографии” Агата писала, что в какой-то момент поняла: без детектива, который будет вести расследование, ей не обойтись, но он ни в коем случае не должен был походить на знаменитого англичанина Шерлока Холмса. “Я остановилась на сыщике-бельгийце, и этот образ мало-помалу созревал, в конечном итоге у меня получился… маленький человечек, одержимый аккуратностью, который постоянно наводит порядок, кладет все на место, любит парные вещи, предпочитает квадратные предметы круглым. И еще он ужасно умный, поскольку у него в мозгу есть маленькие серые клеточки, это была удачная деталь, я собиралась потом обязательно ее использовать… да-да, маленькие серые клеточки”.

Она назвала его месье Пуаро, так ей захотелось. “Не знаю, почему я остановилась на этой фамилии, то ли она попалась мне в газете, то ли на чем-то была написана, – в общем, она возникла”. Эркюлю Пуаро требовался помощник, вроде доктора Ватсона. И появился капитан Гастингс, высокий, сухощавый, несколько угловатый джентльмен, довольно рассеянный, в отличие от все подмечавшего Пуаро.

Действие переделанного романа разворачивалось в особняке Стайлз, который находился в Эссексе, то есть на востоке Англии. Агата никогда там не бывала, но это не имело ни малейшего значения. Она знала, что в этом графстве имеются вересковые

пустоши и огромные стада коров и что эта отдаленная глушь – как раз то, что требуется для загадочных убийств.

Доставая из аптечного шкафчика пузырек с мышьяком или наперстянкой, она по инерции продолжала мысленно тасовать и подправлять куски романа. Но они множились и все сильнее путались, не желая объединяться в гармоничное целое. “Когда я оказалась в гуще изображаемых событий, они стали командовать мною, а не я ими”.

Клара, заметив, что с дочерью творится что-то неладное – все забывает, отвечает невпопад, – посоветовала ей взять отпуск и съездить в Дартмур. Для Агаты это было что-то сродни путешествию в российскую Сибирь, но идея ей понравилась. Побыть две недели в неведомом краю очень даже любопытно.

Да, пустынный, безлюдный край, безмятежное, почти потустороннее спокойствие – вот о чем думалось среди этих бескрайних, поросших вереском пространств. Одним словом, Дартмур. Иногда там попадаются руины круглых домов, которые селяне строили в доисторические времена. Клара заказала дочери номер в гостинице “Мурланд” (в Хейторе), “огромной и печальной”. В номере было холодно и мрачно, как в монастырской келье, ее украшала единственная картинка: барашек, пасущийся среди высокой травы, которую пригибает ветер.

Двуспальная кровать была застелена потертым оранжевым покрывалом, подушка в муслиновой наволочке, тоненькая, плоская, из грубых перьев. Напротив кровати, однако же, имелось неожиданно комфортное кресло и лампа, в самом центре комнаты, а у дальней стены стоял простенький письменный стол, столик, больше подходивший для детской.

Да, тут было очень невесело. И промозглый сумрак за окнами лишь добавлял уныния, когда Агата с утра пораньше усаживалась за стол и несколько часов кряду кропала свой детектив. Пальцы сводило от холода, и они уже едва удерживали ручку, когда наконец раздавался звонок, возвещавший, что пора спускаться в столовую на ланч.

Зато когда солнце начинало клониться к вечеру и тени на пустошах становились длиннее, когда коров снова собирали в стада и гнали домой, для Агаты наступала пора благословенного покоя. Записав утром огромный кусок текста, она с чистой совестью уходила далеко-далеко, в заросшие травой луга, шла, подставив ветру распущенные густые волосы, так всех восхищавшие.

Чувствуя, как намокают длинные пряди, она вспоминала прежние прогулки. Бродить пешком Агата всегда любила, среди

спортивных увлечений большее удовольствие она получала разве что от плавания. Мерная ходьба успокаивала и помогала сбросить накопившуюся энергию. А главное, на ходу хорошо сочинялось. Агата вслух проговаривала сюжетные ходы и детали, подробнейшим образом для каждого персонажа, будто разыгрывала радиоспектакль для одного актера, а на следующее утро ей предстояло все это зафиксировать на бумаге.

К концу двухнедельного отпуска роман “Таинственное происшествие в Стайлзе” был завершен. Он, конечно, еще нуждался в доработках, особенно перегруженная деталями средняя часть: ее следовало хорошенько проредить, как заросший сад. Агата считала, что написала хорошую книгу, не шедевр, конечно, но вполне занимательную, она сама не ожидала такого результата. Рукопись она перепечатала под копирку в нескольких экземплярах, решив послать роман в разные издательства. По совету матери один экземпляр она отправила потом в “Ходдер и Стоутон” (это были очень знаменитые издатели, опубликовавшие книгу Честертона “Роберт Льюис Стивенсон”, безусловный литературоведческий шедевр).

Перечитывая вечерами отдельные главы, Агата убеждалась: действительно, очень неплохо, а главное, Мэдж *точно* не догадается, кто учинил злодейство. Именно это заставляло ее торжествующе улыбаться, когда она прятала в свой шкаф огромный пухлый пакет с дубликатом романа.

В очередной отпуск (на неделю!) Арчи отпустили осенью 1917 года, супруги провели его на юге Англии. Они впервые за несколько лет получили возможность спокойно пообщаться, побродить по лесу. Наверное, война заставила их повзрослеть, научила просто радоваться жизни и тому, что они есть друг у друга, что они снова вместе. Многие их друзья, еще вчера целые и невредимые, погибли.

Именно в те дни Агата решилась дать Арчи свой детектив. И он очень ему понравился. Для Агаты это стало настоящим откровением, ибо Арчи никогда не разбрасывался похвалами. Договорились, что если “Ходдер и Стоутон” не захотят принять роман, Арчи попросит своего фронтового друга, бывшего директора издательства “Мисен”, написать коллегам письмо с рекомендацией.

Пробиться в “Мисен” было бы, конечно, замечательно: там выпускали книги Т.С. Элиота, Д.Г Лоуренса и Генри Джеймса. И когда “Ходдер и Стоутон” через месяц вернули роман, Агата тут же переслала его в “Мисен”, вложив в бандерольный пакет рекомендательное письмо друга Арчи. Из “Мисена” рукопись вместе с письмом прибыла через полгода.

Это конечно же был удар по самолюбию, но не такой уж болезненный, ведь Агата никогда не собиралась быть профессиональной писательницей. Ну ладно, все-таки написала роман, да еще сумела вплести в сюжет яды и противоядия, свойствами которых теперь были нашпигованы ее мозги. Она продолжала рассылать экземпляры по издательствам, но уже почти по инерции; куда сильнее ее волновали надвигавшиеся испытания в “Обществе аптекарей”.

В начале 1918 года, после трехлетней усердной учебы, Агата выдержала последний экзамен и получила официальное свидетельство фармацевта. Это событие отметили на работе, но от празднования дам все время отвлекали бесконечные просьбы раненых, которых нужно было снабжать мазями и микстурами.

Более важным поводом для торжества было известие от Арчи в августе того же года: он возвращался в Англию, в звании полковника. И служить ему предстояло в Лондоне, в министерстве воздушных сил. Англия еще воевала, но Агате казалось, что война закончилась.

Она немедленно уведомила об этом своих коллег, мадам Эллис и мадам Моррис, и приготовилась начать наконец семейную жизнь. Арчи вернулся через несколько недель, Агата поехала его встречать. Она смотрела, как он вылезает из кабины самолета: герой, воплощение мужества – как хорош, какая стремительность и мощь в каждом движении! Она боготворила его и хотела стать самой заботливой женой на свете. Им теперь предстояло построить свой собственный очаг, и безотлагательно.

С жильем в Англии тогда было плохо, но чете Кристи посчастливилось снять двухкомнатную квартирку на втором этаже огромного, несколько обветшавшего дома номер 5 по Нортвик-террас. За две с половиной гинеи (гинея – это примерно фунт стерлингов) в неделю. В цокольном этаже жила присматривавшая за домом и опекавшая жильцов миссис Вудс, с мужем и дочерью. Мудрая домоправительница знала все: как приготовить то или иное блюдо, как выбирать продукты, как правильно обращаться с детьми. Ее советы очень помогали Агате не попадать впросак.

Арчи, между прочим, полагался денщик. Его звали Бартлеттом. До войны он служил лакеем в доме одного герцога. Помощником Бартлетт оказался прекрасным, хотя его солидный облик не очень-то вязался с выцветшими кретоновыми креслами и поцарапанными шкафчиками. Агата записалась на бухгалтерские курсы и на курсы стенографии, а в свободное время шила наволочки и занавески, пытаясь облагородить свое жилище, сделать его хоть чуточку похожим на Эшфилд, но у нее

ничего не получалось.

Однажды во время занятий в бухгалтерской школе преподавательница огорошила учениц потрясающей новостью: война кончилась! На лондонских улицах творилось что-то невероятное. “Повсюду танцевали женщины. Англичанки не имеют обыкновения отплясывать в общественных местах, вот француженки, те сколько угодно… Но ведь танцуют, кружатся на мостовой, кричат, смеются, даже подпрыгивают от радости – настоящая оргия счастья: почти пугающее буйное ликование”.

Муж Агаты отреагировал на новость довольно странно. Она ждала, что он с облегчением вздохнет, рассмеется, даже издаст торжествующий вопль. Весь Лондон безумствовал от восторга, но Арчи остался спокоен, а потом взгляд его сделался холодно-деловитым. Он заявил, что уйдет из министерства воздушных сил, пора заняться частным бизнесом. Недвижимостью или банковским делом. В любом случае он намерен подать рапорт об увольнении. И никаких объяснений по этому поводу, предупредил Арчи.

Агата была потрясена: ее муж даже и не подумал с ней что-то обсудить, и вообще, вот так вдруг отказаться от военной карьеры…

Рождественские праздники, а потом и Новый год были омрачены этим внезапным решением. Наверное, Агата и дальше бы дулась на своего непредсказуемого мужа, но в январе на семейном горизонте появилось нечто гораздо более важное, чем причуды Арчи. Она сообщила новость ему, а потом и родичам (при очередном визите в Торки).

У Агаты некоторое время назад начались нелады с желудком, но в госпиталь она обращаться не стала, а пошла к их новому домашнему врачу, мистеру Стаббу, в жену которого еще в отрочестве был влюблен ее брат Монти. Доктор сразу определил, в чем причина недомоганий: миссис Кристи на втором месяце беременности и в августе станет матерью.

Арчи даже не сомневался, что родится дочь (поскольку к мальчику он ужасно бы ревновал, таков был его довод). Теперь он баловал жену вкусной едой и сливками. Разве можно без сливок? К счастью, ими Агата угощалась с удовольствием, как когда-то ее мать. Муж не позволял ей самой отодвигать стул от стола и собственноручно готовил особые блюда, а будущая мать взялась было шить распашонки, но ничего у нее не вышло.

Наблюдающей акушерки у Агаты не было, в 1919 году подобная опека молодых здоровых женщин еще не вошла в обычай. Никаких специальных клиник. Женщина сама должна была как-то справляться с издержками своего интересного

положения: прилаживаться к тошноте, к обременительному весу, заранее озаботиться приготовлениями к родам. Порекомендовать что-то на этот счет могла только мать или уже обзаведшиеся детьми подруги.

Но от Торки до Лондона три часа езды, и заранее Клара тоже не могла приехать, поскольку у нее на руках была Тетушка-Бабушка. Слава богу, были и в Лондоне кое-какие знакомые, которые могли помочь и просветить. Разумеется, первейшей наперсницей Агаты была мудрая миссис Вудс. Она знала даже, что предвещает утренняя тошнота. “Тошнит – значит, будет девочка. От мальчиков случаются головокружения и обмороки. Пусть уж лучше тошнит”.

Давняя приятельница Агаты Нэн Уэттс (по мужу – Поллок) теперь жила в Челси, но прежняя дружба постепенно разладилась, не в последнюю очередь из-за разных материальных возможностей. У Нэн было много денег, даже позже, когда муж ее ушел к другой. Агате в ту пору приходилось экономить каждый пенни, попить в кондитерской чаю с булочкой и то было роскошью.

Уволившись из министерства, Арчи стал работать в Сити, его босс, весьма тучный господин, платил ему 500 фунтов в год, Агата все еще получала завещанные ей отцом 100 фунтов в год, Арчи полагалась военная пенсия, 50 фунтов ежегодно.

В общем, бедняками мистер и миссис Кристи не были. Просто они были не богаты. И Агата ни на секунду об этом не забывала.

Об этом и о тошноте, которая донимала ее не только утром, но и днем, частенько даже вечером. И вот пятого августа 1919 года Агата произвела на свет здоровую девочку. Свершилось это в Эшфилде, в ее девичьей спаленке. Когда двадцативосьмилетней мамочке сообщили, что у нее теперь есть дочь, она удовлетворенно пробормотала: “Меня больше не тошнит, какое счастье!” Клара вместе с патронажной сестрой, миссис Пембертон, помогала Агате осваивать новую роль.

Арчи хотел назвать дочку Инид, Агате очень нравилось имя Марта, в конце концов сговорились на Розалинде. Восемь с половиной фунтов счастья с густой копной черных волос. Она как-то сразу больше расположилась к Арчи, и тот души не чаял в своей прехорошенькой дочке.

Новоиспеченным родителям не раз и не два пришлось оставлять чадо на попечение сестры Пембертон и мчаться в Лондон на поиски подходящей квартиры, достаточно большой, с четырьмя спальнями. Ведь там кроме них самих должны были разместиться няня, дочка и служанка. Без няни и служанки люди их круга не мыслили свое житье, даже самые бедные.

Агата и Арчи временно поселились в меблированной квартире на Эдисон-роуд, неподалеку от живописнейшего Холланд-парка. Квартира была довольно просторной, плата за аренду составляла 90 фунтов в год. Со служанкой проблем не было: их выручила Люси, много лет следившая за порядком в Эшфилде. Благодарная Агата предложила ей щедрое жалованье в 36 фунтов. А через агентство удалось нанять опытную няню: Джесси Суонелл раньше служила у английского семейства, обосновавшегося в Нигерии. В конечном итоге все сложилось очень даже недурственно: Джесси присматривала за Розалиндой, Люси – за домом, а мистер и миссис Кристи пытались обрести счастливую беспечность и романтический настрой той поры, когда они еще не были родителями.

Несмотря на то что во время беременности Агату часто рвало, она набрала солидный вес, несколько лишних килограммов остались и после родов. А ведь еще недавно даже гастрономические безумства не могли испортить ее стройную, как у юной инженю, фигурку. Арчи иногда ехидничал по поводу габаритов жены, но та только отмахивалась. На нее свалилось слишком много забот: домашние хлопоты плюс поиски постоянного жилища, которое можно было обустроить основательно и уже по своему вкусу.

Арчи каждое утро отправлялся в офис, возвращался к ланчу, непременно заходил навестить дочку, потом отправлялся в клуб обсуждать финансовые проблемы и часто опаздывал на обед.

Агата сидела дома, но это не значит, что она постоянно торчала в детской, хотя, разумеется, часто туда наведывалась. Дочка предпочитала общаться с папой. Это было дивное зрелище: Арчи просовывал в дверь голову и обожающе восклицал: “Розалинда!” – та заливалась счастливым смехом. У них даже выработался свой особый язык. Агата очень веселилась, слушая этот диалог, но ничего не понимала.

Во время ланча Арчи обычно молчал, уткнувшись в газету, индексы и котировки были для него важнее (это же бизнес!), чем болтовня жены. Неудивительно, что он даже не заметил стопки писем, которую Агата положила в тот день на стол. На самом верху лежал скромный конвертик с логотипом издательства “Бодли Хед”. Вскрыв его, Агата приготовилась увидеть трафаретный отказ, но это было послание от главы издательства, Джона Лейна. Он приглашал Агату в свой лондонский офис для обсуждения романа “Таинственное происшествие в Стайлзе”. Агата охнула и хотела тут же поделиться радостью с мужем, но увидела, что его кресло уже пусто.

Глава четвертая
Сочинительница детективов

Маленькие серые клеточки, мой друг, маленькие серые клеточки! Они мне все рассказали. Никогда не забывайте про серые клеточки.

Эркюль Пуаро капитану Гастингсу в романе "Убийство на поле для гольфа"

25 СЕНТЯБРЯ 1919. Джон Лейн с удовольствием окинул взглядом свою персону, потом наклонился ближе к зеркалу, висящему над раковиной, и придирчиво осмотрел бороду. Протиснув пухлые пальцы в кольца маникюрных ножниц, подправил несколько волосков. Процедура скорее условная, поскольку борода была подстрижена идеально, как трава вокруг лунки на поле для гольфа. Покрутив головой, он еще раз убедился в собственной безупречности и удовлетворенно хмыкнул.

Рукопись под названием "Таинственное происшествие в Стайлзе" он отложил было в сторону, присовокупив к прочим "пробам пера", обычно довольно беспомощным. Но одно слово в заголовке все же привлекло внимание Лейна – *происшествие.* Его издательский дом "Бодли Хед", говоря откровенно, обрел популярность именно благодаря скандальным происшествиям. А именно выпуску книг с привкусом "изысканного упадничества". Например, пьес и рассказов Оскара Уайльда, чьи утонченные персонажи нисколько не походили на грубых рабочих парней, к коим питал слабость сам автор. Когда этого остряка и бонвивана приговорили к тюрьме за "развратные действия с мужчинами", разъяренные толпы добропорядочных обывателей стали крушить камнями витрины издательских офисов.

В общем, мистер Лейн стал пролистывать это "Таинственное происшествие", увлекся и не смог оторваться до самого финала. И ведь никакой скандальности или жгучих страстей – про любовь там почти ничего не говорилось, по идее это должно было вызывать досаду. Но – не вызывало, так ловко был закручен сюжет, так изящно и тонко автор морочил голову, что хотелось поскорее добраться до развязки. Не только остроумно

выстроенная интрига, но и персонажи были хороши. Не шаблонные фигуры жертв и злодеев, а живые люди.

Детективные изделия у него в издательстве в данный момент приветствовались: надо же было искать свежатинку, что-то притягательное для читательской аудитории. Впрочем, и без криминала дела шли неплохо. Лейн был бизнесменом опытным, вот уже двадцать пять лет держался на плаву, с тех самых пор, как открыл издательство, назвав его в честь основателя библиотеки Оксфордского университета, сэра Томаса Бодли, точнее, в честь барельефного изображения его головы[15] над входом в библиотеку.

И самое поразительное: роман был совершенно не похож на типичные “криминальные” опусы. Преступление совершено в приличном доме, действующие лица – респектабельные и весьма обеспеченные люди (это было ново и дерзко), к тому же автор настолько виртуозно прятал концы, что их не смогут найти даже самые искушенные читатели, если вздумают нащупать след убийцы.

Об авторе он ничего раньше не слышал, это ее первый роман. *Миссис Агата Кристи.* Отличное имя для дамы, сочиняющей детективы, подумал тогда мистер Лейн и принялся за письмо. И вот сегодня дама эта придет. Мистер Лейн смахнул с рубашки невидимую пылинку и расположился за письменным столом, пытаясь представить, как выглядит женщина, столь хорошо разбиравшаяся в ядах и тонкостях построения интриги.

Сама же Агата уже отлично представляла, с каким издательством ее свела судьба.

Не с очень-то солидным, откровенно говоря, оно всегда на слуху у читателей и на прицеле у желтой прессы. Однако же там постоянно печатаются именитые писатели. Поэтому Агата не без робости вошла в роскошное парадное и, сделав глубокий вдох, пожелала себе удачи.

Джон Лейн был коренастым полноватым господином, наметившееся брюшко скрывал искусно скроенный жилет, а блеклые голубые глаза с интересом изучали прибывшую писательницу (по совместительству еще домохозяйку и мать). По правде говоря, ему не верилось, что историю про хладнокровное и мастерски исполненное отравление стрихнином могла сочинить вот эта молодая особа. Изящная, привлекательная, в модном темно-синем костюме, на лацкане прелестная бутоньерка из живых фиалок. Волнуется: обеими руками вцепилась в белую сумочку, тоже очень элегантную.

Кабинет Лейна был заставлен пачками книг, на всех столиках и стульях валялись оттиски текста и гравюр. В этом хаосе Агате

негде было даже сесть. Похоже, господина издателя не очень-то волновал антураж офиса и комфорт посетителей.

Убрав ради гостьи стопку бумаг с одного из стульев, Лейн выложил на стол пакет с рукописью, заявив, что “некоторые рецензенты” считают ее роман любопытным. Конечно, он небезупречен, поспешил добавить мистер Лейн, и доля издательского риска велика. Агата взглянула на пальцы собеседника, нетерпеливо постукивавшие по плотному пакету, и почувствовала, как ее собственные пальцы еще крепче стиснули сумочку.

Лейн знал, что делал, и все шло как по маслу. Он достал из ящика составленный договор и положил перед гостьей, по-прежнему изображая мучительное раздумье.

– Ваш роман нуждается в кое-какой переделке, – сказал он, – особенно завершающая глава.

Сцену судебного заседания он предложил заменить более простым (ведь так легко ошибиться в юридических терминах) и логичным изложением denouement – разгадки.

– Думаю, это будет несложно, – сказала Агата, стараясь не выдать своего волнения.

Лейн поднял руку, призывая не перебивать его, он ведь действовал по тщательно продуманному сценарию. Этот “вылитый представитель Елизаветинской эпохи” наслаждался ролью коварного паука, заманивающего в свои сети наивную мушку. Что ж, он готов опубликовать роман и уплатить десять процентов от стоимости экземпляра, но за первые две тысячи проданных книг ей ничего не причитается. Кроме того, он уступит ей половину прибыли от журнальных публикаций (в виде отдельных глав в каждом номере). Он заверил ее, что предложенные им условия великолепны. Но Агата его уже не слушала, хотя успела сообразить, что с “этим елизаветинцем” надо держать ухо востро. Главное, что он произнес заветные слова: *я готов опубликовать ваш роман.*

Лейн предпочел не обсуждать пункт, в соответствии с которым Агата была обязана отдать “Бодли Хед” следующие пять книг, причем гонорар заранее оговаривался скромный, чересчур скромный даже для начинающего автора. Тактика была давно отработана: он молча придвинул договор к ней поближе, положил рядом ручку и стал ждать.

Агата подписала документ, даже не прочитав, на что хитрец Лейн, собственно, и рассчитывал.

Рассыпавшись в благодарностях и сияя улыбкой, Агата в сопровождении хозяина кабинета направилась к двери, на ходу пряча в сумку тщательно сложенный экземпляр договора.

Проводив посетительницу, Лейн вернулся за стол, теперь и на его губах сияла улыбка. Миссис Агата Кристи отныне будет писать только для него.

Выйдя из роскошного парадного, Агата едва не запрыгала на одной ножке. Ей хотелось закричать от радости, кого-то обнять, вытворить что-нибудь восхитительно нелепое, отчего прохожие застынут на месте с вытаращенными глазами. Но она чинно подошла к трамвайной остановке и вскоре уже ехала из района Вестминстер к себе, в район Кенсингтон, и все вокруг было прежним, словно это был обычный день, ничем не примечательный.

И только уже вечером, когда она сразила наповал мужа, предъявив ему издательский договор, было решено, что такое событие грех не отпраздновать. Поехали во Дворец танцев, недавно построенный в Хаммерсмите. Там играл настоящий джазовый оркестр, там был огромный зал с идеально отполированным полом, на котором легко танцевать хоть вальс, хоть фокстрот, да что угодно!

“Великолепный вечер”, – мечтательно будет вспоминать потом Агата.

На следующее же утро она принялась за оговоренные переделки, в основном незначительные, а вот концовку изменила полностью, и действительно стало гораздо лучше. Писательницей она пока себя не ощущала, но уже почувствовала, что это ее *работа,* нечто иное, чем домашние хлопоты и возня с ребенком. К тому же ее старания не пропали даром. Джон Лейн был доволен новым вариантом и немедленно включил “Таинственное происшествие в Стайлзе” в план подготовки к выпуску.

Как раз в эти столь значимые для Агаты дни скоропостижно умерла Тетушка-Бабушка, организм не справился с бронхитом (ей было уже девяносто два года). Клара, потрясенная внезапной кончиной своей приемной матери, остро осознала бренность бытия, ее начал преследовать страх смерти. Она умоляла Агату приехать, побыть с ней хоть немного. Дочь явилась с неожиданным подарком: вручила ей окончательный вариант романа “Таинственное происшествие в Стайлзе”, на первой страничке которого было выведено: “Моей маме”.

В конце 1920 года роман был напечатан в нескольких номерах лондонской еженедельной газеты “Уикли тайме”. В декабре того же года он вышел уже в виде книги в Америке, а в январе 1921-го – в Англии. В литературном приложении к “Таймс” книгу расхвалили: “У этой замечательной истории есть единственный недостаток… она, пожалуй, даже слишком искусно написана”.

Агата спрятала рецензию в альбом с памятными фотографиями и прочими газетными вырезками, но никак особо ее не выделила. Оба экземпляра книги – английское издание и американское – она поставила на книжную полку в гостиной, повыше, чтобы не добралась дочка. Поставила и забыла про них, а жизнь своим чередом потекла дальше, с иными хлопотами и проблемами.

Вскоре после первой встречи с Лейном Агате посчастливилось найти квартиру без мебели, тоже просторную и тоже на Эдисон-роуд, правда расположена она была высоковато, на четвертом этаже. Миссис Агата Кристи с воодушевлением принялась наводить уют, пустые стены заиграли разными красками и текстурами.

Ванную Арчи облицевал “чудесными плитками, алыми и белыми”. Стены в гостиной Агата решила покрасить светло-розовым, а потолок оклеить черными обоями с рисунком из веток боярышника (чем несказанно поразила нанятого для ремонта мастера). Комнату Розалинды оформили в более традиционном стиле: бледно-желтые стены, сверху широкая полоска тисненых розовато-сиреневых обоев с носорогами и жирафами.

Для семейства Кристи настала пора, можно сказать, идиллического блаженства, они наслаждались домашним уютом, все мечты казались достижимыми, ведь больше не было войны. “Это было самое счастливое время, – вспоминала Агата, – рядом любимый муж, у нас ребенок, имелась крыша над головой, и вроде бы не предвиделось ничего такого, что могло бы помешать семейному благополучию”.

Скромный успех первой книги принес Агате весьма скромное денежное вознаграждение. Из напечатанных в Англии двух тысяч пятисот экземпляров продано было две тысячи, то есть автору никаких отчислений практически не полагалось, зато она получила чек на двадцать пять фунтов от “Уикли тайме” за права на публикацию (другие двадцать пять, как и договаривались, причитались мистеру Лейну).

Агата целиком и полностью сосредоточилась на взращивании дочери и каждый день отправлялась с коляской в Холланд-парк, где стайка молодых мам пасла на солнышке своих чад. Да, она была дипломированным фармацевтом и, наверное, сумела бы написать еще какой-нибудь детектив, но что с того, кому это было нужно?

Ее писательская карьера, возможно, так бы и ограничилась единственным романом, если бы не сетования Арчи на безденежье. Его зарплаты и наследственных ста фунтов Агаты хватало только на самое необходимое. Отказаться от услуг няни и

служанки они не могли – по меркам людей их круга это было бы попросту неприлично, исключено.

А еще надо было поддерживать Эшфилд, Клара едва сводила концы с концами, хотя Мэдж ежемесячно давала ей определенную сумму. Агата тоже хотела бы помочь матери, но как? Вот в такую минуту мучительных терзаний Арчи и предложил ей написать еще одну книгу, “ты могла бы заработать кучу денег”, сказал он тогда, летом 1921 года.

Агата была несколько ошарашена его предложением, ведь по сути дела муж предлагал ей работать, а в те времена женам работать не полагалось. Однако его реплика запала ей в душу.

Раньше Арчи не принимал всерьез ее писательские опыты, а теперь, значит, все-таки в нее поверил? И даже в то, что она сумеет что-то заработать?

Агата всегда рвалась помочь мужу и, вдохновленная его одобрением, снова взялась за перо.

На этот раз она решила обойтись без Эркюля Пуаро и капитана Гастингса, выводивших на чистую воду хитроумных злодеев и заодно помогавших читателю докопаться до истины. Эти два персонажа пока не успели обрести известность, и Агате еще не нужно было угождать читателям, жаждущим встречи со своими любимцами. Герои романа “Таинственный противник”, Томми Бересфорд и Пруденс Каули (по прозвищу Таппенс), кое-что позаимствовали из судеб Агаты и Арчи. Во время войны Таппенс тоже служила в Добровольческом медицинском отряде, Томми был разведчиком и воевал *во Франции.* Старинные приятели Томми и Таппенс учреждают (поначалу в шутку) фирму “Молодые авантюристы” и с завидным азартом и бесстрашием ввязываются в некую загадочную историю. Агата назвала свой роман “шпионским триллером”. Однако мистера Лейна триллер определенно разочаровал. Новое направление издательства “Бодли Хед” – классические детективы, а не приключенческие романы, напомнил он миссис Кристи, хотя тираж все-таки опубликованного в 1922 году “Таинственного противника” разошелся даже лучше первой книги.

Критики назвали роман “занимательным, жизнеутверждающим и оригинальным”. Это, безусловно, означало очередную победу, которую следовало бы отметить, но миссис Агате Кристи в тот момент было совсем не до празднований.

Не успела Агата отдать издательству “Таинственного противника”, как в ее жизни вдруг снова возник Монти, давным-давно обретавшийся в Африке. Он собирался в Англию. Негодующий, обиженный на весь мир Монти решил поселиться в

Лондоне вместе со своим темнокожим ординарцем Шебани, который величал его не иначе как “бвана”[16].

Многолетняя армейская служба в жаркой Африке почти не изменила нрав Монти, он по-прежнему был человеком инфантильным и склонным к авантюрам. Ко всему прочему, уже на излете войны ему прострелили руку, рану забинтовали нестерильным бинтом, попала какая-то инфекция, и началось сильное воспаление. Родственники уже опасались трагического исхода.

Лондонские специалисты по тропическим заболеваниям всех успокоили: инфекцию можно одолеть. Утешенный “бвана” рассудил, что ему лучше пожить у матери, и нагрянул в Торки – в сопровождении Шебани. Очутившись в родном Эшфилде, он совершенно загонял прислугу. То требовал подать ему персональный обед, принести то, унести это… вне зависимости от времени суток. А еще мог подойти к окну и пальнуть из ружья, непонятно в кого. Соседи переполошились.

Клара вызвала Мэдж и зятя, чтобы приструнили шалуна, а сама слегла, обессилев от волнений и страха, ибо Монти был непредсказуем. В округе стали поговаривать, что сын миссис Миллер пристрастился к героину, а он даже не пытался оправдаться. Он продолжал вести себя вызывающе, словно бы подтверждая оскорбительные домыслы.

Так уж вышло, что Арчи избавил жену от основных перипетий этой драматической истории, поскольку она разминулась с братом, и на то была веская причина.

Давний знакомец Арчи (бывший преподаватель Клифтон-колледжа), майор И.Э. Белчер, отправлялся в кругосветное путешествие, подрядившись участвовать в подготовке Всебританской Имперской выставки. Он предложил старине Арчи должность советника по финансовым вопросам. Белчер, в качестве помощника генерального директора вышеозначенной выставки, обязан был представлять товары Соединенного Королевства, разумеется всячески их расхваливая. Выставка была намечена на 1924 год. Белчер взялся растормошить доминионы (для чего требовалось посетить Австралию, Новую Зеландию, Канаду и Южную Африку), вдохновить местных дельцов на участие в выставке. Путешествие было рассчитано на десять месяцев, Арчи посулили за его услуги тысячу фунтов. Агату тоже позвали, а за счет жалованья Арчи можно было оплатить ее проживание в гостиницах (дорогу оплачивало государство, как жене советника).

Агата обсудила ситуацию с Кларой и Мэдж, в итоге постановили, что обязанность женщины – находиться при муже,

даже если у этой женщины есть двухлетняя дочь. Розалинду забрала Мэдж. Агата срочно отправилась по магазинам – покупать одежду для круиза. Арчи уведомил об отъезде своего босса. Лондонскую квартиру спешно сдали в аренду. Итак, двадцатого января 1922 года четверо путешественников (супруги Кристи, майор Белчер и его секретарь Фрэнсис Бейтс) отбыли из Англии на роскошном лайнере с романтическим названием “Замок Килдонан”. Первым пунктом их маршрута был Кейптаун, то есть плыть предстояло в Южную Африку. На том же пароходе плыли друзья Белчера, Хэйемы. Майор успел заранее рассказать Агате и Арчи про мистера Хэйема, которого отрекомендовал как “картофельного короля из Восточной Англии”.

На пароходе устраивали музыкальные вечера, викторины и прочие развлечения, там было множество баров и буфетов. Но Агате эти радости жизни оказались недоступны: море было неспокойным, и ее почти сразу стало укачивать. Пришлось ретироваться в каюту, морская болезнь до того ее измучила, что она решила прервать путешествие на первой же стоянке, которая намечалась на острове Мадейра. Агата даже придумала, что станет делать дальше: наймется там, на Мадейре, горничной, благо спрос на них, особенно на рослых, неизменно был велик.

К счастью, до столь драматичного исхода дело не дошло: море успокоилось, Агата мало-помалу оправилась, и в начале февраля компания в полном составе прибыла в Кейптаун. Агату восхищало все: манящие песчаные пляжи, живописные прибрежные скалы. А Белчер, напротив, всем был недоволен, устраивал скандалы гостиничной обслуге, но особенно доставалось его секретарю, которого он постоянно унижал и донимал поручениями.

В Кейптауне компания разделилась: Арчи и миссис Хэйем с дочерью Сильвией отправились на экскурсию в Порт-Элизабет, где находится знаменитый Конный мемориал, возведенный в честь лошадей, загубленных во время Англо-бурской войны. Агата вместе с майором Белчером, Хэйемом и Бейтсом на поезде отправились в более отдаленный Кимберли, на алмазные копи. Встретиться экскурсанты договорились в Родезии.

Арчи и Агата захотели посмотреть на водопад Виктория, все-таки одно из семи мировых чудес природы. Остановились в уютной гостинице, при ней имелись пруд с лилиями и манговые деревья, под которыми можно было надежно укрыться от палящего солнца.

В письме к матери Агата так описывала сей уединенный край: “Никаких дорог, только тропинки, гостиничный домик, вокруг мили и мили первозданных лесов, подернутых на горизонте

голубоватой дымкой”. Это была памятная поездка, они попали в сказочный мир, а сам водопад, окутанный алмазными брызгами, в сиянии радуги, настолько заворожил Агату, что она больше никогда туда не возвращалась, боялась испортить тогдашнее ощущение волшебства. Йоханнесбург показался им городом довольно безликим, но именно там происходили все деловые встречи, связанные с выставкой. При любой возможности супруги уезжали в курортный городок Мюзенберг, где брали доски для серфинга (“очень легкие и тонкие, из прочного дерева”) и катались на волнах. Надо сказать, с непривычки Агата иногда падала, “уткнувшись носом в песок, ощущение довольно болезненное”. Ей в ту пору был всего тридцать один год, она ничуть не утратила юношеской выносливости и ловкости.

Но как все изменилось со времен ее юности! Бесшабашный серфинг – вместо целомудренного выхода из кабинки прямо в воду на торбейском пляже.

Белчер между тем продолжал регулярно трепать нервы окружающим. То персики казались ему *слишком* твердыми, то маршрут *не слишком* удачным. Он исхитрялся менять его несколько раз на дню. (Агата однажды чуть не расхохоталась, когда он, как бы между прочим, добавил в список остановок Индию и Цейлон.) У Бейтса был другой конек: тот боялся змей, которые мерещились ему всюду. В конце концов Хэйемов утомили каждодневные драмы на пустом месте, и они вернулись в Восточную Англию к своему картофельному бизнесу.

В письмах из дома говорилось, что Розалинда резва и здорова (даже когда она сильно кашляла), что Монти образумился и окреп (на самом деле он оказался на время прикованным к инвалидному креслу), что публика замечательно приняла “Таинственного противника”. Джона Лейна часто расспрашивали про очередную книгу Агаты Кристи, и тот в своих многочисленных интервью выражал надежду, что это будет не триллер, а детектив.

Вот тогда Агата впервые стала подумывать о писательском ремесле. Ведь теперь она была не просто мать семейства, между прочим, у нее (в общей сложности) имелся контракт на шесть книг. И она уже поняла, что владелец “Бодли Хед” весьма в ней заинтересован и с нетерпением ждет очередной роман.

К радости Джона Лейна, она принялась за детектив, снова задействовав Эркюля Пуаро. Назывался он “Убийство на поле для гольфа”, а ключевую идею Агата позаимствовала из газетной статьи о нашумевшем преступлении во Франции: бандит совершил налет на богатую виллу и прикончил ее хозяина.

Это еще не все. Главный редактор журнала “Скетч”, Брюс

Ингрэм, заказал ей несколько рассказов об Эркюле Пуаро. Поэтому Агата взяла с собой в путешествие новую пишущую машинку, портативную “Корону”, и в любой момент могла под предлогом срочной работы скрыться от несносного майора Белчера и его трусоватого секретаря.

Особенно много ей удалось написать во время плавания на пароходе “Эней”, на этот раз путь лежал в сторону Южного полюса, к Австралии, и был долог.

Поскольку времена года в Южном и Северном полушарии не совпадают, то путешественники попали на австралийский остров Танзания в самый разгар осени, и там было не жарко. Белчер, этот миссионер, несший народам весть о грядущей Всебританской выставке, злобствовал даже сильнее обычного, так как у него разыгралась подагра. Агата писала в своем дневнике: “Дикарь наш этим утром превзошел самого себя. Теперь торчит у себя в каюте, шторы опустил, там темно, как в первобытной пещере”.

Процедура представительства была обычной: проводили встречи, распродавали английские товары, то есть все шло нормально, судя по письмам Агаты домой.

Протокольная рутина была ей совершенно неинтересна. Куда большее впечатление на нее произвели необыкновенные деревья с серебристыми стволами и темной листвой, росшие в Мельбурне и Сиднее. Очень понравился городок Янг, знаменитый потрясающими видами на Голубые горы, не просто голубые, а с множеством переливов синего и пурпурного. Когда пригревало солнце, росшие на них эвкалиптовые рощи издавали терпкий аромат, казалось, воздух становился даже маслянистым на вкус.

Как только путешественники достигли Новой Зеландии, командный дух окончательно иссяк, Белчер больше не изображал друга и не утруждал себя хотя бы вежливостью. “Тиран, грубиян, надменный фигляр и забияка, который сам не знает, что творит”, – напишет через много лет Агата. А ведь каким славным малым он казался в Лондоне, когда они угощали его домашним обедом! Но теперь супруги Кристи поняли, каков он на самом деле. Однажды Белчер объявил, что у них с Бейтсом есть в Новой Зеландии кое-какие личные дела, и милостиво предоставил своим попутчикам месячный отпуск: так и быть, пусть едут на Гавайи и острова Фиджи.

В отеле “Моана” чету Кристи встретили гавайским *aloha* (то есть “добро пожаловать”) и надели им на шеи венки из цветов, “которые божественно пахли и выглядели тоже божественно”. Так на Гавайях приветствовали всех туристов, однако Агата и Арчи были тронуты этим радушным, прелестным обычаем. Четыре дня они неутомимо катались на серфинговых досках, предавались

чревоугодию, танцевали по вечерам в гостиничном дворе под навесом из раскидистых ветвей баньяна, сквозь которые проглядывали звезды. Увы, из-за стремительно таявших финансов пришлось перебраться в более скромную гостиницу “Донна”, чуть дальше от океана. Но все равно их простенький коттедж располагался у того же знаменитого пляжа Ваикики, и в последующие три недели жизнь оставалась вполне райской.

Одна беда: Арчи сильно обгорал на солнце, поскольку у него была очень белая кожа. Агата писала матери: “Он опять весь в волдырях, а спина и плечи красные, как недожаренное мясо”. Она умолчала о том, что ее муж, спасаясь от палящих лучей, являлся на пляж в пижаме, изумляя окружающих.

Да, все было очень милым: мощеные дороги, машины, подаваемые в столовой вкуснейшие бананы и ананасы, которые, между прочим, росли вдоль дорог, “будто какие-то сорняки”. Отпуск пролетел, нужно было снова встречаться с Белчером и Бейтсом и ехать с ними в Канаду, где и должен был завершиться десятимесячный вояж. В последний вечер Агата и Кристи долго любовались Тихим океаном, они бы с удовольствием остались тут навсегда.

В Канаде предстояло провести целый месяц, а денег для жены у Арчи почти не осталось, разве что на две недели, и то если она готова жить впроголодь. Дорогу-то оплачивало государство, а вот пропитание… Когда прибыли в Викторию (столица провинции Британская Колумбия), при первом же походе в ресторан супруги Кристи осознали, сколь остра возникшая проблема.

Месячное пребывание в Новой Зеландии ничуть не утихомирило Белчера. Ступив на землю Канады, он показал себя во всей красе. В Виктории разругался с гостиничным администратором, в Калгари – с мэром, в Эдмонтоне устроил разнос директору ресторана, якобы замыслившему отравить его свининой, которая на поверку оказалась доброкачественной. Но это были цветочки по сравнению с яростью, которую вызвала внезапная болезнь Арчи. После экскурсии на зерновой элеватор (в Виннипеге) у бедняги обострился синусит. Врачи повелели немедленно лечь в постель (как выяснилось, к синуситу добавилась гиперемия легких). Белчер кричал, что неприлично из-за подобных пустяков подводить делового партнера. Тем не менее негодующему майору пришлось отбыть без финансового советника, оставив его на попечение супруги. Одна в чужой стране, Агата не представляла, как выхаживать Арчи, впавшего в полузабытье, действовала по наитию.

Она писала тогда матери: “Несколько дней температура была под сорок градусов, а потом его всего обсыпало крапивницей”.

Что и говорить, не таким Агата представляла себе завершение их замечательного кругосветного путешествия. Одно утешение: из-за случившегося ей удалось подольше побыть с мужем.

Разумеется, Арчи в конце концов выздоровел, и вскоре после этого Агата отправилась в Нью-Йорк к тетушке. Тетя Кэсси жила на Риверсайд-драйв, Агата поселилась у нее в квартире. Это были дни воспоминаний. Они подолгу обсуждали прошлое, старушка радовала Агату рассказами об отце, о его юности. Съездили на могилу к Натаниелю Миллеру, похороненному на бруклинском кладбище “Гринвуд”.

Но самым ярким и памятным оказался последний день у тетушки. Почти девяностолетняя Кэсси согласилась выполнить странный каприз племянницы: отвела ее в кафетерий-автомат, в знаменитый бродвейский “Хорн и Хардарт”. Агата оделась как для выхода в лучший ресторан. Она слышала про такие кафе самообслуживания, но в Англии ничего подобного еще не было. Ей очень понравилось везти поднос вдоль стойки со стеклянными окошками, выбирая приглянувшуюся порцию мяса и сэндвич, “это было страшно интересно”.

Финансовые проблемы снова напомнили о себе очень скоро, как только они с Арчи двинулись по Атлантике обратно в Англию на борту пассажирско-почтового судна “Маджестик”. Из Нью-Йорка отбыли двадцать пятого ноября 1922 года, так что Агата успела (впервые) отметить с американцами День благодарения, который в тот год пришелся на двадцать третье число. Все сбережения супругов к тому времени составляли 700 фунтов. “Убийство на поле для гольфа” должно было выйти лишь через несколько месяцев, Арчи остался без работы и, что самое печальное, совершенно не представлял, где ее искать.

Терзания из-за денег дополнились и домашней драмой. Когда они приехали к Мэдж за Розалиндой, трехлетняя девчушка приняла их прохладно, как чужих тетю и дядю, и категорически отказывалась покидать дом Москитика (домашнее прозвище Мэдж, придуманное ее сыном). Агате конечно же было обидно, что дочь совсем от нее отвыкла. Арчи тоже ее не щадил: крайне удрученный тем, что оказался не у дел, он раздражался по любому поводу, а чаще без повода.

Супруги вернулись в лондонскую квартиру, Арчи делался все более мрачным и нетерпимым, через несколько недель даже попросил Агату уехать вместе с Розалиндой к Москитику, повторив то, о чем предупреждал в самом начале их совместной жизни: “Учти, когда что-то не ладится, я становлюсь несносным типом. Если кто-то болен, от меня мало толку, я терпеть не могу несчастных, сосредоточенных на своих печалях людей”. Да,

теперь несчастным был сам Арчи, так как не мог обеспечить собственную семью. Агата пыталась его подбодрить, говорила, что все как-нибудь образуется, в ответ он только еще сильнее злился, его бесила эта ее материнская опека.

Уезжать Агата категорически отказалась, нет-нет, она не может сейчас бросить его одного. Тем более что горничной все-таки пришлось дать расчет, и теперь Агата сама прибирала квартиру и кухарила, это были весомые аргументы. Лишать ребенка няни все же не стали, но вместо Джесси в доме появилась пожилая особа, которая вмиг заслужила прозвище Куку, ибо в первый же день попыталась развлечь Розалинду, спрятавшись от нее за дверью и умильно приговаривая “ку-ку, ку-ку”.

Увы, розовая гостиная с черным потолком в ажурных соцветиях боярышника уже не была средоточием покоя и уюта, по ней летали невидимые грозовые потоки раздражения – казалось, вот-вот сверкнет молния. Арчи утратил статус хозяина жизни и кормильца семьи, он искал работу, но безуспешно, нарастало чувство безысходности. Он замкнулся в себе, не желал разговаривать, а если что-то и говорил, то непременно с колкостью или насмешкой.

Агата чувствовала, как ему тяжело, но что она могла сделать? Единственной отдушиной стала работа над очередной книгой под названием “Тайна мельницы” – кстати, название предложил ей однажды майор Белчер. Миссис Агата Кристи успела убедиться в том, что ей удаются самые разные истории и характеры и что она умеет заинтересовать читателя. Она обрела уверенность в себе, поэтому, увидев, какую обложку художник сотворил для “Убийства на поле для гольфа”, решилась на протест. “… Цвета были чудовищные, да и сама картинка не лучше: на поле для гольфа лежал мужчина в пижаме, похожий на эпилептика, скончавшегося от припадка. Поскольку убитый, по сюжету, был нормально одет и заколот кинжалом, я возроптала”.

Весной 1923 года Арчи все же удалось пристроиться на службу, с деньгами стало легче, но атмосфера в семье оставалась напряженной. Ибо фирма, в которую его взяли, имела весьма сомнительную репутацию, приходилось постоянно быть начеку, чтобы не угодить в какую-нибудь историю. Но главное, у Арчи была теперь работа.

А совсем скоро (в марте) увидел свет роман “Убийство на поле для гольфа”. Его опубликовало американское издательство “Додд, Мид и компания”, а через два месяца “Бодли Хед” – в Англии. Книгу Агата посвятила Арчи: “Моему мужу, тоже любителю детективных историй, с благодарностью за дельные советы и замечания”.

Практически все рецензии и на этот раз были хвалебными. Вот что писало “Литературное обозрение”: “Остроумная интрига, умение держать внимание читателя и в конце – торжество справедливости. Что еще можно требовать от детективной истории?”

“Нью-Йорк тайме” уверяла, что это “отличная книга, которую мы с удовольствием рекомендуем всем любителям детективного жанра”.

Итак, миссис Агата Кристи стала известной личностью: ее истории захватывали, у нее было богатое воображение, прямо-таки кладезь убедительных и хитроумных находок. Для читателей она была личностью еще и загадочной. Замужняя дама – и делает успешную карьеру. Успехи жены не преминул заметить Арчи. Разумеется, ему нравилось, что благодаря трудам Агаты в семейном бюджете прибавилось денег, но несколько раздражало, что она уже не просто жена и мать его ребенка, а талантливая писательница.

В 1924 году у Агаты появились не только собственные доходы, но и необходимые профессиональному беллетристу навыки. Она научилась рачительно относиться к своим трудам и держать на контроле процесс издания. Да, теперь она тщательно следила за корректурами, обложками и за тем, чтобы не перевирали названия, лучше ориентировалась в дебрях авторского права. Например, предложила “Бодли Хед” рассказы про Пуаро, напечатанные в журнале “Скетч”, но теперь в виде сборника под названием “Пуаро расследует”. Во-первых, так можно было еще раз получить деньги за уже написанное. Во-вторых, миссис Кристи заодно отрабатывала одну из шести книг, означенных в контракте.

После этого Агата выпустила за свой счет стихотворный сборник “Дорогой мечты” в издательстве Жофрэ Бле. Тогда же они с Мэдж купили своему сумасбродному брату домик в Дартмуре, каждая заплатила по четыреста фунтов. Случались и приятные неожиданности: газета “Ивнинг ньюс” захотела опубликовать “Тайну мельницы” (правда, к тому моменту Агата придумала роману другое название – “Человек в коричневом костюме”), предложив гонорар в 500 фунтов. На них Агата купила машину: новейшую модель “морриса каули”.

Она продолжала дразнить самолюбие мужа вдруг проявившимися бойцовскими качествами. Например, ввязалась в эпистолярную перепалку с коллегой Джона Лейна, Бэйзилом Уиллетом, по поводу обложки к “Человеку в коричневом костюме”: “Средневековое убийство на большой дороге – вот на что похожа изображенная сценка”. “Но с какой стати? –

спрашивала она в своем письме, – ведь ключевой инцидент произошел на станции лондонской подземки и свидетельницей оказалась *современная* девушка в *современной* модной одежде”.

Самый колоритный герой, сэр Юстас Педлер, самодовольный и напыщенный субъект, поразительно напоминает майора Н.Э. Белчера, которому и была посвящена книга: “Н.Э.Б. – на память о кругосветном путешествии, о некоторых достославных приключениях и о его давнем совете автору – написать роман “Тайна мельницы”.

Литературный обозреватель английского еженедельника “Нью стейтсмен” Джей Франклин заверил: “Вот уже много лет мне не попадалось ничего, подобного роману “Человек в коричневом костюме”, это замечательное достижение среди образцов данного жанра”. В субботнем литературном обозрении (“Сатердей ревью”) говорилось о “легкости и стремительности интриги, которая нигде не застопоривается и не провисает”.

Лестные отзывы критики, все большая популярность среди читателей (о чем свидетельствовали растущие цифры продаж), разумеется, придавали Агате уверенности в себе. Бэйзил Уиллет очень скоро понял это – из ее писем и их бесед по телефону. Миссис Кристи больше не была начинающим автором, готовым на любые условия, она теперь умела защищать свои права.

В какой-то момент Агата сообразила, что это гораздо лучше сделает литературный агент (к тому же контракт с “Бодли Хед”, слава богу, был не вечен), и обратилась в контору своего давнего знакомого, Хьюза Мэсси. Сам Мэсси к этому моменту уже ушел из жизни, но на его месте сидел молодой человек лет двадцати пяти, очень дружелюбный и знающий свое дело.

Это был Эдмунд Корк, который только скорбно покачал головой, выслушав, какие кабальные условия навязал миссис Кристи ее нынешний работодатель. Разумеется, существующий контракт он изменить не мог, но пообещал в дальнейшем поддерживать ее интересы и всегда уведомлять о результате переговоров с потенциальными издателями.

Несмотря на юные лета, Корк выглядел очень импозантно: высокий, стройный, лощеный англичанин. Он успел стать знатоком не только издательского дела, но и человеческой натуры. А легкое заикание даже прибавляло Эдмунду шарма, еще больше располагало к нему людей. Агата почувствовала, что этому юноше можно всецело довериться, что отныне он никому не позволит эксплуатировать ее талант.

Теперь она все чаще советовалась с ним, а не с Арчи, тот даже обижался, ведь как-никак он был профессиональным финансистом. Беседуя с женой, господин финансист был вполне

дружелюбен, но скорее по инерции, и давно перестал называть ее Ангелом. Даже когда Арчи попал наконец в более престижную фирму, принадлежавшую его другу Клайву Байо, сердечности в отношениях не прибавилось. Мистер Кристи все чаще задерживался на работе, а ужинать предпочитал в лондонском клубе. Жена проводила вечера одна, исключительно в обществе собственного таланта.

Поэтому Агата еще больше радовалась и всегда-то желанному приезду сестры, навещавшей ее почти каждые выходные. Кстати, Мэдж, которую многие знали только как “сестру писательницы Агаты Кристи”, решила тряхнуть стариной и написала пьесу “Истец”, и она с успехом шла в лондонском театре Святого Мартина в постановке режиссера Бэйзила Дина.

Так что 1924 год прошел под знаком этой пьесы, в ходе обкатки текста сестра еще долго вносила всяческие исправления. Это благодаря ей, неугомонной Мэдж, Агата впервые попала в волнующий мир театра и регулярно бывала на репетициях. Премьера состоялась в сентябре. Агата радовалась успеху сестры, но втайне считала, что *настоящая* писательница в их семье все же она, и готова была напомнить об этом любому. Сладкая минута славы еще не означает, что ты уже профессионал, а не любитель. Осознавать это было очень приятно.

Эдмунд Корк свел ее с издательством Уильяма Коллинза, после чего последовал договор на три книги, за каждую она должна была получить 200 фунтов плюс гонорары за переиздание и солидные проценты с продаж. “Бодли Хед” имело право стребовать с нее еще одну книгу, а потом – свобода! Контракт с Коллинзом сулил хорошие деньги, и Агата сказала мужу, что они могли бы переехать в загородный дом, Розалинде будет вольготнее бегать и играть вдали от городского шума и машин. Да и самому Арчи, пристрастившемуся к гольфу, надо было где-то оттачивать удары.

Они стали штудировать каталоги домов с садом, в конце концов выбрали жилье в доме под названием “Скотсвуд” в лондонском пригороде Саннингдейл. Там имелся и гольф-клуб, в который загодя вступил Арчи, и площадки для гольфа. Дом был огромный, викторианский. Первый этаж занимали владельцы. А семейство Кристи принялось обживать соответственно второй и третий – удобные двухэтажные апартаменты.

Агата снова сама занялась декорированием, но больше не решилась на чересчур смелые эксперименты – никаких черных потолков. Респектабельные любители гольфа, жившие вокруг, безусловно, не одобрили бы столь вызывающей экстравагантности. Для гостиной были подобраны кретоновые

шторы с веточками сирени, для столовой – белые с красными тюльпанами. На окнах детской веселили взгляд и душу занавески с лютиками и ромашками. Наверху, в гардеробной Арчи, комнате очень солнечной, Агата рискнула повесить эффектные яркие шторы – с алыми маками и синими васильками. В их спальне рисунок на портьерах был более спокойным: хрупкие лесные колокольчики.

В новом доме появилась и новая няня для Розалинды, Шарлотта Фишер. После довольно суетливой и бестолковой Куку у них перебывало много нянь, но ни одной не удалось сладить с Розалиндой, которая ни минуты не могла усидеть на месте и постоянно дерзила – словом, была сущим чертенком.

Агата Кристи потом напишет о Шарлотте: “Мисс Фишер понравилась мне сразу. Высокая шатенка, на вид года двадцать три, у нее уже был достаточный опыт работы с детьми, чувствовалось, что она человек расторопный и что есть в ней очаровательное озорство, хотя держалась эта девушка очень скромно и чинно”. Розалинде исполнилось пять лет, и она большую часть дня находилась в школе, поэтому Шарлотта имела возможность работать еще и секретарем Агаты. По крайней мере, такова была изначальная договоренность. Но выяснилось, что диктовать текст Карло (так Шарлотту назвала Розалинда) для Агаты мучение, проще самой его записывать. Она то и дело теряла нить изложения, запиналась, нервничала. В конце концов мисс Фишер стала скорее компаньонкой, чем секретарем, Агата ей доверяла, поэтому круг обязанностей у гувернантки и секретаря был весьма широк.

Хлопоты с переездом из лондонской квартиры в “Скотсвуд” перемежались работой над последней книгой для “Бодли Хед”, носившей название “Тайна замка Чимниз”. Действие происходит в Беркшире, в некоем странном поместье, расследование ведет старший инспектор Баттл, представитель Скотленд-Ярда. Этот довольно флегматичный офицер полиции с грубоватым лицом был совсем не похож на типичного хитроумного сыщика. В книге идет речь об убийстве некоего монарха, чья судьба обрисована лишь в общих чертах, и то с помощью намеков, то есть сплошные неразгаданные тайны. Сама Агата определила жанр этого романа как “несерьезный триллер”, она любила сочинять подобные авантюрные небылицы.

Роман вышел в Англии в октябре 1925 года, а в Америке на месяц раньше. В посвящении читаем: “Моему племяннику в память о надписи в Комптон-Касл[17] и о незабываемой экскурсии в зоопарк”. Племяннику, Джеку Уоттсу, в ту пору уже перевалило за двадцать.

Агата гордилась успехом своей “книжечки” – так она называла этот триллер, но радость была омрачена тревогой за мать, самочувствие которой резко ухудшилось. Агата уговорила ее переехать к ним в “Скотсвуд” (в соседнюю квартиру, к счастью пустовавшую). Клара подчинилась, но с этого момента, похоже, утратила вкус к жизни, сделалась вялой и ко всему равнодушной. Подруг у нее тут не было (впрочем, почти все уже умерли), о милом сердцу Торки оставалось только вспоминать. В общем, у миссис Миллер не осталось почти ничего, что она могла бы назвать *своим.* Агата считала, что Клару довела до хандры рутинность и скука, светские развлечения были в Саннингдейле удручающе однообразны. Вот что пишет по этому поводу сама миссис Кристи: “Саннингдейлская публика делилась на две категории: люди средних лет, помешанные на своих садах и не желавшие говорить ни о чем другом, и богатые молодые весельчаки, которые много пили, устраивали бесконечные вечеринки с коктейлями. Мне это было неинтересно, да и Арчи тоже не нравились утомительные кутежи”.

Зато ему все больше нравился гольф. Из-за этого хобби Агата, по сути дела, стала “соломенной вдовой”. Все свободное от службы время Арчи проводил с друзьями-спортсменами на ближайшей площадке. Агата попыталась составить мужу компанию, но ей эта суета вокруг лунок была скучна, ей было интереснее “развлекаться” за пишущей машинкой. Клара, которой исполнился семьдесят один год, в конечном итоге перебралась к подруге, та жила в Лондоне и предоставила ей отдельную комнату. Там было не так скучно, можно было побродить по магазинам, в городе вообще проще найти себе занятие.

Время от времени Агата садилась в машину и тоже уезжала в Лондон. Это было весело и приятно, все равно что вырваться на волю. Но без Арчи веселье получалось каким-то вымученным, жалким подобием настоящего беззаботного счастья.

Да, конечно, у нее была Розалинда. Но они с дочерью были совершенно разными, Агата с трудом находила с ней общий язык. Агата, например, тут же замечала, что груда облаков похожа на стадо слонов, а Розалинда видела в облаках только облака, если вообще соглашалась взглянуть на небо. Папина дочка: все для нее было четким и ясным, как на черно-белой фотографии. Никаких полутонов, никаких иных цветов и оттенков. В мире Арчи и Розалинды фантазии были досадным излишеством, которое только отвлекало от важных насущных проблем. Ну что на это можно было сказать?

Ах, дети… Агате Кристи эти существа казались неким чудом

(в том числе и ее собственное чадо), которое постигаешь постепенно, по мере того как они растут, раскрываясь и обретая законченный облик. “Ребенка можно сравнить с незнакомым растением. Ты приносишь домой росток, сажаешь в землю и с нетерпением ждешь, что же такое из него вырастет”. Они с дочкой были очень привязаны друг к другу и в то же время – разобщены, Агата даже не могла толком понять, как и почему это происходит.

И еще у Агаты были, разумеется, ее детективы. Они-то всегда при ней. Наедине с рукописью ей было комфортнее всего: в своих книгах она могла о чем угодно мечтать, лететь куда угодно на невидимых крыльях воображения. Вот и в эту осень 1925 года она погрузилась в роман “Убийство Роджера Экройда”, это был первый заказ Уильяма Коллинза. Роман вызовет яростные споры, ибо с легкой руки своего зятя Джеймса Уоттса, надоумившего ее придумать что-нибудь новенькое для криминальной беллетристики, Агата нарушит негласные табу классического детектива.

Споры спорами, но критики не могли обойти молчанием мастерство автора, сумевшего “с такой ловкостью и великолепным остроумием” обмануть читателя. Надо сказать, взявшись за роман, Агата совершенно не помышляла о том, что пишет нечто из ряда вон выходящее. Одно она знала точно: стоит ей отвлечься от работы, в голову тут же полезут мысли об Арчи.

Агата была женщиной романтичной, и прежде всего она была преданной и любящей женой, которой хотелось нежности и теплоты. Она ничего не требовала, только немного внимания, но и в этой малости Арчи ей отказывал. Домой возвращался поздно, говорил, что много работы. Агата понимающе кивала, положение на рынке было неустойчивым, финансистам действительно приходилось подолгу торчать в своих кабинетах. Но даже когда Арчи выкраивал для нее час-другой, он держался холодно и отстраненно, как посторонний мужчина.

Возможно, из-за этого отчуждения Агата согласилась на очередной переезд. Им придется искать дом, хотя бы это их сблизит, раз уж не осталось иных причин. “Скотсвуд”, конечно, имел свои недостатки, но и там можно было бы жить вполне счастливо, если бы они сами были друг с другом счастливы…

Арчи заявил, что ему надоели съемные квартиры, им нужен собственный дом. Но обзавестись подходящим было не так-то легко, да еще по разумной цене. Первая мысль мистера Кристи была, разумеется, о гольфе. Арчи мечтал поселиться в новом доме рядом со строящейся площадкой, но выяснилось, что этот существовавший пока только на чертежах дом (причем небольшой) будет стоить баснословных денег. В конечном итоге

супруги остановились на особняке “в излюбленном миллионерами стиле а-ля “Савой”[18], не слишком уместном в деревне. Там когда-то не поскупились на отделку вычурных интерьеров”. Супруги нарекли его Стайлзом, в честь первой книги Агаты Кристи. И хотя у дома была дурная слава (считалось, что каждого, кто там поселится, ждет несчастье), в январе 1926-го семейство Кристи туда переехало.

Опять им предстояло осваивать новое жилое пространство, тут уж не до отпуска. Однако Агата так не считала. Она была измотана только что завершенным “Убийством Роджера Экройда” и переездом и потому яростно доказывала своему мужу, что ей *необходимо* отдохнуть. Хорошо бы поехать на Корсику, в городок Калви, там дивные пляжи. Но Арчи не желал никуда ехать. Агата решила продемонстрировать этому упрямцу, что прекрасно обойдется без него, и пригласила с собой Мэдж. Однако в Калви, разумеется, отчаянно скучала о проклятом упрямце, только о нем и думала.

Приехав с Корсики, Агата сразу помчалась в Торки, так как Клара, все-таки вернувшаяся в Эшфилд, заболела бронхитом. Какой же маленькой и хрупкой казалась она на огромной кровати, вся съежившаяся под зеленым стеганым одеялом! Почти все комнаты теперь были заперты и, лишенные ухода, постепенно ветшали. А дивный сад дичал и обрастал сорной травой. Агата вдруг осознала, как давно сюда не наведывалась. И за неделю попыталась немного оживить заброшенный дом, чтобы он стал похож на себя прежнего.

В Эшфилд приехала Мэдж, и Агата смогла вернуться в Стайлз, к Арчи. Но пока ее не было, муж отправился по служебным делам в Испанию. Сердце Агаты заныло. Едва Агата ступила на порог пустой спальни, сердце ее заныло сильнее, это была тихая боль досады и разочарования, но все же достаточно ощутимая. Боль не прошла и утром, Агата сразу ее почувствовала, как только открыла глаза.

Когда Мэдж сообщила телеграммой, что забирает Клару к себе в Эбни-Холл, Агата восприняла это спокойно. Клара любила гостить у дочери, ведь там такие замечательные слуги. Ясно было, что дома Мэдж будет проще организовать надлежащий уход. Но вскоре принесли еще одну телеграмму, всего два слова: “Немедленно приезжай”. И на этот раз Агата похолодела от ужасного предчувствия.

Манчестерский поезд еле-еле тащился, Агата сердцем чувствовала, что опоздала. Что мамы больше нет, и теперь все станет совершенно иным. Мира, в котором прежде жила Агата, больше не существовало. На похоронах она не проронила ни

слова, будто онемела. Она была одна, без Арчи. Он и болезней боялся панически, а тут смерть. Агата хорошо помнила откровения мужа на этот счет и, разумеется, знала, что на похороны он не явится.

А потом она поехала в Торки, разбирать вещи и закрывать дом, и тоже заранее готова была к тому, что на все ее просьбы хоть ненадолго приехать в Эшфилд Арчи найдет отговорку. Отговорки вроде бы убедительные, однако стоило сложить их вместе и сопоставить, как становилось ясно, что это сплошное лицемерие.

Агата одна барахталась в волнах страдания, налетевшего как буря. Хотела побыть в Торки несколько недель, а не месяцев. В результате пробыла полгода. И когда Арчи все же прикатил в Эшфилд и потребовал развода, она подумала: наверное, именно такие ощущения человек испытывает в момент смерти. Твое сердце словно бы медленно вспарывают ножом, разрывая его на части, и оно останавливается – от запредельной, непереносимой боли.

Вокруг романа “Убийство Роджера Экройда” поднялся невероятный шум, но Агата почти не читала рецензий и не соглашалась ни на какие интервью. Литературный обозреватель “Нью-Йорк тайме” писал: “Среди детективных историй есть немало куда более захватывающих, от которых стынет в жилах кровь, но крайне редко авторам удается принудить читателя столь интенсивно шевелить мозгами”. Нью-йоркская “Геральд трибюн” назвала роман “в высшей степени оригинальным”. Агату нисколько не волновали комплименты знатоков жанра. Больше не волновали.

В пятницу, третьего декабря, утро в Саннинг-дейле началось как обычно. Кухарка поставила на стол яйца, фасоль, сосиски и помидоры, типичный английский завтрак. А потом Арчи заявил, что уходит. Сказал, что требует развода. Она услышала, как он резко оттолкнул стул от стола, только услышала, потому что глаза она закрыла ладонями, как будто этот инстинктивный жест мог оградить от беды, предотвратить жизненный крах.

В тот же вечер, отодвинув тяжелую бархатную портьеру, Агата Кристи старательно всматривалась в темноту. Столь обычный для декабрьского Саннингдейла туман клубился над дорогой, подползал к парковочной площадке. Агата ненавидела туман, ненавидела неодолимую назойливость, с какой он обволакивал знакомые силуэты, придавая им зловещий, угрожающий вид. Она зябко поежилась и снова тщательно задвинула портьеру, чтобы в спальню не проникла вечерняя промозглая сырость. Был десятый час, и она знала, что ее муж

больше никогда сюда не вернется.

Глава пятая
Моя фамилия Нил

Любовь уходит в тихий мрак ночной.
Твои объятья больше не милы тому,
Кто словно маг развеял скуку жизни…

Агата Кристи. Любовь уходит

13 ИЮНЯ 1925. Гольф-клуб “Пэрли дауне” расположен на территории бывшей овчарни, в лондонском пригороде Саут-Кройдон. Огромные деревья и живописная пересеченная местность, довольно пологая – вот что манило сюда игроков в гольф, здесь они и обосновались в конце девятнадцатого века. Своего возлюбленного Агата Кристи впервые привезла туда в 1923 году. Их обоих интересовала тогда не столько сама игра, сколько возможность вместе провести выходные. Миссис Кристи отложила в сторону свои блокноты и зачехлила пишущую машинку, все ради него, ради своего ненаглядного, чтобы побыть с ним вдвоем.

Потом они постоянно приезжали в этот клуб, гораздо чаще вместе, чем он один. К гольфу Агата была, в сущности, равнодушна, хотя ей удавалось иногда даже обыгрывать партнеров, но это бывали весьма скромные достижения. Честно говоря, Арчи понимал, что у супруги просто не очень-то подходящие данные. Рост да, рост у нее отличный, это важное преимущество. *Было бы* важным, если бы она так не раздалась вширь. После того как они вернулись из кругосветного путешествия, Агата стала поправляться. Из-за погрузневших бедер сместился центр тяжести, поэтому замах никуда не годился, позиция нетвердая, отсюда и удары непредсказуемые.

Сам Арчи влюбился в гольф и играл превосходно. С нетерпением ждал выходных, чтобы выбраться на какую-нибудь из кенсингтонских площадок. А когда переехали в Саннингдейл, для Арчи наступили счастливые времена, там ведь превосходные многоуровневые площадки, настолько удобные, что за выходные он мог отработать все восемнадцать лунок.

Но в ту субботу, тринадцатого июня, игра не заладилась: на

двух последних лунках он сплоховал, дважды опозорился с “богги”[19]. С досады решил попить в клубе чаю с булочкой (надо же было себя утешить) и вдруг заметил, что к его столику направляется эффектная брюнетка, а рядом с ней идет Ларкин Пирс. Это были его сотрудники.

Поднявшись из-за столика, он сначала протянул руку Ларкину, потом его спутнице.

– Привет, Нэнси, – сказал он, не сразу отпустив девичью ладонь.

Двадцатипятилетняя Нэнси Нил была секретаршей в их газовой компании “Империал Континентал гэс ассосиэйшн”. Поступила к ним сразу по окончании школы мисс Дженкинс, где учат машинописи и основам делопроизводства. Фирма, где служил Арчи, одной из первых в газовой отрасли достигла международного уровня. Там работали мужчины, женщин было только двое: Нэнси и ее подруга, которая, собственно, и познакомила ее с Арчибальдом Кристи.

Что и говорить, Нэнси была девушкой яркой, энергичной и умела так смотреть на мужчину, что тому казалось, будто она видит лишь его одного. Во всяком случае, мистер Кристи *точно* это чувствовал, всякий раз, когда она с еле заметной улыбкой смотрела на него. А Нэнси точно знала, что ее улыбка сводит мистера Кристи с ума.

К тому моменту они были знакомы примерно год. Агата тоже иногда с ней общалась. Все очень мило и благопристойно, да и как могло быть иначе, ведь Нэнси всего двадцать пять. Да, поначалу это была невинная дружба. Они даже ходили втроем танцевать. Агата брала на себя роль компаньонки, чтобы их симпатичная приятельница могла повеселиться, ведь девушке не полагается одной ходить по танцевальным вечеринкам. Арчи был счастливым семьянином и совсем не собирался нарушать брачный обет. Невинная, абсолютно платоническая дружба. Но однажды все вдруг изменилось.

Первая вспышка любви настигла Арчи нежданно-негаданно, когда они с мисс Нил случайно встретились на поле для гольфа. Нэнси была отличным игроком, она играла даже лучше самого Арчи. Он умилялся и млел от восторга. Какие точные, уверенные броски! Не то что у его благоверной, которая всегда подолгу примеривается, словно боится ударить или думает о чем-то еще.

Да, Нэнси чудо. Но Агата его жена, и, хоть он давно не считал ее своим Ангелом (а ведь когда-то считал!), нельзя нарушать обет. Пора было прекратить флирт – флирт, и только – с этим прелестным созданием. И он все честно ей выложил, пока они шли по краю зеленого поля (так называемой “лужайки”), где

располагалась семнадцатая лунка. Со стороны казалось, что игроки дружески болтают, никто бы не заподозрил, что шутливое светское ухаживание уже переросло в нечто большее.

Мисс Нил отреагировала на откровения мистера Кристи со свойственной ей осмотрительностью. Да, она его понимает, прекрасно понимает. Долг, семья – это очень важно. И она, Нэнси, никогда не претендовала на роль пресловутой “другой женщины”.

Агата ни о чем не догадывалась, Арчи же ни словом не обмолвился о той случайной и *роковой* июньской встрече. Вернувшись тогда домой, он увидел, что жена изучает туристические каталоги. Она собралась в Пиренеи: захотелось вернуться в детство, когда мир был наполнен радостью. Она мечтала показать Арчи те места, где так были счастливы ее родители, рассказать, как замечательно они тогда все вместе путешествовали.

На пиренейских фотографиях Арчи рассеянно смотрит в сторону или прикрывает лицо рукой, как бы стараясь отгородиться от всех и вся. Агата, напротив, сияет улыбкой, не подозревая, что творится в душе ее мужа. А он не замечал ни горных пиков и громад, ни моря, ни пляжа (когда они потом приехали в Сан-Себастьян). Он видел только свое будущее, которое уже не мыслил без Нэнси Нил. И не важно, какие он пытался найти себе оправдания и находил ли. Не важно, хорошо или плохо было то, что случилось. Главное, оно случилось.

Когда возвратились домой, Арчи жил словно бы по расписанию: работа, в свободное время – гольф, никаких внезапных желаний или порывов. Когда жена говорила, что он стал совсем другим, Арчи негодующе возражал и обвинял ее в мнительности.

Переселение в Стайлз он затеял ради престижа: это повышало его авторитет на работе и придавало вес в обществе. По тем же соображениям он купил подержанный “дилейдж”. Хотя и особняк, и еще один автомобиль (имелся ведь еще “моррис каули”) были чересчур обременительны для семейного бюджета. Но Арчи предпочитал об этом не думать, главное – явить всему миру стабильность своего благополучия, в первую очередь работодателям.

А в жизни Агаты в тот момент от стабильности не осталось и следа, после смерти матери (напомним: в апреле 1926 года) она погрузилась в жестокую депрессию, которая сопровождалась бессонными ночами, бесконечными слезами, надуманными обидами, нежеланием общаться с людьми. Не то чтобы ей не хотелось говорить, ей важно было *выговориться,* безумно хотелось излить душу Арчи, а ему откровения жены были в

тягость. Видимо, в эти моменты еще сильнее мучила совесть, но он в подобные мелочи не вникал и даже не пытался себя преодолеть, больше не пытался. Это нетерпение равнодушия только усиливало душевную боль Агаты.

В августе он признался, что любит Нэнси, и в том, как он это сделал, был весь Арчи: жестко, стремительно, без капли сострадания к чувствам и гордости жены. Зато так расписал *собственные* страдания, что Агате нечего было на это возразить.

К тому моменту ее писательский дар успели оценить во всем мире, считали незаурядным. А она, узнав про Нэнси, обнаружила, что больше не может писать. Агата как раз работала над книгой “Тайна “Голубого экспресса”, однако кошмар нависшего вдруг одиночества парализовал ее фантазию.

И все-таки она надеялась, страстно надеялась, что муж опомнится, поймет, что совершает ошибку, и счастье еще вернется. Она готова была все простить и ждала покаяния, но напрасно. Тогда, в декабре 1926 года, он пришел просить не прощения, а развода. Он *потребовал* развода, он был хладнокровен и решителен, как хирург, отсекающий опухоль от больного органа.

Да, Арчи даже и не пытался смягчить удар. Ему было важно, чтобы она уяснила себе: к былому возврата нет, и не надеялась на то, что он передумает. Ушел без оглядки, ни на секунду не замедлив шаг. Действительно, сколько можно. Какая жалость, какая любовь?

Она взъерошила волосы, убирая их со лба, привычный жест в моменты сильного волнения, потом накрутила на палец локон и уставилась в пространство, будто это могло помочь ей определиться с дальнейшим. Следующие двенадцать часов она пребывала в каком-то странном, почти сомнамбулическом состоянии: вроде бы жива, но не совсем. Сердце билось, легкие дышали нормально, а вот мозги… их как-то заедало.

Она придумала один план, если, конечно, подобную эскападу можно считать планом, и начала собирать саквояж, положила несколько платьев, новую ночную сорочку, два шелковых шарфика и две пары туфель. Написала письма, положила на инкрустированный столик в темном холле, где их непременно найдут.

Надев любимую ондатровую шубу, шляпку из велюра и кожаные перчатки, Агата наспех посмотрелась в зеркало, приказав себе забыть про попранную гордость. Не удержавшись, обняла на прощание своего верного пса, схватила саквояж и, не оборачиваясь, покинула уютный, надежный дом и свой привычный мир.

Ночное небо было ясным и черным, словно бы написанное маслом, а все остальное вокруг было матово-акварельным. Морозный воздух холодил щеки, которые, впрочем, тут же заполыхали румянцем от усилия: саквояж оказался довольно увесистым. От учащенного дыхания изо рта беглянки вырывались облачка пара. Гравий под ногами хрустел, будто гренок под лезвием ножа, пока она медленно приближалась к своему авто, тускло поблескивавшему “моррису каули”. К счастью, мотор завелся сразу. Про машины Агате было известно только одно: сидеть самой за рулем – сплошная нервотрепка. “А теперь будь что будет”, – подумала она и, преодолев страх, нажала на педаль газа. Буквально через несколько секунд “моррис каули” растворился в темноте.

Теперь уж никто и никогда не узнает, куда той ночью собиралась ехать Агата Кристи, но весьма вероятно, в Хартмор, который находился в маленькой деревушке под Годалмингом, в семнадцати милях от Саннингдейла. Арчи там, всего в получасе езды от Стайлза, наслаждается обществом Сэма и Мэдж Джеймс… и Нэнси Нил. Даже если она решила устроить очную ставку, то передумала. Наутро, в половине седьмого, ее уже не было в машине, брошенной у мелового карьера в местечке Ньюлендз-Корнер, в шести милях от Годалминга.

Да, брошенной, и что еще примечательней, ее владелица много чего оставила внутри. То есть и не думала заметать следы. На лобовом стекле желтели штрафные талоны за парковку не в том месте, рядом с шоферским местом нашли потом просроченные водительские права, еще в салоне были разбросаны кое-какие вещи, в том числе и шуба. Все это сразу увидел цыганенок Джек Бест, обнаруживший машину.

К тому моменту ее владелица уже успела очутиться на станции Гилдфорд, то есть в трех с половиной милях от мелового карьера, а там она дождалась поезда до Ватерлоо (это сорок пять минут пути). Как она добралась до станции, остается загадкой, поскольку никаких свидетельств на этот счет не поступило. Страшно даже представить, как она в серой предрассветной мгле бродит по лесам и полям. Впрочем, возможно, все было не столь ужасно: села на местный автобус, он и привез ее на станцию. Во всяком случае, в субботу утром (то есть четвертого декабря 1926 года) миссис Кристи, целая и невредимая, примерно в восемь часов пила чай в Лондоне, а в Ньюлендз-Корнере примерно тогда же началась суматоха вокруг ее “морриса каули”.

Горячий чай немного успокоил беглянку. Боль, конечно, не прошла. И Агата подозревала, что эта боль уже никуда не денется, по крайней мере, ощущение, что тебя предали, останется

в душе навсегда. И все-таки острота обиды слегка притупилась. Желание отомстить, которое неотвратимо возникает в момент яростной размолвки, тоже поутихло. Ведь своим исчезновением она уже отомстила, и пока все шло так, как было задумано.

Вновь наполнив чашку душистым индийским чаем, она перечитала письмо деверю, Кэмпбеллу Кристи. Теперь можно было отправлять его в вулвичскую Королевскую военную академию, где тот преподавал. Письмо Кэмпбеллу – это отличный ход, может даже самый удачный в плане. Она пишет, куда собирается поехать. Арчи наверняка это прочтет, но уже *после выходных,* а в выходные пусть подумает над тем, что натворил. Да, ход отличный, она испортит муженьку отдых и хорошенько потреплет нервы.

Кэмпбеллу она сообщила, что едет в Йоркшир, так как ей совершенно необходимо отдохнуть после недавних событий. Каких именно, она не уточняла, Арчи и так все поймет, а Кэмпбеллу знать не обязательно.

Теперь она сама будет писать эту историю, так, как считает нужным. Начало придумано не ею, но развитие интриги будет предопределять она, Агата Кристи.

Это не история, а скорее уж пьеса, пронеслось в голове у Агаты. Все ключевые узлы расставлены по местам, но зритель не должен этого замечать и до последнего действия не догадываться, каков будет финал спектакля. Кэмпбелл Кристи. Это персонаж нейтральный, предсказуемый, никаких подвохов в виде эмоциональных взрывов. Эмоций уже и так чересчур много. Нужен кто-то, кто сможет трезво все оценить, то есть Кэмпбелл, он и убедит своего братца вернуться домой, к жене. С некоторым облегчением (пусть и еле ощутимым) Агата бросила письмо в ближайший почтовый ящик и двинулась дальше.

Следующим пунктом был универмаг “Харродс”. Там она подобрала себе пальто, в Лондоне последние дни было очень холодно, декабрь все-таки, метеорологи предсказывали, что в ближайшие ночи температура заметно упадет. Еще беглянка купила чемодан и кое-что из косметики и гигиенических принадлежностей. На пути к кассе она на миг остановилась, чтобы помазать мочки ушей духами из открытого для пробы флакончика.

Перед уходом Агата некоторое время любовалась рождественским великолепием огромного универмага. Волшебная красота. Нарядные елки, гирлянды, двигающиеся фигуры зверей, гномов, танцовщиц и прочих милейших существ. И все это сияет, мерцает, манит. Когда она в детстве впервые попала в “Уайтлиз”, ей захотелось остаться там навсегда. Агата поймала себя на том,

что и сейчас была бы рада тут остаться. Но прочь упоительные фантазии: надо уже торопиться. *План,* напомнила себе миссис Кристи, она должна четко ему следовать.

Прибавив шаг, она отправилась в ювелирный отдел, где имелся и мастер-ювелир, мистер К. Фаен. Она отдала ему бриллиантовое кольцо, в котором расшатался один камешек, ювелир обещал надежно его закрепить и записал ее имя и адрес, по которому можно будет отослать готовое колечко. Продиктованный адрес был таков: “ХГ1, Харрогейт, отель “Гидро”, миссис Терезе Нил”. А после Агата спешно отправилась на вокзал, чтобы не опоздать на термальный курорт в Северном Йоркшире, *действительно* в гостиницу “Гидро”.

Этот отель был лучшим на курорте. Когда в него вошла высокая дама, только что подъехавшая на такси, роскошный вестибюль уже почти полностью украсили рождественскими гирляндами и без-дедушками. Вошла она туда в начале восьмого, когда сенсационная весть о том, что пропала известная писательница, еще не успела попасть на радиоканалы и первые страницы английских газет.

Дама удовлетворенно вздохнула, но не от восхищения увиденным, это был вздох усталого человека, добравшегося наконец-то до места. Впрочем, путешествие на поезде было даже приятным, миссис Агата Кристи вволю налюбовалась североанглийскими ландшафтами. Грэнтем, Ретфорд, Донкастер, Хедингсли, Уитон, Хорнбим-Парк. Харрогейт встретил ее закатом, лучи которого щедро позолотили все окна здешних щеголеватых домов.

В основном это были массивные особняки, стоящие поодаль от дороги, их кирпичные стены летом скрывались под плющом “ползучая смоковница” и вьющимся олеандром. Обширные газоны бывали идеально подстрижены, это гордость древнего города. Отель “Гидро” очень величественное сооружение, стоит он в самом конце Свон-роуд. Солидный серый каменный фасад. Основательность, которая вселяет надежду и одним своим видом обещает: тут вам непременно помогут. Вот уже несколько веков водолечебница, ради которой и был построен отель, исправно лечит серной и железистой водой и горячими минеральными ваннами, действительно исцеляющими.

В регистрационной книге Агата написала: “Тереза Нил, Кейптаун, Ю.А.”. Ее поселили на первом этаже, в номере 105, пять с половиной гиней за неделю проживания. Совсем небольшая комнатка, окнами в сад, двуспальная кровать с ужасными пружинами, которые при малейшем движении жалобно скрипели. Но этот скрип не помешал Терезе Нил из Кейптауна тут же

уснуть. Проснувшись утром, она увидела, что горничная, Рози Эшер, разжигает углем камин, от которого уже тянуло восхитительным жаром, а после Агате был доставлен обильный английский завтрак. Она съела все до последней крошки с такой жадностью, будто говорила себе: “Наконец-то можно как следует поесть!” Она и правда не ела нормально почти сутки.

Рози была удивлена тем, что у дамы с собой только один небольшой чемодан, но за три года в “Гидро” она хорошо уяснила, что вопросов постояльцам задавать не следует. Все они были богаты и знамениты, незнаменитые приезжали редко. В любом случае чудачества клиентов лучше не замечать, если не хочешь остаться без работы, а пристроиться куда-то еще в их городе трудно, невероятно трудно.

В тот день миссис Нил вышла из номера уже ближе к вечеру и сразу же направилась в гостиничную библиотеку взять что-нибудь почитать. Однако, увидев на столе “Таймс”, только что оставленную каким-то джентльменом (судя по сигаре, еще дымившейся в пепельнице янтарного цвета), она забыла про книги и схватила эту газету. Спустившись потом в огромный обеденный (он же танцевальный) зал, она выбрала самый дальний столик у раскидистой пальмы, которая надежно скрывала ее от остальных. Принялась разгадывать газетный кроссворд, но одновременно внимательно вслушивалась в разговоры за соседними столиками, которые все вели чуть ли не шепотом, видимо из почтения к изысканному интерьеру и угощению.

У здешнего кофе был необычный вкус, возможно, туда добавляли орех пекан. Вкус очень приятный. Поэтому, придя в гостиничный зимний танцзал, она заказала себе еще кофе. Ей захотелось посмотреть на танцующую публику и послушать оркестр Гарри Кодда (“Весельчаки из “Гидро” – так он еще назывался). Она была в том же, в чем уехала из дома, поскольку купить ничего не смогла: местные магазины по воскресеньям закрыты. Следя взглядом за дамами в легких шелковых нарядах, Агата еще острее ощутила несвежесть зеленого джемпера, в котором провела все два дня своих скитаний. Из-за этого несносного джемпера ей было очень неуютно, она снова почувствовала себя застенчивой, почти не умевшей танцевать ученицей мисс Флоренс Эвы Хики из “Атенеума”.

И вот настал понедельник, шестое декабря. После завтрака Тереза Нил спустилась по широкой лестнице в вестибюль и деловито направилась в сторону двери, но невольно замедлила шаг, заглядевшись на смелый окрас сидевшей в кресле миссис Карлтон Поттс: кокетливо распущенные по плечам подсиненные

седые кудри и ярко-малиновые губы. Та, подняв голову, улыбнулась миссис Терезе, потом снова погрузилась в напечатанную на девятой странице “Дейли мейл” статью – про исчезнувшую писательницу Агату Кристи.

Посмотрев на фото, опубликованное под крупным заголовком “Писательница до сих пор не найдена”, миссис Поттс поведала публике, сидящей в холле вестибюля, что прочла все книги миссис Кристи и они очень ей понравились, очень. Прочие постояльцы, которые ничем не привлекли внимания Терезы, были согласны с миссис Поттс: у Агаты Кристи действительно незаурядный дар. Потом началось обсуждение ее таинственного исчезновения, а Тереза Нил тем временем уже шагала по Свонроуд в магазин за покупками. По идее этот день будет особенным, весьма для нее важным. Она была уверена, что сегодня Кэмпбелл Кристи вынудит своего братца сесть на поезд, идущий до Харрогейта, и забыть про гонор.

Ей требовались платье, шляпка, туфли в тон и сумочка – на молнии, последний писк парижской моды. После она зашла в “Кортмэнс” купить щетку для волос, в книжный магазинчик У. Г. Смита, еще в “Бентоллс” за флакончиком духов и в аптеку за грелкой.

В гостиницу миссис Нил вернулась во втором часу дня. Поговорила с администраторшей миссис Тейлор, сказала, что багаж оставила пока у друзей в Торки, а та вручила ей посылку из “Харродса”, с кольцом. Пока все шло по плану, без сучка без задоринки. Не хватало только Арчи.

Вечером Тереза обновила платье из персикового креп-жоржета и накинула шаль на обнаженные плечи. А потом даже потанцевала с неким мистером Лоуренсом под очень модную тогда песенку Эла Джолсона, которую спела мисс Корбетт. Песня, очаровательно задорная, называлась “Я на седьмом небе”. “Вот бы и мне там оказаться”, – подумала Агата Кристи, пока *Тереза* вместе с остальными танцующими весело подпевала мисс Корбетт.

Во вторник фото Агаты было помещено на первой странице “Вестминстер газетт”, под заголовком “Тайна миссис Кристи”. Ее лицо стало предметом лакомой сенсации в “Дейли экспресс”, “Дейли мейл”, “Дейли кроникл”, а “Дейли ньюс” обещала вознаграждение в 100 фунтов тому, кто “располагает фактами, которые могли бы навести на след пропавшей писательницы”.

“Я же здесь, здесь, смотрите!” – хотелось крикнуть Агате, но она мужественно молчала. Надо потерпеть, и ее муж примчится, чтобы спасти ее, избавить от страданий. Он наверняка уже понял, что по-настоящему любит только ее, а флирт с молоденькой

подружкой – это просто наваждение. Привязанность, проверенная годами, скрепленная узами брака, конечно же важнее.

Постояльцы расхватывали газеты, лежавшие на стойке администратора, требовали принести еще. История про Агату Кристи была новостью номер один, обыватели жаждали подробностей, и лукавые писаки на них не скупились, интерпретируя факты на свой лад, умело оплетая их паутиной намеков, творя свою, с налетом скандальности, правду.

Из “Дейли экспресс” Агата узнала, что машина ее уцелела, не рухнула в меловой карьер. “Боковые дверцы были закрыты, и все стекла были подняты. Когда машина врезалась в кусты, слетела стоявшая на боковой подножке канистра с бензином. Канистру нашли в траве”, – писал корреспондент в репортаже с места событий. Еще было приведено свидетельство мистера Луфорда, кажется владельца придорожного кафе (это уже потом его будут называть правильно, Альфредом Луландом). Этот человек сообщал: “Повреждений в машине не было. Мы, под присмотром полиции, выкатили ее на дорогу, завелась она легко, мотор сразу заработал”.

“Вестминстер газетт” поместила одну из самых любимых фотографий Агаты: она за письменным столом в платье, купленном во время кругосветного путешествия, на губах счастливая улыбка. Газета писала, что Арчи не в состоянии объяснить, почему исчезла его жена, но считает, что единственно возможная причина такова: “Недавний нервный срыв, который повлек за собой потерю памяти”. *Отличный ход,* оценила Агата, не забыть бы про это высказывание.

В “Дейли ньюс” она нашла довольно крупную фотографию: она стоит перед каминной полкой, на которой расставлены африканские деревянные фигурки, привезенные из Кейптауна. Тоже удачное фото. Наверняка это Карло постаралась: в газеты попали любимые фото Агаты.

В “Дейли мейл” миссис Кристи наткнулась на интервью с Эдмундом Корком. Невозмутимый Корк, умница. Он заверил газетчиков, что не заметил ничего необычного в поведении миссис Кристи, а виделись они за день до ее исчезновения, в четверг. “Она была в хорошем настроении, веселая. Мы замечательно пообщались, ни тени растерянности или тайной печали. В настоящее время миссис Кристи пишет роман “Тайна “Голубого экспресса”, он наполовину уже готов”.

“Доброе утро, миссис Нил”, – поприветствовала миссис Тейлор Агату, жадно разглядывавшую разложенные на стойке газеты. “Осторожнее”, – одернула себя Агата и, прежде чем пойти к двери, кивнула администраторше, изобразив любезную улыбку.

Быть Терезой Нил Агате даже понравилось. Понравились ее беспечность и лукавство. Тереза к тому же была очень эффектна в ярких нарядах, которые Агата носить никогда бы не решилась. Это Тереза, а не она смело выбрала в магазине алую шаль, расшитую синими и лиловыми узорами. *Отличный ход,* оценила уже миссис Кристи, примеряя открытое платье. Возможно, Арчи приедет уже сегодня. Надо встретить мужа во всеоружии.

Но Арчи опять не приехал, а в вечерних газетах опять ни слова не говорилось про ее письмо Кэмпбеллу: задуманная интрига дала сбой. Это не роман, а реальная жизнь, напомнила себе Агата, когда у нее оплошно вырвалась фраза: “Что случилось с письмом, куда оно подевалось?”

Письмо все же нашлось, это стало ясно утром, когда пришла порция свежих газет, к которым добавилась еще газета “Ньюс оф зе уорлд”. “Дейли ньюс” назвала письмо “сенсационной находкой” и объяснила, почему мир узнал о письме не сразу Брат Арчи получил его еще в воскресенье, но не счел это послание необычным, поскольку понятия не имел, что невестка его пропала, узнал об этом из газет лишь во вторник.

Вся Англия только об этом и говорит, а у них в Вулвиче ничего не знают! Агата еще сильнее разозлилась на мужа, который и не подумал сообщить брату про ее исчезновение. По крайней мере, кое-какие важные факты из письма были названы. Главное, упомянуто, что она собиралась поехать в Йоркшир. Уж теперь-то ее инкогнито наверняка будет раскрыто, не сомневалась Агата, снова с особой тщательностью одеваясь к обеду и к выступлению весельчаков из “Танцевального оркестра Гарри Кодда”.

Сегодня она тщательно изучила газету “Таймс”. Суррейская полиция, оказывается, вошла в контакт с “определенными кругами” Йоркшира, которые сообщили, что миссис Кристи, безусловно, находится на территории графства и поэтому они собираются… провести очередное зондирование Тихого пруда, чтобы отыскать ее тело. “Надо же, куда их повело”, – изумилась Агата, искренне недоумевая, как нынешним полицейским удается раскрывать хоть какие-то преступления.

Даже ушлые репортеры на этот раз сплоховали. В “Дейли кроникл” она прочла: “Возникло предположение, что, скорее всего, миссис Кристи хотела отправиться в Харрогейт. Наш представитель посетил прошлым вечером все крупные отели города, но не обнаружил никаких следов”. “Вот оно что, никто меня не замечает”, – мысленно констатировала Агата и накинула на плечи алую шаль, вознамерившись немедленно изменить ситуацию. С помощью вот этой самой шали.

Расчеты на шаль в тот вечер полностью оправдались: Тереза Нил произвела фурор. Едва она вошла в обеденный зал, все мужчины повернули головы в ее сторону. А к столику вскоре подошел мистер Александер Петтельсон и пригласил на вальс. Этого господина она видела и вчера, он исполнял арии из оперетт Гилберта и Салливана, причем очень даже недурно.

Поднявшись со стула, она протянула ему руку– и через миг они легко и плавно заскользили по паркету, Агата почувствовала, что на них устремились все взгляды. Петтельсон, представившись, сообщил, что он из России и всегда мечтал стать артистом. В ответ она восхитилась тем, как он замечательно танцует. Он улыбнулся, без намека на самодовольство. Он привык к комплиментам и знал, что заслужил их. Мистер Петтельсон так ловко и бережно ее вел, с такой *незаметной* настойчивостью, что она просто блистала в танце. Арчи никогда не умел великодушно уступать первенство партнерше. Когда отзвучала музыка, раздались негромкие аплодисменты. Тереза вспыхнула от радости, хотя отлично понимала, что хлопают не ей, а ее кавалеру.

В четверг газеты еще усердней обсуждали участь Агаты и строили новые версии, чем немало раздосадовали саму пропавшую. Вместо того чтобы подвести Арчи к неминуемой поездке в Харрогейт, принялись мусолить очередную нелепость. “Дейли мейл” уверяла, что у миссис Кристи был с собой револьвер и, стало быть, она могла застрелиться. Заместитель главного констебля Уильям Кенуард, явно зарвавшийся служака, предлагал еще более экстравагантную версию: разыскиваемая все это время (то есть шесть дней!) в прострации бродила по окрестным лесам и болотам. И его совершенно не смущало, что сейчас зима, причем довольно морозная.

Проигнорировав вполне очевидные “наводки”, которыми Агата снабдила свое письмо к Кэмпбеллу, Кенуард продолжал поиски, рекрутировав для этого еще три сотни полицейских, “чтобы прочесать все окрестности Ньюлендз-Корнера и деревни Олбери”, он не сомневался, что там ее обязательно найдут.

“Не там, а в Северном Йоркшире, идиот!” – донеслось до ушей горничной Рози, которая в этот момент мыла пол в ванной комнате.

“Дейли мейл” поместила фотографию Розалинды и улыбающейся Карло, та провожает ее в школу. Обе выглядели вполне довольными, никакой наигранной веселости, под которой обычно пытаются скрыть тревогу. Агата соскучилась по дочери. А как она соскучилась по Карло! Но сильнее всего она тосковала по Арчи.

Тереза завела себе приятельницу, миссис Робсон тоже обожала книги, и они вместе наведывались в магазин У.Г. Смита, куда каждую неделю привозили новинки. Тереза только что закончила читать “Поезд-фантом” Дугласа Тнмннса и надеялась найти что-нибудь из своего заранее составленного списка детективов. Миссис Робсон предложила ей купить Агату Кристи, книги которой теперь были помещены на отдельной витрине, украшенной огромной фотографией исчезнувшей писательницы.

Отойдя в сторону, Тереза наблюдала, как скучающие курортники раскупают ее книги. И ей вдруг захотелось вернуться в Лондон, за свой письменный стол с портативной “Короной”, и снова писать, писать и писать… вот уже несколько месяцев она не могла порадовать себя какой-нибудь удачной фразой. Сладкое видение с пишущей машинкой тут же растаяло, и Тереза вышла на улицу, прижимая к груди книгу Патрика Уинтонна “Путь к бегству”.

Прежде чем вернуться в гостиницу, она зашла на почту и дала объявление в “Таймс”. Оно состояло из четырех строчек и было крайне загадочным: “Просим отозваться друзей и родственников Терезы Нил, недавно прибывшей из Южной Африки. Письма присылать по адресу: П/я 702 “Таймс” – 4. Миссис Нил попросила напечатать его в субботнем номере.

Этим вечером она предприняла все возможное, чтобы ее заметили. Никому бы и в голову не пришло, что эта женщина всегда отчаянно стеснялась выступать перед незнакомыми людьми. Тереза Нил играла на фортепьяно вместе с оркестром Гарри Кодда, аккомпанировала мисс Корбетт, которая с пикантной чувственностью исполнила всеми любимую песню “Только ты мне нужна”. Это потом, уже выйдя из танцевального зала, Тереза поняла, что плачет.

Проснувшись утром, она отметила, что вопреки всему отлично выспалась. Подойдя к окну, посмотрела на длинную, плавно закруглявшуюся среди безжизненных пустых клумб и голых деревьев подъездную дорожку. Зима. Но Агата с легкостью представила себе этот сад весной, когда расцветает шиповник и вереск, возможно, тут есть и кусты “золотого дождя”… Потерев пальцем запотевшее стекло, Агата почувствовала, что улыбается. Давно она не замечала за собой желания улыбнуться просто так, от хорошего настроения. И вот что удивительно: безотчетная улыбка не исчезала с ее губ. Хотя как раз сейчас Агата Кристи в полной мере осознала, что она одна и что это, в сущности, не трагедия.

Ну а тот мужчина, которому она посвятила жизнь, и не думал ее спасать. Ее храбрый летчик, ее муж, отец ее дочери… он сейчас

трусливо отсиживался в Стайлзе. Газетчики наперебой обсуждали его опасения по поводу психического состояния жены. И к тому же недвусмысленно намекали, что мистера Кристи более беспокоит, что напишут про него в прессе, чем судьба Агаты.

Сегодня, в пятницу, на страницах газет появились и первые сплетни: супруги Кристи, по всей вероятности, сильно поссорились. Все более настойчивыми становились намеки на "другую женщину". "Вестминстер газетт" крупными буквами напечатала: "Роковая судьба миссис Кристи: полиция не верит, что она еще жива". Муж несчастной женщины явно о чем-то умалчивает, предполагали пронырливые репортеры. Пока только предполагали, но сколько же им понадобится времени, чтобы вывести Арчи на чистую воду?

"Напрасно вы считаете, что в ту пятницу утром между мной и моей женой произошла ссора, не было никаких ссор, – уверял Арчи корреспондента "Дейли мейл". – Да и с какой стати? Она знала, что я собираюсь уехать на выходные. Знала куда и к кому. Что я еду в гости к друзьям, знала, какая там будет компания, весьма скромная. Ни накануне, ни в тот день не заходило речи о том, что она против этой моей поездки. И я категорически заявляю, что всякие домыслы на этот счет нелепы и возмутительны".

"Еще бы ты не заявлял, Арчи, – подумала Агата, – еще бы ты не бесился".

Если бы пропал сам Арчи, Агата точно бы не отсиживалась дома, целиком и полностью доверившись полиции. При всей своей застенчивости и отвращении к скандальным сенсациям она сама бы возглавила поиски. Конечно, сразу же примчалась бы в Йоркшир, стучалась бы во все двери, обшарила бы все отели и непременно добилась бы ясности в этой странной истории. Ей было больно и обидно, что мужа волнует только одно: как бы его не заподозрили в чем-то неблаговидном. Оно и к лучшему – теперь она увидела, что собой представляет ее герой.

В Ньюлендз-Корнере между тем творилось что-то немыслимое, истинное безумие. И пока полиция с неистовым шумом и рвением искала зловещее подтверждение гибели Агаты, Арчи (ее муж!) изворачивался и врал, лишь бы не вовлечь в пересуды свою милашку Нэнси. Агата конечно же понимала мотивы его лжи. Это действовало отрезвляюще и заставило ее собраться, взять себя в руки.

Когда Тереза Нил спустилась в тот день вниз, от глаз миссис Тейлор не укрылось, что в походке ее и осанке появилась большая уверенность и легкость. Разумеется, администраторша тут же приписала это чудодейственной силе здешних минеральных ванн.

Миссис Нил решила съездить в Лидс, рассудив, что пора внести разнообразие в курортную рутину. Сев в поезд, она почувствовала восхитительную свободу. Никто на нее не глазел, никто не догадывался, кто она такая. Даме захотелось одной побродить по магазинам. В Лидсе ей понравилось, особенно в Викторианском квартале. И эти высокие просторные пассажи с округлыми, как арки, стеклянными потолками, сквозь которые лился естественный свет, и нарядные, в обрамлении мрамора, витрины, и воздушная лепнина, и ажурные балюстрады.

И в гостиницу она вернулась в хорошем настроении. Знакомый вестибюль, улыбки уже знакомых постояльцев (которые, к сожалению, постепенно разъезжались, ведь приближалось Рождество) почему-то успокаивали. В этот вечер она не пошла на обед. Зато назавтра даже выступала на сцене вместе с мистером Петтельсоном. Он пел популярные арии, пел удивительно, как настоящий профессионал, она аккомпанировала ему на фортепьяно.

В воскресенье утро выдалось очень теплым, и Агата долго бродила по улицам Харрогейта, разглядывая дома и стараясь не смотреть на газеты, разложенные в киосках. На первых страницах были фотографии с толпами людей. Боже, тысячи добровольцев, по зову доблестного служаки Кенуарда, прочесывали местность вокруг злополучного мелового карьера. Взявшись за руки, они растянулись в цепочку и шли по целине, осматривая каждый кустик, каждую кочку, надеясь найти хоть что-то, что могло бы навести на след пропавшей.

В тот вечер у джаз-оркестра выступления не было, играл пианист, и мягкие фортепьянные арпеджио замечательно соответствовали созерцательному, спокойному настроению Агаты. Она играючи расправилась с газетным кроссвордом, потом мистер Петтельсон пригласил ее на кофе и на партию бильярда. Спать миссис Нил легла в половине двенадцатого, не подозревая, что ее покой скоро нарушат и ей придется вернуться в реальный, *безжалостно* реальный мир Агаты Кристи.

Саксофонист Роберт Лиминг, которого все называли просто Бобом, неплохо разбирался в людях и умел подмечать важные детали. Он довольно часто играл вместе с “Весельчаками из “Гидро” и видел много всякой курортной публики, большинство гостиничных постояльцев действительно выглядят гораздо лучше после минеральных ванн, но Тереза Нил буквально расцвела, так везет далеко не каждой здешней пациентке. Он помнил, какой она была в первый вечер: забилась в дальний угол, под пальму, словно хотела слиться с ее разлапистыми листьями. Чулки забрызганы грязью, волосы плохо расчесаны, одежда мятая,

словно эта леди даже не переоделась после поезда.

Неделька процедур – и каков результат! Гусеница превратилась в бабочку! Эта интересная женщина разительно помолодела и, похоже, избавилась от какой-то тяжести на душе. А ведь поначалу она почти ни с кем не разговаривала, но постепенно преодолела опасливую настороженность, шутит, улыбается. Боб Лиминг заметил кое-что еще, чего не разглядел никто из постояльцев: Тереза Нил определенно чем-то напоминала пропавшую писательницу Агату Кристи.

Он поговорил с горничной Рози Эшер, та тоже подозревала, что дама из номера 105 – разыскиваемая Агата Кристи, но не стала ничего обсуждать, боялась служебных неприятностей. Ведь Харрогейт – курорт особый, здесь знаменитым клиентам гарантируют, что никто не будет вторгаться в их частную жизнь. “Так что я боялась не только потерять работу, но и подвести своих хозяев”, – расскажет Рози спустя долгие годы, когда уйдет на покой. Ну а Лиминг не боялся никого подвести, ведь его работодателем был Гарри Кодд, а не отель “Гидро”. Поэтому он поделился своими догадками с ударником Бобом Таппином. Тот согласился: действительно, у миссис Нил поразительное сходство с миссис Кристи. Приятели знали про обещанные “Дейли мейл” 100 фунтов, и Таппин предложил уведомить полицию.

За воскресным ужином два Боба и их жены, Нора и Барбара, горячо спорили: сообщать в полицию или не стоит? Нора пригрозила: если два Боба не решатся, она сама пойдет в участок. Дамы все-таки уговорили мужей, оба Боба отправились в Западное подразделение конной полиции, где им пообещали завтра же заняться проверкой названной ими персоны.

Сержанту, которому поручили провести опознание, повезло. Когда он пришел, Тереза Нил как раз была в холле вестибюля, прощалась со знакомыми, отбывавшими в Суссекс к родственникам на Рождество. Вооружившись описанием примет разыскиваемой, которому доверял больше, чем некачественным газетным снимкам, сержант установил, что персона действительно та самая. О чем и уведомил свое начальство, старшего инспектора Гилберта Макдауолла (округ Кларо).

Макдауолл тут же связался с коллегой из Суррея, с мистером Уильямом Кенуардом, который воспринял новость прохладно и записывал новые сведения и результаты идентификации с еле сдерживаемым раздражением. Кенуард знал, что данное расследование – его прерогатива, и он доведет его до конца, то есть непременно найдет труп Агаты Кристи на вверенной ему территории.

Но Агата была жива и чувствовала себя превосходно,

посвежевшей и помолодевшей, особенно в бледно-желтом костюмчике, который очень шел к ее темно-серым глазам. Курс “электротерапии” оказался чудодейственным, благодаря этим процедурам Агата ощущала необыкновенный прилив энергии. После ланча она отправилась по уже изученным маршрутам, забредая в магазинчики. Купила кое-какие мелочи и ноты колыбельной “Да хранит тебя ангел”[20], которую однажды исполнил мистер Петтельсон. Агата знала, что он будет очень рад такому подарку, и написала на обложке тоненькой тетрадки: “От Терезы Нил”.

В понедельник “Дейли ньюс” порадовала читателей очередной сенсацией: “Миссис Кристи замаскировалась под мужчину”. Есть мнение, что она живет в Лондоне и носит мужской костюм. Доводы репортера были таковы: “Мистер Кристи тщательно осмотрел свой гардероб и обнаружил, что кое-каких вещей недостает”. Возмутительно. Агата, так любившая модные платья и шляпки, – и в мужском костюме. Словно бы желая опровергнуть эти оскорбительные домыслы, Агата была в тот вечер обворожительно женственной. Мистер Петтельсон, разумеется, тоже это отметил. И, получив “Колыбельную”, пылко поцеловал дарительнице руку.

Во вторник Гилберт Макдауолл снова позвонил в суррейскую полицию и потребовал, чтобы кого-нибудь из домочадцев миссис Кристи известили о даме в Харрогейте. Тут уж Кенуарду пришлось незамедлительно связаться по телефону с Карло Фишер. Он попросил ее съездить в Харрогейт и посмотреть на даму-так-похожую-на-миссис. Однако Карло не могла оставить Розалинду, которую в этот день нужно было забрать из школы. Карло позвонила Арчи, и тот согласился отправиться в Харрогейт. На поезде в 1.40 с вокзала Кингс-кросс.

Газетчики, пронюхавшие, что Арчи едет в Харрогейт, ринулись следом, рассчитывая на интервью с его супругой. Ну а полицейские, прибывшие в гостиницу “Гидро”, пока держались в тени, Тереза Нил могла устроить скандал, если выяснится, что никакая она не Агата Кристи.

Как и его супруга (несколько дней назад), Арчи прибыл в Харрогейт, когда только-только зашло солнце и огромные щеголеватые сады вокруг солидного и уютного здания гостиницы “Гидро” погрузились в розовато-лиловые зимние сумерки. На станции мистера Кристи встретил старший инспектор Макдауолл и препроводил в гостиницу. Арчи вошел в роскошный стильный вестибюль, после чего инспектор подвел его к стойке администратора и посоветовал спросить, проживает ли здесь миссис Нил. Услышав, что да, проживает, Арчи почувствовал, что

у него пересохло горло и нервы напряглись от страха. Ему сообщили, что миссис Нил сейчас у себя, переодевается к обеду. Инспектор велел мистеру Кристи сесть в дальнем углу и раскрыть газету таким манером, чтобы ею можно было загородиться.

На лестнице раздалось легкое шуршание: по широким ступеням спускалась высокая рыжеволосая дама. На ней было легкое платье из нежнорозового, с янтарным отливом, креп-жоржета. На голые плечи была накинута шелковая шаль, дама шла уверенной походкой, ни от кого не прячась, грациозная, как юная девушка, впервые оказавшаяся на бале. Она была прекрасна, совсем как в былые времена. Окинув взглядом вестибюль, Агата Кристи сразу заметила мужа.

Арчи поднялся, приветствуя ее, и, глянув ей в глаза, вдруг понял, что перед ним другая женщина, не та, с которой он расстался всего несколько дней назад. *Эта* Агата выглядела независимой и уверенной, пугающе уверенной в себе. Мистер Кристи почувствовал, как у него вспотели ладони, а она между тем неспешно направлялась прямо к нему. Подошла, протянула руку и, сжав его ладонь, произнесла: “Привет. Моя фамилия Нил. Миссис Тереза Нил”.

Арчи даже не успел ничего сказать, так как, едва они уселись, к Терезе с радостным “здравствуйте!” подбежал мистер Петтельсон. Выставив вперед ладонь, она извинилась, объяснила, что сейчас не может с ним разговаривать: “Видите ли, ко мне приехал брат. Несколько неожиданно”.

Уязвленный ее отпором, Петтельсон отошел, но несколько раз оглянулся. Позже он скажет: “Меня поразило, что вид у него был подавленный, как-то не верилось, что это действительно брат”.

Через несколько минут Агата и Арчи переместились в обеденный зал, там они, расположившись в укромном уголке, мирно побеседовали. Разговор длился почти два часа, после чего Агата отправилась в свою комнату. Одна. А мистер Кристи заказал себе другой номер и, прежде чем туда удалиться, повернулся к столпившимся в вестибюле журналистам.

У него было лицо человека, потерпевшего неудачу. Ни намека на счастливую улыбку, которую рассчитывали увидеть и репортеры и полицейские.

“Это моя жена, никаких сомнений. Но она действительно страдает потерей памяти и потерей своего “я”, воображает себя другим человеком. Надеюсь, мне удастся увезти ее в Лондон, завтра же, и показать специалистам. Разумеется, мне очень тяжело. Я счастлив, что отыскал ее, хотя она меня не узнает. По крайней мере, отпали самые ужасные предположения, которые не

давали мне покоя все эти дни полного неведения”.

Что и говорить, лицемерил Арчи виртуозно.

Наутро тихую, благопристойную гостиницу “Гидро” окружили толпы настырных репортеров, фотографов и просто зевак.

Приехала Мэдж с мужем, Джимми пришлось крепко держать ее под руку. Войдя в гостиницу, Уоттсы тут же поднялись наверх, Мэдж отправилась в номер сестры, Джимми – в номер Арчи.

В 9.15 двое гостиничных служащих, мужчина и женщина, одетые примерно так же, как Агата и Арчи, подняв воротники, быстрым шагом вышли наружу, а там юркнули в припаркованный рядом “даймлер”. Толпа репортеров бегом кинулась к машине. Дождавшись этого момента, Уоттсы и Кристи спустились вниз. Выскользнув наружу через боковую дверь, они сели в уже стоявшее напротив такси. Единственное фото Агаты Кристи рядом с “Гидро” пресса все-таки заполучила: удача улыбнулась фотокорреспонденту из “Дейли мейл”, которому не удалось пробиться в первые ряды коллег, и он остался в холле.

Несмотря на спешный отъезд, Агата выглядела очень элегантно. Безупречный макияж, изумительно скроенный костюм модного “лососевого” цвета. Роскошное пальто: воротник, манжеты и подол отделаны норкой. Всю эту красоту замечательно дополняли двойная нитка жемчуга на шее и черная шляпка “колокол”. Миссис Агата Кристи, безусловно, подготовилась к атаке фоторепортеров. Про Нэнси Нил в столь знаменательный день она вспоминать не хотела. Но удалось ли ей это?

Когда наша четверка прибыла на станцию, там тоже уже собралась толпа репортеров и зевак, видимо самых выносливых и пронырливых. Хотя вход на платформу был предусмотрительно перекрыт, многие сумели туда пробраться. К поезду та, кого так жаждала увидеть публика, прошла через дверь вокзального грузового отделения. Она и ее спутники чуть ли не бегом направились к вагону. Агата и Мэдж скрылись в купе с табличкой “для мистера Паркера”[21], Арчи и Джимми стояли снаружи, с нетерпением ожидая свистка локомотива.

Поезд должен был прибыть на лондонский Кингс-кросс. Но в какой-то момент было решено, что в Лидсе лучше пересесть на поезд до Манчестера. Это спонтанное перемещение не осталось безнаказанным: для истории сохранились кадры, на которых Мэдж и Агата протискиваются сквозь толпу газетчиков, словно бы их не замечая, разъяренные столь циничной беспардонностью.

Горячие новости распространяются мгновенно. Когда поезд подъезжал к манчестерскому вокзалу “Виктория”, уже вся Англия знала, что Агата Кристи изменила маршрут. Местная полиция

была не готова к тому, что на станцию хлынут толпы любопытствующих и спешно откомандированные туда репортеры манчестерских газет. Но когда поезд подкатил к станции, к боковой дверце вокзала подкатил роскошный автомобиль Уоттсов, двухцветный лимузин “уолсли”, и замер в ожидании. Он должен был доставить прибывшую четверку в Эбни-Холл.

На тех фотографиях, где Агата направляется к зданию манчестерского вокзала, мы видим, что она совершенно счастлива. Уже давно миновало то время, когда миссис Кристи была робкой начинающей писательницей, и миновал самый острый момент ее отчаяния. Агата отдохнула, пришла в себя и теперь наслаждалась обожанием поклонников, причем, как выяснилось, они успели появиться не только в родной Англии, но и во многих других странах.

Сразу по приезде заперли ворота и во всех комнатах плотно сдвинули шторы. Агата разок попыталась из любопытства выглянуть в окно, и тут же сбежалась толпа писак. Ни в тот день, ни на следующий никто не выходил наружу. 16 апреля, ближе к вечеру, в доме побывали два визитера. А именно Рональд Коур, специалист по психическим заболеваниям, он же преподаватель Манчестерского университета, читавший студентам лекции по неврологии, и мистер Генри Уилсон, домашний доктор Уоттсов, член Королевского общества врачей. Обследовав пациентку, эскулапы вынесли вердикт, под коим поставили свои подписи:

“Проведя тщательное обследование миссис Агаты Кристи, мы пришли к заключению, что больная, безусловно, страдает амнезией. Для восстановления нормального состояния ей требуется покой, и поэтому какие бы то ни было отрицательные эмоции крайне нежелательны”.

Комментировать свой диагноз и обсуждать причины недомогания оба врача отказались.

Арчи, видимо, оправился от колоссального нервного напряжения и теперь заговорил с газетчиками гораздо смелее. Его спросили, собирается ли он возместить суммы, потраченные полицией на поиски миссис Кристи. “С какой стати? – изумился мистер Кристи. – Я сам читал заявления полицейских о том, что они очень скоро все выяснят. Я никого не просил затевать поиски. И потом, я, как всякий законопослушный гражданин, плачу налоги, которые идут в том числе и на содержание полиции. Я с самого начала скептически относился к поисковым мероприятиям, тем более проводимым с таким размахом. Я ни минуты не сомневался, что жена моя жива, просто у нее внезапно отказала память, и она потерялась”.

Разумеется, дотошные журналисты не могли обойти стороной

тот факт, что миссис Кристи назвалась миссис Нил. Репортер из “Дейли ньюс” разыскал родной дом Нэнси в Кроксли-Грин, носивший название “Риола”. Своими расспросами он страшно огорчил мать мисс Нил. А рассказала она вот что: “Мы, в смысле я и мой муж, знакомы с полковником Кристи и его супругой. И уже довольно давно. Моя дочь Нэнси действительно недели две назад ездила на выходные в Голдаминг, к своим знакомым мистеру и миссис Джеймс. У них был и полковник Кристи, он тоже их друг”.

А когда к миссис Нил явился репортер из “Вестминстер газетт”, она дала волю гневу: “Это непорядочно и отвратительно. Совсем не обязательно было пачкать грязью имя моей дочери, это унижает не только ее, но и всю нашу семью. Моя дочь дружит с мистером и миссис Кристи, с обоими, она никогда не водила какой-то особой дружбы с полковником. К сожалению, так совпало, что миссис Кристи пропала именно в те выходные, когда Джеймсы позвали Нэнси в гости. Но они могли позвать не обязательно ее, а какую-нибудь другую свою приятельницу”. Вскоре после этого интервью родители отправили Нэнси в кругосветный круиз.

Арчибальд Кристи уехал из Эбни-Холла семнадцатого декабря, забрав с собой Розалинду. Вернулся туда только на Рождество, но, пробыв в гостях у Москитика всего несколько часов, ретировался.

Стайлз был выставлен на продажу, а за Розалиндой по-прежнему присматривала Карло Фишер. И в школе Розалинда пока училась в прежней.

Но в конце концов Агата вместе с Розалиндой и Карло все же уехала: сняла квартиру в Челси. Арчи остался в Стайлзе один. В общем, снова подтвердилась справедливость дурной славы этого особняка. В наступившем 1927 году Агата виделась с мужем всего один раз, и встреча была совсем недолгой. Ей тогда подумалось, что ее бравый летчик с внешностью экранного красавца все равно навсегда останется в сердце. Но это был скорее прилив ностальгической нежности, чем реальное чувство. Ведь теперь Агата слишком хорошо знала этого человека и понимала, что больше не смогла бы ему доверять. Она всегда была слишком романтичной женщиной, но дурочкой она никогда не была.

Заявление на развод Агата подала двадцатого апреля 1928 года, Нэнси Нил ни в каких разбирательствах не упоминалась. На суде будет приведен факт адюльтера, якобы имевшего место в гостинице “Гросвенор”. Официальное свидетельство о разводе будет оформлено через полгода. И уже через две недели после этого Арчи женится на Нэнси Нил.

Жить они будут счастливо и пробудут вместе до конца.

Глава шестая
Поиски себя

Ибо не враг поносит меня, – это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною, – от него я укрылся бы:

Но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой…

Псалтирь, 54:13,14

11 ФЕВРАЛЯ 1927. Канарские острова, расположенные в нескольких десятках километров от Марокко, напоминающие на карте Атлантики причудливые чернильные кляксы, были весьма популярны у туристов. Солнце, бананы, приветливые улыбчивые аборигены. Именно на эти, принадлежащие Испании острова отправилась Агата зимой 1927 года в надежде найти там покой и смысл дальнейшего существования.

В январе вышла в свет ее новая, восьмая по счету, книга, “Большая четверка”. Этот шпионский триллер был просто обречен на успех после шумихи, поднятой вокруг исчезновения ее автора, завершившегося не менее интригующей развязкой. На самом деле книга была сконструирована из нескольких рассказов, ранее опубликованных в “Скетче”, что облегчало работу над ней. Идея подобной компиляции возникла у Кэмпбелла Кристи, волновавшегося за бывшую родственницу Ведь Агате предстояло дописывать еще и другой роман, брошенный на середине. Критики встретили “Четверку” сурово. Журнал “Сатердей ревью” так прямо и заявил: “Как детектив “Большая четверка”, безусловно, никуда не годится”. Однако поклонники Агаты Кристи, которым полюбились прежние ее книжки, раскупили весь огромный тираж, их не трогало мнение знатоков. А те продолжали негодовать по поводу попранных законов жанра, порицая миссис Кристи за небрежность и попутно продолжая обсуждать недавно пережитые ею испытания. Агата втайне надеялась, что критики из сочувствия проявят снисходительность, но – ничего подобного.

На Тенерифе, в городке Оратава, она чувствовала себя гораздо лучше, чем в Англии. Сидя в гостиничном саду, она наслаждалась летней идиллией, радуясь, что Розалинда и Карло здесь, рядом. Что больше нет вокруг приставучих газетчиков и

прочих слишком назойливых соотечественников. Это постоянное внимание толпы оказалось тяжким бременем. Но теперь Агату заботило другое бремя – контракт. Она обязана была дописать книгу независимо от своего настроения и самочувствия. “В те дни я действительно превратилась в профессионала, – читаем мы в “Автобиографии”, – в отличие от любителя, профессиональный писатель пишет не только по желанию. Ты должна писать, даже когда тебе неинтересно то, о чем ты пишешь, и более того: даже если все получается не так, как хотелось бы”.

Когда человеку приходится сочинять что-то через силу, его раздражает любой пустяк и мешает решительно все. Больше всего проблем было с дочкой. Только Агата собиралась продиктовать Карло очередную порцию текста, тут как тут появлялась Розалинда и с укором на них смотрела. “Ее взгляд действовал на меня как взгляд горгоны Медузы. Я начинала мямлить и заикаться или повторяла уже записанное. До сих пор не понимаю, как эта несчастная книга все же появилась на свет”.

Как вы понимаете, имеется в виду “Тайна «Голубого экспресса»”.

Розалинде в ту пору было только семь лет, бедняжка томилась от скуки и требовала внимания. Каждые десять минут она приходила проверить, не закончилась ли диктовка. Агата уговаривала дочь: “Послушай, Розалинда, ты не должна нас отвлекать. Мне нужно поработать”.

Ей приходилось вымучивать каждую фразу. Книга была начата еще при жизни Клары, Агата пыталась продолжать ее и после смерти матери, в самые лютые минуты горя, и в то время, которое многие называли потом периодом нервного срыва. Душевные раны были совсем свежими, надо ли удивляться, что легкий авантюрный роман продвигался неимоверно тяжело? Агата позже часто будет повторять, что ненавидит эту книгу. Наверное, виноват в этом не сам роман, а воспоминания о событиях той поры, когда его создавали.

В марте 1928 года он наконец-то был опубликован. Литературный обозреватель нью-йоркской “Геральд трибюн” Уилл Каппи, строгий привереда и насмешник, на этот раз был необычайно милостив: “Тут нет ваших довольно-таки ходульных кошмаров и ужасов, это качественный благородный триллер, написанный по классическим канонам, что и позволяет удерживать внимание нынешних искушенных читателей”. В этот весьма сложный для Агаты момент многие ее друзья оказались не слишком надежными. Поэтому она недолго думая посвятила свою выстраданную книгу “двум самым преданным членам ОПП – Карлотте и Питеру”.

ОПП – изобретенный Агатой “Орден Преданных Псов”, куда допускали только сумевших доказать свою верность в самые тяжкие для Агаты дни. Под Карлоттой подразумевалась Карло Фишер, под Питером – любимый жесткошерстый терьер. Не удостоившиеся чести попасть в ОПП были включены в “Орден Крыс”, это были всякие ничтожные трусы и лицемеры, их оказалось гораздо больше, чем благородных псов.

В том же году были поставлены два фильма по произведениям Агаты, оба немые. Первый продолжительностью 60 минут, снятый в Англии по рассказу “Приход мистера Кина”, опубликованному в 1924 году в журнале “Гранд мэгэзин”. Второй (76 минут) сняли в Германии по роману “Таинственный противник” под названием *Die Abenteuer G.m.b.H.*[22] Агата никак не отреагировала на эти киноленты, все ее мысли были сосредоточены на другом.

Неотвратимо приближался день бракоразводного процесса, и Агата отчаянно старалась отвлечься, загородившись от этого кошмара дымовой завесой своих сочинительских фантазий. Ей удавалось убедительно демонстрировать окружающим прилив творческого вдохновения. Никто не догадывался, насколько ей тяжело. Она же ни на миг не забывала о том, что скоро не сможет называть себя *миссис* Кристи. А ей нравилось быть женой. Теперь же придется привыкать к статусу незамужней женщины.

Несколько месяцев были посвящены театру. Дело в том, что драматург Майкл Мортон на основе романа “Убийство Роджера Экройда” написал пьесу “Алиби”. Агата следила за ходом репетиций. Премьера состоялась в мае в “Театре принца Уэльского”. Эркюля Пуаро исполнял Чарльз Лоутон, Агата очень была этим опечалена. Крупный и плотный мистер Лоутон явно не годился для роли изящного щеголеватого сыщика.

Как бы то ни было, бурливая театральная жизнь пришлась ей по вкусу. Агата постоянно спорила с Мортоном, слишком много себе позволявшим. Он, видите ли, решил, что необходимо омолодить Пуаро, превратить его в эдакого неуемного Казанову. А еще он сделал из ее забавного бельгийца шаблонного француза!

Репетиций было много, в перерывах Агата и Лоутон часто наслаждались вместе коктейлями из фруктовой воды с мороженым. Однажды этот актер, известный своим горячим нравом и экстравагантностью, поделился с ней секретом своей успешной карьеры:

“А знаете, очень полезно иногда притвориться самодуром с несносным характером, даже если ты на самом деле человек мирный и тихий. Да, иногда этот образ очень помогает. Люди заранее тебя побаиваются и наверняка говорят друг другу: “С ним

надо аккуратнее, лучше его не раздражать. Вы же знаете, какой у него характер, просто бешеный".

Эдмунд Корк тоже снабжал Агату работой: организовал контракты с несколькими издателями, в том числе и на роман для издательства "Уильям Коллинз и сыновья". Для этой книги Агата придумала себе псевдоним: Мэри Уэстмакотт. Мэри совсем другой человек, это хорошенькая молодая женщина, которая пишет страстные и драматичные любовные романы. Первой ласточкой Мэри Уэстмакотт стал роман "Хлеб великанов": про любовь с первого взгляда и неумение понять друг друга, что всегда трагично. Книга выйдет только в 1930 году, но написана была в 1928-м, и Агата потратила на нее много душевных сил. Мэри Уэстмакотт вложила в нее много сокровенного, личного, чего никогда не могла себе позволить Агата Кристи.

Появление Мэри с ее романтическими творениями не отменяло обязательств Агаты: она продолжала сноровисто сочинять истории про убийства. Чаще это были рассказы, шестьдесят фунтов за штуку. Рассказ давал возможность быстро получить наличные деньги, которых постоянно не хватало. Алиментов Арчи не платил, никакой иной поддержки дочери тоже не оказывал. Агата работала титанически. Помимо рассказов появился роман "Тайна семи циферблатов", где действовали те же герои, что и в "Тайне замка Чимниз". И на все про все она потратила лишь восемь месяцев! Позже она предпочитала не вспоминать о тогдашней бешеной гонке, внушив себе, что в таком темпе и количестве пишет всегда. Зато путешествие по железной дороге на "Восточном экспрессе" осенью того же 1928 года вспоминала очень часто. Это событие повлекло за собой знаменательные перемены – и в ее писательской карьере, и в личной судьбе.

Агата с детства обожала поезда, но до 1928 года она редко ездила на поездах дальнего следования, все больше на пригородных. Но как можно сравнивать их с великолепными, стильными международными экспрессами? Если честно, наша героиня всегда с легкой завистью смотрела на проносящиеся мимо пригородной станции экспрессы и мечтала, как она тоже когда-нибудь помчится на таком в незнакомые страны, в какие именно – это уже не столь важно.

Розалинду она отдала в закрытую школу "Каледония", находившуюся в прибрежном городе Бексхилле. Поскольку дочь Агаты была "в высшей степени здравомыслящим ребенком", девятилетней крошке предоставили самой выбирать, где ей учиться. В "Каледонии" благоразумной Розалинде понравилось, и теперь ее мама могла спокойно отправляться на отдых, хоть до

самых рождественских школьных каникул.

Она собралась отправиться на Ямайку и даже оформила в “Агентстве Томаса Кука” путевку Но так случилось, что за несколько дней до отъезда Агату пригласили в гости давние приятели, а ее соседями за столом оказались морской офицер и его супруга. Командор Хауи только что вернулся из Багдада, где сплошная экзотика, и, судя по рассказам командора, город был действительно восхитительным. На Востоке вообще хватало чудес, которые казались Агате недоступными.

“Вы должны съездить в Мосул, и в Басру, и непременно в Ур[23]”, – настаивал командор.

Басру тогда называли “ближневосточной Венецией”, один из самых прекрасных портовых городов, родина Синдбада-морехода, Агата мечтала туда попасть. Выяснилось, что теперь в эти края можно доехать на знаменитом “Восточном экспрессе”. Агата поддалась на уговоры. Ей хотелось выскочить из-за стола и немедленно позвонить в агентство Кука, отменить поездку в Вест-Индию. Что она и сделала на следующее же утро.

Десятиминутной беседы с супругами Хауи оказалось достаточно, чтобы Агата решилась отправиться в кругосветное путешествие. Ей было тридцать восемь, она только что развелась с мужем, она до сих пор была во многом очень наивной. И все-таки она готова была ринуться в это опасное, но волнующее странствие. Поддалась спонтанному порыву. Она уже нисколько не походила на ту молоденькую женщину, которая во всем слушалась своего трезво мыслящего мужа, считала каждое пенни и страдала от болезненной застенчивости. После четырнадцати лет брака знаменитая писательница Агата Кристи намеревалась жить *своей* жизнью, ей больше не нужно было ни под кого подстраиваться, и она надеялась, что это поможет ей найти самое себя.

Итак, через четыре дня, попрощавшись с Карло и Мэдж, Агата Кристи отправилась на пароме из Дувра в Кале: сорок пять минут столь “любимого” ею морского плавания, и она наконец вошла в тамбур вожделенного “Восточного экспресса”.

Ехала Агата в вагоне второго класса, там были двухместные купе, отделанные деревом и инкрустациями из перламутра. Попутчица, бывалая путешественница, убеждала Агату изменить маршрут и никак не могла понять, почему та не хочет часть пути проплыть на пароходе. Назойливая дама вышла в Триесте. Агату поезд повез дальше, через Балканы, по Югославии, она с восторгом смотрела из окна на совершенно незнакомую ей жизнь. На “горные ущелья, по которым двигался поезд, тележки, запряженные осликами, живописные фургончики, людей на

платформах. Иногда я выходила наружу, скажем в Нише или Белграде. Смотрела, как отцепляют от нашего состава огромный локомотив и заменяют его новым монстром с другими надписями и эмблемами".

Все это было замечательно. Невольно мелькнула утешительная мысль, что, будь сейчас рядом Арчи, ничего бы она не увидела. Он заставил бы опустить шторки и, прикрыв одеялом свой слишком чувствительный к запахам нос, в половине одиннадцатого уже спал бы. Ее бывший муж редко когда укладывался позже.

В Стамбуле она остановилась в отеле "Токат-лиан". Голландский инженер (они познакомились в поезде) пригласил Агату вместе пообедать.

А на следующее утро она, переплыв на катере Босфор, прибыла на вокзал Хайдар-паша, где творился невообразимый хаос. В конце концов ей удалось, сохранив все чемоданы, снова сесть в "Восточный экспресс" и переехать из Европы в Азию. Теперь поезд двинулся вдоль Мраморного моря. Агата мигом представила греческих аргонавтов – как они среди чудовищных штормовых волн пытаются переплыть Пропонтиду, таково античное название этого моря.

Как только экспресс оказался на территории Азии, привычная европейская еда исчезла; чем дальше путешественники продвигались на восток, тем хуже становилась пища, "делаясь все более горячей, жирной, сплошь из каких-то мелких безвкусных кусочков". Поезд задержался на некоторое время перед Киликийскими воротами[24]. Высыпавшим из вагона пассажирам открылась панорама фантастической красоты. Потом был долгий путь в Дамаск, где Агату Кристи поселили в отель "Ориент пэлас" со сверкающими мрамором холлами. Проведя в Дамаске три дня, переполненные впечатлениями, она должна была ехать в Багдад. Автобус отходил на рассвете, и там Агата встретилась… с той самой назойливой попутчицей, докучавшей ей своими советами.

Двое суток ехали по бескрайней пустыне до кишевшего контрабандистами городка Эр-Рутба, у границы с Ираном. Путешественников разместили в крепости, по пять человек в комнате, где стояли лишь голые кровати. Спали всего три часа. А рассвет встречали уже в пути. В пустыне и позавтракали – консервированными сосисками, разогретыми на примусе, которые потом запили очень крепким чаем. Это было восхитительно. "Что еще нужно, чтобы поддержать слабеющие силы?! – вопрошает Агата в своих воспоминаниях и продолжает: – Такое чувство, будто все куда-то вдруг исчезло. Есть только бодрящий чистый утренний воздух, тишина (ведь там нет птиц),

струящийся сквозь пальцы песок, восходящее солнце и вкус сосисок и чая во рту. Предел мечтаний!”

В Багдаде всюду чувствовался английский дух. Агата снова ощутила всю прелесть цивилизации. Но отличные рестораны и комфортные апартаменты почему-то вызывали досаду. Ей казалось, что она попала домой, в родное отечество. А она жаждала приключений и свежих впечатлений.

Она упросила знакомых помочь ей попасть в Ур (ныне Телль-эль-Мукайяр), в полутора милях от которого находится бывший храм древнего шумерского бога луны, Нанны. Там, под Уром, уже несколько лет вел раскопки известный археолог, доктор Леонард Вулли, отправлявший изъятые из-под земли бесценные сокровища в Британский музей.

Ур, где, по преданию, родился ветхозаветный Авраам, шесть с половиной тысячелетий назад был великим городом страны Халдеи, располагавшейся между Тигром и Евфратом. Под курганами из песка и камня Вулли находил шедевры ювелирного мастерства: золотые, серебряные и бронзовые вещицы, часто украшенные драгоценными камнями.

На раскопках, где дорога каждая минута, досужие туристы – гости далеко не желанные. Однако Агату Кристи в экспедиции Вулли встретили с почестями. Дело в том, что жена мистера Вулли, Кетрин (дама с характером, но чрезвычайно обаятельная), только-только прочла “Убийство Роджера Экройда”. И книга страшно ей понравилась.

Доктор Вулли *самолично* провел для нее экскурсию. Потом гостью взяла под свое крыло Кетрин, которая вскоре станет ее хорошим другом. Агате, конечно, было приятно, что с ней обращаются как с важной персоной, но она прекрасно понимала, что для ее новых знакомых нет ничего и никого важнее древнего царства Ур. Она и сама была зачарована его красотой. Особенно вечерней, зыбкой, “когда высокий зиккурат становился похожим на призрачную тень, а необозримое море песка постепенно меняло цвет: нежно-абрикосовый превращался в розовый, розовый сменялся сиреневым, а сиреневый сине-лиловым”. Вот какова была, по словам Агаты, “настоящая тайна”, не в пример тем, о которых писала она в своих детективах. Это были тайны людей, живших несколько тысяч лет назад, тайны далеких пращуров, оставивших свидетельства своего бытия на земле. Эти свидетельства ждут, когда их, осмотрев каждую песчинку, извлекут наружу. Пыль, сухой, обжигающий ветер, запах верблюжьей шерсти и экзотических восточных блюд – все это наполняло сердце волнением и предвкушением чуда. Ей так тут все нравилось, и люди, и то, чем они занимаются. Даже стало

немного завидно. Может, она напрасно не пошла в археологи?

Агата осталась в Уре на несколько дней. А вернувшись в Багдад, поселилась в гостинице у реки Тигр, откуда можно было наблюдать за непрерывно плывущими по водному пространству лодками и джонками. В Багдаде она познакомилась с Морисом Викерсом, и всего лишь несколько дней общения с этим удивительным человеком значительно изменили мировоззрение Агаты. Этот выходец из англо-индийской семьи неустанно размышлял о смысле жизни. Он порекомендовал Агате прочесть книгу Джона Данна[25] “Опыт со временем”. По мнению Данна, прошлое, настоящее и будущее существуют вместе, *сосуществуют*. Ознакомившись с идеями Данна, Агата стала иначе воспринимать себя и свои проблемы, более широко. В юности ей казалось, что самое главное в жизни – она сама, а теперь Агата начала осознавать, что она лишь малая частица мироздания, необъятной Вселенной.

“Научившись это понимать, я стала находить огромное утешение в размышлениях о безмерности бытия, они дарили мне ощущение безмятежного покоя, коего я не знала раньше”.

Рождество Агата встречала в Англии, в Эбни-Холле. В новый, 1929 год она вступала с неплохими доходами, удачи финансовые сопровождались всплеском удач творческих. Благодаря прошлогодним книгам Агата Кристи постоянно была на слуху у читателей. Эдмунд Корк заключил новый контракт с издательством “Уильям Коллинз и сыновья”. На шесть книг. 750 фунтов за книгу плюс двадцать процентов за экземпляр с продажи первого тиража в восемь тысяч. В Америке ей теперь платили по 2500 и по пятнадцать процентов за тираж в двадцать пять тысяч, а при переиздании – двадцать процентов за экземпляр.

Роман “Тайна семи циферблатов” вышел в январе, снова порадовав критиков, страшно довольных тем, что в книге задействованы те же персонажи, что и в “Тайне замка Чимниз”. Еженедельник “Аутлук” так отозвался о новой книге Агаты: “Веселая, увлекательная, отлично написанная”. Нью-йоркская “Геральд трибюн” высказалась кратко, но убедительно: “Самый веселый из триллеров Агаты Кристи. Не пропустите”.

Прежде Агату не так уж сильно волновали газетные рецензии, ни плохие, ни хорошие. Но теперь, когда она осталась одна, расточаемые знатоками похвалы придавали ей уверенности в себе. Вскоре она купила в Челси (Крессуэл-плейс, 22) старинную конюшню. Со свойственным ей азартом и тщанием Агата принялась сооружать новое жилище. Нэн Кон (это Нэн Уоттс, успевшая уже второй раз выйти замуж) порекомендовала ей опытного архитектора. Перегородки были снесены, на

освободившемся пространстве появились комнаты. Вскоре на месте узких стойл образовалась просторная гостиная, обшитая деревянными панелями, над которыми были наклеены обои с цветочным рисунком, что придавало комнате сходство с летним садом. В полуразрушенном цокольном этаже раньше была шорная, а рядом с ней маленькая спаленка. Шорную переделали в гараж для “морриса каули”, в спаленке устроили комнату для прислуги. А из гостиной на второй этаж вела узенькая крутая лестница. Там находилась спальня, ванная комната, облицованная кафелем с изображением дельфинов, столовая (иногда служившая второй спальней) и небольшая кухня.

В этой квартире Агата принимала первых гостей (в смысле: своих, а не “их с Арчи”), мистера и миссис Вулли. Они приезжали в мае на три недели, заставили комнаты букетами цветов, а хозяйка порадовала друзей чудесами радушия. Вулли пригласили Агату снова приехать в Ур в следующем марте, когда заканчивается сезон раскопок. И оттуда удобно будет всем вместе отправиться в Сирию и Грецию. Растроганная Агата с радостью согласилась. Она еще не насытилась приключениями, которые лишь усилили ее тягу к перемене мест и освоению новых пространств.

С мая по февраль Агата Кристи усердно трудилась, обеспечивая себе возможность долгожданного странствия. Собрав журнальные рассказы про Томми и Таппенс, она их переделала и придумала подходящую историю, в рамки которой эти рассказы отлично вписались. Так получилась книга “Сообщники”, одиннадцатая в “послужном списке” Агаты Кристи. На этот раз не только веселая авантюра: каждый рассказ был пародией на определенного автора (популярного, разумеется) и соответственно на “почерк” их знаменитых сыщиков. В августе 1929 года книгу опубликовали в Америке, в октябре в Англии. “Нью-Йорк тайме” отреагировала на обновленные приключения Томми и Таппенс так: “Кто-то воспримет эти рассказы как блистательные остроумные пародии на современные криминальные романы, кто-то – как вполне серьезную попытку передать особенности стиля признанных мастеров жанра. В любом случае читателю гарантировано огромное удовольствие”.

Еще Агата написала первую пьесу. Она решилась на это, поскольку была разочарована прошлогодней пьесой Майкла Мортона “Алиби” (позвольте напомнить: по роману “Убийство Роджера Экройда”). Итак, пьеса называлась “Черный кофе”, в ней был задействован премудрый Эркюль Пуаро. Репетиции начнутся осенью 1930 года. Миниатюрного Эркюля Пуаро сыграет могучий рослый Фрэнсис Л.Салливан. Пьеса продержится в репертуаре

несколько месяцев, хотя будет идти без особого успеха.

Агата наслаждалась сочинительством, радовалась каждой новой книге. Даже неожиданная смерть брата не приглушила ее творческий пыл.

Бедняга Монти. Он жил в последние годы у себя, в дартмурском коттедже, под опекой своей заботливой экономки. Неожиданно миссис Тейлор заболела затяжным бронхитом, доктора рекомендовали теплый климат. Агата и Мэдж сняли для нее и брата несколько комнат в марсельском пансионе, рассудив, что и самому Монти лучше пожить в тепле. Но случилась беда: в поезде миссис Тейлор простудилась, бронхит осложнился пневмонией, и вскоре после приезда она умерла. В больнице.

Монти горевал так, что тоже попал в больницу, где демонстративно отказывался принимать лекарства. Мэдж примчалась утешать брата. Выяснилось, что он успел очаровать свою медсестру (дамы всегда любили обаятельного Монти), та готова была забрать его к себе и обеспечить домашний уход. Разумеется, Монти воспользовался ее великодушием. Он оправился, но жить ему оставалось недолго. Зашел однажды в кафе на набережной попить с приятелями кофе и – скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг, как раз в момент рассуждения о бессмысленности человеческой жизни.

На этот раз празднование Рождества в Эбни-Холле прошло под знаком воспоминаний о Монти. "Удивительное дело, хотя сам Монти ни разу не присутствовал на этих традиционных празднованиях, разговоры о нем велись всегда, легендарная личность. После Рождества Агата и Розалинда вернулись в Лондон, а там приехавшая в гости к Розалинде подружка заболела корью. Как и следовало ожидать, Розалинда потом тоже заболела. Но сначала температура поднялась… у самой мамы. И сильно распухла нога из-за недавней прививки. Да-да, Агата попросила сделать укол в ногу, а не в руку, ибо “след от прививки остается, а в открытом вечернем платье это смотрелось бы ужасно”. В конце концов Агата очутилась в больнице с диагнозом “заражение крови”.

Через неделю она более-менее пришла в себя – видимо, мечты о путешествии поспособствовали быстрому выздоровлению. И как только отболевшая корью Розалинда была водворена назад в школу, Агата Кристи оформила в “Агентстве Томаса Кука” путевые документы. В Ур она отправилась не на “Восточном экспрессе”, а все-таки на пароходе компании “Ллойд Триестино”, который плыл до Бейрута, что было гораздо быстрее. Ур встретил ее жесточайшей песчаной бурей, пять дней нельзя было выйти на улицу, и даже сквозь плотно закрытые окна и

двери проникал песок, засыпавший всю комнату. На шестой день засияло солнышко, и это было воспринято как щедрый дар Господа.

Супругам Вулли было даже неловко, что мать-природа так сурово встретила знаменитую писательницу. Видимо, и ассистент доктора Вулли, Макс Мэллоуэн, тоже был несколько обескуражен. “Сухощавый, загорелый и очень молчаливый молодой человек – в разговор вступал крайне редко”, – напишет потом Агата.

Двадцатипятилетний выпускник Оксфорда Макс Эдгар Люсьен Мэллоуэн в прошлый визит Агаты отсутствовал, так как стал жертвой аппендицита. Разумеется, он знал, что она приезжала, знал, кто это такая, но книг ее не читал.

В своих воспоминаниях Макс потом напишет, что гостья сразу показалась ему “очень милой женщиной”. И когда Кетрин попросила его устроить для Агаты экскурсию в священный древний город Эн-Наджаф[26] и в мечеть Хусейна в Кербеле, “он с удовольствием согласился”. Сама же Агата чувствовала себя неловко, оттого что молодому археологу придется пасти “незнакомую женщину, намного старше его самого”, и пыталась оправдаться.

“Вид у него был весьма угрюмый, и я немного нервничала. Не зная, как оправдаться, я, запинаясь, промямлила, что не сама придумала эту поездку, но Макс вроде бы спокойно воспринял предстоящее путешествие”.

Да, спокойно. Так как знал, что противиться бесполезно. Дело в том, что повеление Кетрин Вулли в Уре было равносильно повелению Клеопатры в Древнем Египте. Один из участников экспедиции посоветовал Агате не терзаться и добавил: “Если Кетрин что-то вбила себе в голову, так оно и будет. Сами в этом убедитесь”.

И Агата убедилась. И потому в конце концов покорно отправилась на персональную экскурсию, как и подобало очень важной персоне. Сначала взяли курс на Ниппур, священный шумерский город, в ста милях к югу-востоку от Багдада. Среди местных жителей наши экскурсанты выглядели странно: она в платье с длинными рукавами и сборчатой юбкой и в широкополой шляпе, в шарфике и перчатках, Макс в костюме, при галстуке и в шляпе “федора”. Словом, выглядели так, будто собрались на ланч в ресторан отеля “Савой”. И это в климате, где главное – прикрыть тканью каждый кусочек кожи, спастись от палящих лучей, тут уж не до перчаток и галстуков.

После пятичасовой поездки по пустыне до Ниппура они еще четыре часа бродили по каменистой земле вдоль раскопок и только в семь вечера прибыли в Аль-Диванию (город в 80 милях

от Багдада), в дом англичан, у которых должны были переночевать. Аль-Дивания… дивный оазис, отвоеванный у пустыни и тяжкими трудами превращенный в цветущий уголок, где веяло прохладой, где распевали птицы. Агата Кристи, преодолев усталость, умылась, причесалась и облачилась в более-менее “вечернее” платье.

Во время обеда беседа долго не клеилась, хозяин поначалу угрюмо молчал, зато жена его непрерывно тараторила. Еще одни гости, чета американских миссионеров, те вообще не проронили ни слова. Миссионер держал руки под столом и украдкой нервно рвал на клочки свой носовой платок. Агата изумилась и подумала, что это можно использовать как завязку романа: напуганный чем-то господин и клочки от носового платка в качестве улики.

Назавтра, в пять утра, Агата и ее проводник поехали на машине в Наджаф, это святыня шиитов, где всегда толпятся религиозные фанатики и экстремисты. Следующей достопримечательностью была величественная мечеть в Кербеле. А ночевать путникам пришлось в полицейском участке (в целях безопасности) на тюфячках, расстеленных прямо на полу. Агата стоически перенесла это испытание и продолжала с искренним пылом восхищаться экзотическими красотами и древностями. Своим бесстрашием и покладистостью (хоть и именитая писательница) она тогда впервые тронула сердце своего гида. На следующий день важная особа продолжала приятно его удивлять. После посещения уединенного дворца Ухайдир (к юго-западу от Кербелы) экскурсанты направились к чудесному озеру с чистейшей голубой водой. Такая роскошь прямо посреди знойной пустыни!

Агата тут же предложила искупаться. Ее благовоспитанный провожатый был несколько шокирован, но согласился. Шофер деликатно отошел в сторонку. Купальника она не захватила и потому надела шелковую сорочку и две пары панталон. Посмотрев, как весело Агата резвится в воде, Макс не утерпел. Нацепив шорты и нижнюю рубашку, тоже плюхнулся в озеро. Возможно, двадцатиминутный заплыв Агаты Кристи пока еще не убедил молодого археолога в том, что ему встретилась женщина совершенно необыкновенная. Но это только *пока.* Дело в том, что после замечательного купания выяснилось, что машину засосало в песок, и шоферу с Максом несколько часов пришлось ее откапывать. Агата вспоминала:

“Невыносимая жара не спадала. Я легла в тени машины, если это можно было назвать тенью, и уснула. Позднее Макс говорил – уж не знаю, так ли было на самом деле, – будто именно тогда

решил, что я могла бы стать для него идеальной женой". К тому моменту они были знакомы всего шесть дней.

В Багдад они явились на сутки позже, чем их ждали, Кетрин Вулли была в гневе: они с мужем переволновались за экскурсантов и наверняка испугались, что существенно сдвинутся сроки задуманного большого путешествия. Посмевших задержаться ради "самовольного" осмотра Ухайдира строго отчитали, коррективы в план путешествия внесли, и четверка отправилась в путь. По дороге к древнегреческим Дельфам чете Вулли, Агате и Максу предстояло осмотреть уйму достопримечательностей и соответственно сделать множество остановок.

Агата любила импровизации: чем больше непредвиденных "острых" моментов, тем интереснее путешествие. Макс же был по натуре совсем иным человеком. Он все просчитывал и заранее готовился к гипотетическим неприятностям – "на всякий случай". Ей нравилось его умение сохранять спокойствие в любой критической ситуации. Его же она покорила способностью восторгаться каждым листиком, каждым цветным черепком или осколком стекла. Супруги Вулли не без досады наблюдали за их крепнущей дружбой, но старательно делали вид, что ничего не замечают.

До Киркука ехали на поезде, уже оттуда добирались до Мосула: шесть часов на машине, потом была переправа на лодке, по словам Агаты настолько примитивной, что "каждый чувствовал себя прямо-таки библейским персонажем". В Мосуле, наскоро его осмотрев, путешественники провели несколько дней, потом снова встретились с поджидавшим их шофером, доставившим их в Тель-Афар, где у Вулли были друзья и где всю компанию угостили местным тонизирующим напитком (с примесью какой-то наркотической травки).

Перемещались путешественники довольно спонтанно, могли задержаться в гостинице или в палаточном лагере, могли отбыть раньше, в зависимости от погоды и настроения. В общем, заранее составленного расписания придерживались не так строго, как хотелось бы Максу, и Агата была совершенно счастлива. Когда добрались до сирийского города Алеппо, одного из самых древних на земле, Макс взял на себя роль экскурсовода, пустившись в пространные объяснения, цитируя на память тексты древних священных писаний. Ему определенно хотелось блеснуть перед своей новой знакомой. И причина этого желания легко угадывалась: Макс Мэллоуэн влюбился.

Последний отрезок пути в Грецию плыли на пароходе. Но до того как путешественники попали на конечный пункт, в Дельфы,

было много стоянок поблизости от восхитительных пляжей, где Агата тут же устремлялась в сверкающую синеву Средиземного моря. В турецком портовом городе Мерсин Макс сплел для Агаты ожерелье из ноготков[27], растущих прямо на пляже. Он еще ничего не знал о том, что ему предназначено судьбой, но уже приближался к заветной тропе, которую выбрало его сердце.

В афинском отеле Агату дожидалась целая стопка писем от ее литературного агента и семь телеграмм, в которых сообщалось, что у Розалинды тяжелая пневмония и что она сейчас в Эбни-Холле под присмотром Мэдж и заботливых слуг. Про Розалинду Агата не вспоминала порой неделями. Не по годам взрослая и умненькая (дочке тогда было только одиннадцать лет), она жила в школьном пансионе, никому не доставляя хлопот и не капризничая. Она все понимала и, когда это бывало действительно необходимо, вела себя идеально. Но сейчас она нуждалась в ласке и поддержке. Агата почувствовала жестокие угрызения совести. Дитя ее, возможно, умирает, а она беспечно плещется в море под сенью храма Аполлона…

Она сообщила друзьям, что должна как можно скорее вернуться домой. Макс тут же придумал для нее самый подходящий маршрут и вместе с мистером Вулли отправился за билетом. Агата тем временем бродила по афинским улицам, изнемогая от страха, ругая себя за эгоизм, который вот до чего довел ее дочурку. Под ноги она не смотрела и потому не заметила квадратную яму, вырытую для посадки дерева. В общем, она споткнулась и рухнула всем телом на ногу, подвернув лодыжку и растянув связки. Боль была ужасная.

Сильно прихрамывая, она доплелась до отеля. Агату и тут выручил Макс, с обычным своим невозмутимым видом он мигом раздобыл бинты для ее распухшей лодыжки. Потом объявил, что проводит до Девона. Отъезд завтра на “Восточном экспрессе”. Агате вспомнились благородные рыцари из детских сказок. Вооруженный мечом принц готов был спасти даму, попавшую в беду. Макс, безусловно, был настоящим героем, и Агата охотно доверилась его заботам, без малейших терзаний относительно возможных пересудов.

По дороге в Англию они болтали не умолкая. Агате вскоре уже казалось, что она давным-давно знает этого человека. Он не был неотразимым мужчиной, он напоминал типичного кабинетного затворника и выглядел даже старше своих лет из-за черных усиков и уже намечавшихся залысин. Никакого сравнения с молодцеватым Арчи. Но Агата ловила каждое его слово, и что удивительно, он так же внимательно слушал ее. Такой умный и такой спокойный. Но главное, он не бежал прочь, когда человеку

плохо и требуется помощь.

Макс рассказал ей про своих родителей. Отец родом из Австрии, человек довольно упрямый, мама – француженка. Обожает поэзию и античную литературу. А бабушка – известная оперная певица, Марта Дювивье, лауреат премии Парижской консерватории. Рассказал про учебу в оксфордском Нью-колледже. Про то, как, познакомившись с трудами доктора Вулли, увлекся археологией. И теперь все его помыслы лишь о ней, о любимой археологии. Молодой ученый лукавил. В те дни в его мыслях царила только Агата Кристи.

Нет страха сильнее и горше, чем страх за своего ребенка. Отперев дверь лондонской квартиры, Агата тут же проковыляла к телефону. Мэдж сообщила, что Розалинде гораздо лучше. Тем не менее спустя шесть часов Агата уже сидела у постели дочери, примчалась в Эбни-Холл, несмотря на усталость и больную ногу. Розалинда ужасно исхудала, было видно, что она сильно ослабла, болезнь жестоко ее помучила.

Макс решил сойти с поезда в Париже, чтобы навестить мать. Агата из Лондона послала ему письмо, полное переживаний за дочку: “Розалинда в ужасном состоянии, просто не хотели меня расстраивать. Как посмотрю на нее, замирает сердце. Кожа да кости, и совсем слабенькая. Ах, Макс! Как же она и все тут настрадались”. Но Розалинда (истинная дочь своего отца!) упрямо твердила: “Тетя Москитик замечательно за мной ухаживает. Ты могла и не приезжать. Я совсем не хотела отрывать тебя от работы, мамочка, ни за что не хотела”.

Второе письмо она отправила уже из Эшфилда, куда привезла Розалинду, рассудив, что море поможет дочке быстрее окрепнуть. Да и ее искалеченной лодыжке будут полезны морские купания. Агата позвала Макса на выходные, и тот с готовностью согласился. Естественно, во время его визита в доме, как назло, происходили всякие недоразумения. Домашний любимец Питер тяпнул за нос сына экономки, а когда по просьбе Розалинды поехали на пикник в вересковую рощу, хлынул ливень. Тем не менее все эти казусы ничуть не испортили Максу настроение, он был весел и добродушен.

Вечером накануне отъезда в Лондон он постучался в спальню Агаты, уже успевшей лечь. Она позволила ему войти. Макс сел в изножье кровати и, набравшись храбрости, предложил Агате руку и сердце. Агата сначала онемела, потом, запинаясь, вежливо его поблагодарила, потом твердо сказала “нет”, сославшись на огромную разницу в возрасте. Однако не сказала, что *не хочет* выходить за него (хотя в принципе ее вполне устраивал статус независимой женщины).

Вообще-то Макс ей нравился, она еще никогда не встречала таких чутких и заботливых мужчин. Он успел стать ей другом, *истинным* другом. А ведь полностью доверять можно очень немногим, в этом Агата успела убедиться. Они проспорили два часа, наконец Макс ушел в свою комнату. Агата решила, что тема окончательно закрыта.

Но Макс и не думал отступать. Он продолжил штурм, забрасывая Агату письмами, в которых с продуманной последовательностью излагал свои доводы. То были не спонтанные поэтические послания, то были записки одержимого романтической идеей ученого, пытающегося убедить ректора поддержать его проект. Агата тоже не собиралась отступать от своего решения, не столько из разумных соображений, сколько из-за страха перед неизбежным разочарованием. В одном из писем она проговорилась: “Я ужасная трусиха и жутко боюсь сердечных ран”.

В мае тон ее писем изменился, стал более кокетливым и шутливым. Однажды Макс предположил, что ее, возможно, смущает его профессия, ведь археологам приходится иногда “выкапывать мертвецов”. Агата ответила, что ничего подобного, она обожает “окостеневшие трупы”. Но по реплике было понятно, что куда больше она обожает его, Макса.

Летели недели, письма Агаты становились все более сентиментальными, будто их писала влюбленная молоденькая девушка. Получив очередное признание в любви, она как-то ответила: “Мой дорогой, ты спрашиваешь, действительно ли я имела в виду то, о чем ты пишешь? Я только что получила твое письмо – ах, какой же ты милый. Я очень старалась иметь это в виду”. В июне спорщики все же пришли к обоюдному согласию. Они поженятся, но в сентябре. Надо подождать, “чтобы окончательно убедиться” в правильности принятого решения.

А ведь лишь год назад Агата пережила тяжелый крах, и в творчестве, и в личной жизни. Но ей удалось не только вернуть уверенность в себе, но и выйти из всех этих передряг победительницей. Она обрела любовь, она была владелицей трех жилищ (купила вторую квартиру, в Кенсингтоне), она бесстрашно ездила по всему миру, она стала по-настоящему знаменита. И уже не из-за скандальной истории с исчезновением, а благодаря книжкам именно про “окостеневшие трупы”.

Книги выходили одна за другой, в 1930 году издательство “Коллинз и сыновья” выпустило целых три! В их числе сборник рассказов, ранее опубликованных в “Скетче”, где фигурировал нежно любимый самой Агатой персонаж, мистер Харли Кин. Подобные компиляции приносили “чистую прибыль”, поскольку

трудились практически только сами издатели, которым Агата вручала ранее сочиненные тексты.

“Таинственный мистер Кин”, двенадцатая по счету книга, появилась в Англии в апреле. Литературный журнал “Сатердей ревью” отмечал: “Эта книга дает шанс всласть помучиться над множеством криминальных загадок и от души посмеяться над тонким юмором миссис Кристи”. Говоря откровенно, иногда не совсем тонким. Там впервые выплывает наружу типичный для ее среды (по крайней мере, для ровесников Агаты) антисемитизм. Типичный, но от этого не менее оскорбительный. В рассказе “Душа крупье” она упоминает “потомков древних евреев, с их землистыми лицами, крючковатыми носами и огромными перстнями”. Конечно, сказывались издержки воспитания, нетерпимость к *иным,* привитая в детстве. Агата не считала нужным скрывать свои взгляды.

Примечательно, что антисемитизм был исключительно теоретическим, как, впрочем, и британский шовинизм. В реальной жизни Агата Кристи в каждом человеке старалась найти что-то особенное, независимо от его образования, социального происхождения и цвета кожи, и всегда умела восхищаться талантами и обаянием других людей. Эта ее черта сослужила хорошую службу Максу, поскольку самому ему часто бывало в тягость налаживать контакты с рабочими, с которыми он иногда обходился чересчур строго, требуя ответственного отношения к делу и аккуратности. И Макса можно понять: в археологии иначе никак нельзя.

Круг чтения мистера Мэллоуэна раньше ограничивался научными статьями и энциклопедическими справочниками. Но, влюбившись в Агату, он возжелал как можно больше узнать о ней. Поскольку сочинительство было весьма важной составляющей жизни невесты, то будущий муж прочел все ее детективы, в том числе и последний – “Убийство в доме викария”. В этом романе пожилая старая дева по имени Джейн Марпл впервые так блестяще проявила свою редкостную прозорливость. Двумя годами раньше мисс Марпл промелькнула в рассказе для журнала “Скетч”, который назывался “Вечерний клуб “Вторник”. Рассказ небольшой, а мисс Марпл – персонаж скорее сопутствующий, второстепенный. В “Убийстве в доме викария” появилась знаменитая деревня Сент-Мэри-Мид, где живет детектив мисс Марпл, от любопытных и зорких глаз которой ничто не могло скрыться.

Фамилию Марпл Агата позаимствовала у имения Марпл-Холл, находившегося неподалеку от дома Мэдж и выставленного на продажу. Огромное имение было когда-то варварски

разрушено, но выглядело очень живописно, Агате настолько запала в душу красота обветшавших стен, что она назвала в честь этого некогда роскошного здания свою героиню. В мисс Марпл Агата Кристи нашла родственную душу, поэтому писать про этого наблюдательного “детектива в юбке” было особенно приятно. Чем-то она напоминала Кэролайн Шеппард из “Убийства Роджера Экройда”, которая тоже была старой девой. Но мисс Марпл, безусловно, гораздо мудрее той ехидной особы и гораздо значительней. Роман (посвященный разумнице Розалинде) снискал одобрение критиков. Обозреватель из “Сатердей ревью” утверждал, что “превзойти мастерство Агаты Кристи задачка не из легких”.

Но саму Агату гораздо больше волновала судьба появившегося в магазинах “Хлеба великанов”, это произошло в августе. Агата Кристи украдкой проходила мимо сложенных в стопку книжек, на обложке которых крупными буквами был напечатан ее тайный псевдоним: *Мэри Уэстмакотт.* Обложка была модернистской, с хаотично разбросанными графическими изображениями скрипки, рояля, часов в виде шестеренок со стрелками. Скупая цветовая гамма: на нейтральном бежевом фоне – фрагменты белого, черного и оранжевого. Критики благосклонно отнеслись и к этому детищу Агаты, “Нью-Йорк тайме” даже не сомневалась, что “Хлеб великанов” написан не безвестным автором: “Кто бы ни скрывался под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, он имеет полное право гордиться данным романом”.

Еще до выхода романа Агата (в компании Розалинды, Питера, Карло Фишер и ее сестры Мэри) три недели провела на шотландском острове Скай. Там и было сделано оглашение о предстоящем браке, чтобы не пронюхали газетчики. При оформлении разрешения на венчание Агата указала, что ей тридцать семь лет (а не сорок), а Макс – что ему тридцать один (а не двадцать шесть). Агата даже поменяла паспорт, чтобы переменить год рождения, с этим “фальшивым” паспортом так потом и жила.

Венчание состоялось одиннадцатого сентября 1930 года в поблескивавшей золотым убранством часовне чудесного эдинбургского собора Святого Катберта. На церемонии присутствовали только Розалинда и сестры Фишер (в качестве свидетелей).

В “Автобиографии” Агаты Кристи, а также во множестве написанных о ней книжек говорится, что венчание состоялось в соборе Святого Колумба. Но это не так, и мы рады восстановить истину.

Больше гармонии и торжественности в обряд привнес благородный облик священника – преподобного Георга Маклеона. Этого смуглого красавца эдинбургские церковники втайне прозвали Рудольфом Валентино.

Мэдж и Джимми на торжество не приехали. Откровенно говоря, они считали Макса пройдохой, сумевшим хорошо пристроиться. Даже во время медового месяца за все платила Агата, что лишь усилило подозрения ее родственников.

Через несколько дней после венчания новобрачные прибыли в Венецию, где Макс надевал по вечерам белый смокинг, сшитый специально для романтического путешествия. Они заранее сговорились с гондольерами, которые пели для них чудесные песни под концертино – миниатюрную шестигранную гармошку. Путешествие длилось пять недель. Супруги проехали по берегу (это будущая Югославия).

В Дубровнике купались в Адриатическом море. Агата, панически боявшаяся газетчиков, запишет потом в дневнике: “А вдруг мы выдали себя своими нежностями?” Далее они поехали в Сплит, там Агату совершенно потрясла великолепная медная статуя епископа Григория Нинского, безусловно, одна из лучших работ скульптора Ивана Мештровича. Молодожены бродили по деревушкам, наслаждались местной кухней, отважно карабкались по горам Монтенегро, потом отправились в старинный город Котор с нарядными черепичными оранжевыми крышами, уютно расположившийся на берегах одного из красивейших заливов.

Из Котора они на небольшом катерке, “размером со скорлупку”, отправились вдоль побережья. Там было всего две каюты, еще двое пассажиров и много вкусной еды, от которой невозможно было оторваться. Катер летел, будто на крыльях, причаливая иногда к маленьким бухтам, носившим священные имена: Святой Анны, Святой Мавры, Сорока Святых. Макс и Агата рука об руку бродили среди виноградников и оливковых рощ, им казалось, что они на седьмом небе.

Эта женщина ощущала себя сейчас не Агатой Кристи, а романтичной Мэри Уэстмакотт, которая наслаждалась страстным лепетом обожаемого возлюбленного. Агата потом напишет: “Это был настоящий Эдем. Рай на Земле!”

Далее отправились в Грецию, конечный пункт их свадебного путешествия. Решили съездить в Андрицену. До этого расположенного в горах города надо было четырнадцать часов ехать на муле (хотя Макс заверял, что девять) ради того, чтобы полюбоваться там храмом Аполлона Эпикурейского (на высоте 1131 метр!). Экскурсия едва не завершилась разводом: Агата чуть не плакала от усталости и боли (после долгой тряски на муле у

нее с непривычки свело все мышцы). Два дня Макс вымаливал прощение. Разумеется, Агата смилостивилась, но взяла с мужа клятву: он больше никогда не посмеет подвергать ее подобным испытаниям!

Они побывали в Микенах и Эпидавре, потом поехали в Нафплион и, наконец, добрались до Дельф. Агата, вспомнив восторги профессора Вулли и его жены, мысленно с ними согласилась: этот город действительно обладал каким-то особым очарованием.

Паломничество по Греции завершили в Афинах, но там счастливых обитателей Эдема подстерегало адское злодейство. Агата подхватила кишечную инфекцию, которую нарекла “афинским недомоганием”. Недомогание – это было чересчур мягко сказано. Ужасное расстройство желудка, рвота, температура под сорок. Призванный на помощь доктор считал, что миссис Мэллоуэн отравилась плохо приготовленной красной кефалью. Агата постепенно выздоравливала, но ее терзала досада: какое прозаическое завершение медового месяца…

Так или иначе, он завершился, и Максу пора было возвращаться в Ур. Господа Вулли деликатно, но очень ясно намекнули, что археологические раскопки не лучшее место для молодоженов. Агата и сама это понимала, поэтому заранее настроилась на разлуку.

Вернувшись на “Восточном экспрессе” в Англию, она отправилась в свою замечательную “бывшую конюшню”. Наслаждаясь домашним уютом, с удовольствием играла на рояле, изредка поглядывая на пишущую машинку – без всякого удовольствия. Но пора было приниматься за работу.

Напечатав первые несколько слов, Агата непроизвольно улыбнулась. Не потому, что вспомнила что-то смешное, и даже не потому, что была счастлива. Просто, глядя на эти строчки, она вдруг осознала, что наконец нашла себя. И возможно, впервые в жизни поняла, какое это блаженство: знать, что ты на правильном пути. А поняв, Агата пообещала самой себе, что больше никому и ничему не позволит лишить ее этого драгоценного мироощущения.

Тогдашнее настроение она лучше всего выразила в беседе с Алленом Лейном, племянником своего первого издателя Джона Лейна (к тому времени ставшим ее соседом): “Ах, Аллен, тысяча девятьсот тридцатый год был настоящим чудом!”

Глава седьмая
Миссис Макс Мэллоуэн

Нам было хорошо вместе… нам всегда удавалось найти общий язык.

И его не раздражало то, что у меня есть и свои собственные увлечения. Да, я спокойно могла заниматься чем хочу, не опасаясь, что это покажется ему ерундой.

Агата Кристи.
Неоконченный портрет

Ноябрь 1930. Кетрин Вулли было как-то не по себе. Нельзя сказать, что она плохо себя чувствовала, хотя голова болела часто, но это история обычная. Скорее всего, причина дискомфорта крылась в подспудном раздражении, а причина раздражения – как это не раз бывало – в соперничестве с другой женщиной. И осенью 1930 года в соперницы угодила Агата Кристи Мэллоуэн.

Кетрин, обворожительная, взбалмошная и деспотичная. Они с профессором приехали в Ур на неделю позже, чем было условлено. Не иначе как прекрасная дама долго выбирала и паковала свой гардероб, вещей требовалось много – для пятимесячного пребывания в пустыне. Макс Мэллоуэн не знал, что начальство задерживается, и, покинув серьезно заболевшую (как назло!) Агату, отбыл в Месопотамию. Но эту его жертву "во имя долга" даже некому было оценить. Разобиженный и раздосадованный, Макс отыгрывался на рабочих, не давая им спуску.

Еще он не мог простить Кетрин того, что она запретила его жене приехать на раскопки.

"Теперь это неудобно", – пояснила она.

Отныне Агата замужняя дама, а не просто одинокая писательница. И поэтому из этических соображений ей лучше остаться в Лондоне, поскольку жены остальных членов экспедиции живут в разлуке с мужьями. Сама Кетрин, разумеется, была не в счет.

Надо сказать, влияние этой женщины на окружающих было совершенно неодолимым, фантастическим.

Между прочим, ее первый супруг, лейтенант-полковник

Фрэнсис Килинг, застрелился у подножия Великой пирамиды[28]. А нынешний муж, профессор Вулли, безропотно потворствовал любым ее прихотям. Например, вот этой: перед сном Кетрин брала длинный шнур, обвязывала им большой палец на ноге супруга, потом, дотянув шнур до своей комнаты, обвязывала вторым концом палец на собственной ноге. Этот трюк позволял Кетрин, даже не вставая с постели, разбудить мужа, если ей требовалось лекарство от головной боли. Она могла любому приказать (иногда этой чести удостаивался и Макс) расчесать ей волосы на ночь, могла заставить человека делать ей массаж, после того как тот целый день гнул спину на раскопе.

Макс целых пять лет (ведь в Ур он попал еще студентом) терпел эти фокусы, но теперь, сделавшись солидным семейным мужчиной, никак не мог оставаться мальчиком на посылках и не желал, чтобы ему навязывали разлуку с женой. В общем, мистер Мэллоуэн начал подыскивать другую работу, и ему повезло: его пригласил известный археолог, доктор Реджинальд Кэмпбелл-Томпсон, собиравшийся на будущий год начать раскопки в Ниневии. Уход Макса расстроил Кетрин, которая считала этого покладистого молчуна чуть ли не личным слугой. Агата тоже разволновалась, но больше от радости.

Миссис Мэллоуэн слала мужу нежные благодарственные письма: “Мой дорогой, ты избавил меня от стольких забот, я только сейчас ощутила, какая это была тяжкая ноша”. Особенно она была признательна Максу за то, что могла теперь без оглядки, как в детстве, погрузиться в мир своих фантазий. Ведь после развода с Арчи ей приходилось самой решать все житейские проблемы – к слову сказать, это отлично у нее получалось. Но как же она была рада снова отдать бразды правления мужчине! Современные феминистки, надо полагать, сочтут это непозволительной слабостью. И пусть. Агате нравилось, что она может опереться на мужа. Она бы и сама со всем справилась, однако так ей было комфортнее, и ее можно понять.

Макс оказался человеком надежным, не склонным к роковым страстям, на редкость образованным. А главное, он был предан жене и с уважением относился к ее работе. Но в любовных отношениях был не очень-то опытен. Скорее всего, Агата стала его первой женщиной. Из оксфордского Нью-колледжа, совсем юным, он сразу попал в Месопотамию, а там пустыня да раскопы, то есть никаких шансов на близкую дружбу с женщиной.

В Оксфорде он жил в прекрасном старинном здании под названием “Башня Робинзона”, там же поселился его ближайший друг Эсме Говард, старший сын барона Говарда Пенритского.

Макс считал, что в молодости нет ничего важнее общения с “родственными по духу ровесниками”. Макс привязался к Эсме со всем пылом юности. Они были неразлучны, истинно родственные души. До встречи с Эсме Макс опасался откровенничать с однокашниками. В школе-пансионе Лансинг он насмотрелся на то, что могут сотворить с мечтательным вундеркиндом хулиганистые драчуны. И вот в его жизни появился Эсме – эрудит, книгочей, открытый, раскованный. Отпрыск барона драчунов не боялся, он вообще мало чего боялся, тем паче общественного мнения.

В двадцатые годы в Англии были в моде гомосексуальные интрижки, особенно в академических кругах. Это каралось законом. Вот почему дискуссии об искусстве, литературе и мужеложстве чаще велись в закрытых клубах. Эсме был членом одного из подобных клубов. Ивлин Во тоже.

Ивлин Во и в Лансинге учился в то же время, что и Макс, прославился среди школяров садистской жестокостью в потасовках. Наверное, так бы и продолжал размахивать кулаками, если бы не поступил в оксфордский Хартфорд-колледж, где повстречал Ричарда Пэйрса. В письме к писательнице Нэнси Митфорд Ивлин признался, что Пэйрс был его первым любовником. Многие полагают, что именно этот эротический опыт вдохновил Во на знаменитый роман “Возвращение в Брайдсхед” с прозрачным гомосексуальным подтекстом в привязанности к лорду Себастьяну Флайту.

О том, что было основополагающим в дружбе Эсме и Макса, свидетельств не осталось, ведь Эсме умер совсем молодым, в двадцать пять лет (27 ноября 1926 года). Его погубила лейкемия. Но сохранился восхищенный отзыв самого Макса о верном товарище: “Любимец муз с блестящим умом и потрясающим чувством юмора”. Через пятьдесят лет после смерти Эсме Макс напишет в своих мемуарах: “Память о нашей дружбе и ныне согревает мое сердце”.

Последний раз Макс виделся с Эсме за год до его смерти: был приглашен на три дня в Портофино (курорт Альтакьяра), на огромную виллу Мэри Герберт, вдовы графа Карнарвона. Дело в том, что отец Эсме, лорд Говард, в свое время был личным секретарем и другом четвертого графа Карнарвона[29]. После смерти супруга леди Карнарвон не захотела расставаться с чудесной бело-розовой виллой на Лигурийском побережье. Дом этот в несколько уступов расположен на склоне горы, к нему вели сильно заросшие тропинки, прятавшиеся среди лаванды, роз и розмарина.

Когда Макс повстречал Агату, боль утраты была еще очень

остра. Позже он напишет: “Моя любовь к тебе стала идеальным продолжением дружбы с Эсме, которая казалась мне невосполнимой”.

Обстоятельства вынудили Макса уехать довольно скоро после свадьбы. Но жизнь показала, что это было даже к лучшему. Агата смогла вновь сосредоточиться на работе, а свою любовь, преданность и поддержку (столь ей желанные) ее муж замечательно умел выражать посредством писем.

Готовясь к возвращению супруга, Агата сдала в аренду преображенную и так славно обустроенную конюшню, перебравшись в купленные позже и более просторные апартаменты в Кенсингтоне: 47–48 по Кэмпден-стрит, неподалеку от метро “Ноттинг-Хилл-Гейт”, что оказалось очень кстати, Максу будет удобно добираться до Британского музея. А еще нужно было исхитриться до его приезда закончить ремонт.

В ту пору Агата очень часто писала мужу, с удовольствием докладывая ему о перипетиях покупки мебели и штор. Чувствовалось, что она совершенно счастлива, ее послания полны девической дурашливости. “Я ужасно тебя люблю, готова, как ребенок, целовать страницы. Шлю много-много поцелуев. Очень-очень нежных..” – пишет она в одном из декабрьских писем.

К слову сказать, конец года выдался для миссис Мэллоуэн крайне напряженным. Восьмого декабря состоялось первое представление пьесы “Черный кофе”. Приняли спектакль довольно сдержанно. “Таймс” высказала по этому поводу свои соображения: “Миссис Кристи написала крепкую, добротную пьесу, но некоторые эпизоды слишком затянуты и потому наводят уныние”.

В декабре же Агата согласилась участвовать в проекте Би-би-си. Ей предстояло написать эпизод для шестиактной пьесы (разумеется, “криминальной”), которую планировали выпустить в эфир уже в январе. Уговорила Агату Дороти Сэйерс, считавшая, что выступить на радио Би-би-си – огромная честь. Замысел был таков: шесть самых известных авторов детективов пишут *общую историю,* потом каждый читает свой фрагмент. Сэйерс выступала первой: полчаса в эфире 10 января. Агата должна была читать через неделю.

Чести были удостоены несколько членов “Детективного клуба”, учрежденного примерно год назад. Писатели, вступившие в него, несколько раз в году встречались в каком-нибудь ресторане. Агата считала эти сборища пустой тратой времени и посмеивалась над Сэйерс, не чуравшейся в своих книгах старомодных устрашающих клятв и антуража (вроде “черепа Эрика”[30] со светящимися глазами, потом, естественно,

выяснялось, что в глазницы вставлены лампочки на батарейках).

Тем не менее вступление в клуб и приглашение на радио означали, что Агата поднялась еще на одну ступень к вершине славы. Поэтому она по праву гордилась собой и радовалась, что Макс жаждет услышать ее голос. Между тем ради этой передачи муженьку пришлось долго ехать верхом через пустыню в город Назирию и там напроситься в кабинет чиновника, где имелся радиоприемник. После он напишет Агате, что надеялся услышать какую-нибудь зашифрованную фразу, предназначенную только ему.

И вот наконец в марте 1931 года миссис Мэллоуэн снова приехала в Ур. Волновалась ужасно: как-то ее встретит Кетрин, а главное – как ее встретит Макс? Но все сложилось замечательно: “Мы встретились так, словно расстались лишь вчера”, муж сиял счастливой улыбкой. Кетрин тоже приняла Агату с распростертыми объятиями. Она несколько дней наслаждалась гостеприимством супругов Вулли и на прощание подарила Кетрин экземпляр “Убийства в доме викария” с сердечной надписью.

Мэллоуэны надумали по пути в Англию заехать в Россию[31]. Маршрут довольно рискованный, учитывая тогдашнюю политическую нестабильность. Но сначала они из Багдада на небольшом самолете прилетели в Персию. Далее из Тегерана в Шираз, который с высоты был похож “на темно-зеленый изумруд среди тусклой серо-коричневой пустыни”. Потом наведались в Исфахан, покоривший Агату: “Нигде больше нет такой великолепной цветовой гаммы – розовый, голубой, золото. Эти оттенки, отблески и мерцанья в соцветиях, в оперении птиц, в изысканных арабесках, в прелестных сказочных домах, в дивных ярких изразцах. Волшебный город!”

В Иранском банке они поменяли фунты на местные увесистые монеты – туманы. А через несколько дней двинулись на машине к Каспийскому морю, в город Решт, откуда должны были отплыть на русском пароходе в Баку, крупнейший город и порт Азербайджана. Посмотрев Баку, Макс и Агата три дня добирались на поезде до Батуми, питаясь припасенными заранее в Персии (по совету банковского чиновника) продуктами: жареными утками, хлебом и ананасовым джемом, запивая все это чаем на кипятке, добытом в титане у машиниста.

Батуми приветствовал странников проливным дождем, и Макс уже досадовал, что ввязался в эту туристическую авантюру, разумней было воспользоваться апробированным сервисом “Агентства Томаса Кука”. Зато обожавшей сюрпризы Агате все очень нравилось, даже то, что пришлось лезть на чердак по

приставной лестнице (чтобы попасть в мансарду, ибо иных мест для ночлега в гостинице не было).

Наутро им еще предстояло найти порт, а в порту французский корабль, на котором они должны были плыть в Стамбул. Поиски тоже оказались довольно трудным испытанием. Примечательно, что пассажирами этого рейса были не только люди, но и живность: козы и домашние голуби.

В Лондон странники вернулись как раз в тот момент, когда на всех кинотеатрах развесили афиши с Остином Тревором, исполнявшим роль Пуаро в только что выпущенном фильме “Алиби”. Фильм был снят по одноименной пьесе Майкла Мортона (то есть за основу была взята та самая, весьма вольная инсценировка “Убийства Роджера Экройда”). Но формально Агата Кристи была тут ни при чем, то есть не имела права вмешиваться в съемочный процесс. Макс участливо посмотрел на жену и по ее лицу понял, что лучше вообще ничего не говорить.

В середине 1931 года появилась четырнадцатая книга, “Загадка Ситтафорда”, в американском издании – “Убийство в Хейзлмуре”, впервые американцы изменили исконное название, бог весть почему. Трагические события разворачиваются в глухой дартмурской деревушке. Несколько лет назад тишина и покой этих мест для самой Агаты оказались благословенными, они помогли ей закончить роман “Убийство Роджера Экройда”.

Критики изъявляли уже привычные восторги. “Нью-Йорк тайме” провозгласила новое творение “отличной книжкой, которую нужно непременно прихватить с собой на выходные”. Нью-йоркская “Геральд трибюн” ей вторила: “Даже не сомневайтесь: “Загадка Ситтафорда” лучший среди неизменно превосходных в последнее время детективов Агаты Кристи”.

А для самой Агаты, возможно, самым важным в новой книге было посвящение второму мужу: “М.Э.М., ибо именно с ним я, изводя окружающих, обсуждала сюжет данной книги”.

Вместе с теперешним мужем в доме Агаты поселилось счастье. Ясное, легкое, по-детски беспечное счастье любви. Даже редко приезжавшая из школы Розалинда сразу это почувствовала. Макса она искренне любила. Во-первых, он был человек серьезный, куда серьезнее выдумщицы мамы. Во-вторых, “это даже интересно”, когда у тебя два разных “набора” родителей.

Порой Агата ловила себя на том, что не сводит с мужа глаз. Ей приятно было видеть его за огромным письменным столом, с неизменной сигаретой, которая помогала ему сосредоточиться. Это были минуты безмятежного блаженства, которое испытываешь вроде бы от мелочей, но ведь в любви мелочи как раз самое главное. Агата точно это знала. Наверное, в

теперешнем ее чувстве не было той романтической пылкости, которую она испытывала к Арчи, зато в нем было нечто более важное. Ощущение надежности. Это была обоюдная привязанность, не омраченная страхом чем-то не угодить дорогому человеку. У Агаты словно бы выросли крылья, она вся светилась от радости, и ей хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы.

Да, Макс подарил Агате ощущение стабильности, которого ей так не хватало с Арчи, а взамен он получил прекрасные дома, элегантные костюмы и замечательного друга. Ну что ж, он дал Агате все, что мог, и ему отплатили с лихвой. Макс тоже был совершенно счастлив.

Все лето Агата сочиняла новый роман, “Загадка Эндхауза”, и составляла сборник “Тринадцать загадочных случаев” из рассказов, написанных когда-то для журнала. Над обеими книжками Агата трудилась с воодушевлением, никто не подгонял ее “крайним сроком сдачи в набор”, и все шло как по маслу. Уже осенью она принялась за третью (!) в 1931 году книгу – “Смерть лорда Эджвера”. Писать ее начала на Родосе, куда поехала одна, так как Максу надо было отправляться в Ирак на переговоры с его будущим патроном Кэмпбелл-Томпсоном, которого все обычно называли Си-Ти (по инициалам его двойной фамилии). Макс мудро рассудил, что жене необходимо отдохнуть перед суровой экспедиционной жизнью в Ниневии.

Она писала ему каждый день, иногда в одном конверте отсылала сразу несколько писем – за неделю. О легендарном острове Родос Агата почти не рассказывала, больше о творческом процессе. Иногда получались отличные образчики нонсенса: “Лорд Эджвер делает успехи. Он уже умер. Карлотта Адамс (Рут Дрейпер[32]) тоже благополучно преставилась. Племянник ее только что стал наследником и теперь плетет для Пуаро небылицы про свое алиби”. В письмах они дружески болтают о работе, никаких любовных признаний, но в шутливых “отчетах” ощущается тепло и желание поскорее увидеться.

Прибыв в Ниневию, Агата поняла, что ей никак не обойтись без большого и прочного стола, на который можно было бы без опаски поставить пишущую машинку На какой-то распродаже за три фунта удалось купить отличный стол. На фоне аскетического убранства комнаты он, безусловно, выглядел аксессуаром роскоши.

Тем не менее Ниневия в сравнении с Уром была истинным раем. Они жили в верховьях Тигра, на территории древней Ассирии, вокруг дома благоухал роскошный розовый сад. До Ниневии за двадцать минут можно было добраться верхом на

лошади. Этот дом Агата вспоминала “с неизменной любовью и нежностью”. На заднем дворике разгуливали дикие индейки, так что с пропитанием проблем не было. Характер у профессора Си-Ти был легкий, и Макс хорошо с ним сработался.

Рождество Агата решила провести с дочерью и семейством сестры, заранее предвкушая отдых в роскошном купе “Восточного экспресса” и вкусный обед. Но поезд почти сразу накрыло чудовищным ливнем, он вынужден был остановиться, вокруг клокотали потоки воды.

Наутро пассажиры тщетно пытались согреться. В письме Максу Агата рассказывала: “Все мы кутались в пледы, проводник, протягивая мне наполненную кипятком грелку, сказал, что в прошлый ливень стояли на этом же самом месте три недели!” Агата никогда не упускала из виду выигрышный материал. Схожую ситуацию мы обнаружим потом в “Убийстве в “Восточном экспрессе”, только там вместо ливня бушевала метель.

Книга “Загадка Эндхауза” вышла в марте 1932 года. Это история про обитателей странного дома на краю скалистого берега, действие разворачивается в английском приморском городке Сент-Лу. Книжка получилась чрезвычайно занимательной, покорила даже самых привередливых критиков. “Какая неожиданная развязка, гениальная находка. Книга на уровне уже известных всем шедевров миссис Кристи”, – читаем мы в “Книжном обозрении «Таймс»”. Исаак Андерсон, литературный обозреватель “Нью-Йорк тайме”, отметил: “Преступник в “Доме на краю” дьявольски умен, но все же не настолько, чтобы бесконечно дурачить маленького бельгийского сыщика”.

“Загадка Эндхауза” посвящалась писателю, когда-то так бережно отнесшемуся к первым опусам мисс Миллер, своей юной соседки: “Идену Филлпотсу с вечной благодарностью за дружескую поддержку, оказанную много лет назад”.

В июне 1932 года сборник “Тринадцать загадочных случаев” вышел в Англии и примерно через месяц в Америке, но под названием “Вечерний клуб “Вторник”. Знатоки и гуру жанра опять возрадовались: помимо стилистической точности и изобретательности они обнаружили у автора и чувство юмора, которое, как было отмечено, раскрывалось все больше – по мере роста мастерства. Возможно, наиболее остроумным в этом сборнике на самом деле было посвящение: “Леонарду и Кетрин Вулли”.

Уилл Каппи (из “Геральд трибюн”) был очень доволен: “Все тринадцать рассказов как на подбор, не оторвешься, мы целиком и полностью разделяем восхищение поклонников книги. Вы

влюбитесь в мисс Марпл, в эту прозорливую старую деву в шляпке и митенках. Гости, собравшиеся в ее коттедже в Сент-Мэри-Мид, по очереди рассказывают криминальные истории и предлагают слушателям угадать, кто преступник".

Агате и самой полюбилась ее мисс Марпл, умевшая словно бы ненароком подцепить читателя на крючок. Однако в ближайшие десять лет почтенный сыщик в юбке будет забыт ради иных проектов. И прежде всего тут следует назвать второй роман Мэри Уэстмакотт – "Неоконченный портрет", книгу очень личную.

Силия сильно напоминает саму Агату, а муж Силии, Дермут, – Арчибальда Кристи. По мнению Макса, наблюдавшего за творческим процессом, "в повествовании постоянно проскальзывают реальные факты из жизни Агаты, начиная с раннего детства и до периода зрелости. Но это могут заметить лишь близкие люди. Поверьте, в Силии больше, чем в ком-либо из ее героинь, отражены черты самой Агаты". Так он напишет в своих "Мемуарах".

Ощущение счастья, не покидавшее Агату, вероятно, поддерживалось и благословенным сюрпризом: в 1932 году она забеременела. Она всегда хотела иметь еще и сына, и в последние годы с Арчи внушала ему, что необходимо завести второго ребенка, но тот так не считал.

Агата была уже немолода и, выйдя за Макса, не рассчитывала на пополнение семейства.

Благую весть супруги восприняли спокойно, если можно так выразиться, с деловитой радостью. Но не сбылось. Весной Агата приехала в Эшфилд, и там у нее случился выкидыш. Потерю ребенка супруги пережили с философским мужеством. Агата старалась не показывать своего разочарования, однако тайное страдание не отпускало, оно окрасило и некоторые страницы "Неоконченного портрета".

Основная часть книги была написана неподалеку от Мосула (на севере нынешнего Ирака), где проводились раскопки древнейшего поселения под курганом Телль-Арпачия. Это была первая самостоятельная археологическая экспедиция Макса, которую организовал Британский музей и член Британской школы археологии в Ираке, сэр Эдгар Бонэм Картер. На раскопки было выделено 2000 фунтов, там Макса, ученого дотошного и азартного, ждал большой успех. Его верными помощниками были Агата (делавшая подписи к образцам и отмывавшая черепки) и архитектор Джон Круикшэнк Роуз (составлявший топографические карты и зарисовывавший находки).

Мэллоуэны полгода прожили в небольшом домике с мраморной верандой и садом. У них была кухарка, мальчик-слуга

и “огромная свирепая собака, облаивавшая всех псов в округе”. По местным понятиям они были большими чудаками: зачем-то клали под ноги на пол (он же грязный!) коврики и пользовались ночной вазой, а не вырытой в земле ямой.

Несколько недель поисков не приносили ничего стоящего. И вдруг – невероятная удача! Копатели обнаружили сгоревшую гончарную мастерскую, в которой сохранилось много изделий, причем очень хорошо. Макс влетел в дом, где Агата корпела над записями, и, схватив ее за руку, потащил на телль[33], чтобы показать клад в первозданном виде. “Великолепные блюда, вазы, чаши и тарелки. Вся эта многоцветная посуда сверкала на солнце яркими красками: черным, оранжевым, алым. Завораживающее зрелище”. Эта находка стала событием в археологии и значительным вкладом в изучение когда-то (двадцать пять веков назад) процветавшей Арпачии.

В Англию супруги вернулись триумфаторами, Макс занялся составлением подробного отчета об экспедиции и найденных трофеях – для Британского музея, Агата следила за процессом публикации своей тринадцатой книги, “Смерть лорда Эджвера” (американский вариант “Тринадцать за столом”). Агата посвятила ее “Мистеру и миссис Кэмпбелл-Томпсон”. Ключевая идея возникла на концерте несравненной актрисы Рут Дрейпер, которая в каждом скетче преображалась до неузнаваемости, в этом было даже что-то пугающее. Покоренная ее даром перевоплощения, Агата взяла это на заметку как интересный сюжетный ход.

Критики высоко оценили остроумный обман, изощренную, непредсказуемую игру с читателем. Ральф Партридж (из журнала “Ньюстейтсмен энд нэйшнз”) отозвался изысканным комплиментом: “Миссис Агату Кристи можно покритиковать лишь за то, что она пишет мало романов. Безусловно, ее “Тринадцать за столом” – лучший детектив года”.

Всплеск читательских и литературоведческих восторгов совпал со значительным пополнением капиталов и передышкой в работе. Неугомонная Агата тут же стала подумывать об очередном доме. Карло нашла для нее весьма заманчивый вариант неподалеку от тогдашнего жилища на Кэмпден-стрит. Он располагался в чудесном квартале по адресу: Шеффилд-террас, 58. Эти две медные цифры[34] приветливо поблескивали на белом фоне стены, окружавшей трехэтажный оштукатуренный дом. Над главным входом барельефные фигурки льва и единорога. Они показались Агате давними знакомцами, ее воображение тотчас услужливо убрало черневшую на белой лепнине паутину и трещинки. “Это был идеальный дом”, – вспоминала через много-

много лет писательница, и даже если несколько преувеличивала, то позже сделала все, чтобы он стал таковым.

Внизу были гостиная, столовая и кухня, на втором этаже, над столовой, кабинет Макса с библиотекой, а над гостиной – супружеская спальня. В обеих этих просторных комнатах были огромные окна с эркерами, выходившие на улицу. На третьем этаже – комнатка Розалинды и гостевая комната. Там имелась еще одна огромная гостиная (она же кабинет), которую забрала себе хозяйка, все потом станут ее называть “комнатой Агаты”. В этой комнате она поставила рояль “Стейнвей”, “большой прочный стол, удобный диван, стул с высокой прямой спинкой, чтобы сидеть на нем за машинкой, и одно мягкое кресло, в котором можно было расслабиться. Все. Больше никакой мебели”. Главное, в кабинете не было телефонного аппарата. И одна очень важная деталь: кабинет был *персональным.* Во всех прежних домах не было пространства, предназначенного только для ее работы. Теперь у нее появилось свое убежище.

Дом постепенно обживали. Макс соорудил у себя в кабинете камин, во всех комнатах добавили электрических розеток. Все шло замечательно, но однажды Агата учуяла в их спальне запах газа. Что показалось крайне странным, поскольку к дому газ вообще не был подведен. Однако вопреки этому резонному возражению Агата продолжала паниковать. Она вызывала газовщиков, строителей, водопроводчиков. Те покорно залезали вместе с Агатой под кровать, потом осматривали каждый уголок, но – не находили ничего настораживающего. Рабочие только украдкой переглядывались и понимающе улыбались. В конце концов все свалили на мышь, которая якобы угодила под пол и там скончалась. Пол безжалостно вскрыли, но усопшей не нашли. “Это газ, – упрямо твердила Агата и действительно оказалась провидицей: —…Едва не доведя всех до помешательства, я доказала, что ничего мне не мерещилось. Под полом нашей спальни проходила старая заброшенная газовая труба, по которой понемногу продолжал течь газ, он и просачивался сквозь половицы”. Агата ликовала, потешив свою гордыню торжествующей улыбкой.

Но, как говорится, играй, а дела не забывай. В начале 1933 года на полках книжных магазинов появилась восемнадцатая по счету книга – сборник “Гончая смерти” и другие рассказы”. Книга примечательная дважды. Во-первых, почти все рассказы приправлены мистикой (оккультизм вызывал у Агаты все больший интерес). И второе: это издание не было продублировано в Америке[35]. Несмотря на необычную и непривычную для почитателей Агаты тематику, сборник был

принят очень хорошо, особенно рассказ “Свидетель обвинения”. Этот шедевр всего в несколько тысяч слов впоследствии приумножит ее славу и состояние.

В тот период она с удовольствием ежегодно ездила с Максом в экспедиции, сделавшись его верной и незаменимой помощницей. Ее умение зорко подмечать детали и мощное воображение были неплохим подспорьем в работе подающего надежды ученого.

В интеллектуальном отношении их союз оказался идеальным, но рядом они не очень-то хорошо смотрелись. Погрузневшая Агата в солидном дамском костюме и туфлях на низеньком каблуке выглядела громоздкой рядом с изящным джентльменом в элегантной твидовой двойке и со стильной трубкой в зубах. Однако самих Мэллоуэнов сей диссонанс не смущал, всем своим видом они словно бы говорили: “Мы счастливая пара”.

Как вы уже заметили, таланты Агаты не ограничивались умением безудержно фантазировать. Со столь же неиссякаемым вдохновением она обзаводилась вполне реальной недвижимостью. Очередным приобретением стал загородный особняк в тридцати шести милях от Лондона (в Уоллингфорде), со стороны западного берега Темзы. Дом в стиле королевы Анны стоял близко от дороги, зато сзади был сад, а вплотную к изгороди подступали луга, расстилавшиеся до самой реки. Посреди ближайшего лужка рос старый благородный кедр, под его ветвями так приятно было пить чай летними вечерами.

Для обустройства этого уединенного жилища (по имени Уинтербрук-хауз) Агата выбрала спокойные сиреневые и белые тона. Ничего ярко-алого или ярко-бирюзового, дерзкие эксперименты остались в прошлом. Отчасти потому, что этот дом считался домом Макса, а мистер Мэллоуэн предпочитал сдержанность и утонченность. На первом этаже ему устроили просторный кабинет (из двух объединенных комнат), в кабинете стоял огромный стол, на котором удобно было раскладывать древние черепки, а из окна хозяин мог любоваться Темзой, поблескивавшей вдали, на расстоянии примерно в милю.

Зимние месяцы, холодные и промозглые, Мэллоуэны обычно проводили на раскопках. В ноябре 1934 года они отправились на северо-восток Сирии, в долину реки Хабур, “на разведку”, поскольку копать Макс теперь собирался там. Экспедицию согласилась оплатить Британская археологическая школа. Там были нетронутые пространства, принадлежавшие Сирии, находившейся под мандатом Франции[36]. “Terra incongnita”[37], – любил повторять Макс. Так что там предстояло копать и копать, и Агата, обожавшая познавать мир, радовалась грядущим

открытиям[38].

Как водится, перед путешествием запасались новой одеждой и прочими необходимыми вещами. Агата везла с собой набор ручек с “вечным пером” и несколько катушек с лентой для пишущей машинки. Макс – уйму книг по археологии, очень редких и очень тяжелых. Обычно до самого выхода из дома в чемоданы что-то запихивали, и это создавало предсказуемые проблемы. В книге воспоминаний “Расскажи, как живешь” Агата писала: “В девять утра Макс приглашает меня в качестве груза для чемоданов.

“Если уж ты не сможешь их закрыть, – безжалостно изрекает он, – значит, они никогда не закроются!”

До Сирии надо было добираться на нескольких поездах. Завидев стоящий у платформы состав, Агата сразу настраивалась на походный лад. Она любила вокзальную суету и поезда, “их отдающий адской серой дымок, так не похожий на вялый керосиновый запах пароходов, предрекающий неотвратимую морскую болезнь. Поезд пассажиру друг, его паровоз пыхтит, окутанный облаком пара, и словно бы нетерпеливо приговаривает: “Я спеш-ш-шу… я спеш-ш-шу… ”

“Восточный экспресс” будил в душе ностальгические чувства и одновременно инстинктивную тревогу: а вдруг и впрямь случится что-то ужасное? Попутчики были веселы и беспечны, всем им (разумеется, за исключением Макса) было невдомек, что с ними рядом находится автор нашумевшего детектива “Убийство в “Восточном экспрессе”.

Эту девятнадцатую по счету книгу (американское название – “Убийство в поезде до Кале”) Агата посвятила человеку, который стал частью ее жизни: “М.Э.Л.М., Арпачия, 1933”.

Критики ликовали, пребывая не только в восторге, но в восхищенном недоумении: как сама сочинительница исхитрилась не запутаться в тончайших нитях сплетенной ею интриги? Исаак Андерсон из “Нью-Йорк тайме” прокомментировал “плетение” Агаты так: “Имеющиеся факты и улики кажутся вопиюще несовместимыми с предложенными по ходу расследования версиями. И тем не менее Агата Кристи сумела доказать, что все происходило так, как *не могло* происходить, это ли не наивысшая радость для любителей криминальных романов?”

Отзыв лондонского литературного приложения к “Таймс”: “Мы обязаны подчеркнуть, что маленькие серые клеточки снова сумели раскрыть тайну, казалось бы, неразрешимую. Мисс Кристи мастерски убеждает читателя в истинности невероятной, совершенно неправдоподобной истории и до самого финала не раскрывает карты”.

Прибыв в Бейрут, Мэллоуэны на несколько дней останавливаются в гранд-отеле, но очень скоро начинается походная жизнь. В Медине сорокапятилетней Агате придется ночевать в палатке, установленной посреди огромного двора, и втискиваться в спальный мешок. Тем не менее спалось ей замечательно. В первое утро она проснулась на рассвете, когда солнечные лучи еще не успели осветить древние земляные курганы, под которыми были погребены тайны тысячелетий. Для экспедиции Макс нанял двух шоферов, Абдуллу и Аристида, призвал своего верного проводника и помощника Хамуди и прихватил с собой поразительно невозмутимого молодого человека – архитектора Мака. Таков был костяк экспедиции. С этой мужской компанией (не считая еще рабочих-землекопов) Агате придется сосуществовать месяца два. Ходить, как и они, с грязными ногтями (от постоянной возни с землей), делить с ними трапезы, вникать в их проблемы и характеры. Нелегкая это жизнь, но Агата не жаловалась, разве что на свирепых слепней и огромных черных крыс, которым тоже хотелось отдохнуть в ее спальном мешке.

Ну а пока она обживалась в Сирии, в Англии предприимчивые Коллинзы выпустили двадцатую книгу Кристи. Агата позволила своим издателям собрать под одной обложкой дюжину разрозненных рассказов. Озаглавили сборник названием одной из историй: “Тайна Листердейла”. Лондонская “Таймс” отреагировала на новинку так: “После сытного угощения из полновесных детективных романов эти сладкие friandises[39] так и тают на языке, иногда даже слишком сладкие”.

Между тем Агата успела приготовить и свежие “основные блюда”. Двадцать первой книгой стала “Почему же не Эванс?” (в Америке – “Упика-бумеранг”). Роман вышел в сентябре 1934 года, и в том же месяце – сборник рассказов “Расследует Паркер Пайн” (в США – “Детектив мистер Паркер Пайн”). Вскоре был опубликован и “Неоконченный портрет”. Что и говорить, год выдался удачный.

А Макс Мэллоуэн радовался новому, “с иголочки”, кабинету в Уинтербрук-хаузе, он только что завершил весьма “урожайные” раскопки в долине рек Хабур и Джаг-Джаг и теперь усердно готовился к следующему сезону. На будущий год он собирался копать в Шагар-Базаре на реке Дара (приток Хабура). Макс был счастлив, а раз так, Агата тоже была счастлива – очень. И словно подтверждением этому стали очередные книги, щедро разрекламированные издательством “Коллинз и сыновья”, явно прочившим их в бестселлеры. И не напрасно.

“Трагедия в трех актах”[40] опубликована в 1935 году – за год

продано десять тысяч экземпляров. Безоговорочный бестселлер. Правда, критики привередничали. “Книга не так хороша, как хотелось бы”, – изрекло литературное обозрение “Сатердей ревью”, но почитатели Агаты были иного мнения. Сама же писательница хранила молчание, не отвечала даже на письма своих литературных агентов. Да, миссис Кристи отгородилась от мира, и это означало, что она не желает отвлекаться от очередной книги.

“Смерть в облаках”[41] (24-я) появилась в июле и вмиг пробилась в лидеры летних продаж. На этот фурор тут же отреагировал критик Исаак Андерсон: “Криминальная “головоломка” отменна, да и стиль великолепен”. “Убийства по алфавиту” рождались уже в Шагар-Базаре, на поставленных один на другой деревянных ящиках. Макс с неистовым вожделением вторгался в песчаные дюны, и они отвечали ему взаимностью, отдавая свои заветные сокровища – глиняную посуду и иссеченные древними письменами таблички.

Там же, в Шагар-Базаре, в 1936 году было написано “Убийство в Месопотамии”, посвященное “моим многочисленным друзьям-археологам в Ираке и Сирии”. Разумеется, подразумевались и супруги Вулли. Жертвой убийства в романе стала миссис Лейднер, жена начальника археологической экспедиции. Конечно, тут же вспоминается Кетрин Вулли, но характер у героини был другой. Тем не менее сама Кетрин почему-то считала, что именно ее властность вдохновила Агату на создание образа миссис Лейднер. “Нью-Йорк тайме” отметила мастерство миссис Кристи: “Безупречная проза, а сама история очень оригинальна и постоянно держит в напряжении”.

Очевидные прообразы, вроде Кетрин Вулли, Агата Кристи использовала редко, но собственные черты и пристрастия иногда пускала в дело. У писательницы Ариадны Оливер из книги “Карты на столе” (27-й по счету) седые волосы, она обожает яблоки и ненавидит назойливую толпу. В общем, это она, Агата Кристи, но приправленная феминистскими взглядами. Впервые миссис Оливер появилась в двух рассказах сборника “Расследует Паркер Пайн”, ну а в “Картах на столе” пополнила ряды славных сыщиков и тоже мало-помалу становилась любимицей почитателей Агаты Кристи.

Годовой распорядок жизни у знаменитой писательницы теперь таков: зима в Сирии, лишенной почти всех благ цивилизации, весна дома, в Лондоне, где она доводила до кондиции книги, сочиненные в пустыне. Летом Агата уезжала в Эшфилд, на море. Там они всей семьей плавали, устраивали пикники, играли в крокет. Потом нужно было возвращаться в

Лондон, готовиться к очередной экспедиции. Вся семья – это Макс, Розалинда, Карло и Питер. Но большую часть времени Агата проводила с Максом, ведь остальные домочадцы не разъезжали так часто по заморским странам.

Конечно, случались в жизни Агаты и светские мероприятия. Например, премьеры спектаклей и фильмов по ее творениям. На основе рассказа “Коттедж Соловей” актер и драматург Фрэнк Воспер в 1936 году написал пьесу “Любовь незнакомца”. Спектакль Агата посмотрела, но он ей показался совершенно невыразительным. А на следующий год по этому же рассказу сняли фильм (между прочим, с кинозвездами Энн Гардинг и Бэйзилом Рэтбоуном), но она его проигнорировала. Агата вообще не очень жаловала кино, а уж убедившись однажды, как вольно режиссеры обращаются с ее персонажами (и это разрешается контрактом!), окончательно разочаровалась в кинематографе.

Жили Мэллоуэны на широкую ногу благодаря доходам Агаты, но главой семьи, безусловно, был Макс, именно был, а не просто таковым считался. Розалинда всегда прислушивалась к его мнению, отчим был человеком рациональным и благоразумным, как и она сама. Это не мама, вечно погруженная в свои книжки: пишет их и пишет, вся в каких-то фантазиях.

В 1937 году были опубликованы целых три. Сборник из четырех новелл с участием премудрого Пуаро, под названием “Убийство в бывшей конюшне”[42]. Роман “Немой свидетель”[43]. Под свидетелем подразумевался симпатичный терьер, как две капли воды похожий на Питера, если судить по обложке. И книга тринадцатая – “Смерть на Ниле”, по поводу которой “Нью-Йорк тайме” резонно заметила: “Пуаро решил насладиться круизом, но, увидев в списке пассажиров его имя, вы сразу догадываетесь, что тут непременно произойдет парочка убийств, стало быть, великому Пуаро придется задействовать маленькие серые клеточки, чтобы разгадать все зловещие тайны”. Разумеется, так все и вышло. Отдохнуть с комфортом Пуаро не удалось.

Сентябрь 1937 года. День рождения Агата отметила на раскопках Телль-Брака, огромного кургана неподалеку от Шагар-Базара. Под этим давно облюбованным Максом теллем скрывался древний город Нагар. Надо сказать, даже в свой день рождения Агата пила лишь чай. Макс когда-то пытался приобщить ее к своим пристрастиям – к хорошей выпивке и курению, но безуспешно. И дело было совсем не в том, что Агата почитала здоровый образ жизни. Просто ей не нравился вкус алкогольных напитков и сигарет. Она обожала девонширские сливки и молоко, он – шотландское виски и сигары. Как говорится, каждому свое.

В Телль-Брак приехала и Розалинда, она отлично рисовала, и

ей доверили делать зарисовки изъятых из земли артефактов, так как у самой Агаты это получалось не очень хорошо. Мисс Кристи впервые попала в археологическую экспедицию, впервые увидела, в каких спартанских условиях мама и Макс живут по нескольку месяцев в году. Розалинда только что окончила школу, и пребывание в пустыне, где у нее имелись настоящие “взрослые” обязанности, стало полезной школой жизни перед светским дебютом в Лондоне. Кстати, опекать свою единственную дочь на раутах Агата не могла, поскольку у нее не было нужных связей, и уж точно не могла представить ее при дворе, так как была разведена. В этой деликатной ситуации Агату очень выручило семейство Макинтош. Мистер Эрнест Макинтош, когда-то друживший с Монти, был теперь директором лондонского Музея науки.

У Розалинды была напарница Сьюзан Норт, тоже дебютантка. Подруги вдвоем ходили по балам, потом отправились в круиз в Южную Африку. Разумеется, и на балах и в круизе барышень опекала взрослая дама. Эту миссию взяла на себя миссис Дороти Норт. Так что Розалинда оказалась вдалеке от Агаты.

Именно в те дни появился роман “Свидание со смертью”, действие которого разворачивается в Петре (на территории нынешней Иордании).

Сюжет был вполне интригующим, поэтому хороших рецензий набралось, как обычно, достаточно, но некоторых критиков разочаровала развязка. Например, обозреватель из “Сатердей ревью” сетовал: “Завязка и развитие сюжетной линии отличные, антураж колоритный, характеры не тривиальны, но потом все это прямо на глазах заваливается и делается ходульным. А жаль”.

Весной 1938 года Мэллоуэны возвратились в Англию, у Агаты уже готова книжка: “Рождество Эркюля Пуаро”[44]. Тридцать первая. Агата посвятила ее своему зятю, Джеймсу Уоттсу, поместив перед текстом благодарственное письмо:

> *Мой дорогой Джеймс!*
>
> *Ты всегда был одним из моих самых преданных и снисходительных читателей.*
>
> *И, понятное дело, я сильно встревожилась, услышав твои критические замечания. Ты сетовал на то, что убийства в моих романах становятся слишком утонченными, даже анемичными. Ты же ждешь “настоящего, зверского убийства с морем крови”, такого, которое не дает повода усомниться в том, что это действительно убийство! Так вот – эта история написана специально для тебя. Надеюсь, она тебе*

понравится.

Любящая тебя свояченица Агата

И действительно, она постаралась угодить любимому зятю, презрев аккуратное убийство ядом или метким выстрелом. На этот раз жертве перерезали горло. Более грязной и душераздирающей расправы невозможно представить. “На коврике перед камином, в котором полыхал огонь, в огромной луже крови лежал Симеон Ли”. Агата, безусловно, превзошла себя по части кровожадности.

Критики этого ее насилия над собой, похоже, не заметили, зато отлично заметили и верный тон повествования, и слаженность интриги, и ее виртуозность, то есть на этот раз – ни тени разочарования. Отзыв “Нью-Йорк тайме” (разумеется, от лица досточтимого Исаака Андерсона) был вдохновляющим: “Уж сколько запутанных преступлений раскрыл на наших глазах месье Пуаро, но никогда еще его могучий интеллект не сверкал так ярко”.

Между тем над привычным расписанием кочевой жизни Мэллоуэнов нависла витавшая в воздухе угроза войны. Покидая Сирию, Агата и Макс были во власти самых мрачных предчувствий. Адольф Гитлер вооружался, одержимый желанием поквитаться с державами-победительницами за Версальский договор. Все чаще поговаривали о том, что война неизбежна. Все в экспедиции знали, что вернуться на раскопки в Сирию им разрешат очень нескоро.

При столь печальных перспективах Агате легче было решиться на продажу Эшфилда. Мир вокруг стремительно менялся, и, к ужасу Агаты, перемены происходили и в Торки. Роскошный курорт для богатой знати, каким помнила его Агата, преобразился. Он стал безликим прибрежным городком, таким же, как те, где Британскую Ривьеру заполоняли беспорядочно натыканными домами, без всякого предварительно разработанного архитектурного плана. Земля вокруг Эшфилда была продана и плотно застроена, из окон больше нельзя было полюбоваться морем. Да и сам Эшфилд дряхлел и отчаянно нуждался в ремонте. Очаг, утративший тепло. “Эшфилд превратился в пародию на себя самого”, – подумалось однажды Агате, лелеявшей в памяти давние деньки, когда она катала по дорожкам сада обруч, воображая себя героиней восхитительных приключений.

И вот случайно выяснилось, что неподалеку от Эшфилда продают старинный (почти двухсотлетний) особняк с видом на реку Дарт. Тридцать три акра, простиравшиеся до самого берега,

стоили всего 6000 фунтов. Агате сразу захотелось поселиться в этом имении, которое ей еще в детстве показала Клара. Особняк Гринвей живописно возвышался над берегом, недаром мама считала его красивейшим домом в округе…

Макс уговорил жену рискнуть: он любил недвижимость, наглядное свидетельство семейного благополучия. Агата связалась со своим поверенным в Торки, и все шесть тысяч тут же были уплачены. Эшфилд пустовал довольно долго, но в конце концов покупатели нашлись, из тех, кому был по карману основательный ремонт.

Но это произойдет позже, а тогда в Эшфилде гостил австралийский архитектор Гилфорд Белл, работавший с Мэллоуэнами на раскопках в Телль-Браке. Он и надоумил своих друзей избавить Гринвей от позднейших викторианских пристроек. Чтобы дом обрел первозданный георгианский стиль, удалить надо было третью часть. Агата подумала – и согласилась. Под руководством и при помощи Гилфорда началась грандиозная переделка, самая основательная из дизайнерских эпопей Агаты.

Предстояло не только сокрушить лишние стены и восстановить колонны. Работа требовалась филигранная. Гилфорд тщательно отреставрировал в столовой массивные, украшенные резьбой двери из красного дерева, полукруглое окно из гостиной переместил на прежнее место. Оно снова очутилось над ступеньками, ведущими в сад. Малую гостиную гость снабдил дополнительными окнами, теперь ее проще было проветривать. Кладовки, кухня, буфетная и прочие подсобные помещения были в задней части здания, на цокольном этаже.

Второй этаж оказался вместительным. Хозяйская спальня с двумя кроватями, пошире для Агаты, поуже для Макса. Несколько гардеробных. Кабинет Макса. Еще гостевая комната и ванные комнаты.

Преобразования пошли особняку на пользу, теперь по нему проще было перемещаться, никому не мешая. На верхнем этаже была комната Розалинды, которую переделывать не стали, там были еще комнаты для гостей и дополнительные ванные. А с задней стороны дома – комнаты для прислуги.

В запущенном саду кусты и деревья сильно разрослись, среди них попадались прелюбопытные экземпляры. Особенно эффектным было огромное тюльпанное дерево (самое высокое в округе – 165 футов) с чудесными цветами, похожими на желтые бокалы. Рододендроны редких сортов, нарциссы на любой вкус, изобилие магнолий. Все это надо было расчищать, окапывать, подрезать и освобождать от сорняков. Агата рьяно взялась за облагораживание сада и определила, где надо проложить

гравиевые дорожки, основные и боковые.

Гринвей сохранил бесценные свидетельства старины, память о тех, кто жил тут двести с лишним лет назад, Агата считала этот дом подарком судьбы. Как и прежние его владельцы, Агата и Макс с удовольствием изучали историю поместья, славные годы его силы и процветания. Мэллоуэны сделали все от них зависевшее, чтобы когда-нибудь потомки получили этот дар в целости и сохранности.

Покупка Гринвея пришлась на конец 1938 года, это стало как бы завершением эпохи рафинированного благополучия, уже привычного Европе. Агата познала прелести этого изящного уюта. Она выросла в нем, она в нем жила. Вероятно, ей трудно было представить свою жизнь без слуг и прочих помощников, но она уже заранее предчувствовала тяжкие испытания, к которым неизбежно вели роковые перемены в мировоззрении части окружающих. Из-за крайней нетерпимости, ослепившей некоторых ее современников, вскоре появятся концлагеря и пыточные камеры. Издевательства одних людей над другими, изощренные унижения станут привычным, обыденным злом.

Спустя много лет Агата с особой нежностью вспомнит период между 1930 и 1938 годами, он действительно был насыщен неповторимым ощущением полноты жизни и счастья.

“Замечательные годы, потому что они не были омрачены внешними, не зависящими от нас печалями. Конечно, было много работы, а когда эта работа успешна, ее становится еще больше и остается все меньше свободного времени. И все же, несмотря на невероятную нагрузку, эти годы были восхитительно беззаботными”.

Всего через несколько месяцев грозовые облака войны сгустятся над жизнью Агаты и ее близких, впереди – лишения и невосполнимые потери.

Мир, который был ей хорошо знаком, уже обреченный на исчезновение, тоже порой бывал жестоким, но тот, который шел ему на смену, был жестоким изначально: враждебным, опасным, ненадежным. Агате Кристи предстояло в полной мере осознать, насколько хрупка человеческая жизнь и что это бесценное сокровище.

Глава восьмая
Налоговая инспекция начеку

На моих банковских счетах сплошь отрицательное сальдо, хотя они по-прежнему не грешат превышением кредита.

Из письма Агаты Кристи литературному агенту Эдмунду Корку

Август 1938. Писатель Рафаэль Сабатини посетил Америку единственный раз в своей жизни. А именно в 1932 году, когда длинная костлявая рука Великой депрессии расправилась с доходами граждан, с их насиженным жильем, с рабочими местами и с надеждами. Двенадцать миллионов безработных, страна боролась за выживание. И вот в *такой* момент США приветствовали дорогого именитого гостя, которому, кстати сказать, всегда нравились американская жизнестойкость и умение не унывать.

У маэстро Сабатини были седые волосы и крупный нос. Он был полукровкой (отец итальянец, мать родом из Англии), но отечеством своим считал все же Англию, точнее, границу между Англией и Уэльсом, каковой является река Уай. В доме, построенном на ее берегу, он и писал исторические романы о бесшабашных храбрецах.

Родители Сабатини были оперными певцами, много гастролировали по европейским столицам, на некоторое время поселились в Португалии, открыв там школу пения, потом перебрались в Италию, где тоже давали уроки вокала. Сын их еще в самом нежном возрасте попал в сказочную атмосферу театра, к тому же оперного. Причудливые костюмы, яркий грим, бередящие душу, искусно скроенные либретто, дивная музыка. Все это не могло не повлиять на его писательские пристрастия, он навсегда полюбил романтические приключения и острые сюжеты. Дерзкие, озорные истории про морских пиратов, промышляющих на подступах к Испанскому материку, покорили сердца читателей по обе стороны Атлантики, как мужские, так и дамские.

Итак, в тридцать втором году сорокасемилетний Сабатини приехал в Нью-Йорк “продвигать” свою новую книгу “Черный лебедь” и заключать договор с кинопродюсерами,

облюбовавшими знаменитую “Одиссею капитана Блада”. Появившийся через три года и очень популярный фильм превратил исполнителя главной роли, Эролла Флинна, в суперзвезду, а Рафаэля Сабатини в очень богатого писателя.

Чиновники из Налогового управления США, грабители наглые и опытные, тут же заинтересовались доходами маэстро, который, будучи “иностранным автором, не проживающим в США”, не платил налоги в Америке. Ему предъявили иск, и в августе 1938 года Апелляционный суд обязал писателя выплатить налоги не только с недавних гонораров, но и со *всех* произведений, ранее печатавшихся в Америке.

Агата Кристи тоже была иностранным автором, не проживающим в США, и, конечно, история Сабатини ее встревожила. Она не была знакома ни с создателем “Капитана Блада”, ни с налоговой службой США, но теперь ей пришлось изучить обстоятельства “дела Сабатини” и претензии хищных чиновников. Отведав крови одной иностранной знаменитости, налоговая инспекция решила поискать и других заморских “доноров”. Ей на глаза тут же попалась “королева детектива”.

Нью-йоркский литературный агент Агаты Кристи, мистер Гарольд Обер, предвидел подобные неприятности и в 1938 году уведомил своего британского коллегу, Эдмунда Корка, что в интересах их клиентки нанял специалиста по налоговому законодательству. Обер был литературным агентом еще у Скотта Фицджеральда и Уильяма Фолкнера. Произведения Агаты Кристи он пристраивал очень выгодно, отчисления с продаж в США составляли львиную долю ее доходов. Итак, Обер призвал на помощь Гарольда Е. Райнхеймера, который вызволил из капкана “многих известных писателей”. В общем, теперь миссис Агата Кристи могла не волноваться.

Между прочим, миссис Кристи хватало и других печалей. Умер обожаемый Питер, многолетний ее товарищ. Агата страдала, Макс недоумевал: как можно так сильно горевать о собаке? Ну не мог он этого понять, хотя в одном из первых писем к нему Агата писала: “Никто лучше верного пса не утешит тебя в трудные минуты”. И ведь она была права. Но ее деликатный и заботливый муж любил собак не настолько пламенно. Жар своего сердца он целиком и полностью отдавал отрытым древним поделкам.

На домашней атмосфере заметно сказывалась и нараставшая угроза войны. В сентябре 1938 года Германия пугала мировое сообщество вторжением в Чехословакию, в Англии началась мобилизация. Тридцатичетырехлетнего Макса вряд ли сочли бы пригодным для действующей армии, но Агата вся изволновалась.

Такая уж у нее была натура: заранее придумать, как (по ее мнению) будут развиваться события.

Она корпела над очередной книгой, “Убить легко”[45]. На самом-то деле преступление всегда требует усилий. Писательских – точно, это Агата уже хорошо знала. Надо было по всему тексту рассыпать улики, примерно так действуют в сказках жертвы похищения: пока злодей тащит их по лесу, они тайком сыплют на землю крошки. Но Агате тогда было не до вымышленных злодеев, сосредоточиться мешали тревожные новости о политической ситуации и бесконечные хлопоты из-за переделки Гринвея. К тому же теперь рядом не было ее милого утешителя Питера. Она поставила на письменный стол его портрет, но разве фотография могла заменить славную выразительную морду и преданный взгляд?

Эдмунд Корк хотел купить ей щенка, самого что ни на есть породистого, так нет же, Агата категорически отказалась. Она продолжала оплакивать Питера, с горестным видом разгуливая по садовым дорожкам Уинтербрук-хауза.

В августе 1939 года реконструкция Гринвея была наконец-то завершена, семейство въехало в этот великолепный особняк, очень довольное и гордое столь раритетным жилищем. В честь знаменательного события в преобразившемся ухоженном саду было устроено несколько приемов. Пока Розалинда разливала шампанское, Макс потихоньку подмешивал в лимонад ликер, Агата пила девонширские сливки, разбавленные молоком. Эти празднества на свежем воздухе были уже не те, что в старое доброе время, но все же очень их напомнили. Агата уже смирилась с тем, что перемены неизбежны, даже на берегах реки Дарт.

В сентябре посмотреть на особняк приехала приятельница Агаты, Дороти Норт. Ее визит ознаменовался крахом наивной надежды на сохранение мира.

Дамы в тот роковой момент находились на кухне. Агата мыла в раковине листья салата и развлекала Дороти ужастиками про лодочный домик, в котором все было оплетено паутиной, а под ногами булькала застоявшаяся тухлая вода. В разгар этого захватывающего повествования в радиоприемнике раздался треск, потом зазвучали вести с Даунинг-стрит: Англия объявила войну Германии. Агата запнулась на полуслове, и подруги, затаив дыхание, стали слушать речь премьер-министра Нэвилла Чемберлена. Он уверенным голосом вещал, что враг будет побежден, но от этого легче не стало. Из приемника неслось: “Теперь, когда мы решили покончить с захватчиком, я знаю, что каждый из вас исполнит свой долг, сохраняя спокойствие и

твердость духа”.

Горничная заплакала. Агату всю трясло, хотя она силилась внять призыву премьер-министра и сохранять спокойствие. Но тело ее не желало подчиняться. Агата уже прошла через войну и знала, что2 она творит с людьми. Новость была страшным ударом, но еще страшнее было уже знакомое ощущение обреченности. “Ну вот, опять”, – подумалось Агате, и она инстинктивно протянула Дороти руку. Та крепко стиснула ее ладонь похолодевшими пальцами.

Макс на речь Чемберлена отозвался вступлением в местный отряд самообороны. Агата считала, что эти вояки “напоминают опереточных героев”. Что поделаешь, это были абсолютно “нестроевые” граждане непризывного возраста, но боевой дух был у них на высоте. Винтовок набралось мало, тем не менее ополченцы организовали ночные дозоры, наблюдая за берегами и небесами: не идет ли враг, не летят ли его самолеты? Агата потом вспоминала: “Некоторые жены с большим недоверием относились к отлучкам своих благоверных, отправлявшихся на ночное дежурство”.

Роман “Убить легко” успел выйти до начала войны, в июне, и был хорошо принят. “Манчестер гардиан” писала: “Перед нами очередное свидетельство неистощимой изобретательности миссис Кристи, ее неиссякаемого таланта”.

Далее следовал сборник “Тайна регаты” и другие рассказы”, составленный для Америки. Это было впервые, раньше новинки выходили и в Англии и в США. Журнал “Нью-йоркер” счел, что рассказы “довольно простенькие, но симпатичные, в самый раз для воскресного отдыха”.

Истинным шедевром Агата Кристи порадовала армию своих поклонников ближе к концу 1939 года, в ноябре. Роман “Десять негритят” сметали с магазинных полок. Заголовок (вроде бы с расистским душком) продиктован сюжетом: десять человек оказываются на уединенном Негритянском острове у берегов Девона, который “назван так потому, что его очертания напоминают мужскую голову с толстыми, как у негров, губами”.

В Америке опасались, что кому-то название покажется оскорбительным, поэтому вышедший у них в 1940 году роман переименовали: “И не осталось никого”.

Англичане расистского налета в негритятах не обнаружили. Знатоки из Старого Света сразу поняли, что тут имеется в виду не столько остров-голова, сколько всем известный шутливый стишок-считалочка про десятерых негритят[46], с которыми постоянно что-то приключалось, и в финале из их дружной компании “не осталось никого”.

Руперт Харт-Дэвис, обозреватель журнала “Спектейтор”, назвал книгу “шедевром от Агаты Кристи”. Исаак Андерсон (напомним: обозреватель из “Нью-Йорк тайме”) восхищенно недоумевал: “Не верится, что такое вообще возможно, это нечто фантастическое. Самая изящная и остроумная среди загадочных историй Агаты Кристи”.

Миссис Кристи Мэллоуэн тоже была очень довольна этой книгой, вот это и впрямь какая-то фантастика. Ведь она никогда не считала себя выдающейся писательницей и не очень-то прислушивалась к мнению литературных обозревателей. Но об этом романе она говорит в “Автобиографии” с откровенной гордостью:

“Десять негритят” я написала, потому что меня захватила сложность задачи: выстроить сюжет так, чтобы десять смертей выглядели правдоподобными и чтобы сложно было вычислить убийцу. Процессу написания предшествовало долгое, мучительное обдумывание, но конечный результат мне понравился. История получилась ясной, логичной и в то же время загадочной, при этом она имела абсолютно убедительную развязку: в эпилоге все разъяснялось. Книгу хорошо приняли и хорошо о ней писали, но истинное удовольствие от нее получила именно я, потому что лучше всякого критика знала, как трудно было ее сочинять”.

“Десять негритят” (или “И не осталось никого”) продолжают выпускать стомиллионными тиражами, роман на протяжении десятков лет остается одним из мировых бестселлеров.

Последнее, что она написала до войны, – “Печальный кипарис”, опубликованный в марте 1940 года. Агату очень огорчила обложка. Она, конечно, не имела права диктовать художнику свои требования, но, увидев силуэт кипариса на “небесном” тускло-голубом фоне, написала Эдмунду Корку гневное послание: “Это *удручающая* банальность!!!” Сама она представляла обложку более строгой: “Только черный и белый, это было бы броско, стильно и оригинально”.

Неизменно дипломатичный Корк ответил, что вообще-то обложки уже напечатаны и “вряд ли издатели захотят пустить их под нож, но, разумеется, если вы очень на этом настаиваете, они покорятся”.

Огорчала не только обложка, но и отзывы критиков. “Нью-Йорк тайме” сдержанно заметила, что “это не лучшее произведение Агаты Кристи”. Шотландская газета “Скотсмен” изъяснилась более определенно: “Печальный кипарис” не так убедителен и гораздо менее оригинален, чем прежние истории миссис Кристи”.

Между тем педантичные немецкие вояки действовали с методической жестокостью, и однажды ополченцы действительно увидели в небе над Девоном вражеские самолеты. Несколько бомб упали неподалеку от Гринвея – к счастью, никто не пострадал. Сделав свое черное дело, “мессер-шмитты” с ревом неслись дальше, исчезая в ночной темноте. В *этих* самолетах и в *этих* летчиках не было ничего романтического. Они казались Агате вместилищами ненависти и несли на своих крыльях смерть.

В это суровое военное время Максу выпала удача заняться по-настоящему важным делом. Учредитель Британского института археологии в Анкаре попросил его приехать в Лондон и помочь организовать сбор денег и продовольствия для изувеченного землетрясением турецкого города Эрзинджана – оно унесло тридцать пять тысяч жизней. Агата (которой было тогда около пятидесяти) осталась в Гринвее вместе с Розалиндой. Сама она нанялась в больницу Торки, вызвавшись поработать в аптеке (хотела освежить свои фармацевтические знания): “Что и говорить, со времен моей молодости наука не стояла на месте. Появилось множество новых пилюль, таблеток, присыпок, мазей и прочих препаратов”.

Через некоторое время после бомбежек Девона Агата уехала в Лондон, они с Арчи поселились на Шеффилд-террас, но вскоре и на эту улицу стали падать бомбы. Дома напротив были разрушены до основания, а их дом пострадал от ударной волны, особенно сильно верх и цокольный этаж. Агате было особенно жаль любимого рояля: “Мой “Стейнвей” уже никогда не будет звучать, как прежде”.

Война подступала все ближе, теперь приходилось прятаться за шторами затемнения и привыкать к вою сирен.

В общем, “идеальный дом” Мэллоуэнов был изранен фугасными бомбами, посему Розалинда жила в Гринвее, а Макс и Агата переехали в Хэмпстед, на Лон-роуд. Несколько лет назад там воздвигли ультрасовременные бетонные здания, спроектированные канадским архитектором Уэллсом Коутсом. В одной из тамошних квартирок Агата проведет почти всю войну, почти все время в одиночестве. Исключительно в компании силихем-терьера Джеймса, которого на нее оставляла Карло (дорогой ее “адъютант”), поскольку дни напролет теперь трудилась на военном заводе.

Лорду Джорджу Амброзу Ллойду[47] очень понравилось, как Макс работал над составлением карты рельефов Турции. По рекомендации лорда он и попал потом в отдел разведки при британских ВВС. А поскольку Макс хорошо знал арабский, его откомандировали на Ближний Восток. Впервые за десять лет

совместной жизни Агате и Максу предстояла длительная разлука. Но, как говорится, чем дольше разлука, тем слаще встреча. Они приказали своим сердцам набраться терпения, и каждый погрузился в предписанные военным положением хлопоты.

Агата начала работать в аптеке университетского колледжа, а вечерами, вернувшись в свою квартирку, садилась за рукопись. Работа помогала скрасить одиночество. И разумеется, любимец Карло терьер Джеймс. Иногда еще ездила в Гринвей к Розалинде.

Розалинде скоро исполнялся двадцать один год, и она почувствовала себя взрослой. Да, она больше не была девчонкой, хихикающей с подружками над подростковыми шутками и нафантазированными влюбленностями. Роз и раньше не очень-то охотно делилась с матерью своими девичьими тайнами, а теперь отдалилась от нее еще больше. Это иногда случается с детьми, когда они изо всех сил стараются защитить свою независимость.

Однако материально она была зависима от Агаты, жила в ее доме и на ее деньги. С работой ничего не получалась. На приеме в Женские вспомогательные воздушные силы она провалилась, в Территориальную армию[48] тоже поступить не смогла. Но честно искала работу. Правда, скорее чтобы не мучила совесть, а не по острой необходимости, как большинство ее сверстников. В ту пору Розалинду больше занимали иные проблемы. Она была влюблена, однако хранила это в тайне.

Первая улика была косвенной: рядом со вторым телефонным аппаратом – в дочкиной спальне – Агата обнаружила пепельницу, полную окурков. Будучи опытным мастером детективных головоломок, миссис Кристи мигом поняла, что здесь ведутся долгие секретные разговоры. С кем именно, Агата установила лишь в тот момент, когда Розалинда небрежным голосом сообщила, что выходит замуж за Хьюберта Причарда. Жених был человеком спокойным и рассудительным. Этот статный, пригожий малый служил в Королевском Уэльском фузилерном полку, одном из старейших в британской армии[49].

Хьюберт был однополчанином Джека и частенько гостил в Эбни-Холле. В Гринвей он впервые приехал вместе с “тетей Москитиком”. Ну а приглашение приезжать еще последовало от Розалинды.

Хью был на двенадцать лет старше своей невесты, владел старинным фамильным поместьем на привольных лугах Колвинстона, в Поллирэче (пригород уэльского города Вейл-оф-Гламорган). Эту усадьбу он получил в наследство.

“Мама, надеюсь, ты хочешь приехать на церемонию бракосочетания?” – так прозвучало приглашение на свадьбу. Агата, разумеется, хотела присутствовать при столь важном

событии в жизни единственной дочери. Но почувствовала, что та не очень этому рада. Возможно, сказывалось подспудное опасение, что присутствие мамы на церемонии как-то нивелирует взрослость новобрачной и даже отодвинет ее на второй план (поскольку мама была очень знаменита). Однако Агата проявила твердость. И в ближайший понедельник будущая жена и будущая теща отправились на поезде в Северный Уэльс, в город Денби. Город этот знаменит перчаточной фабрикой, недостроенной церковью и тем, что одиннадцатого июня 1940 года в местном регистрационном бюро актов гражданского состояния двадцатилетняя дочь Агаты Кристи стала миссис Причард.

Теперь перейдем к теме куда менее романтичной. Несмотря на предпринятые Обером меры предосторожности, американские налоговики вцепились в Агату Кристи намертво, и поэтому деньги на ее английских счетах таяли. В письмах Эдмунду Корку все чаще звучала тревога по поводу состояния дел. “Неплохо было бы, если бы вы там разобрались с финансами, на случай моей внезапной кончины”, – писала Агата в июне, понимавшая, что в любой момент может погибнуть, если бомба угодит в ее дом.

Через месяц она спрашивает: “Собираются американцы платить хоть что-то? На моих банковских счетах сплошь отрицательное сальдо, хотя они по-прежнему не грешат превышением кредита”.

Литературные агенты и поверенные (и американские и английские) горячо обсуждали щекотливую ситуацию, в которой оказались доходы их клиентки. Ведь налоговая служба США, по сути дела, заморозила американские счета Агаты Кристи – до уплаты налогов. В Англии тоже надо было платить налоги, но банковские операторы ждали денег из Америки, где был основной источник доходов Кристи. Финансовые споры не утихали, однако в моменты передышки Агата продолжала писать.

Книга “Раз, два, пряжку застегни”[50] (как видите, опять в названии строчка из детского стишка) вышла в Англии в ноябре 1940 года.

Получив рукопись, Гарольд Обер написал своему английскому коллеге Эдмунду Корку: “Боюсь, что эта книга нравится мне гораздо меньше прежних… ” Американского литературного агента Агаты, видимо, резануло то, что в книгу проникла мрачная реалистичность, навеянная войной, непредсказуемые причуды жителей деревушки Сент-Мэри-Мид казались мистеру Оберу более притягательными. Однако Морис Ричардсон из газеты “Обсервер” считал, что у Агаты Кристи не может быть неудач. “Если она напишет про убийства даже по списку абонентов в телефонном справочнике, все равно

получится увлекательнейшая история”.

Вероятно, самой большой удачей было то, что она вообще продолжала писать. В конце 1940 года Лондон и его пригороды интенсивно бомбили, но Агата не желала при воздушной тревоге отправляться в бомбоубежище, оставалась в своей квартирке на Лон-роуд. Она ложилась и прикрывала голову подушкой на случай, если посыплются осколки стекла или штукатурка, а на кресло рядом с кроватью клала две самые ценные в ту холодную военную зиму вещи: резиновую грелку и шубу. Когда налет прекращался, она снова усаживалась за машинку.

“Разбитые окна, бомбы, фугасы, а позднее реактивные снаряды – все это воспринималось уже не как что-то из ряда вон выходящее, а как обыденность”, – припомнит она потом. В общем, несмотря на всякие отвлекающие моменты, она продолжала придумывать свои бестселлеры.

Постоянная угроза смерти во время “блицкрига” заставила Агату подумать еще кое о чем. В свободные от работы в аптеке дни она решила написать две книги в дар (в виде эксклюзивных прав на издание) своим близким. Книги, которые должны были завершить серии романов о Пуаро и мисс Марпл. Розалинде предназначался “Занавес” (последнее расследование непревзойденного Эркюля Пуаро), а Максу – “Спящее убийство” (с гениальной мисс Марпл).

Воздушные налеты немцы устраивали и в 1940 году, и в 1941-м. Тридцать восьмая книга Агаты, “Зло под солнцем”, была написана в самые сумрачные, самые бедственные дни. Это был классический образец “романов Агаты Кристи”. Изысканный антураж: солнечный дорогой курорт, манящая синева моря; в меру язвительный юмор; донельзя загадочное убийство и целый набор возможных преступников. Щеголя Пуаро мы застаем на берегу Девона. Он стоит на песчаном пляже в ослепительно-белом костюме, опасаясь, как бы под знойными лучами с его волос не потекла черная краска. Пуаро предчувствует, что готовится убийство, и оно, естественно, не заставляет себя ждать. Читая этот роман, невозможно представить, что его писала женщина, безмерно уставшая от одиночества и гнета тревог.

Роман, вышедший в начале 1941 года, был принят критиками на ура. И.Р. Паншон из “Манчестер гардиан” риторически вопрошал: “А не пора ли нам признать, что миссис Агата Кристи на сегодняшний день – одна из лучших в писательском цехе?”

Возможно, он высказался бы определеннее, если бы знал, что автор уже работает над двумя очередными книгами, причем одновременно.

Шпионский триллер “Икс или Игрек?”[51] (где снова

задействованы Томми и Таппенс) был опубликован в том же году, классический детектив “Труп в библиотеке” (с мисс Марпл) вышел в 1942-м. Почему она тогда писала сразу два романа? У Агаты был на это вот какой ответ: “Когда пишешь, в какой-то момент вдруг ощущаешь скуку и усталость. Нужно отложить рукопись и переключиться на другие дела. Но кроме работы в аптеке, других дел у меня тогда не было. А сидеть и предаваться мрачным раздумьям не в моем характере”. И она мужественно старалась им не предаваться, она писала книги.

Однако чем больше она писала, тем меньше получала денег, поскольку ее счета в США по-прежнему были заморожены. В какой-то момент она даже собралась продавать Гринвей, и продала бы, если бы нашелся покупатель, готовый расплатиться наличными. Росли задолженности в банках, предоставлявших ей ссуды в счет будущих гонораров. Литературные агенты оправдывались как могли, кивая друг на друга. А *свой* Эдмунд Корк в конце концов призвал Агату писать еще больше книг.

В ответном письме она недоумевает: “Ты считаешь, будто старый автомат для выделки колбас может выпускать еще больше готового продукта? Я правильно тебя поняла?”

Тут она впервые сравнивает себя с безотказным автоматом на колбасной фабрике и часто будет потом прибегать к этому сравнению. Далее мы читаем: “Меня крайне угнетает нынешнее состояние моих финансов. Я пишу, чтобы заработать денег. Но какой в этом смысл, если в конечном итоге мне практически ничего не платят?”

Резонный и справедливый вопрос. Вот что потом напишет Корк своему коллеге Оберу: “Это же форменный кошмар: чуть ли не три четверти налоговых сумм начислены на гонорары в США… понимаю Ваши опасения, Вы действительно не напрасно предчувствуете, что Агата не сможет изыскать деньги на уплату налогов – с тех денег, которые она, между прочим, не получила… ”

Эдмунд настойчив и резок, поскольку все денежные проблемы Агаты Кристи порождены жадностью американской налоговой инспекции. Ситуация пренеприятная, но писательница еще надеялась, что здравый смысл и закон все же восторжествуют. Куда неприятней была назойливость газетчиков и прочих интересующихся ее персоной граждан. Теперь, когда Агата постоянно жила в Лондоне и работала в аптеке, опасность стать объектом для съемок и пересудов зевак многократно увеличилась.

Надо сказать, что после злополучного исчезновения Агаты (в злополучном 1926 году) ее постоянно преследовали репортеры и

фотографы, но она упорно их избегала. В качестве оправдания всегда приводили вот что: “Миссис Кристи сейчас за границей и поэтому не имеет возможности беседовать с журналистами и фотокорреспондентами”. Чаще всего так оно и было. Но теперь она жила дома, в Англии, и подобные отговорки не годились. К тому же известная писательница Агата Кристи помогала раненым воинам, что, естественно, еще больше подогревало к ней интерес.

“Больница пока стоит, хотя все дома вокруг уже в руинах, – сообщила Агата Корку в одном из писем, – так что если им действительно нужны какие-то фотографии в аптеке, пусть приезжают”.

Но газетчики не унимались. В мае 1941 года в “Сатердей ивнинг пост” появилась статейка под названием “Автор загадочных историй загадочная женщина”. Агата была в ярости.

“Я не желаю быть “загадочной женщиной”, – выговаривала она своему литературному агенту, не забыв сунуть в конверт и копию статьи, которую тот не читал. Опус был без подписи, в нем говорилось: “Миссис Кристи действительно загадочная женщина. Даже ее литературный агент и издатель мало что могут про нее рассказать. Ее рукописи не нуждаются в доработках и переделках, в отличие от работ большинства авторов. Рукописи отдают в печать, готовые книжки хорошо продаются – опять же лучше многих других. Вот так оно все и происходит…

В настоящее время миссис Кристи работает на благо защитников нашего отечества, и ее супруг тоже. Но получить сведения о том, чем именно они занимаются, также не удалось”.

Те, кто жаждал пикантных подробностей из личной жизни знаменитости, были бы разочарованы. Агата тосковала по своему милому Максу, откомандированному в Каир. Все сильнее одолевала усталость от постоянного цейтнота, в который она сама себя загоняла. Усталость от разлуки с друзьями, которых отбирали то смерть, то эвакуация. Усталость от разрухи, все более алчной и масштабной. Прекрасные лондонские здания были изувечены бомбежками, в том числе и Букингемский дворец. Супруга короля Георга Шестого, королева Елизавета, не пала духом и не пожелала никуда уезжать. Она заявила: “Я рада, что мы попали под бомбежку. Полагаю, что теперь я могу спокойно смотреть в глаза жителям Ист-Энда[52]”.

Агата Кристи, конечно, тоже могла бы давно покинуть Англию. Уехать в Канаду или в какую-нибудь другую нейтральную страну. Любая знаменитость на ее месте так бы и поступила. Но миссис Мэллоуэн не собиралась бежать из дома только ради собственного спасения. Ей хотелось быть рядом с мужем. Она решила пристроиться внештатным корреспондентом

в какой-нибудь журнал, писать о войне. Это дало бы ей возможность получить визу для поездки в Каир. И она попыталась что-то предпринять еще до того, как туда послали Макса.

“Миссис Мэллоуэн сказала мне, что ее супруг, ныне работающий для BBC, этим летом отбудет в распоряжение их ближневосточного штаба.

Разумеется, она не сможет его сопровождать или приехать к нему в Каир, – объяснял Эдмунд Корк в письме к Гарольду Оберу. – Она просила меня помочь ей попасть туда, но у меня нет никаких возможностей. И я вот о чем подумал. Может быть, Америке покажется интересной такая идея: нынешняя жизнь Ближнего Востока с точки зрения известной писательницы? Тогда можно было бы *официально* заказать ей серию статей”.

Обер попытался соблазнить этим замыслом журнал “Кольере мэгэзин” и газету “Сатердей ивнинг пост”, в которых когда-то печатались (в виде отрывков) романы его клиентки, но отклика нигде не нашел.

В конце мая она напишет Эдмонду Корку, что раз с Каиром ничего не получается, то “здесь, в Англии, я хотела бы поехать в Уэндовер и устроиться фармацевтом при местном враче”. Представив, что популярнейшая писательница нанимается в помощницы к какому-то провинциальному врачу, Корк содрогнулся от ужаса и тут же отослал ответ: “Мне все же кажется, что Вы могли бы делать работу более важную, чем та, которой Вы собираетесь посвятить себя в Уэндовере”.

"Уязвленная тем, что Корк не воспринимает всерьез ее вторую профессию (фармацевта), Агата незамедлительно отзывается гневным посланием: “Дорогой мистер Корк! Легко, конечно, разглагольствовать про “более важную работу”. Какую именно? Предложите же что-то конкретное! Что, по-Вашему, будет для меня интересным и важным?

Раз я не еду за границу, то должна что-то делать здесь! Мне нужна работа!”

Подпись недвусмысленно выражала протест и вызов: “Агата Мэллоуэн”.

Предложение Корка не стало оригинальным, оно оказалось абсолютно предсказуемым: Агата должна делать то, что получается у нее лучше всего. То есть писать. Он предложил заняться, в сущности, не очень трудоемкой работой: инсценировкой ее собственных книг. К тому же пьеса – жанр очень прибыльный для автора, особенно если она надолго задерживается в репертуаре.

Корк стал прикидывать, кто бы согласился финансово поддержать постановку пьес миссис Кристи, и после тщательных

поисков нашел Б.А. (Берти) Мейера[53], благодаря которому лондонский Театр Святого Мартина взялся за постановку “Десяти негритят”. Агате было предложно 100 фунтов плюс пять процентов от сборов со спектакля. От нее требовался текст и подпись, Агата с волнением и азартом взялась за пьесу, и вскоре сценический вариант “Негритят” будет готов. Потом Мейер изрядно ее удивил: попросил написать пьесу по роману “Смерть на Ниле”, где роль Эркюля Пуаро хотел предложить давнему другу Агаты, известному актеру Фрэнсису Л. Салливану[54].

С легкой руки Мейера Агата очень быстро освоила каноны драматургии и стала много общаться с театральной публикой.

Она писала Максу: “Я теперь свой человек в театре и даже самых крупных знаменитостей называю дорогушами”.

Но вернемся к “Негритятам”. Агата переделала финал, иначе пьеса никак не получалась, поскольку некому было рассказать зрителям про убийства на острове. Агата немного изменила сюжет: двое, мужчина и женщина, ни в чем не повинны, они остаются живы и влюбляются друг в друга. Это вполне соответствовало и тексту стишка-считалочки, где последний из десятерых негритят обзаводится женой.

Писать пьесы ей понравилось.

“Это показалось мне очень интересным, вероятно, я воспринимала сочинение пьесы как развлечение, а не как работу, потому что у меня не было ощущения, что *я обязана* придумать ее во что бы то ни стало”. Во время этих своих развлечений Агата неожиданно получила уведомление от Британского адмиралтейства: оно забирает Гринвей для размещения офицеров из военного флота США.

Агата обрадовалась, что ее старинный особняк послужит военным, это ведь тоже был вклад в борьбу с врагом. В течение двух недель Агате пришлось стаскивать всю мебель и прочие пожитки в гостиную. Она писала мужу о своих чувствах перед отъездом:

“Когда грузчики и рабочие ушли, я вышла на улицу и села на скамейку, с которой были видны и дом и река, я представила, что ты сидишь рядом”.

Агата была уверена, что таким видит Гринвей в последний раз: либо его разбомбят немцы, либо безнадежно испортят американцы – какими-нибудь переделками и пристройками.

“Я смотрела на сад, освещенный вечерними лучами, и мне вспоминались замечательные, счастливые моменты. Как ты сажал магнолии, как я расчищала дорожку к реке, – писала она в том же письме. – И мне подумалось, что наш Гринвей – самый прекрасный дом на земле”.

Возвращение в Лондон она восприняла как возвращение в мир ужасов, порожденных людским безумством. Небо там было затянуто черным дымом, полыхали дома, падали бомбы. Эти картины затмили счастливые воспоминания. Единственным прибежищем оставалось творчество, Агата снова расчехлила пишущую машинку и принялась сочинять “Отравленное перо”[55], роман, который потом назовет одним из самых своих удачных. Сначала он вышел в США (в июле 1942 года). Обозреватель литературного приложения “Таймс”, Уилсон Дишер, отметил: “Разгадать, кто злодей, будет сложно и самым сообразительным любителям жанра, это уж точно”.

Потом, практически без передышки, она пишет “Пять поросят”[56], который выйдет в 1943 году. Этот роман (в той же газете) назовут “блистательным”. Под пятью поросятами (персонажи одного из столь любимых Агатой Кристи фольклорных детских стишков) подразумеваются пятеро подозреваемых. Расследование проводит месье Эркюль Пуаро. Эту книгу Агата посвятила Стивену Глэнвиллу, другу Макса.

С египтологом Британского музея Стивеном Глэнвиллом Макс познакомился в середине двадцатых годов. Он был моложе Агаты на двенадцать лет, умел быть по-детски трогательным, чем покорял решительно всех дам, с коими флиртовал неустанно. Его жену и двоих детей эвакуировали в Канаду, поэтому он был свободен и часто сопровождал Агату на всякие мероприятия. Агате, разлученной с Максом, было лестно и приятно мужское внимание. Она с удовольствием общалась с его другом: “Иногда он заезжал за мной в больницу и отвозил к себе домой в Хайгейт[57], чтобы вместе пообедать”.

Она ходила слушать его лекции и потом писала Максу, что у Стивена “очень приятный голос”. Агата пригласила его к себе на обед отметить выход книжки “Пять поросят”, они подняли бокалы перед фотопортретом Макса. Когда начались репетиции “Десяти негритят” (постановщиком пьесы была режиссер Ирен Хентсчел), не кто иной, как мистер Глэнвилл, сопровождал Агату на прогоны.

И на первом спектакле в “Театре Сент-Джеймс” семнадцатого ноября 1943 года он тоже был рядом.

“После была вечеринка в ресторане “Прюнье”, – докладывала Агата в письме Максу. – Копченая лососина, устрицы, горячий омар “термидор” и шоколадный мусс. Мы чувствовали себя, как девять покинутых негритят, ведь десятый их дружок теперь в Триполитании (или, может быть, в Каире?)”.

Отношения с Глэнвиллом исключительно приятельские, без налета романтической заинтересованности. И все же… в его

восторгах по поводу вечера премьеры проскальзывает чересчур пристальное внимание и фамильярность. Это немного настораживает:

“Агата, дорогая. Вчерашний вечер был наполнен незабываемыми моментами. Общее впечатление – ПРАЗДНИК… Особенно меня порадовала возможность увидеть столько разных Агат. Агата-вся-на-нервах… Агата сияющая (в минуты триумфа)… и, наконец, Агата еще взволнованная, но умиротворенная и довольная. Последний вариант – самый восхитительный… ”

В обыденной жизни, разумеется, никакой умиротворенности и покоя не было. Наоборот, сплошное беспокойство. Она тосковала по Максу, сражалась за свои гонорары, старалась как можно скорее дописать книгу “К нулю”[58], которую нужно было отправить агенту, чтобы он “застолбил” место в издательском плане. И еще одно очень важное событие – Агата стала бабушкой.

Когда Розалинда обнаружила, что беременна, то долго скрывала новость от матери. Лишнее свидетельство того, что доверительности в их отношениях недоставало, хотя они были очень привязаны друг к другу Узнав о грядущем событии, Агата, естественно, разволновалась. И на радостях тут же потащила дочку в магазин за распашонками, пеленками и прочим детским приданым. Розалинда решила рожать в родильном отделении больницы, находившейся неподалеку от Эбни-Холла. На девятом месяце Агата отвезла ее к Москитику и снова занялась театральными делами, проводились уже последние – костюмные – репетиции.

Кстати сказать, поначалу пьеса “Десять негритят” шла на сцене театра “Уимблдон” (с сентября по ноябрь). То есть первая премьера состоялась там – двадцатого сентября.

Прямо во время спектакля ей принесли телеграмму от Москитика: Розалинда в больнице. Агата помчалась наутро в Чешир и прибыла туда, когда Розалинда и Хьюберт уже стали родителями. Итак, Мэтью Причард появился на свет двадцать первого сентября 1943 года.

Особняк в уэльском графстве Гламорган срочно экипировали для молодой мамы и ее сыночка, а пока Агата забрала их от Мэдж и поселила в лондонской квартире на Кэмпден-стрит, быстро приискав няню для внука. Однако готовить еду и убираться Агате приходилось самой. Готовить она любила, а вот собственноручно отмывать полы… Она жаловалась в письме Максу: “От соды и мыла кожа на руках стала шершавой, как наждак, на коленках ссадины, спину ломит”.

Семнадцатого января 1944 года вечером Агата находилась в репертуарном театре шотландского города Данди, где давали

премьерный спектакль “Невидимый горизонт” по роману “Смерть на Ниле”. Она наблюдала за зрительным залом, “спрятавшись в глубине балкона”, публика принимала пьесу хорошо, тем не менее отыскать для нее театр в Лондоне не удалось, а в Данди ее вскоре сняли с репертуара.

Агата по-прежнему работала на износ. Однажды в выходные взялась за роман для Мэри Уэстмакотт под названием “Вдали весной”[59]. Сначала были написаны первая и последняя главы, а потом придумала остальные, по сути дела весь роман был сочинен за три (!) дня.

“Я очень боялась, что меня кто-нибудь отвлечет и я собьюсь. Поэтому, написав в пылу вдохновения первую главу, тут же принялась за последнюю, поскольку уже четко представляла себе финал: мне хотелось безотлагательно запечатлеть его на бумаге”, – вспоминала Кристи в “Автобиографии”. После финала она, словно исполняя некий обет, писала и писала остальные главы, а завершив труд, “рухнула на кровать. И если мне не изменяет память, проспала почти сутки. Затем встала и съела гигантский обед. А на следующий день даже смогла отправиться на работу в больницу”.

В отличие от сотворенного с молниеносной скоростью романа Мэри Уэстмакотт, очередной роман миссис Кристи, “Смерть приходит в конце”, продвигался чрезвычайно медленно. Это Стивен Глэнвилл уговорил ее написать детектив с героями из Древнего Египта. Она, на беду свою, согласилась. Стивен даже дерзнул оспорить придуманный Агатой финал, она и тут ему уступила. О чем потом сокрушалась.

“К сожалению, я тогда сдалась. Перечитывая книгу, и по сей день злюсь на себя за то, что не отстояла свой вариант, – призналась Агата. – Вообще-то я человек уступчивый, решительно во всем. *Но никогда и никому не позволяла указывать, как и что мне писать*”.

Идея “исторического” романа возникла после того, как Стивен, среди множества иных, принес монографию про письма жреца Ка (к тому же крупного землевладельца), обнаруженные в гробнице под Луксором.

Об этой, сорок четвертой по счету, книжке миссис Кристи Исаак Андерсон писал: “Агата Кристи порадовала нас хитроумной историей, достойной ее прежних шедевров, но помимо “ловушек” ей замечательно удались жители Древнего Египта. Они совсем не похожи на воскрешенные мумии, они абсолютно живые”.

Макс был далеко, за тысячи миль от дома, и всю свою нежность Агата теперь изливала на внука. Она часто наведывалась в Уэльс к дочери, в местечко Поллирэч. В первый

раз приехала туда на Рождество, а потом навещала милых чад многие годы. Хьюберт служил во Франции, даже к сыну смог вырваться один-единственный раз, и Розалинда призывала на помощь мать, как бы ей ни хотелось быть самостоятельной.

Агата делилась с Максом своими чувствами: “Я так счастлива, что мне приходится о них заботиться, что меня зовут на выручку”.

Ей в радость было общение с внуком, и она благоразумно воздерживалась от замечаний по поводу воспитания ребенка. Сама Агата окружила бы сына атмосферой волшебства, чтобы он рос среди цветов, ярких красок и слушал истории про заморские страны, играла бы с ним. Но бедняжке Розалинде было не до игр, у нее на руках огромный старинный дом (“без отопления”), маленький ребенок (“вылитый Хьюберт”) и домашние твари (“упрямые все ужасно”). Двадцатичетырехлетняя Розалинда старалась поддерживать порядок, хотя в доме не было ни одной прислуги. Агата с восторженным изумлением взирала на дочь, втайне ею любуясь и мечтая “остановить мгновение”.

В конце августа 1944 года Розалинде прислали извещение о том, что ее муж пропал без вести. Узнав об этом, Агата почувствовала, как земля поплыла у нее под ногами. Она кинулась к дочери, хотелось утешить ее и приголубить. Но как тут можно утешить? Розалинда не позволяла себе раскисать. Возможно, не хотела, чтобы мать видела ее слезы.

В начале сентября Агата писала Максу: “Как же ей сейчас страшно. Но Роз держит себя в руках, удивительная моя девочка. В доме все как обычно, то есть в полном порядке: еда приготовлена, псы обихожены, ребенок чистенький. Мы ведем себя так, будто ничего ужасного не случилось”.

Но оно случилось, хотя они далеко не сразу об этом узнали. Хьюберт Причард погиб в бою. Могила его была найдена в октябре.

“Страшная трагедия, – писала Агата Эдмунду Корку, – мне кажется, они были очень счастливы вместе, замечательная пара”.

Если Розалинда и плакала, то тайком от матери. Зато сама Агата плакала непрестанно, все глубже погружаясь в пучину отчаяния, не желая с ним бороться. Она была сломлена гибелью зятя, сломлена бесконечными испытаниями, и впервые в ее жизни попытки что-то написать были бесплодными.

Война в конце концов подмяла Агату Кристи, несмотря на все ее мужество и, казалось бы, неиссякаемый запас сил. Миссис Кристи Мэллоуэн пала духом и потеряла всякую надежду на счастье.

“Милый мой, – писала она Максу, – как же я устала от войны,

от горя”.

Через несколько месяцев война кончится, Мэллоуэнам вернут Гринвей-хауз, Европа постепенно начнет приходить в себя и подниматься из руин.

Но несколько лет жизни под бомбежками и среди разрушенных домов пагубно отразились на внешности и здоровье. Выглядела Агата старше своих пятидесяти пяти, сильно прибавила в весе, ноги распухли от плохой циркуляции крови, мозг был истощен и не мог больше породить ни одной книги.

“Была бы возможность, спала бы и спала”, – написала она как-то Максу. Агата лукавила, на самом деле она боялась крепко заснуть и не услышать, как вернется муж, с которым они так давно не виделись. Раньше Агата считала, что нет ничего хуже ожидания. Оказалось, это не самое страшное. *Неизвестность* – вот что ужасно, когда от письма до письма живешь в неведении, зная, что в любой момент может произойти непоправимое.

Муки неведения закончились ранней весной 1945 года. Перед отъездом в Англию Макс прислал телеграмму: “Ура! Еду домой”. Это было девятого апреля.

Прошла неделя, вторая, а Макс все не появлялся, и писем тоже никаких. Но помимо привычной усталости и грусти Агату порой охватывала радость, острая до головокружения.

На выходные она поехала к дочери и внуку, Розалинда встретила ее с отрешенным видом, с равнодушием обреченности. Вся страна была в таком же настроении, будто ее жителям уже не хватало сил, они задыхались от непомерных тягот.

Агата чувствовала себя потерянной, делала все скорее машинально, ее мысли были заняты Максом. Где же он?

В воскресенье (это были вторые майские выходные) она уехала поздно, на поезде, идущем до вокзала Паддингтон, слава богу, удалось пересесть на случайную электричку прямо до Хэмпстеда.

Бредя по дорожке, она слышала, как хрустит под ногами гравий. От станции до Лон-роуд идти было недалеко, в одной руке Агата несла чемоданчик, в другой – сумку с копченой рыбой.

Войдя в квартиру, она скинула пальто, потом положила рыбу на сковороду, зажгла конфорку и слегка привернула огонь. Тут снизу, от парадной двери, донесся какой-то лязг, Агата выскочила на балкон посмотреть, кто это там. На тротуаре, чуть сгорбившись от ноши, стоял Макс. *Ее Макс,* только изрядно погрузневший.

“Было такое ощущение, что он уехал только вчера и вот вернулся. Мы вернулись друг к другу”, – вспоминала Агата.

Посмотрев друг на друга, супруги рассмеялись: за войну они

поправились фунтов на пятьдесят шесть (если брать “общую” прибавку).

“Какой это был чудный вечер! Мы ели подгоревшую рыбу, совершенно счастливые”.

Счастье – субстанция хрупкая и зыбкая, даже для тех, кто твердо знает, какое оно, и всем сердцем к нему стремится. Когда жизнь стала входить в привычное русло, Мэллоуэны окончательно убедились, что самые важные моменты в их отношениях остались прежними.

Глава девятая
Автомат для выделки колбас

Я не считаю свои книги каким-то литературным откровением, просто я умею писать занимательно.

Агата Кристи

Февраль 1945. Два года Агата не была в Гринвее. Окинув взглядом домашнюю библиотеку, она обнаружила там… прекрасную обнаженную особу. Когда представитель адмиралтейства в письменной форме поинтересовался, как с нею быть (оставить или убрать?), Агата ответила, ладно, пусть уж остается. Ей очень понравилась эта юная полногрудая прелестница, их с Максом арабские друзья назвали бы ее райской гурией[60]. Только не подумайте, что Агата увидела жертву убийства, красавица никогда и не была живой. Она являлась фрагментом фрески, изображенной на верхней части стены, автором которой был лейтенант Маршалл Ли, из десятой американской Патрульной флотилии, базировавшейся в дельте Дарта.

Ли был не только лейтенантом Береговой охраны, еще он был талантливым художником. В библиотеке офицеры устроили столовую и салон для отдыха. А на стенах салона Ли изобразил все места дислокации флотилии в период войны, “начиная с Ки-Уэста, Бермуд, Нассау, Марокко, ну и так далее, – вспоминала Агата, – были там и несколько приукрашенные картины окрестных лесов, и сам наш дом, белеющий сквозь просветы среди деревьев”. Замыкало эту череду картин изображение вышеупомянутой красавицы. “…Обнаженная нимфа, не завершенная, но очаровательная… полагаю, она воплощала мечты молодых офицеров о гуриях, ждущих их в конце ратного пути, когда война завершится”.

Гринвей почти не пострадал от постоя американских моряков. Не повезло только коврам (ими хорошо закусила моль) и кухне – “все стены были покрыты сажей и жирными пятнами”. Правда, жильцы оставили хозяевам весьма специфичный подарок: вдоль каменного перехода, ведущего в кладовую, были построены четырнадцать клозетов[61]. Сад, конечно, опять разросся и одичал, дорожки исчезли. “Однако как прекрасен был Гринвей в этом роскошном, привольном буйстве природы!” – не могла не

отметить Агата.

Дом уцелел, но все же на то, чтобы поместье обрело пристойный вид, понадобилось несколько месяцев. Постепенно жизнь пошла своим чередом.

“Хотя, – пишет Агата в своих воспоминаниях, – не совсем так, как прежде. Мы радовались, что наконец-то наступил мир, но уверенности в том, что это надолго, не было, да и вообще уверенности не было ни в чем”.

После возвращения Макса с Востока Агата жила в Лондоне, поскольку он продолжал работать в министерстве авиации. Но мечтал поскорее заняться археологией и усердно искал подходящее место при каком-нибудь университете или музее. Главным добытчиком по-прежнему была Агата.

“Автомат по выделке колбас”, с которым она однажды себя сравнила, снова заработал. В марте 1945 года в одном из театров Уэст-Энда поставили пьесу по вышедшему год назад “Свиданию со смертью”, она выдержала сорок два представления. В том же году, месяцем раньше, появилась сорок пятая книга, “Сверкающий цианид”. Сначала в Америке, под невыразительным и давно забытым названием “Памятная смерть”. Читатели Англии получили книгу в декабре, уже под всем известным заголовком.

Но безусловно, самой яркой новинкой стал роман 1946 года “Лощина”[62], на страницах которого (после четырехлетнего перерыва) снова появляется Эркюль Пуаро. Книгу Агата посвятила мистеру Фрэнсису Ларри Салливану и его супруге: “Ларри и Данае, с извинением за то, что в сцене убийства задействовала их бассейн”.

Агата была очень дружна с актером, исполнившим Пуаро в пьесе “Черный кофе”, и его прелестной женой. Во время войны Агата редко уезжала из Лондона, но к ним в Хаслмир (городок в сорока четырех милях от столицы) наведывалась несколько раз.

“Во время войны лучшим отдыхом были часы, проведенные среди актеров, потому что для них мир театра был более реальным, чем то, что творилось в настоящей жизни. Реального мира для них будто не существовало… это очень бодрило”.

Почему в посвящении упомянут бассейн, Ларри Салливан рассказал писательнице Гвен Робинс[63]. Дело в том, что миссис Салливан “однажды почему-то решила, что погода в Англии не так уж и плоха, и у нас появился бассейн, к которому можно было пройти через ореховую рощу, для чего там проложили шесть тропинок. И одним погожим воскресным утром я наткнулся на Агату Кристи, бродившую туда-сюда по этим тропам, вид у нее был весьма деловитый и сосредоточенный”. Понятно, что в то утро зарождался роман “Лощина”, который обозревателем “Сан-

Франциско кроникл" был назван "лучшим среди работ миссис Кристи за последние несколько лет".

Тем не менее все это были именно "работы", написанные, "потому что *надо"*. А вот следующая книга Агаты была исключительно плодом любви и вдохновения. Мемуарная повесть "Расскажи, как живешь" – это восхитительная сага о поездках Агаты Кристи Мэллоуэн с мужем в экспедиции. Приключения, пережитые ими в Ираке и Сирии, описаны с такой теплотой, с таким очаровательным юмором! Эта книга, как никакая другая, открывает нам, насколько храбрым и жизнерадостным человеком была Агата, насколько трудной и замечательно интересной была ее жизнь с Максом.

Агата изображала себя такой: крупногабаритная дама, довольно уже почтенная и лишенная современных светских замашек. В компании держалась скованно и всегда завидовала женщинам, умеющим вести себя независимо и дерзко. Ей, конечно, хотелось быть элегантной, умело болтать ни о чем, мило хохотать и порхать с вечеринки на вечеринку в идеально небрежном шелковом платье.

Однако из-за неуверенности в себе она часто стояла в сторонке. В своей мемуарной повести Агата признается: "Я с такой завистью смотрю на гордых дам с сигаретами в длинных мундштуках, на то, как они небрежно стряхивают пепел, то тут, то там… я же с затравленным видом ищу укромный уголок, чтобы незаметно припрятать свой бокал, который даже не пригубила".

Агата пыталась научиться курить, но напрасно. "Полгода я старательно курила после ланча и после обеда, задыхаясь, давясь табачными крошками и щурясь от едкого дыма, щиплющего глаза. Ничего, скоро привыкну, утешала я себя. Но так и не привыкла. А друзья твердили, что с сигаретой я выгляжу нелепо, что на меня больно смотреть".

Отношения с алкоголем у бедной Агаты тоже так и не сложились. Сначала она попробовала клареты, бургундское, сотерны разных марок, токайское, потом рискнула отведать напитки более крепкие – виски, ром, водку и абсент. Процессом "перевоспитания" руководил Макс, любивший выпить, но ему пришлось отступиться. Агата сетовала: "Моя реакция была предсказуема: каждый новый напиток вызывал все большее отвращение! Макс лишь обреченно вздыхал, поняв, что собутыльник из меня никакой, что в ресторане ему всегда придется заказывать для меня минеральную воду!"

Не сумев стать "эмансипированной" светской львицей, Агата не очень горевала, ее вполне устраивала роль домашней хозяйки. Мыть и чистить ей больше не приходилось, для этого

существовали горничные и уборщицы, но колдовать у плиты она любила по-прежнему. Обычно готовила блюда, в которых было много масла или жирных сливок. Блюда вредные для здоровья, но зато восхитительно вкусные. Еще она любила составлять букеты из цветов, растущих в саду. Смело компоновала разные формы и краски, больше полагаясь на собственное чутье, чем на каноны флористики.

Да, дома миссис Мэллоуэн часто надевала фартук, но одно не исключало другое: слава писательницы миссис Агаты Кристи крепла и множилась, теперь еще и благодаря кинематографу. Так, в Нью-Йорке тридцать первого октября 1945 года состоялась премьера весьма заметного фильма “И не осталось никого”. Режиссер Рене Клер, и сценарист тоже именитый – Дадли Николс. Отзывы прессы были самыми лестными. В Англии фильм был запущен в прокат под названием “Десять негритят”. Агату приглашали на обе премьеры, и в США, и в родной Англии. Но она не поехала, видимо, ей было приятнее заниматься домашними делами в Гринвее.

“Пытаюсь угомонить кур, повадившихся залетать в огород, – писала она Эдмунду Корку, который добровольно стал ее представителем в Лондоне и избавил от многих рутинных бумажных дел, сам все улаживал. – Но яйца они несут исправно”.

В 1946 году вышли две книги, написанные еще в 44-м, “Лощина” и “Расскажи, как живешь”. Агата и Макс, как и многие их соотечественники, после войны примерно год налаживали свою жизнь, приводили в порядок жилища и страну. Они вернулись в Уинтербрук-хауз, который у них забирали на время войны. Агата принялась обихаживать заброшенный сад, а Макс приводил в порядок записи о сирийской экспедиции, где были зафиксированы все важные древние трофеи. И еще он готовился к продолжению прерванных раскопок.

Мэллоуэны часто навещали Розалинду и Мэтью. (“Так приятно за ним наблюдать, – писала Агата Корку, – каждая минута его жизни наполнена до предела”.) Племянник Джек жил теперь в Лондоне, неподалеку от Букингемского дворца. Что позволяло ему приглашать тетушку на чай в ресторан отеля “Горинг”, расположенного в самом центре. Эти чаепития постепенно стали традицией, к большой радости Агаты, поскольку в Лондоне только там можно было полакомиться девонширскими топлеными сливками.

Бедную Карло совсем замучил артрит, и она уехала, оставив Агату на попечение Макса. Перебралась к своей сестре Мэри в Истборн, в этот чудный город, прикорнувший на уютном южном побережье.

В театре “Амбассадорс” в марте 1946 года давали пьесу “Невидимый горизонт”, написанную по “Смерти на Ниле”, на этот раз Эркюля Пуаро изображал не Фрэнсис Салливан.

Бернард Бакхэм из “Дейли миррор” миндальничать не стал: “Пьеса самой Агаты Кристи, но неудачная”, и многие тогда поддержали этот вердикт.

В начале 1947 года с радио Би-би-си сообщили, что ее величество королева Мария, вдова Георга Пятого, попросила у них такой подарок: в честь ее грядущего восьмидесятилетия передать по радио пьесу Агаты Кристи. Радиобоссы поинтересовались: “Не напишет ли миссис Кристи по этому случаю пьесу, не окажет ли такую любезность их радиокомпании?” Хотя просила сама королева, Агата должна была хорошенько подумать, прежде чем соглашаться. Итог переговоров с Би-би-си был таков: в эфир вышла получасовая пьеса под названием “Три слепые мышки”[64]. Агате потом сказали, что королева, давняя почитательница ее творчества, осталась подарком довольна.

В том же году случился и неприятный сюрприз. Антидиффамационная лига “Бнай-Брит” обнаружила “вопиющий” антисемитизм в романе “Лощина”. Глава литературного отдела этой организации, Гарольд Шиф, ссылался на такие строки: “Хриплый голос ехидной евреечки сердито вырывался из трубки”. Мистер Шиф считал, что автор назвала свою мадам Элфридж “типичной еврейкой, тем самым внушая читателю, что все евреи существа алчные, неприятные, и прочее и прочее в том же духе”.

В американском издательстве “Додд, Мид и компания” в следующем издании обещали “евреечку” изъять, заменить “женщиной”. Лига “Бнай-Брит” была умиротворена.

А еще в 1947 году Агата после двадцати с лишним лет сотрудничества с Корком наконец стала называть его по имени. “Дорогой мистер Корк” ушел в небытие. В одном из писем читаем: “Дорогой Эдмунд! Прочти, пожалуйста, вложенные в конверт бумаги”. Так было положено начало более тесным отношениям, длившимся до конца жизни Агаты. “Дорогой Эдмунд” сделался незаменимым помощником: утрясал проблемы с выплатой налогов, заказывал билеты (на пароходы, поезда и самолеты), отвечал на завалявшиеся письма, благодарил за приглашения на рауты, премьеры – в общем, верноподданнически выручал.

Вероятно, запамятовав, как саму ее поддержал когда-то маститый писатель Иден Филлпотс, Агата дала Корку вот такое распоряжение: “Хочу препоручить тебе некую Уоллэйс, желающую, чтобы я прочла рукопись ее дочки. Этакое милое,

трогательное письмо". Не слишком великодушно, верно? Правда, в тот момент ей нездоровилось. Наверное, простудилась, предполагает Агата, и потому ее одолели "апатия и уныние". И подпись: "Твоя грустящая Агата".

Впрочем, хандра оказалась недолгой, судя по тому, что в 1947 вышла книга рассказов про Пуаро под названием "Подвиги Геракла", ни больше ни меньше. Сам Пуаро считал, что этот античный герой (и его тезка) не так уж и хорош: "Здоровенный детина недалекого ума с преступными наклонностями!"

Великий сыщик, подумывавший в тот момент об эффектном завершении карьеры, решил, что самое время повторить доблестные деяния знаменитого грека. По-своему, конечно: раскрыть двенадцать дел, каждое из которых будет сопоставимо с одним из легендарных подвигов.

Это была блистательная сюжетная находка. А диалоги действующих лиц получились необыкновенно смешными и остроумными. Энтони Ваучер из газеты "Сан-Франциско кроникл" писал: "Как тонко сработано, какая изощренность при выборе подвигов, таких схожих с античным оригиналом и таких от него далеких! Великолепно. Безусловно, этот новый сборник – лучший сборник рассказов про Пуаро".

Возможно, лучший, но не такой уж и новый, Агата поместила там опубликованные уже рассказы, в основном двадцатых годов. И в следующем сборнике, вышедшем в 1948 году в Америке (только там) под названием "Свидетель обвинения" и другие рассказы", тоже новинок не было.

Надо сказать, эта книжка восторга у критиков не вызвала, еженедельник "Нью-йоркер" воспринял ее как "довольно скучное собрание рассказов, написанных миссис Кристи еще в двадцатые годы".

В любом случае издатели знали: писательница Агата Кристи ныне недоступна, поскольку Агату Мэллоуэн в данный момент больше всего волнуют пески пустыни и древние тайны Ближнего Востока. Она вернулась с мужем в Багдад, к новым иракским приключениям. После того как Макс систематизировал свои записи и представил подробное описание результатов работ в Телль-Браке и Шагар-Базаре, ему предложили возглавить кафедру западноазиатской археологии в школе Лондонского университета.

Он вел несколько семинаров и при этом имел возможность на три-четыре месяца уезжать за границу на раскопки и сам выбирал, куда именно. Впрочем, Макс выбор сделал давно. Он стремился на берега Тигра, в древний Нимруд, его манило это когда-то могущественное царство, построенное чуть южнее

древней Ниневии. И разумеется, Агата, верная жена и соратница, должна была ехать с ним вместе.

В своих “Мемуарах” Макс пишет: “Многие путешественники считают Нимруд необыкновенно экзотическим и романтичным местом. И совершенно справедливо. Всего каких-то сорок лет назад там у ворот каждого древнего дворца возвышались прекрасно сохранившиеся каменные бородатые *ламассу*[65], полуживотные-полулюди, последние из верных слуг, оберегающих покой воинственных царей-жрецов Ассирийского государства”.

Агата была счастлива, что спустя целых десять лет окунется в “восточную” походную жизнь. Но снова доехать до Ирака на “Восточном экспрессе”, увы, было невозможно. “Начиналась унылая эпоха авиапутешествий, утомительных и дорогостоящих, от которых не получаешь никакого удовольствия”. Зато самолеты давали возможность быстро добираться до места и, что бы кто ни говорил, с комфортом.

В Багдаде, почувствовав знакомый зной и вдохнув аромат цветущих кактусов, Агата помолодела, словно и не было этих десяти лет. В письме Эдмунду Корку она восторгается и жарой, и экзотической едой и заодно описывает эпизоды столичной жизни, порой довольно опасной.

“Даже демонстрации студентов потворствуют неодолимому безделью, – писала она, – ведь стоит отойти от центральной улицы, к гостинице потом не пробьешься, там огромная плотная толпа. Бунтари вполне дружелюбные ребята, однако наверняка кто-нибудь выхватит плитку из кучи плиток, сваленных у недоделанной мостовой, да и кинет в полицейских, но ведь могут попасть тебе в голову”.

Между тем Корку в Лондоне тоже было жарко – от хлопот. Он попытался сдать в аренду челсийскую квартиру Агаты Кристи (в переулке Крессвелл-плейс), но сделка сорвалась. Некая мисс В.М. Гласспул, заключившая договор на двадцать один год (175 фунтов в год), от квартиры отказалась, некий Джеймс Ричардсон тоже почему-то передумал.

Что же касается издательских дел, то и там нашла коса на камень: Корку никак не удавалось раздобыть американский вариант книги “Загадка Ситтафорда” – “Убийство в Хейзлмуре” для Аллена Лейна, племянника главы “Бодли Хед” Джона Лейна. К тому моменту Аллен сам организовал издательство “Пингвин букс” (первое в Англии, нацеленное на переиздание всех популярных книг в мягких обложках) и очень хотел получить эту книгу Кристи (к 1948 году “Пингвин” уже выпустил несколько ее ранних романов). Однако в издательстве “Коллинз”, сильно

пострадавшем в войну от бомбежки, пострадали и архивы, не уцелело ни одного экземпляра книги.

Корк справился у всех, кто мог бы выручить, но книги так и не нашел. Делать было нечего: он написал Розалинде, попросил экземпляр из домашней библиотеки в Гринвее. Просьбу маминого агента Розалинда выполнила, но вложила в книжку строгую записку: “Наверное, стоило бы призвать Вас поискать где-нибудь еще. Однако книгу все-таки высылаю, только имейте в виду: я буду очень огорчена, если получу ее в плачевном виде”.

К середине марта Агата заскучала по Лондону, впрочем не слишком сильно. Вспомнив о царице древней Персидской империи, Агата писала Корку: “На горизонте тень Эсфири[66]. Но здесь приближение весны не особенно волнует. Это нашу английскую весну воспевали почти все поэты”.

В письме также шла речь об очередной книге, которая появится как раз в марте, под названием “К берегу удачи”[67] (то есть когда всплывает в памяти людской образ Эсфири). Интрига замысловата, как садовые орнаменты Версаля; разумеется, Эркюль Пуаро ее распутает, хоть и не сразу. Отзывы были восхищенные, хотя автор снова недоступен репортерам, снова в далеких краях. Журнал “Нью-йоркер” отозвался на роман “К берегу удачи” таким образом: “Среди подозреваемых сразу несколько симпатичных представителей высшего общества, отмечает Эркюль Пуаро, который что-то все меньше и меньше походит на француза”.

В 1944 году написан еще один роман под псевдонимом Мэри Уэстмакотт, “Роза и тис”. Правда, чистовой вариант и выход в свет случатся в ноябре 1948 года. Литературное приложение к “Таймс” утверждало, что “мисс Уэстмакотт всегда пишет лаконично и четко”, однако потом загадочно добавило: “но есть там один очень нечеткий момент”.

А до “Розы и тиса”, в сентябре 1948-го, случилась еще одна книга: полки американских магазинов пополнились сборником “Свидетель обвинения” и другие рассказы”. Тут был использован уже отработанный маркетинговый трюк: выходившие в Англии старые рассказы получали новые имена и преподносились американским читателям как новые. И те охотно покупали “новинку” от Кристи.

Однако новинка настоящая тоже появилась: роман “Кривой домишко”. Позже Агата назовет этот роман своим самым любимым. Там нет ни Пуаро, ни мисс Марпл, но сюжет получился захватывающим и свежим, а развязка просто невообразимой, чувствовалось, что книга писалась с азартом и любовью. Ральф Партридж, критик из журнала “Ньюстейтсмен энд нэйшнз”, был

очарован: “Миссис Кристи продолжает изумлять. “Кривой домишко” уже сорок девятый ее детектив, но она с прежней легкостью обводит нас вокруг пальца”.

Агата не только сочиняла книги, но еще и загорала, отдыхала, фотографировала черепки древних керамических сосудов, то есть жила очень насыщенной и полной жизнью. Она не стремилась быть на слуху и на виду у читателей и тем не менее оставалась востребованной. Продюсеры мечтали заполучить ее произведения для спектаклей, фильмов, а со временем – для телефильмов и телеспектаклей.

Она во всем полагалась на своих агентов, Корка и Обера, которым доверяла полностью, однако существовал негласный уговор: Агата могла наложить вето на любое их решение. И оба покорно подчинялись ее капризам, подчас зависевшим от сиюминутного настроения. Что ж, их подопечная могла порой вспылить, но никогда не выказывала предвзятости или враждебности.

Продюсер Берти Мейер продолжал возить “Десять негритят” по маленьким английским городам, с наибольшим успехом пьеса шла в театре, расположенном в долине Фарндейл, который возглавляли Барбара Той и Мойе Чарльз. Неудивительно, что им захотелось получить еще одну пьесу по Кристи. "Удивительным было другое: они рискнули попросить саму Кристи сделать инсценировку по какому-нибудь роману.

И Агата согласилась, чего не ожидали ни сами просители, ни ее литературные агенты. Миссис Кристи спросила у Барбары, какой именно роман подошел бы театру, и та в ответном письме назвала “Убийство в доме викария”, поскольку считала, что “любовные истории и религию публика всегда принимает хорошо”. Пьесу Агата написала, Той и Чарльз ее подработали, в октябре спектакль дебютировал в “Новом театре” города Нортгемптон, а в декабре 1949 года был поставлен на сцене театра “Плейхаус” в Уэст-Энде.

Критики предрекали провал, в рецензии (без подписи) “Таймс” писала: “У всех героев есть мотив для убийства. Но, как это ни прискорбно, самим им выжить тоже едва ли удастся, слишком уж они не сценичны”. Тем не менее пьеса шла до марта. А в марте 1950 года молодой энергичный импресарио Питер Сондерс попросил разрешения (и получил его) включить пьесу в гастрольный репертуар. Он же додумался изменить афишу. Теперь на театральных навесах можно было прочесть: “Убийство в доме викария”. По роману Агаты Кристи. Перемена мгновенно была замечена и самой писательницей, и заядлыми театралами.

Вскоре после этого Агата снова отправилась в Багдад, а

оттуда – к пескам и теллям Нимруда. Там Мэллоуэны поселились в доме, целиком построенном из кирпича-сырца, кроме крыши, разумеется. Раньше они жили в доме местного шейха, а теперь вот стали владельцами своего, но все равно Макс ворчал, что “это жизнь в грязи”.

В новом жилище имелись гостиная и, поменьше, кухня. Была еще специальная, “античная” комната – для сортировки извлеченных из земли находок. Спален в доме не было. Спали в палатках, разбитых снаружи. Надо сказать, не очень-то остроумное решение, и это было особенно ощутимо в период муссонных ветров, которые в первые несколько лет менялись чаще, чем им полагалось.

Нимруд – это современное название Калху[68], древней столицы Ассирии. Нимруд, сокровище, затерянное на берегах Тигра, возвышался когда-то над речной гладью во всей своей красе и славе. На холме, скрывавшем город, в середине девятнадцатого века уже проводили раскопки, но именно благодаря стараниям Мэллоуэна, на протяжении десяти с лишним лет освобождавшего древнейшие поселения от позднейших наслоений, мир получил целостную картину истории Ассирии. В экспедициях Агату вполне устраивает статус жены мистера Мэллоуэна, по совместительству еще и статус фотографа, ассистента и кухарки (иногда). Там, на Востоке, ее не донимали журналисты и зеваки, и это было счастьем. Да, там никто на нее не глазел, разве что горстка бедуинов (в пустыне, изредка).

Между тем в Лондоне произошло следующее: “Санди тайме” опубликовала заметку, в которой говорилось, что Мэри Уэстмакотт – это Агата Кристи. Тайна ее “альтер эго” была раскрыта.

“Но откуда они могли узнать? – возмущенно недоумевала Розалинда в письме Корку от 22 февраля 1949 года, – мама наверняка ужасно расстроится… ”

Мама действительно ужасно расстроилась.

Эдмунд Корк понятия не имел, как газетчикам удалось разнюхать правду, но подозревал, что Агату выдали охранные знаки авторства (“копирайты”) на американских книгах. Хорошо хоть появилась возможность немного утешить разоблаченную обманщицу: Эдмунд сообщил, что прибывший в Англию Гарольд Обер привез ей в подарок новейшую модель бесшумной печатной машинки “ремингтон”. “Замечательная игрушка!” – докладывает он Агате, опробовав подарок. У себя в Нимруде Агата как раз осваивала подобный агрегат, но швейцарский, весьма необычного вида, о чем и написала Корку: “Пока почти ничего на ней не сотворила, но кое-какие идеи в голове бродят!”

Идеи воплотятся в романе “Объявлено убийство”, выпущенном издательством “Коллинз” в июне 1950 года, которое уведомило, что это 50-я книга Агаты Кристи[69].

За ней последовал сборник “Три слепые мышки” и другие рассказы”[70] (о мышках – новелла по пьесе, написанной когда-то по просьбе радио Би-би-си). Но все же главным событием стал юбилейный детектив.

Роман про заранее объявленное в газете убийство критикам понравился. Канадская газета “Торонто стар” считала, что автор “демонстрирует остроумные ходы и великолепные ловушки, на что, собственно, и рассчитывает читатель, взявший в руки книгу Агаты Кристи. Юбилейный детектив отличается столь же виртуозной изобретательностью, которая держит нас на крючке и в прочих шедеврах вот уже много лет”.

Издательство устроило в честь Агаты прием в лондонском отеле “Риц”. Был выбран банкетный зал, обитый алым шелком, совсем как дворцовая зала, что ж, интерьер достойный “королевы детектива” и “герцогини Смерти” (некоторые читатели называли ее именно так). Разве Агата не заслужила подобного праздника? В свои пятьдесят девять лет эта женщина подарила миру очень много книг, вышедших беспрецедентными тиражами. К тому моменту в США было продано семьдесят пять миллионов экземпляров и еще сто миллионов – в остальных странах.

По случаю торжества Коллинз заказал изящный буклет, у каждой тарелки положили по экземпляру. В буклете были напечатаны пожелания гостей и поклонников. В том числе и слова премьер-министра Клемента Эттли: “Я очень люблю детективы Агаты Кристи, ее изобретательность невероятно радует и восхищает, и потрясающее умение морочить голову до последних строк, в которых наконец звучит имя истинного преступника”.

На этом грандиозном банкете Агата, по обыкновению, чувствует себя не очень уютно, но старается соответствовать торжественной обстановке и не выпускает из рук бокал с минеральной водой. Она покорно принимает поздравления, однако в глубине души искренне недоумевает: из-за чего столько шума и суеты?

Как бы то ни было, Розалинда смотрела на Агату с нескрываемой гордостью, хотя порой ей приходилось с маменькой нелегко. Нелегко жить в тени идола, обожаемого почитателями, идола, который имеет возможность тебя содержать, а это неизбежно приводит к зависимости, полному контролю и вынуждает постоянно помнить, “кто в доме хозяин”.

К счастью, в жизни Розалинды произошли перемены. После

пяти лет одиночества она вышла замуж.

Агата и Макс присутствовали на церемонии бракосочетания в лондонском регистрационном бюро. Приглашение было спонтанным, Розалинда уведомила их письмом, совсем незадолго до события.

“Не думаю, что это будет так уж всем интересно, но ты приезжай, с Максом. А потом нам нужно будет возвращаться домой, там же собаки. И не стоит надевать что-то слишком шикарное”. Вероятно, Розалинда опасалась, что мама приедет в сногсшибательном норковом манто.

Ее второй муж, Энтони Хикс, по образованию был юристом, а кроме того, специалистом по Тибету. Познакомились молодые люди в Гринвее, он стал ухаживать, и она согласилась за него выйти. Агата и Макс сразу полюбили этого славного молодого человека, мягкого и общительного, полюбили еще и за то, что он был искренне привязан к семилетнему Мэтью. В своих “Мемуарах” Макс писал: “Энтони в ту пору вел курс по тибетским языкам и санскриту в Институте Востока и Африки. Он был необыкновенно талантлив и блестяще образован, но при этом изумительно скромен”. И еще мистер Мэллоуэн отметил, что “это был добрейший человек”.

Вскоре после того знаменательного банкета в “Рице” Агата получила трагическое известие: умерла Мэдж. Агата стоически перенесла эту потерю, как когда-то – смерть Монти. Превозмогая сердечную боль, она занималась обычными своими делами. А вот Розалинда никак не могла прийти в себя, долго не уезжала из Эбни-Холла, оплакивала любимого Москитика. В конце концов вместе с Энтони и Мэтью она отправилась в Гринвей, чтобы остаток лета побыть на природе. И хотя солнце пригревало совсем по-июльски (да и луна висела по-летнему низко и казалась огромной), влажность в том августе была очень сильной, особенно по вечерам. Агата Кристи именно тогда решила написать пьесу по роману “Лощина”.

Розалинда, очень любившая эту книгу, ужаснулась и стала отговаривать мать от безумной, как ей казалось, затеи. Недаром Агата позже напишет: “Розалинда играла очень важную роль в моих проектах: твердила, что ничего не получится, а я все равно делала то, что задумала”. Эдмунд Корк убедил Берти Мейера стать продюсером постановки на будущий год. Все вроде бы учли и обговорили, но… Берти слово свое не сдержал, к середине 1951 года для продвижения пьесы еще ничего не было сделано. Но к счастью, “Лощиной” заинтересовался Питер Сондерс. Решено было встретиться за ланчем в баре “Карлтон-гриль” и все обсудить.

В ту пору “Карлтон-гриль” славился своими сосисками и мясными пирогами – эти отменного вкуса компоненты переговоров весьма способствовали налаживанию контакта. Сондерс привел с собой комика Хьюберта Грегга, очень подходящего, по его мнению, актера, хотя и не очень опытного. С Агатой была Розалинда (любое предложение принимала в штыки) и ее муж Энтони (само спокойствие и благоразумие). В конце концов Сондерсу удалось добиться согласия на постановку, собеседники не устояли под напором его обаяния и кипучего энтузиазма.

Грегг так описывал репетиции: “Миссис Кристи устраивалась в партере и делала для себя какие-то пометки, которые потом вносились в текст. Помню одну любопытную историю. Актер, игравший инспектора Кохуна, слово “догмат” произносил как “догмат”.

Агата поспорила со мной на фунт, что он правильно делает ударение. “Он совершенно прав”, – настаивала она, но прав был я и не желал отступаться. А на следующий день она, подмигнув, протянула мне фунтовую банкноту. Агата Кристи готова была признавать свои ошибки и никогда не насмешничала над теми, кто ошибался”.

Преодолев множество препон и жестокую нехватку денег, Сондерс все-таки выполнил свое обещание: 10 февраля 1951 года в театре “Кембридж артс” состоялась премьера “Лощины”, в главной роли блистала Жанна де Касалис.

Агата премьеры не дождалась, сославшись на то, что ей надо вернуться в Багдад, но нашла способ обозначить свое присутствие на первом спектакле – букетами цветов. “Жанне что-нибудь экзотическое, а остальным исполнителям можно тюльпаны, только чтобы всем разного цвета”, – наказала она Корку в письме из Ирака и еще попросила премьеру назначить на ее именины, в день святой Агаты.

На той же неделе, что премьера, случилась беда: умерла мать Макса, у нее обнаружили рак кишечника, уже неоперабельный, за две недели до смерти.

Агата снова написала Корку, попросив оплатить все ритуальные расходы и добавив, что в данной ситуации столь быстрый уход для ее бедной свекрови был “небесным благом”.

Макс был раздавлен, его страдания усугублялись тем, что он не смог поехать на похороны.

Узнав про случившееся, Макс долго рыдал, и Агата по-матерински его утешала, гладя по заметно поредевшим волосам, терпеливо выжидая, когда иссякнут слезы. В тот день ласково сияло солнце, а до этого долго шли дожди. Откуда-то доносился

аромат жареной баранины и рев верблюда. Но осиротевший Макс не замечал погожего дня и мирских радостей. Обессилев от слез, он так и уснул в объятиях Агаты.

Там, в Ираке, и в благополучные дни хватало испытаний, просто житейских. Но, повторяем, Агата никогда не жаловалась на неудобства. Привыкла к палатке, даже с удовольствием там ночевала, забравшись в спальный мешок, разложенный на коврике (а коврик, в свою очередь, был разложен прямо на земле). Походные жилища она воспринимала как свой дом.

Права для показа “Лощины” в Америке были проданы Ли Шуберту, возглавлявшему театр “Шуберт”, но вообще-то гастрольная жизнь спектакля началась с лондонского театра “Форчун”. Премьера была намечена на седьмое июня. Агата, конечно, радовалась успеху своего детища, но в письме Корку сетовала, что “ужас, опять придется как-то пережить премьеру”, ведь в Англию они с Максом приезжают в мае. “Ну почему ты не договорился, чтобы первый спектакль отыграли до моего приезда?” – спрашивала она.

А в марте 1951 года вышел роман “Багдадская встреча”, то есть в отсутствие Агаты, что не преминули отметить некоторые критики. И еще они (практически в один голос) отметили, что этот шпионский триллер написан блистательно. Энтони Ваучер из “Нью-Йорк тайме” отозвался так: “Один из самых замечательных нынешних наших авторов порадовал нас в высшей степени замечательным романом”.

Любопытно и то, что этот полюбившийся многим романтический триллер был написан в персональном кабинете Агаты. Свершилось: к их возведенному из кирпича-сырца дому в Нимруде была пристроена квадратная комната (обошлось это в 50 фунтов), на двери которой имелась табличка со словами “Бейт Агата” (то есть “Дом Агаты”). Это было ее святилище, как та любимая гостиная на Шеффилд-террас. Да, это было ее личное пространство, и снова ничего лишнего: стол с пишущей машинкой, два стула и две картины местных художников. На одной – “дерево, а под ним корова с печальным взглядом; на другой филигранный затейливый рисунок, похожий на узор в калейдоскопе”. Хорошенько приглядевшись, на “затейливом” изображении можно было рассмотреть “двух осликов и их хозяев, которые ведут их по суку[71]”.

Появление “Дома Агаты” было истинным волшебством, значительно усилившим творческую активность его хозяйки. Она сочинила в своем убежище целых две новинки, “Миссис Макгинти с жизнью рассталась”, где присутствовал Эркюль Пуаро, и “Фокус с зеркалами”, с мисс Марпл. В “Бейт Агата” была начата и

“Автобиография”, главным образом из-за искреннего желания рассказать правдивую историю своей жизни, славы ей хватало и так. (Вот почему в нашей книге чаще всего цитируется именно “Автобиография”.)

Итак, в мае Мэллоуэны прибыли в Багдад, а оттуда через пять дней отправились в Англию. Агате вскоре пришлось претерпеть торжества по поводу упомянутой выше премьеры “Лощины” в театре “Форчун”. А осенью, восьмого октября, состоялась еще одна премьера этого спектакля в театре “Амбассадорс” (что в лондонском театральном центре “Ковент-Гарден”). Сондерс позаботился о том, чтобы на маркизе над входом в театр написали не только название пьесы, но и имя автора. Агата была счастлива, спектакль ей понравился, хотя, конечно, как всегда, очень смущало повышенное внимание со стороны публики.

Вот и прошлым летом, даже когда она жила “на отшибе” в укромном Гринвее, время от времени ее донимали любопытствующие поклонники, даже туристы из Швеции, письмо их “предводителя” настигло ее в Багдаде. Мистер Лайонел Хьюитт сообщал, что “небольшая совсем группа преимущественно из школьных учителей” едет в Англию, и запросто просил разрешения наведаться в Гринвей, в тот день, когда у группы намечен осмотр достопримечательностей на берегах Дарта.

“Миссис Кристи будет очень рада принять Вас и шведскую группу 13 июля”, – получил ответное письмо мистер Хьюитт, правда не от самой Агаты, а от ее порученца Корка. Мало того, гостеприимная хозяйка собиралась угостить посетителей холодным ланчем, хотя выяснилось, что в “небольшой совсем” группе будет двадцать пять человек.

Другим туристам повезло меньше. Компания путешественников собралась разбить лагерь на территории поместья Гринвей, но их попросили этого не делать, о чем поведал редактор “Пикториэл пресс”, который надеялся получить снимки Агаты Кристи в непринужденной домашней обстановке. “Дорогой Эдмунд, – просила она в письме, – хотя ты сам настоятельно советовал согласиться, пожалуйста, избавь меня от этого”.

Просьб об избавлении от тех-то и тех-то с годами становилось все больше. В начале пятидесятых уже были написаны лучшие произведения Кристи, однако популярность ее неуклонно росла и досадные издержки оной – тоже. Агата была кумиром миллионов читателей, королеву детектива рвали на части, требуя ее высочайшего внимания.

Писала она по-прежнему замечательно, но теперь гораздо меньше, ибо часто отвлекалась на другие занятия. Усердно

помогала Максу в его археологических трудах, баловала внука, которого обожала всем своим пылким сердцем, возилась в саду, играла на пианино, готовила разнообразные гурманские блюда (и, разумеется, наслаждалась ими). Просто-напросто работа над книгами перестала быть главной в ее жизни, поэтому и сюжеты стали менее изощренными и оригинальными.

Однако в Соединенных Штатах Агату Кристи продолжали нещадно обдирать. С 1931 по 1941 год с нее удержали 160 тысяч долларов налогов, и это лишь часть данных. Переписка с законниками растянулись на годы, и суммы, истраченные на услуги юристов, к двенадцатому году разбирательств с американскими налоговыми службами тоже достигли астрономических цифр.

Вот так, с одной стороны, перепалки с налоговиками, с другой – семейные радости и хлопоты. Существуя между двумя этими полюсами, Агата решила, что хватит с нее и одной книги в год. Она рассуждала так: “Если я стану писать две в год, то получу в конечном итоге не намного больше, а работать придется очень интенсивно”.

Очередной сборник рассказов “Неудачник”[72] и другие рассказы” вышел только в Америке, поскольку там описывались прошлые, скажем так, “винтажные” расследования Пуаро. В заначке у писательницы были две неопубликованные рукописи, то есть было чем заплатить дань издателям на 1952 год. А еще она написала очередной роман Мэри Уэстмакотт “Дочь есть дочь” по черновым наброскам, сделанным еще в тридцатые годы.

Короче говоря, Агата могла тогда с легкой душой снова заняться инсценировками. Она взялась переделывать для театра старую радиопьесу “Три слепые мышки”. Это оказалось не так уж и сложно, ведь “Мышки” изначально предназначались аудитории слушателей, а не читателей.

Вскоре после Рождества Агата позвонила Питеру Сондерсу и пригласила на ланч. Приятное застолье было сдобрено приятной беседой и, как водится, обсуждением творческих планов. Уже после того как допили кофе, Агата с улыбкой выложила на столешницу пакет из плотной коричневой бумаги и легонько подтолкнула его своему визави.

“Это для вас, – пояснила она, – но вскроете его, только когда придете к себе в офис. Договорились?”

И прежде чем Сондерс успел ответить, она отодвинула стул и торопливо направилась к выходу, все с той же загадочной улыбкой.

Сондерс послушно дождался следующего дня и, зайдя в служебный кабинет, нетерпеливо вскрыл пакет. Там лежал уже

совершенно готовый сценарий пьесы “Мышеловка”. Да, название пришлось изменить, ибо зять Агаты, Энтони Хикс, обнаружил, что пьеса “Три слепые мышки” уже есть и с аншлагом идет в одном из лондонских театров.

В начале января Агата и Макс отбыли в Багдад, и Корку предстояло снова в одиночестве вести переговоры с Сондерсом насчет новой пьесы: сроки постановки, условия оплаты и прочее. Сначала ему пришлось сделать копии сценария (предварительно оттерев оставшиеся на папке следы от донышка кофейной чашки), ибо Агата вручила ему единственный экземпляр.

Итак, Мэллоуэны жили какое-то время в Багдаде, где их настигла скорбная весть: шестого февраля умер Георг Шестой, король Англии и британских доминионов. Несколько месяцев назад его величеству, заядлому курильщику, удалили легкое, пораженное злокачественной опухолью. Но все равно смерть Георга стала для его подданных невероятным потрясением. Агата отправилась на поминальную службу, где, писала она Корку, присутствовали все представители иракской политической элиты, а также туда явилась целая процессия из местных шейхов. Агата сетовала, что ей пришлось надеть “противное платье”, то есть единственное в ее гардеробе черное платье, предназначенное для траурных мероприятий.

В феврале на полках американских магазинов появилась пятьдесят пятая книга Агаты, “Миссис Макгинти с жизнью рассталась”. В марте роман вышел в Великобритании, собрав дань похвал, но гораздо более умеренных, чем бывало раньше. “Сан-Франциско кроникл” писала: “Сюжет многие сочтут простеньким в сравнении с прежними головоломками миссис Кристи, но интрига безупречна и характеры замечательные”. Книга была посвящена Питеру Сондерсу “с признательностью за доброе отношение к писателям”.

Ну а в начале марта Агата заподозрила, что домочадцы что-то от нее скрывают, хотя письма от них она получала регулярно. Она поделилась своей тревогой с Корком: “Ни слова о домашних проблемах. Это зловещий знак”. Через два дня она узнала, в чем дело.

Перед отъездом на очередной сезон раскопок Агата наняла в Гринвей новую экономку. У миссисМакферсон были отличные рекомендации, и она горела желанием обновить хозяйственные службы и преобразить огород поместья, посулив небывалые урожаи. Мистер Брисли, проработавший в Гринвее три года, и раньше садовником был неважнецким, а с появлением новой экономки совсем отбился от рук Плачевные результаты его трудов говорили сами за себя.

Увидев однажды, как “преобразились” многострадальные грядки, Розалинда решилась уволить мистера Брисли, но пришлось дать расчет и его жене, отличной кухарке. Эти драматические события пришлись на отпуск Корка, когда тот находился на юге Франции. А в Гринвее продолжали накаляться страсти, и обернулось все каким-то опереточным фарсом. Корка даже вызвали в Англию, поскольку миссис Макферсон… пыталась покончить с собой. Прямо там, где ее поселили, в бывшем лодочном домике. Так порученец Агаты Кристи и оказался (кстати, единственный раз) в ее георгианском особняке. Корк потом писал: “Осмотрев поместье, я понял, что никаких работ там не проводилось, хотя были выписаны огромные счета на ремонт и всякие нововведения. Особенно много денег она затребовала на “Ферри-коттедж”[73], но он выглядел отвратительно”.

Пролистав домовые записи новой экономки, Корк обнаружил, что она заядлая любительница скачек и проигрывала солидные суммы на ипподроме, и к тому же задолжала 850 фунтов местным ремесленникам. Еще верный Эдмунд обнаружил кучу неоплаченных счетов за четыре месяца, и до июня ему пришлось вплотную заниматься всем этим кошмаром. Он отослал восемнадцать писем с извинениями: “Миссис Мэллоуэн глубоко сожалеет о том, что вследствие не зависящих от нее обстоятельств за ней числится данная сумма”. К письмам прикладывался соответствующий квиток с отметкой об оплате.

Розалинда и Энтони тоже участвовали в “спасательных работах” и даже переехали в Гринвей, чтобы легче было держать все под контролем. В конце лета они доложили Агате, что теперь она может послать Корку письмо с доброй вестью: огород поместья “выглядит *замечательно*. Все-все выросло, и овощи, и салаты”.

Сентябрь 1952 года ознаменовался выходом романа “Фокус с зеркалами” (в США – “Убийство с зеркалами”). Дрексел Дрейк из “Чикаго санди трибюн” счел роман “на удивление слабым для Агаты Кристи, так долго сохранявшей очень высокий уровень”. Вскоре после этой книги появился роман Мэри Уэстмакотт “Дочь есть дочь”, о жизни и взаимоотношениях одинокой героини (посмевшей влюбиться) со взрослой дочерью. Эта строгая барышня, пылкая максималистка, вечно недовольная поведением матери, похоже, отчасти списана с Розалинды.

И все же, хотя наши мать и дочь были очень разными (или именно поэтому?), теперь они стали гораздо ближе друг к другу Ближе и “географически” (когда Агата и Макс приезжали в Гринвей-хауз), и мыслями, когда Роз приходилось решать по поручению мамы какие-то финансовые и юридические проблемы.

Смотря что подбрасывала жизнь.

Кстати о жизни. Давно подмечено, что и в жизни и в любви удача иногда начинается с вроде бы обыденного события, и человеку даже в голову не приходит, какой замечательный подарок приготовила ему судьба. Таким подарком для Агаты стала “Мышеловка”.

Питер Сондерс запустил спектакль шестого октября 1952 года в ноттингемском “Королевском театре”. Пьеса оказалась настолько востребованной, что режиссер Питер Коутс гастролировал с ней в ряде английских театров: в оксфордском “Новом театре”, в манчестерском “Оперном доме”, в ливерпульском “Королевском дворе”. В Ньюкасле он шел в “Королевском театре”, в Лидсе это был “Гранд”, в Бирмингеме – театр “Александра”. И наконец, Лондон, Уэст-Энд, театр “Амбассадорс”, двадцать пятого ноября 1952 года.

Лондонскую премьеру Агата пропустила, но на самой первой, в Ноттингеме, присутствовала. Ей тогда показалось, что она перегрузила монологи остротами, и теперь боялась, что все эти “приправы” слишком отвлекают внимание зрителей от основной интриги, путают.

– Не волнуйтесь! – успокоил ее Питер Сондерс. – Гарантирую, что постановка продержится больше года. Рассчитываю месяцев на четырнадцать, не меньше.

– Это вряд ли, – усомнилась Агата. – Месяцев восемь – да, пожалуй.

Так началась феноменально долгая театральная жизнь пьесы. Мало кто из современных драматургов может потягаться в этом с Агатой Кристи.

Глава десятая
Кто бы мог подумать?

Нынче вечером Вы внесли свою лепту в историю театра.

Питер Сондерс в письме Агате Кристи

3 ОКТЯБРЯ 1952 ГОДА. До премьеры оставалось три дня. Двадцатидевятилетний Ричард Аттенборо все бродил и бродил за кулисами. Ноттингемский "Королевский театр", огромный, величественный, весь в позолоте – настоящий "дворец для представлений". Построен он был в 1865 году и вот уже сто с лишним лет служил великолепной оправой для сотен пьес, опер и мюзиклов, был для них отчим домом. Как раз его громоздкое великолепие и смущало подающего надежды киноактера. Все в этом театре было *слишком* театральным, не подходящим для сюжетов из обыденной жизни. И однако же, именно на сцене "Королевского театра" Аттенборо станет звездой, причем в пьесе, которой предрекал неминуемый провал.

"Мы не считали пьесу удачной", – откровенно признавался он потом. И мало того, он страшно боялся, что участие в этом спектакле не лучшим образом отразится на его актерской карьере. Жена Аттенборо, Шила Сим, тоже заключившая контракт на гастрольный тур по Англии, посмотрела, как он бродит туда-сюда, и – начала паниковать. В этот момент их не смущало, что на репетиции присутствует автор. У артистов свои представления и настрой, а эти оба приготовились к худшему.

Сама Агата Кристи, разумеется, тоже волновалась, но заверяла актеров, что катастрофы никакой не будет, "пьеса какое-то время продержится на плаву, хоть и недолго", но ее оптимизм ни Ричард, ни Шила, увы, не разделяли.

Через полтора месяца пьеса не только все еще была "на плаву", но попала, вместе с уже полюбившимися зрителям исполнителями, на лондонскую сцену. И публика, и критики были, можно сказать, покорены. "Сама атмосфера завораживает и пугает. Даже сильнее, чем зловещая загадочность, – писал Джон Барбер из "Дейли экспресс", – никто лучше Агаты Кристи не умеет так заинтриговать".

Агата порадовалась за своего продюсера Питера Сондерса и всю труппу, но еще больше – за девятилетнего Мэтью, поскольку

подарила внуку авторские права на пьесу. Соответственно все потенциальные отчисления с постановок тоже предназначались ему. Конечно, в ту пору этот юный джентльмен и представить не мог, какой ценный дар получил от бабушки и что на открытом для него через попечителей счете будут копиться солидные суммы.

Пьеса, поставленная в лондонском театре “Амбассадорс”, существенно отличалась от первого варианта, преподнесенного Сондерсу почти год назад. Изначально в пьесе было десять персонажей и меняли декорации, в позднейшем варианте действующих лиц осталось восемь, и перемены декораций теперь не требовалось. Сократила пьесу сама Агата, за один вечер.

В свои шестьдесят два года эта энергичная женщина ничуть не утратила остроты ума и бодрости. Вот только иногда сильно досаждали опухшие лодыжки, даже больно было ходить.

В сентябре, за месяц до лондонской премьеры, бродя по Гринвею, Агата оступилась, упала, в итоге – перелом запястья. Руку загипсовали, теперь Агата не могла печатать на машинке. Пришлось подумать о прогрессивной технике, более приличествующей современной писательнице. По совету Корка ей подарили диктофон.

Диктовать книги какому-то аппарату… что ж, это даже интересно. Между прочим, когда Агате удавалось пересилить природную робость, она была замечательной рассказчицей. В общем, Агата загорелась желанием освоить диктофон “Тайм-мастер”. В свою очередь, фирма, выпускающая эти аппараты, очень обрадовалась, что среди их знаменитых клиентов теперь сама “королева детектива”, и даже прислала миссис Кристи своего консультанта в Челси, на Свон-корт[74].

Отношения с техникой у Агаты всегда были сложными, однако инструкции консультанта она усвоила и начала пользоваться диктофоном. Заполненные диктовкой “ремни” она отослала Корку в офис для дальнейшей перезаписи в письменном виде. Корк, в свою очередь, отправил “ремни” (то есть пленки) в бюро миссис Джолли. Та поблагодарила Корка за сделанный заказ, но потом прислала еще одно письмо, весьма обескураживающее: “К сожалению, производители диктофонов не объяснили Вашему клиенту, как нужно упаковывать пленки для пересылки по почте”. Большая часть пленки была повреждена, миссис Джолли смогла перепечатать на слух лишь отдельные куски текста и даже отказалась от денег.

Лето в Девоне выдалось дождливым, Агата писала сразу две книжки, “После похорон”[75] и “Карман, полный ржи”, они были уже готовы. А новый приключенческий триллер “Место

назначения неизвестно” ей пришлось диктовать. После неудачной пересылки миссис Кристи диктофона побаивалась, но ее еще раз проконсультировал представитель фирмы, и она снова рискнула. Теперь все шло нормально, диктофон стал для Агаты удобным подспорьем.

Однако диктофон хорош для Англии, а не для археологических раскопок в Нимруде; там, на берегах Тигра, Агата оставалась верна портативной машинке, хотя процесс сочинительства происходил не так энергично и эмоционально.

Кроме диктофона у Агаты появился новый автомобиль, в котором в случае надобности могло разместиться все семейство. Корк предлагал купить шестицилиндровый “хамбер”, отличная машина. Но для Мэллоуэнов она была маловата, они предпочли еще более комфортабельный и вместительный “хамбер империал” – на семь мест.

Семейные пикники, игры наподобие “найди клад”, чаепития на свежем воздухе. Агата бывала бесконечно счастлива, когда у нее собирались “все свои”: Макс, Розалинда, Мэтью и Энтони. По вечерам Агата усаживалась в большое старое кресло под торшером, так, чтобы свет падал на страницу очередной рукописи.

Чуть сдвинув на нос очки, она откашливалась, скорее для порядка, это был знак, что представление начинается. И – принималась читать главу из будущей книги. В сущности, это была пробная “обкатка” текста. Автор самых популярных в мире детективов слушала, как домашние воспринимают кульбиты интриги, ей было интересно, кто первым определит убийцу, а кто так ни о чем и не догадается.

Реакция каждого была, как правило, предсказуема. Макс, докурив сигару, быстро засыпал под декламацию супруги и просыпался уже в конце, когда остальные пытались вычислить злодея. Розалинда обычно заявляла, что загадка слишком проста и читатели будут разочарованы. Энтони пускался в рассуждения, используя метод дедукции, но всегда попадал впросак. Самым благодарным слушателем был Мэтью, с открытым ртом ловивший каждое слово своей “Шахерезады”.

Приход осени означал, что всей семьей теперь удастся видеться редко. Мэллоуэны снова готовились отбыть на Ближний Восток.

Археологический сезон 1953 года начался нетипично – с отдыха. В Багдад они ехали с остановкой в Риме, где Агата, как назло, простудилась и первые три дня почти все время лежала в постели. Она писала Корку: “В отеле полно кардиналов, всюду, куда ни взглянешь, алые кушаки и нагрудные кресты, мы с

Максом ехали в лифте с одним падре, наверное, от него я и подхватила папскую заразу".

Когда Агата поправилась, Мэллоуэны отбыли в Сирию навестить друзей и уже оттуда двинулись в Багдад. Сидя на балконе отеля "Зиа", Агата любовалась Тигром и наслаждалась солнечным теплом. Ей необходимо было отдохнуть, она очень устала. Ведь перед отъездом ее буквально вынудили взяться за пьесу "Свидетель обвинения" – по давнишнему рассказу. Но рассказ – это рассказ, а для пьесы требуется более основательная разработка сюжета и характеров. Однако после успеха "Мышеловки" (тоже ведь написанной по канве небольшой вещи) Питер Сондерс не отставал от Агаты, твердил, что из "Свидетеля обвинения" выйдет отличная пьеса.

Агата лишь возмущенно отнекивалась и ворчала: "вот сам пусть и напишет", раз пророчит верный успех. Сондерс отнюдь не мнил себя драматургом, однако вызов принял. Сочинил он нечто весьма примитивное и успел вручить свой труд Агате до отъезда. Сценарий Сондерса был неказист и беспомощен, тем не менее эта "болванка" вдохновила-таки Агату на изготовление собственного сценария.

Вообще-то она почти весь текст придумала еще в Лондоне, но уже в Багдаде решила переделать концовку и переслала этот кусок Сондерсу "через ребяток из посольства". И тут же написала Корку: "Смею надеяться, что Сондерс не полезет в бутылку и оставит этот вариант. Как бы то ни было, он сам очень хотел устроить себе Судный день!" Как показало время, Агата напрасно волновалась.

Премьера состоялась 28 октября 1953 года в ковент-гарденском театре "Зимний сад" на 1640 зрительских мест. В пьесе было задействовано тридцать актеров и два набора огромных декораций, причем одна из них являла собой весьма натурально воспроизведенный фрагмент судебного зала Олд Бейли[76]. Все до одного билеты были распроданы. И автор пьесы пережила незабываемый вечер.

Спектакль произвел фурор. Когда опустили занавес, актеры как по команде обернулись в сторону ложи, где сидела Агата, и сделали общий поклон. Зрители сразу встали и тоже развернулись в сторону ложи, громко аплодируя. Ричард Аттенборо примчался на премьеру, отыграв в "Мышеловке", и Джон Миллз тоже не мог не прийти. Публика аплодировала все громче, Агата, окончательно смутившись, поспешила ретироваться из ложи. Проходя мимо Питера Сондерса, она с улыбкой шепнула: "Кто бы мог подумать, а?"

В "Автобиографии" она так вспоминала свои ощущения в тот

вечер: “Счастье, огромное счастье, а уж когда раздались овации, радости моей не было предела”. Жизнь писательницы была богата творческими удачами, но тот вечер…

“Да, это был памятный спектакль, я до сих пор им горжусь, – признавалась Агата. – Время от времени я копаюсь в шкафчике с памятными вещицами и, наткнувшись на старую программку, непременно ее читаю, приговаривая: «Ах, какой это был спектакль!»”

Филипп Хоуп-Уоллес тогда писал в “Гардиан”: “Невероятный успех. Ювелирная работа! Мы знали, что справедливость восторжествует, и, наблюдая за тем, как приближается неминуемая расплата, одобрительно кивали. Но в самый торжественный момент миссис Кристи как бы вопрошает: “Вы уверены, что все было *именно так*?“ – и, ловко перетасовав колоду, показывает, что произошло на самом деле и какие же мы наивные глупцы”.

Айвор Браун из газеты “Обсервер” не преминул уведомить читателей: “Вердикт, вынесенный присяжными, – это отнюдь не финал, а начало истории, закрученной, как поросячий хвостик”.

Через год, в 1954-м, состоялась премьера в брод-вейском Театре Генри Миллера, где главную роль исполнял друг Агаты, Фрэнсис Салливан. “Нью-Йорк геральд трибюн” констатировала “сногсшибательный успех”. Ассоциация нью-йоркских критиков назвала “Свидетеля обвинения” лучшим зарубежным спектаклем года. А Салливан и Патриция Джессел (занятая в английском спектакле и согласившаяся сыграть на Бродвее) получили премию “Тони”[77] за актерское мастерство.

Но вернемся в Англию, в то время, когда “Свидетель обвинения” был еще в стадии репетиций. Однажды Корк пригласил Агату на ланч. Надо сказать, она любила эти неофициальные встречи со старым другом. О делах старались говорить поменьше, шутили и наслаждались шедеврами поваров ресторана “Мирабель”. На этот раз к их компании присоединилась знаменитая киноактриса Маргарет Локвуд. Маргарет поделилась своей мечтой: ей давно хочется сыграть комическую роль, ей надоело изображать роковых злодеек. Вот если бы миссис Кристи написала для нее пьесу…

Через полтора месяца “Паутина”[78] была готова. Питер Сондерс обещал представить ее публике в следующем театральном сезоне.

Теперь Агата перебиралась в Гринвей-хауз на все лето, огород исправно радовал хозяйку обильными урожаями, ландшафты и река – почти неуловимо менявшейся красотой, на которую невозможно было налюбоваться. Внучок Агаты, Мэтью Причард,

был определен в беркширскую подготовительную школу Эстри в Вулхэмптон-хаузе, где, между прочим, научился отлично играть в крикет. Летом он по-прежнему приезжал в Гринвей вместе с мамой и отчимом.

С годами Гринвей все больше воспринимался как место отдыха, писательскими приютами Агате служили теперь либо лондонская квартира в Челси, либо “Дом Агаты” (это на раскопках, пристройка к нимрудскому дому). Популярность Агаты Кристи росла и назойливость пишущей братии – тоже. Соответственно все более острым становилось желание скрыться от посторонних.

Агата давно научилась прятаться, в свою частную жизнь она допускала немногих. Но целиком и полностью отгородиться от реальности и стремительно преображавшегося мира было невозможно. Издержки пристального внимания публики чаще всего обретали форму безжалостных фотографий. Да, в них не было ни грана доброты, в этих изображениях немолодой дамы в жемчужном колье и с накрашенными ногтями.

В конце концов Агата взбунтовалась, последней каплей стало фото для немецкого еженедельника “Шпигель”. Ей прислали этот шедевр в Гринвей, чтобы заручиться согласием на публикацию. Снимок был кошмарным, и Агата написала автору: “На мой взгляд, фотография ужасная во всех отношениях, даже если считать ее пробной”. Немного подумав, она написала еще одно письмо, Эдмунду Корку, и вложила в конверт вышеупомянутый шедевр.

“Ты только посмотри, Эдмунд! И я должна это все терпеть? Можешь считать меня ненормальной, но с меня хватит. Больше никаких фотографий. С какой стати я должна мучиться, сносить все эти унижения?” Закончив письмо, Агата положила в рот мятный леденец, чтобы перебить отвратительный вкус, который почувствовала, глянув на немецкое фото.

В конце 1953 года Би-би-си предприняла очередную попытку заманить Агату Кристи на телевидение, для интервью. Компания выпустила тогда новую программу “Панорама”, которая успела завоевать симпатии четырех миллионов зрителей. Продюсер передачи Деннис Барден заверил Корка, что Агате ничего не придется делать, “только сесть в кресло и, не обращая внимания на камеры, ответить на несколько вопросов”.

К телевидению Агата была равнодушна и уж тем более к возможности помелькать на экране перед миллионами сограждан. В общем, “Панорама” ее не заинтересовала. И Корк сочинил отказ: “Боюсь, что миссис Кристи вряд ли когда-нибудь захочет появиться в телестудии. Думаю, она не согласится ни при

каких обстоятельствах”.

Спокойно почивать на лаврах Агате не давали, да она этого и не желала. Постоянно приходилось с кем-то воевать, кому-то помогать. Она продолжала отсылать прочь фотографов (“Да ну их!”). Права на свою новую книгу “Хикори, дикори, док”[79] она переоформит в пользу племянников Макса, Джона и Патрика Мэллоуэнов, а все деньги, полученные за рассказ “Причуда в Гриншоре” (первый из написанных после долгого перерыва), подарит церкви Святой Девы Марии в Черстон-Феррерсе, чтобы в окне на восточной стене сделали витраж. Когда Агата заходила в этот храм, то ее всегда раздражали там простые оконные стекла. Это резало глаз, как щербина на месте недостающего зуба. Агата самолично оплатит работу мастера.

Премьера “Паутины” состоялась в театре “Савой” тринадцатого декабря 1954 года, спектакль замечательно приняли и критики, и зрители. Маргарет Локвуд получила весьма выигрышную роль, о которой можно было только мечтать. Но в зените славы оказалась, конечно, сама Агата, у которой на тот момент в разных театрах Уэст-Энда шли *три успешные пьесы.* Все чествования пришлись как раз на рождественские праздники, на которые Агата, по обыкновению, “слегка переела… и радовалась тому, что все мои детки рядом”. Такие минуты бывали, безусловно, самыми лучшими в ее жизни.

Жизнь в Ираке Агата воспринимала как многомесячный отдых, хотя там она интенсивно писала и усердно помогала мужу справляться с множеством проблем, всегда возникающих на раскопках, предвидеть которые просто невозможно. Но “археологические” хлопоты были ей в радость. В 1955 году (соответственно – шестидесяти четырех лет от роду) Агата написала в “Доме Агаты” роман “Хикори, дикори, док”, а весь мир в это время уже зачитывался романом “Место назначения неизвестно”[80]. Однако новый триллер некоторым показался старомодным, как вальс. Ведь его давным-давно вытеснили танцы в ритме джаза.

Да, Агата писала шпионские драмы, такие как “Место назначения неизвестно”, но читатели уже успели полюбить Джеймса Бонда из появившегося несколько раньше романа Яна Флеминга “Живи, пусть умирают другие”. Неотразимый “агент 007” покорил сердца еще год назад, после выхода популярнейшего романа “Казино “Ройал”. Агата была представительницей другой эпохи, эпохи чинных гостиных, вышколенных дворецких и кухарок, которые до сих пор собственноручно убивали индюшек ко Дню благодарения.

“Этот триллер не самое удачное произведение Агаты Кристи;

слишком натужно и наивно”, – писал в “Обсервер” Морис Ричардсон. Книжку “Место назначения неизвестно” Агата посвятила своему зятю Энтони, “который так же, как и я, любит путешествовать по миру”.

А “Мышеловка” между тем дожила до тысячного показа. Ради этого события Сондерс заказал программки в шелковом переплете и разослал театралам, этот изящный трюк оказался очень своевременным, поскольку после ухода из спектакля Ричарда Аттенборо сборы с “Мышеловки” стали падать. Нарядные программки, напомнившие о юбилее, всколыхнули интерес публики к пьесе и подарили ей вторую жизнь. Примечательно, что и сама Агата стала “жертвой” этой рекламной кампании. Вернувшись в Англию, она получила от Сондерса… пустой незапечатанный конверт, на котором имелся почтовый штемпель “вложение отсутствует”. Агата тут же написала Корку: “Скажи ему, чтобы не переусердствовал с шелковыми программками, и пусть аккуратней облизывает края конвертов!”

Питер Сондерс, никогда не упускавший возможности привлечь внимание к своим проектам, устроил прием в честь рекордного тысячного спектакля “Мышеловки”. Празднество состоялось в лондонском отеле “Савой”. Газетная статья об этом событии называлась “Вечер в сиянии тысячи звезд”. Целый час Агата стоя приветствовала приходящих гостей. В какой-то момент собравшиеся попросили ее подняться на сцену и что-нибудь сказать. Но она ответила: “Мне проще написать десять пьес, чем произнести речь”. И это все, что она произнесла. Ей подарили персональную программку в золотой обложке. Придя домой, она убрала ее в заветный шкафчик с самыми дорогими ее сердцу памятными вещицами.

После длившихся целых восемнадцать лет разбирательств с американскими налоговиками наконец-то был найден выход. Денежные уроны по-прежнему оставались ощутимыми, но гораздо меньше, и теперь у нее появилась возможность чаще дарить свои авторские права. А налоговая инспекция США и оба литературных агента сошлись на том, что Агате Кристи нужно образовать компанию под названием “Агата Кристи лимитед”, без затей.

Агата Кристи будет числиться там сотрудником, и ей назначат скромную зарплату А контроль над прибылью и налоговыми отчислениями отныне станет головной болью компании. Разумеется, “работодателей” Агаты не касались права на произведения, подаренные ею родственникам и друзьям.

Задумка с компанией была очень остроумной, но в этом ловком юридическом маневре был один деликатный момент. Чтобы все права официально перешли к компании, их обладатель

должен был не менее пяти лет… оставаться живым. Разъяренный Корк писал по этому поводу Агате (в ту пору ей было шестьдесят пять лет): “Надеюсь, найдется какой-нибудь юрист с нормальными мозгами, которому удастся ликвидировать этот пункт насчет пяти лет. Что они себе позволяют! Звучит так, будто они отпустили Долл всего пять лет жизни!”

Агата, находившаяся тогда в Багдаде, одновременно с этим письмом получила уведомление из банка Ллойда. На ее специально заведенный счет поступило четыре фунта.

“Дорогой Эдмунд, – писала в ответ Агата, – Долл очень постарается протянуть еще пять лет. Но чтобы справиться с этой задачей, ей не следует волноваться. Я и не собираюсь. Я хочу все эти пять лет радоваться жизни, на всю катушку. Правда, Розалинда будет меня сдерживать, это же тормоз, постоянно смазанный пессимизмом”. В этом вся Агата, которая с легкостью переносит прелести археологической “траншейной” жизни, хотя погода в Нимруде совсем не балует. “То песчаные бури, то грозы. Но мы сейчас разрабатываем замечательно перспективный слой. То и дело попадаются захоронения с крылатыми джиннами и духами, отгоняющими зло. Таких статуэток множество. А вчера наткнулись на что-то огромное, от чего осталась груда черепков и обожженное дерево, их мы теперь осторожненько отчищаем”.

В апреле 1955 года Агата и Макс приехали в Лондон. Там Агату ждала приятная новость: американская “Ассоциация мастеров детективного жанра” наградила ее “Свидетеля обвинения” премией “Эдгар”[81]. Сама Агата конечно же в Нью-Йорк не поехала, попросила получить награду своего американского издателя Эдварда Додда (из корпорации “Додд, Мид и компания”).

Но настоящее (и вполне естественное) ликование охватило Агату, когда Эдмунд Корк сообщил, что на спектакле “Свидетель обвинения” в виндзорском Королевском театре будут присутствовать ее величество Елизавета Вторая с супругом, герцогом Эдинбургским.

Королева и ее свита королевской ложе предпочли первый ряд партера, высокие гости были в совершенном восторге от представления, о чем было сказано Агате, вышедшей на поклоны вместе с актерами и Питером Сондерсом. Как тут не вспомнить о маленькой девочке, когда-то мечтавшей о храбрых рыцарях на белых скакунах? Что могло быть лучше воображаемых романтических приключений ее детства? Разумеется, только восхищение самой королевы.

В сентябре 1955 года Мэллоуэны отметили свою серебряную свадьбу. Торжество устроили в Гринвее, кавалеры в смокингах,

дамы в вечерних платьях. Были приглашены старые друзья и коллеги, в том числе и сэр Уильям Коллинз, внук основателя издательства “Коллинз”. Эдмунд Корк приехать не смог, но прислал подарок – серебряный подсвечник. Агата поблагодарила его растроганным письмом (“наше счастье скреплено печатью доброты наших друзей”) и тоже приготовила ему подарок, лучший из всех возможных, – рукопись нового романа “Причуда мертвеца”. Еще она сообщила своему верному агенту и порученцу, что пишет очередной роман Мэри Уэстмакотт под названием “Бремя любви” и пьесу по роману “К нулю”.

Первый день 1956 года стал в жизни Агаты весьма знаменательным: королева Елизавета Вторая пожаловала своей любимой писательнице звание Кавалера ордена Британской империи. Новоиспеченная кавалерственная дама, разумеется, была горда оказанной ей честью, но чрезвычайно смущена.

И жаловалась Корку: “Из-за этой награды приходится отвечать на множество поздравлений, причем едва знакомым людям. Признаться, это здорово меня тяготит”. Жаловалась она и на иракских газетчиков, величавших ее теперь Дамой Агатой, что было не совсем правильно (точнее, совсем неправильно). Весть о награде настигла ее в путешествии, они с Максом и семейство Розалинды направлялись в Триполи полюбоваться африканскими достопримечательностями.

Семейство Хикс после вернулось в Англию, а Мэллоуэны отправились в Ирак на очередной сезон раскопок. Эта давняя традиция теперь вполне устраивала и издателей, так как они поняли, что как раз в Нимруде появляются на свет новые книжки.

Отзывы о “Хикори, дикори, док”, шестидесятой книге Агаты, были благожелательными, и только. Впрочем, Агату это не трогало. Она и раньше не очень прислушивалась к мнению критиков, а теперь, уверовав наконец-то в свой талант, действительно мощный, и вовсе не обращала внимания на газетные рецензии.

Пьесу “К нулю” Питер Сондерс представил зрителям в сентябре 1956 года на сцене театра “Сент-Джеймс”. Шла она недолго, критики сочли фабулу слишком насыщенной, чего драматический жанр не приемлет.

“Очень уж много разрозненных составляющих, не ставших единым целым”, – написала “Таймс”.

Прохладные отзывы об этом спектакле, конечно, не радовали, но истинную проблему Агате создали иные критики, недовольные рассказом “Причуда в Гриншоре”, да-да, тем самым, прибыль с которого должна была получить черстонская церковь Святой Девы Марии при посредничестве отдела финансов Эксетерской

епархии. Эскиз витража Агате понравился: в центре Добрый Пастырь, бредущий со своим ягненком среди нежных примул и нарциссов, и вокруг изображены дары лесов, полей и морских глубин. Местный умелец Патерсон, живший в Байдфорде (это в Северном Девоне), великолепно справился с заказом. Призванная оценить его труд Агата была очень довольна, служители церкви тоже – в общем, все не чаяли, как поскорее придать восточной стене благообразный вид. Увы… желающих купить права на рассказ (точнее, даже повесть) никак не находилось.

“Не хочется быть назойливым, однако я все о том же, – писал Эдмунд Корк коллеге Гарольда Обера, Дороти Олдинг, – эксетерский епископ, начальник церковных финансистов, изволит недоумевать по поводу “Причуды в Гриншоре”. Им там, видите ли, не верится, что миссис Мэллоуэн могла подарить церкви вот такой, никому не нужный, рассказ!”

Воистину верно сказано: “Не делай добра – не получишь зла”. Что лишний раз подтвердили святые отцы.

Несколько месяцев Корк пытался пристроить этот рассказ в американские журналы, но безуспешно. Тогда корпорация “Агата Кристи лимитед” выкупила его у церкви за тысячу фунтов наличными. “Нужно ведь доделать витраж!” – оправдывался перед Агатой отчаявшийся Эдмунд, и та сочла эту сделку “крайне унизительной”, но “благоразумной”.

Малоприятными были и претензии одного французского миллионера, усмотревшего во владелице студенческого общежития из романа “Хикори, дикори, док” сходство со своей матерью. Миллионер утверждал, что миссис Кристина Николетис тоже некогда держала общежитие, где однажды останавливались Агата и ее мать. Корк в панике стал просить у Агаты хоть какие-то полезные сведения, иначе юридические санкции неминуемы!

“Но фамилию Николетис я придумала!!! – тут же откликнулась Агата из Ирака. – Месье Николетису, видимо, всюду мерещится его противная мамаша. Нет, это ужасно, придумываешь персонаж, стараешься, а он оказывается на кого-то похожим!” Она не любила подобных обличений. Она вообще не любила, когда в ее героях и интерьерах выискивали сходство с реальными людьми и домами. Фантазии у Агаты хватало на все, она творила свой особый мир, ей не требовалось примитивного списывания. После таких наветов дома, в Англии, она могла бы утешиться кружечкой варенца с ячменной лепешкой. Откусишь кусочек – и на душе сразу становится легче. А тут приходилось жевать инжир. Агата вдруг почувствовала, как сильно она соскучилась по отечеству…

Слава богу, в следующей книге, “Причуда мертвеца” (декабрь

1956), уже никто не смог бы уличить Агату в заимствовании деталей интерьера, ибо Нассе-хауз был разительно похож на Гринвей-хауз, впервые Агата позволила себе такую “причуду”. “Кристи второго ряда” – так определил роман Фрэнсис Айлз из “Манчестер гардиан”. Продавался роман отлично, вопреки средненьким оценкам знатоков жанра. Между тем Агата паковала чемоданы для очередной поездки в Ирак и старательно скрывалась от усилившегося внимания газетчиков к своей персоне, этот интерес был порожден выходом романа “Бремя любви”, ведь теперь публика знала, что под псевдонимом “Мэри Уэстмакотт” скрывается Агата Кристи.

Сделавшись распорядителем выручки от продаж, корпорация “Агата Кристи лимитед” вмиг заполучила целый клубок проблем, образовался конгломерат из разных составляющих, которые надо было держать под контролем. Тут и отечественные издания, и их “двойники” в Америке (под другими названиями), тут и права на прогоны театральных постановок, тут и переделки рассказов для пьес и радиопьес. А уж кинопродюсеры обрывали телефоны, очень многим хотелось заполучить бренд “Агата Кристи”. В общем, секретарю корпорации, Патрику Лейверли, приходилось тяжко. И очень скоро он понял, что ему грозит нервный срыв. Тогда Эдмунд Корк предложил на эту должность свою дочку Пэт, поскольку “она знает, какую нишу занимает на рынке Агата Кристи, и динамику продаж”.

В 1957 году поездка на раскопки была короткой, потому что Максу надо было получать золотую медаль за достижения в области археологии (эту награду ему присвоил Пенсильванский университет) и заодно несколько дней поездить по стране. В отличие от жены Макс спокойно относился к публичным чествованиям и собрался за медалью сам. Агата радовалась, что все внимание на этот раз будет сосредоточено на мистере Мэллоуэне, и с молодым азартом придумывала маршруты экскурсий, в том числе и на Большой каньон.

Агата призналась Корку, что, прилетев из Багдада, сразу помчалась делать прическу и маникюр, “чтобы, сходя в Нью-Йорке с трапа самолета, не выглядеть лохматой дикаркой”. Кстати, из Лондона в Нью-Йорк Мэллоуэны летели первым классом (самолетом Британской трансатлантической авиакорпорации), этот перелет обошелся им на двоих в триста сорок три фунта. В аэропорту Айдлуайд[82] их встречала Дороти Олдинг, которая потом напишет своим коллегам в Англию: “Должна сказать, Агата держится молодцом, хотя позади перелет из Багдада в Лондон, а буквально через несколько дней – в Нью-Йорк. Она меня очаровала, мы все тут от нее без ума”.

Церемония вручения прошла великолепно, без сучка без задоринки, потом Мэллоуэны поездили по Филадельфии, затем сели на поезд в сторону Лос-Анджелеса. Добравшись до аризонского плато Колорадо, поселились в знаменитом отеле “Эль Товар”, расположенном неподалеку от Большого каньона. Выдержанный в благородных золотистокоричневых тонах, перекликающихся с цветовой гаммой каньона, отель не раз принимал знаменитостей, таких как Тедди Рузвельт и автор знаменитых вестернов Зейн Грей, поэтому персонал знал привычки популярных людей и хорошо подготовился к приему королевы детектива. То есть никакой прессы. Для Агаты это было огромным счастьем, она так и сказала Корку: что готова жить в гараже, только бы ее оставили в покое.

Попав на Липан-пойнт (это на южной кромке каньона, самой широкой и живописной), Агата испытала такой восторг, что безотлагательно поделилась своими впечатлениями с верным другом и порученцем: “Это что-то необыкновенное! Я на верху блаженства! Готова любоваться всем этим до бесконечности! Твоя АЖ”.

Следующим пунктом был Лос-Анджелес. Там Агату пригласили на киностудию “Голдуин”, в павильон с декорациями для фильма по пьесе “Свидетель обвинения”, состав актеров был звездным: Чарльз Лоутон, Тайрон Пауэр и Марлен Дитрих. Агата Кристи была ублаготворена, фильм ставил режиссер Билли Уайлдер (творец отмеченного премией “Оскар” фильма “Бульвар Сансет”), бережно отнесшийся к первоисточнику.

Агата, конечно, не ведала, что актеров, занятых в фильме, которых она называла “сказочным составом”, еле-еле уговорили сниматься. У Тайрона Пауэра были какие-то личные проблемы, и он поначалу категорически отказался. Тогда Уайлдер позвал Кирка Дугласа, но тот тоже заартачился. Сразу согласилась только Марлен Дитрих, но больше из-за Тайрона Пауэра, в которого была по уши влюблена. Чарльз Лоутон поставил условие: его роль пусть допишут, сделают более весомой.

Решающим аргументом в уговорах стали крупные гонорары и прочие бонусы. Пауэр получил три тысячи долларов и соответственно неплохие проценты с этой суммы. Дитрих достались сто тысяч долларов и приглашения на ужины от Пауэра. Лоутону заплатили семьдесят тысяч и увеличили объем роли. А в конечном итоге в выигрыше оказались и поклонники кинозвезд, и Агата Кристи, которую потом пригласили на премьеру этой самой любимой ее экранизации.

В Лондон Мэллоуэны вернулись в мае 1957-го и почти сразу отправились в Гринвей. В ту пору Агата в основном занималась

делами Макса, поскольку он готовил к публикации солидную монографию, посвященную нимрудским находкам. Он привлек к этому грандиозному проекту и верного Эдмунда Корка.

Надо сказать, Розалинда все же застраховала жизнь Агаты Кристи (100.000 фунтов), пункт про пресловутые ближайшие пять лет (до того как “Агата Кристи лимитед” закрепится юридически) так и не смогли убрать из контракта. Между прочим, страховой полис удалось получить не сразу, о чем Корк письменно доложил Розалинде. “Строго между нами – старший инспектор (!) медицинской конторы весьма огорчен избыточным весом вашей матушки…” Похоже, сама Агата больше внимания обращала совсем не на полноту (судя по реплике в письме Корку, вызванной крайне неудачным ракурсом на фото для “Пари-матч”): “Любой из нас даже не представляет (и слава богу!), как отвратительно выглядит. В зеркале мы видим себя анфас. Мы не видим своего профиля, а он-то как раз и ужасен”.

Роман “В 4.50 до Паддингтона” появился на прилавках в ноябре 1957 года; впрочем, Агату это волновало гораздо меньше, чем грядущая премьера фильма “Свидетель обвинения”. Права на экранизацию были проданы за рекордную сумму– 116.000 фунтов, и эти права Агата подарила Розалинде.

Рецензии на фильм были исключительно хвалебными, кассовые сборы составили несколько миллионов долларов. Газета кинематографистов “Варьете” писала: “Лоутон, премудрый судья с больным сердцем, постоянно нарушающий приказы медсестры, играет ярко и колоритно. Он еще раз продемонстрировал свой дар быть предельно органичным в любом жанре и в любых декорациях”. А Боусли Кроутера из “Нью-Йорк тайме” фильм покорил тем, что “он смотрится на одном дыхании, ни единой пустой фразы… такое ощущение, что в зале вот-вот раздастся треск электричества, настолько высок накал эмоций”.

Питер Сондерс жаждал заполучить очередную пьесу, к немалой досаде Эдмунда Корка, пытавшегося, напротив, приглушить драматургический энтузиазм Агаты Кристи.

Милейшему Корку было важно, чтобы “автомат для выделки колбас” бесперебойно производил прибыльные книги, а не пьесы. Агата в конце концов выполнила просьбы обоих своих “импресарио”. Корк получил рукопись романа “Испытание невиновностью” (традиционный рождественский подарок читателям от издательства “Коллинз”, акция так и называлась – “Кристи к Рождеству”). Ну а Сондерс получил пьесу “Вердикт”, которую Агата считала самой лучшей после “Свидетеля обвинения”.

Между тем “Мышеловка” по-прежнему держалась в

репертуаре, и по этому поводу назревало очередное торжество. Когда завершился две тысячи двести тридцать девятый спектакль, Сондерс задумал устроить чествование пьесы-долгожительницы, снова в отеле Савой". Опять туда понаедут звезды, репортеры, фотографы, и на этот раз явятся телевизионщики. Агата с содроганием подумала про телекамеры, но понимала, что на этот раз ей точно никуда от них не деться.

Скрывшись от всех в Уинтербрук-хаузе (напоминаем: чудный дом в стиле королевы Анны), Агата Кристи сочиняла очередную пьесу под названием "Нежданный гость", но никак не могла сосредоточиться. *"А что, если меня заставят произнести речь?"* – назойливо крутилось в мыслях. Конечно, все будут ждать, что она что-нибудь скажет. Ее и так вечно тормошили, приставали с вопросами (мало им, что она, спрятавшись в укромном месте, исторгает из мозга тысячи слов, пишет и пишет!).

Но деваться было некуда. Агата, вздохнув, отправилась в Лондон за нарядом для грядущего торжества. От страха ее бросало то в жар, то в холод, то в холод, то в жар, которого хватило бы на то, чтобы вскипятить чайник. Светские рауты – как же она их ненавидела! Но Питер Сондерс человек неугомонный, и вот опять он обрек ее на страдания.

Надо сказать, в урочный день неугомонный Сондерс попросил Агату приехать загодя, чтобы у входа в банкетный зал виновницу торжества не перехватили раньше времени репортеры и фотографы, тогда будет "смазан" весь эффект ее представления гостям. Агата прибыла одна (домочадцы должны приехать позже) и сразу направилась к швейцару, поставленному у дверей.

Одета она была весьма элегантно: темное платье с изящными фалдами и рукавами из тонкого газа, которые прикрывали слишком полные руки, к корсажу была приколота бриллиантовая брошь. Ногти тщательно накрашены, волосы тщательно уложены в прическу, которую Агата выбрала для себя еще в тридцатые годы. На шее – тройное жемчужное колье (невероятно дорогое, приобретенное исключительно для подобных оказий), бриллиантовые серьги. Наряд дополняли белые перчатки до локтя и очаровательная вечерняя сумочка с цветочным узором.

Улыбнувшись стражнику, она сказала, что приехала на банкет.

"Пока пускать не велено, мадам, – сообщил тот и добавил: – Минут через двадцать, не раньше".

Агата, помолчав, хотела объяснить, кто она, но передумала. И вот вам пожалуйста: виновница торжества и автор пьесы, ради которой все и затевалось, извинилась перед швейцаром за беспокойство и ушла.

К счастью, не так уж далеко: чтобы убить время, стала бродить по гостиничным коридорам и оказалась в комнате для отдыха. Там ее и обнаружил помощник Сондерса, Верити Хадсон, который привел ее назад, в банкетный зал. Когда Агату спросили, почему она не сказала стражу, кто она такая, в ответ услышали лишь это: “Почему-то не смогла. Растерялась”.

Репортер “Дейли мейл”, описывавший раут, узнав про этот казус, не упустил возможности его обыграть: “Вчера вечером в отель “Савой” вошла пожилая дама с серебряными волосами, на губах ее сияла теплая материнская улыбка. Дама направилась к банкетному залу, где вскоре должно было начаться грандиозное театральное торжество, но у дверей ее остановил швейцар.

“Пожалуйста, ваш билетик, мэм”, – потребовал он.

Но билетика у дамы не оказалось, поскольку вчерашнее торжество было устроено в ее честь”.

В “Автобиографии” Агата вспоминает, какое испытывала смущение, на собственном празднике чувствовала себя обманщицей. “Не скажу, что это был стыд, скорее… ощущение, будто я притворяюсь, мне и сейчас кажется, что никакая я не писательница, что *я делаю вид,* будто я писательница”.

Когда миссис Агата Кристи Мэллоуэн написала эти строки, на ее счету было шестьдесят девять книг, пятнадцать пьес и более сотни рассказов. К этому моменту ее произведения были переведены на сто пять языков.

Глава одиннадцатая
Эра кинематографа

Полночь. Лорд Маунтбаттен ведет Агату к двери банкетного зала и, прощаясь, почтительно пожимает ей руку… она, как всегда, страшно смущается, но очень довольна.

Из “Мемуаров”Макса Мэллоуэна

23 МАЯ 1958. “ Весьма неожиданный ”Вердикт“ – пьесу Агата Кристи приняли прохладно” – крупными буквами напечатала “Таймс”, так оценил рецензент премьеру, состоявшуюся накануне в театре “Стрэнд” (на улице Олдвич). Это был самый деликатный из появившихся отзывов.

Вероятно, Питер Сондерс должен был тщательнее следить за постановочным процессом, тогда бы он заметил опасные симптомы грядущей неудачи, точнее говоря, оглушительного провала. Но, увлекшись празднеством в “Савое” в честь “Мышеловки” и щедрыми дифирамбами, Сондерс пустил на самотек репетиции “Вердикта”. Зато не преминул сделать огромную “угловую” маркизу со своей собственной фамилией. Эту маркизу было видно со всех сторон.

Надпись из ярких ламп, этакий манящий маяк, должна была выглядеть таким образом: “ПИТЕР СОНДЕРС ПРЕДСТАВЛЯЕТ “ВЕРДИКТ”. Девять лет назад он поместил на рекламной маркизе в качестве “наживки” имя самой Агаты Кристи, и тогда этот трюк значительно поспособствовал успеху пьесы “Убийство в доме викария”.

Увы, из-за какой-то неисправности одна из букв не горела, и получилось “Питер Сондерс недоволен “Вердиктом”[83], что наверняка оказалось истинной правдой, после того как незадачливый продюсер прочел в утренних газетах рецензии. В отличие от “Таймс” прочие лондонские газеты не церемонились, разносили пьесу в пух и прах с таким упоением, что Сондерс даже отослал Агате копии старых хвалебных рецензий после дебюта “Свидетеля обвинения”. “Перечтите их, это отвлечет Вас от “Вердикта”, – заботливо предложил он.

Агата, по своему обыкновению, укусы критиков восприняла равнодушно, в тот момент она уже погрузилась в новую пьесу,

“Нежданный гость”, которую зрители увидят в августе. Сондерс, разумеется, предусмотрительно трубил о ней во все фанфары, “Гостя” приняли более милостиво (кстати, на рекламной маркизе на этот раз красовалось имя самой Агаты Кристи, а не ее вновь ставшего бдительным импресарио). Впрочем, судьба “Гостя” волновала Агату гораздо меньше, чем события в Ираке, над которым сгустились политические тучи. Там грянула революция, старый режим пал, в стране была провозглашена республика. Планы Макса относительно дальнейших раскопок были пока весьма неопределенны, но похоже, очередная археологическая экспедиция могла и не состояться.

Тогдашний иракский революционный раж Агата отразила в своей новой книжке “Кошка на голубятне”, где Эркюлю Пуаро выпало распутывать историю, замешанную на революционном мятеже в сказочно богатой маленькой арабской стране под названием Рамат. Литературного критика “Обсервер”, Мориса Ричардсона, особенно порадовали “чудные сценки, где мнимые шейхи лихо подкатывают к школе на роскошных сиреневых кадиллаках, доставив на занятия юных гурий, расфуфыренных и крепко надушенных”.

Тревожные предчувствия оправдались: после 1959 года регулярные наезды Макса в Нимруд были прекращены. В том же году совершенно неожиданно умер от сердечного приступа Гарольд Обер. Его коллеги под руководством Дороти Олдинг готовы были с прежним тщанием и энтузиазмом продвигать произведения Агаты Кристи на американском рынке, тем не менее Эдмунд Корк тут же почувствовал, как сильно ему недостает поддержки давнего друга и соратника.

А тут еще на Корка свалились тяжелые переговоры с представителями студии “Метро Голдвин Майер” по поводу прав на книги Агаты Кристи для теле– и кинофильмов, пришлось выдерживать натиск прокатчиков, вникать в предложения и контрпредложения… от всей этой кутерьмы Корк едва не заболел. “Эти деятели из МГМ чуть не свели меня в могилу, – жаловался Корк в письме Розалинде, – то одно требуют, то другое, то третье, порой сами не знают, что им нужно, и до неприличия настырны. Все это несколько настораживает”.

Агата, видимо, пребывала в блаженном неведении относительно переговорных баталий Корка. Они с Максом путешествовали. Индия, Пакистан, Персия. А на Цейлоне к ним присоединилось семейство Розалинды. Этот вояж был задуман не только ради отдыха, таким замечательным образом решили отметить и семейное торжество. Дело в том, что имя Макса было внесено в Королевский список соискателей наград за 1960 год, то

есть ему присвоили звание Кавалера ордена Британской империи, которое уже имелось у его супруги.

Итак, представьте цейлонский отель “Маунт Лавиния”. Агата своим характерным, корявым уже почерком описывала Корку недавнее происшествие на пляже: “Двое наглых репортеров пытались запечатлеть, как я резвлюсь в море. Розалинда и Мэтью бросились меня загораживать, надеюсь, успели, ибо в этот момент я была в опасном ракурсе (им удалось бы увековечить мой обширный зад)”.

Агата и Макс вернулись в Лондон к премьере пьесы “Возвращение к убийству”. Агата написала ее в прошлом году, взяв за основу роман “Пять поросят”. Питер Сондерс пристроил эту пьесу в ковент-гарденский “Театр герцогини”, один из самых маленьких в Лондоне. Первый спектакль, по несчастью, совпал с появлением в “Дейли мейл” нового театрального обозревателя. В своей первой рецензии он хотел показать себя “острым критиком” и яда не жалел. Пьесу Агаты он назвал “фантастически скучной”. Этого ему показалось мало, и он добавил: “Мне нет дела до того, что миссис Кристи автор именитый и плодовитый, меня волнует, что ее новая пьеска дурно пахнет!”

Эдмунд Корк уведомил Розалинду, что “таких злобных отзывов со стороны прессы не было еще никогда, даже о “Вердикте” писали не так грубо”.

В 1960 году, юбилейном (Агате исполнилось семьдесят), читатели получили не роман, а сборник рассказов под названием “Приключения рождественского пудинга” и немного о других блюдах”. Книгу Агата снабдила весьма любопытным предисловием, в котором подробно рассказала о замечательных рождественских пиршествах, которые когда-то устраивали в Эбни-Холле. Кстати, в 1958 году Джек Уоттс продал это имение (за 17 000 фунтов) городу Чидл, в древнем особняке теперь располагалась городская ратуша.

Свой сборник Агата, разумеется, посвятила “доброму и гостеприимному Эбни-Холлу”.

А Гринвей-хауз продолжал радовать уютом и весельем своих родных и друзей, изумляя всех изобилием овощей, фруктов и цветов, там произраставших. Лето в 1960 году выдалось благодатным, не жарким, но теплым и солнечным, и Агата с удовольствием ходила на реку купаться. Она взялась за очередной роман, “Бледный конь”, но больше ей нравилось смотреть, как замечательно ее внук играет в крикет (которым очень увлекся). Написала несколько рассказов для сборника “Двойной грех” и другие рассказы”, которые “Нью-Йорк тайме” заклеймила потом как “вторичные” среди прочих произведений

Кристи.

Главный редактор французского журнала “Женщины сегодня” попросил через Корка об интервью, но вот что ответила Агата своему порученцу: “Больше всего на свете я ненавижу статьи про “les grands subjets fmimins”[84]. Так им и передай!”

Ее гостеприимством пользовались и супруги Бахманн, Ларри и Джин. Ларри – продюсер из МГМ, который внедрял в студийный график фильмы по ее книгам. Агата делилась с Корком своими опасениями не угодить приглашенным: “Это счастье, что они любят собак. В доме полно псов Розалинды, детей, и постоянно приходится быть начеку. Один пес чуть не прикончил парочку других, а заодно и собаку[85], которую кухарка засовывала в духовку. В общем, жизнь кипит”.

Для первого фильма в МГМ выбрали роман “В 4.50 с Паддингтона”. Сценарий написал Дэвид Осборн в соавторстве с Дэвидом Перселлом и Джеком Сиддоном. На роль мисс Марпл, сухощавой старой девы, они пригласили… плотно сбитую характерную актрису Маргарет Резерфорд.

Резерфорд долго не решалась сказать “да”, причем смущало ее не внешнее несоответствие (коренастая Маргарет, довольно небрежно одетая, с несчастным, будто у испуганной ищейки, взглядом – ни малейшего сходства с миниатюрной, аккуратненькой, *невозмутимой* мисс Марпл), смущало то, что фильм про убийство. Тогда еще никто не знал о семейной драме актрисы: много-много лет назад отец до смерти избил деда, после чего был признан невменяемым и упрятан в сумасшедший дом. Папашу своего крошка Маргарет никогда не видела (родные говорили ей, что он умер), но всегда помнила о позорной тайне и до конца жизни ненавидела все, что связано с насилием.

И все-таки она не устояла перед обаянием и острым умом почтенной мисс Марпл. В рождественский день 1960 года актриса сообщила в студию, что будет играть. Агате сказали об этом лишь спустя несколько недель, фильм снимали в быстром темпе, чтобы в 1961 году выпустить его на экраны. Название дали иное: “Она сказала – убийство”.

Агата посмотрела фильм в Торки, в Королевском театре, куда прибыла со всем семейством. Было это семнадцатого сентября 1961 года, в театр она вошла спокойно, никто и не заметил. И в тот же вечер написала письмо Корку: “Честно говоря, довольно примитивно!” Ей не понравилось и качество изображения, “при нынешних технических возможностях и стандартах – столь откровенное убожество”. Однако актерская работа Маргарет Резерфорд заслужила ее уважение. Тем не менее позже, когда писательница Гвен Робинс попросит ее оценить мисс Марпл в

исполнении Маргарет, то услышит от секретаря Агаты следующее: “Миссис Кристи считает мисс Резерфорд очень хорошей актрисой, но на Джейн Марпл она совсем не похожа”.

Американская газета “Крисчен сайенс монитор” написала, что Резерфорд, в “своем просторном, как парусиновая роба, свитере”, очень напоминает “закутанного английского бульдога”. Разумеется, ехидный рецензент не знал, что актриса снималась не в костюме, а в собственной одежде.

“Мисс Резерфорд в фильме главная по всем параметрам, – отметил А.Х. Уэйлер из “Нью-Йорк тайме”, – особенно выразительны эпизоды, где она во всю мощь использует свой комический дар и возможности фактуры, и мы, совершенно покоренные, еще нетерпеливее ждем разгадки тайны”. Фильм “Она сказала – убийство” шел во всех кинотеатрах Европы и Америки.

Агате исполнился семьдесят один год, она писала шестьдесят восьмую книгу, “И в трещинах зеркальный круг”, с участием мисс Марпл. Этот роман она посвятила, как вы можете догадаться, “Маргарет Резерфорд, с восхищением”. В магазинах он появился в 1962 году. Газеты книжку хвалили, но сдержанно, больше из почтения. Только Морис Ричардсон из “Обсервер” решился на дерзость: “Средненькая Кристи, действие довольно вялое, нет былого напряжения и куража”.

Агата стала хуже видеть и слышать, но годам не уступала, была бодра и активна. Серьезные неприятности настигли ее мужа, гораздо более молодого. Весной 1962 года у него случился удар, легкий, Макс быстро оправился, но начал чересчур осторожничать. Что было очень печально, небольшая физическая нагрузка пошла бы ему на пользу.

“Скажу вам по секрету: Макс сильно сдал, выглядит вдвое старше”, – пишет Эдмунд Корк своей помощнице Дороти Олдинг.

Незадолго до инсульта Макс покинул Лондонский университет и поступил в Оксфорд, стал членом совета “Колледжа всех душ”. Ему больше не нужно было преподавать и читать лекции. Теперь ему платили за то, что он занимался подготовкой своей нимрудской рукописи, ну и время от времени наставлял молодых археологов. “Труд всей жизни” (так он называл будущий фолиант) Максу помогала завершить секретарь и фотограф Барбара Паркер, тоже многие годы проработавшая на нимрудских раскопках.

Уложив в чемоданы трости, ортопедическую обувь и лекарства от ревматизма, осенью Мэллоуэны снова отправились в Германию на Байройтский фестиваль (в городе Байройт родился Вагнер, он и организовал когда-то ежегодный фестиваль своих

опер, который длится месяц). С бабушкой и дедом поехал Мэтью, только что окончивший Итон. Внук Агаты был страстным любителем оперы. Перед каждым их с бабушкой посещением спектакля он просматривал клавиры с ариями, а в театре неизменно становился свидетелем того, как Агате рукоплещут меломаны со всего света, собравшиеся в Bayreuth Festspielhaus. Она даже похвасталась в письме Корку: “Должна сказать, в Байройте при моем появлении люди вставали и устраивали овацию”, еще она писала, что раздала сотни автографов, а некоторые наглецы пробирались даже в гостиницу и там ее подкарауливали.

Агата теперь постоянно ходила с тростью (сильно болели отекшие щиколотки), но даже не помышляла отказаться от намеченных поездок в Персию и Кашмир (то есть в Иран и Пакистан). На Ближнем Востоке Агата чувствовала себя как дома, хотя там постоянно происходили какие-то катаклизмы, кипели политические страсти. Ей нравилось ездить по живописным сельским уголкам, по колоритным восточным базарам. Макса, разумеется, влекли древние памятники, которыми его коллеги-археологи постоянно пополняли сокровищницу исторических открытий.

Перед этим путешествием Агате предложили (не кто иной, как Дэвид Бахманн из МГМ) написать киносценарий по роману Диккенса “Холодный дом”, и она с удовольствием согласилась. На этом поприще она не была новичком, ведь в 1956 году она сама переделывала для кино свою пьесу “Паутина”. Правда, ее сценарий тогда так и не понадобился. А для фильма, снятого уже в 1960 году на киностудии братьев Данцигер “Продакшнс лимитед”, в котором блистала Глинис Джонс, Альберт Миллер и Элдон Ховард основательно переработали сценарий Агаты. Но главное, опыт киносценариста у нее уже имелся.

Итак, к апрелю 1962 году сценарий был готов – правда, в нем было двести семьдесят страниц, а для двухчасового фильма требовалось страниц сто – сто десять, не больше. Агата, конечно, это понимала и по возвращении в Англию намеревалась радикально его сократить. Задача, прямо скажем, не из легких, ведь в самом романе восемьсот с лишним страниц. Агата несколько раз переделывала свой объемистый сценарий, за что ей было уплачено 10 ООО фунтов, но… ее “Холодный дом” так и не приняли и в конце концов, от съемок вообще отказались.

Зато был запущен в производство фильм “Убийство галопом”[86], на роль мисс Джейн Марпл вновь пригласили Маргарет Резерфорд. Это была экранизация романа Агаты “После похорон”, в котором вообще-то был задействован Эркюль Пуаро, а

не его коллега из Сент-Мэри-Мид. Дэвид Бахманн почему-то решил сменить месье на мисс. Примечательно, что критики даже не заметили подмены. Но то критики. А сама Агата, разумеется, была ошеломлена и возмущена подобным самоуправством. Вольности этим не ограничились: Бахманн перенес действие в “Школу верховой езды”, тем самым вынудив мисс Марпл совершать странные эскапады. Тогда как Пуаро, фигурирующий в романе, наслаждался комфортным интерьером Эндерби-Холла. Надо сказать, ни единой мелочи не было позаимствовано из Эбни-Холла, хорошо знакомого Агате с детства. Да, имение в книжке нисколько не походило на Эбни-Холл, где имелось четырнадцать спален и столько же слуг, но это было прекрасное имение.

“Фарс, да и только” – так оценила Агата эти бессмысленные перетасовки, на что Бахманн заявил, что “у старой леди совершенно отсутствует кинематографическое чутье”.

В киноверсии основное внимание было сосредоточено на завещании только что почившего старого Эндерби (вероятно, кто-то *нарочно* до смерти его напугал). Под подозрением оказываются все его родственники, остановившиеся в фамильном владении – в “Школе верховой езды”. Смотреть, как мисс Марпл взгромождается на коня и мчится за гончими, устремившись навстречу закату… нет, это было ужасно. “Как только подумаю, что им наверняка не видать успеха, меня охватывает радость”, – признавалась она в ответном письме Корку, который призывал Агату терпимо отнестись к этим вульгарным “эффектам”, поскольку в одном из пунктов контракта со студийными деятелями значилось, что они имеют право вносить изменения, которые требуются для съемок.

Тем не менее при личном знакомстве писательница и актриса были совершенно очарованы друг другом. На съемочной площадке Агата сама подошла к кинозвезде и представилась. Под занавес своей жизни Маргарет Резерфорд вспоминала: “Эта чудесная женщина подошла ко мне на съемках, и мы сразу нашли общий язык. Я ведь когда-то с предубеждением относилась к ее криминальным книгам, но к моменту нашего знакомства успела горячо полюбить славную мисс Марпл”.

И все же Агата никак не могла примириться с галопирующей мисс Марпл, а после общения с исполнительницей вознегодовала еще сильнее. Она заранее предупредила, что на премьеру не придет, и написала Дэвиду Бахманну ехидное письмецо, умоляя его быть добрее, “не замучить насмерть Маргарет Резерфорд всякими спортивными играми на свежем воздухе”.

Летом того же 1962 года, в разгар подготовки к съемкам

фильма, внезапно скончался племянник Агаты, Джек Уоттс. А спустя несколько месяцев, в декабре, умер от сердечного приступа Арчи Кристи, так и не познакомившись с внуком. Тот сам написал деду из Итона, предложил встретиться. Арчи с волнением ждал этой первой встречи с почти двадцатилетним уже Мэтью, но не дожил до нее – всего несколько дней.

Вторая жена Арчибальда умерла еще в 1958 году: миссис Нэнси Нил Кристи стала жертвой рака. Тогда Агата отправила бывшему супругу письмо, впервые после развода. Это было послание с соболезнованиями и сожалением по поводу того, что судьба разрушила многолетнее семейное счастье Арчи (тем самым Агата признала, что его брак с Нэнси действительно оказался не просто наваждением, мужским капризом). Возможно, в сердце ее еще жила обида, но в письме на это не было ни намека, только искреннее сочувствие. Арчи был тронут и в ответном письме поблагодарил Агату за участие. А спустя четыре года вдовец и сам покинет этот мир.

Агата с мужественной сдержанностью восприняла эти утраты. В 1959-м не стало и Нэн Кон (Уоттс), подруги детства, милого сорванца. Родные опасались, что реакция наступит позже, спустя месяц-другой: Агата заболеет от перенесенных волнений. Но та давно научилась принимать потери с философским спокойствием, по примеру жителей Ближнего Востока, да и ее близких жизнь к этому приучила.

К таинству смерти она относилась так же, как и к таинству рождения, понимая, что все в мире происходит по воле Высших сил.

Арчи успел стать свидетелем триумфа бывшей жены: двадцать пятого ноября 1962 года все английские газеты на первых полосах крупными буквами сообщали, что спектаклю “Мышеловка” исполнилось десять лет. Снова было устроено великолепное празднество в “Савое”, снова был заказан огромный торт, на этот раз весом в полтонны. Кавалерственная дама Сибил Трондайк помогла Агате держать огромный меч, которым та отрезала первый кусок, за этим священным ритуалом с умилением и гордостью наблюдал Питер Сондерс.

Матово поблескивавшее зеленое платье Агате очень шло, она сияла от удовольствия и почему-то не испытывала привычного смущения. И когда настала роковая минута, когда надо было произнести речь, наша героиня поднялась на сцену и совершила этот подвиг, причем выступление ее было чистейшей импровизацией.

“Это ужасно, – начала она и горестно вздохнула, понимая, что никто ее уже не спасет. – Я знаю, что совершенно не умею

говорить. Обычно кому-нибудь приходится заранее писать для меня речь.

Но на этот раз не удалось никого найти, и теперь придется отдуваться самой.

Прежде всего сердечно благодарю за потрясающий вечер, за то, что вы все так добры ко мне. Это, знаете ли, не шутка, когда твою пьесу показывают десять лет подряд, дольше, чем пьесы остальных авторов. Я волнуюсь, я ужасно волнуюсь. Мне иногда даже кажется, что все это происходит не со мной. Я ведь и помыслить не могла о подобном чуде. Понимаете, я вообще-то пишу книжки, я не драматург, и никак не рассчитывала на то, что моя пьеса столько продержится. Десять лет!

И еще я вот что хочу сказать. Не слушайте тех, кто станет вас уверять, что в старости человека ничто не радует. Не верьте им. В семьдесят два года жизнь тоже прекрасна, она не менее хороша, чем в молодости. Вот и сегодня я счастлива, так счастлива, что сильнее просто невозможно".

Розалинда не сводила с матери глаз, глядя, как она под оглушительные овации покидает сцену. Агата вернулась на место и с победным видом взглянула на дочь.

"Мама, тебе следовало лучше подготовиться, – строго произнесла та, – уж могла бы все обдумать заранее".

Агате вручили сценарий пьесы в золотом переплете, она с лукавой улыбкой произнесла:

"Золото в доме штука удобная, плюнешь на носовой платок, слегка потрешь, – и блестит как новенькое.

Ничего не скажешь, юбилей удался на славу.

Достославная "Мышеловка" радует зрителей и сейчас. Занавес поднимается и падает, до следующего спектакля, из месяца в месяц, из года в год, из десятилетия в десятилетие.

Вскоре после смерти Арчи в Театре герцогини состоялось представление последней из пьес Агаты, пробившихся на большую сцену, "Правило трех" (пьеса потом перейдет во владение Питера Сондерса). Этот спектакль был не совсем обычным, он состоял из трех одноактных пьес: "Крысы", "Вечер у моря" и "Пациент". Агата всегда любила авантюры. И так уж совпало (очень удачно), что под занавес своей драматургической карьеры писательница удивила мир театра творческим новшеством[87]. "Приятный, без изощренных злодеяний спектакль", – написала "Таймс", которая умела не только крепко критиковать, но и быть великодушной к почтенной писательнице (которая, между прочим, продолжала трудиться), умела щадить чувства легионов ее обожателей.

За год до десятилетия "Мышеловки" нашу героиню

порадовало и ЮНЕСКО, объявившее Агату Кристи самым продаваемым из английских писателей: к тому времени ее произведения были опубликованы в 105 странах.

А как же новые книги, спросите вы? В 1963 году вышла одна-единственная – “Часы”. С элементами триллера и классического детектива, при участии Эркюля Пуаро. Большинству литературных критиков роман показался вполне убедительным, а преданность поклонников Агаты Кристи способствовала тому, что цифры продаж были очень высокими. Мистер Ваучер из “Нью-Йорк тайме” был тронут до глубины души образом “сильно постаревшего Эркюля Пуаро, который, однако же, по-прежнему рвется в бой и готов заняться расследованием, даже будучи прикованным к инвалидной коляске”.

Когда роман находился на стадии печати, Агата с Максом, Мэтью и двумя его приятелями отбыли в Австрию на ежегодный Зальцбургский фестиваль, где наслаждались чудесной музыкой, особенно им понравились “Волшебная флейта” и “Так поступают все женщины” Моцарта, а также шедевр Рихарда Штрауса “Кавалер розы”.

Агата обожала путешествовать вместе с внуком. С ним она снова чувствовала себя молодой. Мэтью и два его оксфордских дружка (Эллис Уиснер и Роджер Агнус) постоянно дурачились, их смех был словно глоток свежего воздуха. Как она завидовала их свободе! Сама Агата жила в роскошных апартаментах, а они в кемпинге, они гоняли по округе на стареньком, побитом авто марки “воксхолл Виктор”. У нее хорошая гостиница, но это всего лишь гостиница. А у мальчиков каждый день был наполнен приключениями, как бы ей хотелось вот так же бесшабашно бродить по австрийским лугам и слоняться по пыльным музеям!

Отнюдь не горя желанием возвращаться в Лондон, там она, однако, снова засела за очередной роман, “Карибская тайна”, а Макс – за близившуюся к завершению монографию “Нимруд и его останки” (несмотря на то, что подхватил жестокий затяжной грипп). Усердно поработав, они со сладостным чувством выполненного долга отправились на зимние каникулы в Египет, остановились в луксорской гостинице “Зимний дворец”. Самочувствие у супругов было неплохим, настроение – тоже. Миссис Мэллоуэн, по обыкновению, отрапортовала Эдмунду Корку: “Млею на солнце в безмятежном спокойствии, как священная корова”. Агата сидела на балконе, подставив ноги ласковым лучам, и любовалась плывшими по Нилу пароходами и лодками.

Идиллия не могла длиться вечно. В начале марта 1964 года на Агату обрушились напасти, перво-наперво в виде фильма

“Самое жуткое убийство”. Тот, кто придумал это ходульное название, вообще-то попал в самую точку. Фильм был снят, как это теперь принято называть, “по мотивам” книги “Миссис Макгинти с жизнью рассталась”. Агата поссорилась с МГМ, категорически возражая против переделок (“это же одна из лучших моих книг”!). Ее покоробило название (“тривиальное донельзя”), о чем она и сообщила Ларри Бахманну, который уже полным ходом перекраивал роман.

Сюжет безбожно растянули и переиначили, Агату трясло от ярости. В книге миссис Макгинти была директрисой закрытой школы, а погибла вследствие сильного удара по голове. В кино чинная директриса преобразилась в барменшу и актрису и… была повешена. Вместо Эркюля Пуаро задействовали мисс Марпл (Маргарет Резерфорд), которая внедряется в круг знакомых изуверски загубленной барменши, чтобы найти убийцу. Поклонники миссис Кристи и критики были отнюдь не в восторге от этой киноверсии. “Нью-Йорк тайме” так комментировала роль, написанную для Маргарет: “Талант Маргарет Резерфорд по-прежнему велик, но совершенно очевидно, что даже ее мощная игра не может скрыть огрехов слабого кино”.

Фильм был ужасен, оскорбителен, но то, что позволили себе киношники в очередном своем “творении”, оказалось просто чудовищным. Там снова фигурировала мисс Марпл (Резерфорд, естественно). Грубая поделка называлась лихо: “Караул, убийство!” Дэвид Бахманн прислал Агате сценарий, и он был не по какой-то ее книге, и даже не “по мотивам”. В МГМ испекли свою собственную историю, воспользовавшись… персонажами Агаты Кристи. Агата отреагировала мгновенно и жестко.

“Возвращаю вам эту лишенную смысла мешанину, – написала Агата Пэт, дочери Корка. – Почему, спрашивается, эти деятели не хотят придумать что-нибудь *действительно* свое? Маргарет Резерфорд сыграет какую-нибудь забавную старушку, скажем мисс Сэмпсон, и советую добавить побольше плоских шуточек. А меня и моих персонажей пусть оставят в покое!”

Я случайно выяснила, что МГМ имеет право использовать моих персонажей в собственных сценариях. Это неслыханно. Ни меня, ни Розалинду никто не поставил об этом в известность. Недели две назад Эдмунд говорил, что они могут предложить свои варианты, но последнее слово за мной. Разве может быть иначе?

Увы, Агата в полном смятении узнала, что в МГМ никоим образом не нарушают контракт, что там есть параграф, дозволяющий использовать персонажей Агаты Кристи по

усмотрению студии, в том числе и в сочиненных другими авторами сценариях.

Агата была жестоко оскорблена: “Видеть, как твоих героев превратили непонятно в кого, уничтожили, по сути дела. Что может быть ужаснее?” Представив, что в МГМ теперь начнут выпускать одну поделку за другой, она потребовала, чтобы контракт немедленно был пересмотрен.

Виновником скандала был Эдмунд Корк, который оставил этот пункт в контракте и толком не объяснил Агате, что он означает.

Розалинда тоже была расстроена, о чем и писала Корку: “Мне так стыдно, так больно из-за этой истории с МГМ… это мы виноваты, позволили им трепать маме нервы”.

Ларри Бахманну были отосланы письма, в ответ последовали кое-какие уступки, обещание не использовать персонажей Агаты Кристи в самостоятельных фильмах студии, а также убрать ее имя с этого их продукта. В названии удалили строчку “Агата Кристи”, увеличили имя Маргарет Резерфорд, добавив к нему мелкими буквами “исполнительница мисс Марпл Агаты Кристи”.

Эдмунд Корк в письме к мужу Розалинды истово защищался и превозносил благородство представителей МГМ, согласившихся на *такие* жертвы: “Мы добились грандиозных уступок, и могу сказать одно: тот, кто не способен это оценить, ничего не понимает в кинобизнесе!” И завершил послание сухо и официально: “Корк”.

Ларри Бахманн попытался умилостивить Агату, призывал не горячиться, приводил всякие избитые доводы в пользу фильма “Караул, убийство!”, который уже был в производстве, причем снимали его в темпе, чтобы скорее завершить.

Ясно было, что остановить съемки невозможно, но до Агаты дошла весть, что в планах МГМ – комедия со знаменитым Зеро Мостелем в роли… Пуаро. Миссис Кристи больше не желала никаких объяснений, да и вряд ли кто сумел бы придумать что-то убедительное.

Изнемогая от ярости, Агата металась по лугам Уинтербрука: до берега Темзы и обратно. Что же это такое! С ее мнением теперь вообще никто не считается? Но *какие-то* права у нее есть? Только Эдмунд Корк, похоже, не в состоянии объяснить, какие именно. И не в состоянии ничего изменить, ситуация вышла из-под его контроля, совершенно. Несколько раз Агата сама принималась писать Ларри Бахманну и каждый раз рвала свои путаные (от возмущения) послания. Они никуда не годились, а она ведь все-таки писательница. Хватит, эмоции в сторону, но это легко сказать…

И все же она сумела с ними совладать, и вот что было написано в конце концов:

“Мягко стелет, да жестко спать” (так говаривала когда-то моя Няня!). Все эти манипуляции с картиной “Караул, убийство!” очень обидны. Это же посягательство на чужое изобретение. Внедрять в фильм персонажей, придуманных другим человеком, по-моему, в высшей степени неприлично. Неужели вы думали, что я спокойно отнесусь к подобному самоуправству, что оно меня не возмутит? Неужели рассчитывали, что я скрою свои чувства, промолчу? Я и сейчас совсем не уверена в том, что у вас есть право поступать так, как вы поступили”.

Фильм вышел на экраны в июле 1964 года, Агата, очень кстати, отправилась тогда в Цюрих. Литературный критик “Нью-Йорк тайме”, Э.Х. Уэйлер, так отозвался об этой новинке: “Изобилие диалогов, но забавных и остроумных всего несколько. И вообще, фильм довольно скучный и вялый, ни захватывающей интриги, ни действительно смешных ситуаций… ”

В ноябре вышел роман “Карибская тайна”, в котором читатели получили возможность снова встретиться с *истинной* Джейн Марпл. Критики были в восторге. У поклонников писательницы возникло ощущение, будто воспрянул из небытия их любимый старый друг. Изящная, хрупкая старая дева, отправившаяся отдыхать на вымышленный остров Святого Гонория, конечно, постарела, но была по-прежнему мудра.

Морис Ричардсон из “Обсервер” с удовлетворением отметил, что Агата Кристи продемонстрировала всем “блеск таланта, не поддающегося годам”.

Очень порадовался за Агату и критик из еженедельника “Нью-йоркер”. Он писал: “Читая книгу Агаты Кристи, мы всякий раз невольно думаем: “Боже, и что бы мы делали без этой талантливой леди, полной неиссякаемой энергии?”

Двадцать первого сентября 1964 года Мэтью Причард отметил свой двадцать первый день рождения, что совпало с пятитысячным показом “Мышеловки”.

Примечательным семейным событием стал и переезд (еще в марте) его мамы и отчима в Гринвей. Поселились они в лодочном домике, в “Ферри-коттедже”. Теперь им легче стало присматривать за садом и огородом и держать на контроле компанию “Агата Кристи лимитед”. Но они регулярно наведывались к себе в Поллирэч.

Макс осваивал новую модель “хамбера” в 125 лошадиных сил, а супруга его принялась за новую книгу под названием “Отель “Бертрам”. Когда он появится на прилавках, читателям захочется узнать, какой отель стал прообразом отеля книжного. И

в те дни, и сейчас большинство любителей творчества Кристи считают, что это отель “Брауне”, старинный, роскошный и знаменитый, где так любят пить чай жители престижного района Мэйфер.

Из переписки Агаты и Эдмунда Корка, однако, явствует, что писательницу вдохновлял совсем другой отель, тоже весьма именитый. Получив в марте 1965 года рукопись, Эдмунд решил подстраховаться: “Думаю, важно убрать всякое сходство с отелем “Флеминг”… владелец отеля у нас так и остался под именем Капелло, надо бы изменить, слишком прозрачный намек на Манетта, реального хозяина “Флеминга”.

Вышедшую в середине ноября книгу газеты нахваливали, к концу года было продано 50 000 экземпляров. Фрэнсис Айлз из “Гардиан” счел, что “развязка” слишком неестественна, притянута за уши, но тут же добавил: “Но разве это так уж важно, когда мы берем в руки книгу Агаты Кристи? Важно то, что в любом случае мы не сможем оторваться от этой книги до последней строчки”.

“Отель “Бертрам” стал одним из самых популярных бестселлеров миссис Кристи. Но за две недели до его выхода в свет издательство “Коллинз” выпустило еще один, теперь уже ставший редкостью бестселлер. Это был сборник рождественских стихов и рассказов – “Звезда над Вифлеемом” и другие истории”. Почему-то принято считать, что она предназначалась для детей, но это не так. Макс назвал эти притчи “святочными детективными историями… и, возможно, это самые чарующие и самые оригинальные среди лучших ее произведений”. Кстати, сборник был выпущен под двойной фамилией – Агата Кристи Мэллоуэн.

В качестве рождественского подарка Эдмунд Корк получил от Агаты рукопись “Автобиографии”, которую она писала двадцать пять лет. Не хватало только последней главы, ее мемуаристка допишет в следующем году, завершив историю своей жизни в 75 лет. Почему она так решила? Она объясняет это в самой книге: “Теперь, когда я дожила до семидесяти пяти, думаю, пора остановиться: все, что касается жизни, уже сказано”.

Еще до Рождества Агата получила письмо от Фелпса Флэтта, нового президента нью-йоркской корпорации “Додд, Мид и компания”. Сообщив об этом Корку, она добавит: “Ничего себе имя! Не очень-то располагает” и посетует на то, что ее донимают просьбами писатели, жаждущие получить “авторизованную” биографию Агаты Кристи. “Я отнекиваюсь – в конце концов, я пока еще жива”.

Тем не менее в одном из редких интервью (журналисту

“Санди тайме” Фрэнсису Уайндему), опубликованном двадцать шестого февраля 1966 года, она скажет: “Мне так нравится вспоминать всякие забавные случаи из детства. Наверное, я расскажу и о своей работе, но не очень много. Если кто-нибудь в будущем соберется описывать мою жизнь, надеюсь, они ничего не переврут”.

Личный друг Фелпса Флэтта, Гордон Кларк Рамзи, составлял подробную библиографию произведений Агаты Кристи, и потому его пригласили на несколько дней в Гринвей. Мистер Рамзи был преподавателем в Вустерской академии[88]. Этой аудиенции (именно так) он был удостоен в благодарность Флэтту, опубликовавшему в 1967 году книгу “Агата Кристи, мастер детектива”, причем благородно сдержавшему свое обещание: в опусе не затрагивалась частная жизнь героини.

Так вот Рамзи стал свидетелем и еще не улегшихся страстей по поводу фильма “Караул, убийство!”, наспех слепленного МГМ (с мисс Марпл), и страстей, вполне яростно бушующих в связи с намерением студии выпустить очередную поделку, теперь уже с Эркюлем Пуаро.

Фильм “Убийства по алфавиту” вышел на экраны в августе 1965 года, роль Пуаро исполнил Тони Рэнделл, поставил его Фрэнк Ташлин, более всего известный по шести фильмам с комиком Джерри Льюисом. И в “Убийствах по алфавиту” Ташлин тоже отдал дань незатейливому трюкачеству.

Только осенью боссы студии МГМ “дозрели” до того, чтобы расторгнуть контракт с компанией “Агата Кристи лимитед”, но прежде хотели выпустить новую версию “Десяти маленьких индейцев” (то бишь негритят), не привлекая к написанию сценария саму Агату Кристи. Набор актеров был несколько рискованным. Пригласили современных американских киноидолов Хью О’Брайана и Фабиана и английских исполнителей классической школы – Уилфрида Хайд-Уайта и Стенли Холлоуэя. Вот такая смесь. Продолжительность фильма 92 минуты, и ровно столько же длился его успех – один сеанс.

А 1966 год запомнился Агате в основном путешествиями. В январе Мэллоуэны отправились в Париж, остановились в отеле “Риц”, где их встречали, как членов королевской семьи. Макс подумал, что и стоимость номера тоже королевская (хотя им сделали скидку: всего 18 фунтов, включая оплату завтрака). И вообще Максу куда больше нравился элегантный “Бристоль”, чем “mauvais[89] стиль” пресловутого “Рица”.

После торжественного раута, устроенного издательством “Коллинз” в честь книги Макса “Нимруд и его останки”, Мэллоуэны отбыли в Бельгию, где посетили “Музей Эркюля

Пуаро”. Это произошло в июне, а в августе была Швейцария (“воздух, каков воздух!” – восклицала Агата). Поселились они в Мерлингене, на Тунском озере. (“Пока я здесь, долой все проблемы!!! Пишите, только если что-то очень важное… никаких писем, и я буду совершенно счастлива… ”)

Одиннадцатого сентября они прилетели в Америку, где пробыли до конца года. Макс заключил контракт на обширный курс лекций. Он должен был читать в Гарвардском и Принстонском университетах. Потом посетить с лекциями Балтимор (Мэриленд), Вашингтон (округ Колумбия), Кливленд (Огайо), Остин и Даллас (Техас), Санта-Фе (Нью-Мексико). Далее – Лос-Анджелес, Беркли, Пало-Альто (Калифорния), Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия. А заключительное выступление планировалось в Йельском университете.

Но перед этим долгим вояжем Агата и Макс неделю отдыхали в Нью-Йорке, Агата прошлась по магазинам, где приобрела “необъятные трусы” – так она нарекла купальный костюм (и впрямь солидного размера), чтобы не упустить возможности при случае поплавать. Еще она побывала на могиле своего деда Натаниеля Миллера.

На бруклинское кладбище “Гринвуд” Мэллоуэны отправились на следующий же день после прибытия. Их сопровождающая писала, что “выдался солнечный, но не жаркий день”.

В послании Эдмунду Корку Агата отметила, что “Гринвудское кладбище очень похоже на Луксор… всюду гранитные монолиты”. Далее она совершила паломничество в коннектикутский Ист-Хэмптон, чтобы увидеть родной дом своих предков. “Как прекрасна осенью Новая Англия!” – писала она. О штате Вермонт: “Тут впервые за много лет попробовала *настоящее* сливочное масло!”

Американские поезда ей не понравились (“ланч там подают совершенно несъедобный”), зато понравилась архитектура и музеи, к примеру техасский город Остин показался ей “очень даже цивилизованным”.

К сожалению, совсем отрешиться от работы Агате Кристи не позволяли никогда. В Англии надумали выпустить сборник ее рассказов специально для молодых читателей, под названием “Тринадцать на счастье”. После этого Агату стали донимать вопросами. Она пожаловалась Корку: “В Америке ко мне подходили и спрашивали: “Так вы теперь пишете и для подростков?“ Но ведь это неправда. Я так всем и говорила… имею я хоть какое-то право контролировать то, как распоряжаются тем, что я написала?” Разумеется, он ответил “нет”, по сути дела – никакого. Выбор обложки и названия – за издательством.

Но случилось и кое-что приятное: в ноябре читателям представили книгу “Третья девушка”. Хотя там присутствовал наш старый друг Пуаро, Агата попыталась отойти от имиджа “старомодной писательницы”. На этот раз она писала о современных лондонских девицах, правда чуть ли не извиняющимся тоном. Хотя равно очевидно, что ей не нравятся свисающие до плеч патлы представителей поколения “Битлз” и вся эта “наркотическая культура”, вдруг проросшая – как неодолимые сорняки – сквозь трещины городского асфальта. Она не может не отметить грязные ногти и мешковатую одежду. Литературному критику из “Обсервер” не оставалось ничего другого, как написать: “Прочитав все это, я не удивлюсь, увидев мини-юбку и на самой А.К.”.

Накануне грядущего года Агата решила осмотреться и заново оценить свою жизнь. То, что она узрела, навевало глубокую скорбь. Мир был по сути прежним, хотя и стал неузнаваемым. Но определенно этот “цивилизованный мир” утратил нормы приличия.

Отвратительно. Ей семьдесят шесть лет, и все равно приходится зарабатывать на жизнь, хотя приняты юридические соглашения, защищающие ее авторские права. Она ужасно выглядит, хотя изо всех сил старается держать фасон. А самочувствие? Никогда еще не ощущала такой усталости.

Выход своим чувствам Агата дала в письме Корку, и тон этого письма выдает ее отчаяние: “И ты, и контора Гарольда Обера могли бы все-таки со мной считаться. И с моими чувствами. Я не дрессированная собачка, которая должна всем вам угождать. Я – писатель, и очень печально, что порой становится стыдно за себя”.

Да, ей было стыдно, что ее интересы уже никого не трогали. Ей не присылали сведения о полагающихся ей выплатах с продаж, никто ни разу не спросил, устраивают ли ее названия сборников рассказов, выпускаемых в серии “Гринвей эдишн”. “Итак, есть еще какие-то претензии, Агата? – вопрошает она и сама же отвечает, не обращаясь ни к кому определенно: – Да, имеются. Я бы хотела получать хоть какую-то информацию о своих заработках! И кто, как не ты, должен ею располагать?! Что ж, я нынче выпустила слишком много пара. Еще раз желаю всего самого лучшего в новом году. Всем привет. Ваша *Агата”.*

К счастью, в 1967 году многое изменилось к лучшему. Мэтью Причард окончил Оксфорд и все лето провел в Гринвей-хаузе. Осенью он занялся книжным делом, получив предложение от Алена Лейна, главы издательства “Пингвин букс”. А в мае Мэтью женился на прекрасной Анджеле Мэплз. Она часто приезжала в

Гринвей. Агата писала Корку: “Мы очень рады за Мэтью. Такая славная девочка”. И это было истинной правдой. Жену Мэтью нашел замечательную.

В том же году внук Агаты продал свои права на “Мышеловку”. В беседе с корреспондентом “Дейли миррор” Тони Пернеллом (2002) он сказал, что не испытывает “никаких сожалений”, хотя Питер Сондерс (покупатель) продолжал неплохо зарабатывать на этой пьесе. По этому поводу Мэтью сказал: “Мы с ним договорились, что никогда не будем обсуждать размеры кассовых сборов”.

Эдмунд Корк теперь прилежно оповещал Агату о каждом новом издании (видимо, подействовало ее негодующее новогоднее письмо). А когда было задумано выпустить настольные игры на основе расследований Пуаро, Корк даже отослал Агате правила игры и образцы картонных фигурок и игрового поля. И что же получил в ответ? “Я не в состоянии выбрать подходящий вариант… они все ужасны. Не морочь мне голову подобными глупостями!”

А ведь сама потребовала, чтобы все ей предъявляли..

В июне Макс получил подарок: его “хамбер” поменяли на “вольво истейт”. На новеньком авто он продолжал лихачить, постоянно превышая скорость. В июле Агата прошла курс лечения у отоларинголога, надеясь, что станет лучше слышать. А в августе супруги отправились на две недели в Любляну, так они решили отметить годовщину свадьбы.

В октябре Макс (уже без Агаты) поехал в Иран читать лекции, и там его настиг второй инсульт. Его забрали в больницу, и снова обошлось без серьезных последствий.

Как видим, миссис Мэллоуэн, несмотря на все свои недомогания, оказалась выносливей более молодого Макса. Узнав, что муж в больнице, она страшно разволновалась, в письме Корку мы читаем: “Ждать, не зная, что тебя ждет, адская мука!”

Когда Макс вернулся домой (в Уинтербрук-хауз), вышла семьдесят третья книжка его супруги. “Бесконечная ночь”[90] поразила критиков. В литературном приложении к “Таймс” читаем: “Агата Кристи проявила невероятную смелость, сделав главным героем рабочего парня, который женится на несчастной девчушке из богатой семьи…”

Радоваться успеху новой книги и затевать по этому поводу торжество времени не было, поскольку Мэллоуэны готовились к последнему своему путешествию в Иран. Они называли его Персией (на старый лад) и хотели навестить столь любимую страну и ее жителей, тоже любимых. На этот раз не нужно было докапываться до таившихся под толщей песка и веков городов, не

пришлось больше жарить баранину на керогазе и заваривать чай на воде из Тигра. Это был прощальный визит, ибо политические катаклизмы и солидный возраст больше не позволяли нашим заядлым путешественникам свободно перемещаться по планете. Но, покидая милую свою Персию, Мэллоуэны не стали говорить ей “прощай” и бросать на нее последний взгляд, ибо знали, что она будет с ними всегда. Оба действительно постоянно ее вспоминали.

В 1968 году Максу было пожаловано рыцарское звание. Таким образом, у его леди Агаты Кристи появился рыцарь, сэр Макс Мэллоуэн.

А в 1971 году возвеличили и Агату Кристи, удостоив ее титула “Дама Британской империи”, она была приглашена на обед в Букингемский дворец. Да, девочке, выдумавшей когда-то семейку Котят и воображавшей, что ее обруч – это поезд или рыцарский конь, пришлось долго ждать, но она все-таки стала знатной дамой, которой так мечтала быть в детстве.

До этого события, разумеется, появились книги, каждая чуть слабее предыдущей.

В 1968 году вышел роман “Пальцы чешутся, к чему бы?” (“Не самое лучшее творение Агаты Кристи, хотя попадаются фрагменты, пронизанные ее “фирменным” симпатичным авантюризмом и аурой опасности” – это отзыв Ричардсона из “Обсервер”).

1969 – “Вечеринка на Хеллоуин”, в торонтской газете “Дейли стар” читаем: “Пуаро усталый и вымученный, как и сама книга”.

1970 год, из печати вышла “Пассажирка до Франкфурта” с подзаголовком “феерия”.

Дороти Олдинг, прочитав присланную ей в Нью-Йорк рукопись, тут же отписала Корку: “Между нами говоря, я разочарована. На мой взгляд, это дурное подражание шпионскому роману, причем бездарному”. Именно Дороти настояла на подзаголовке, надеясь, что читатели заранее поймут: это иная Агата Кристи.

Мистер Хьюбии из “Нью-Йорк тайме” не пощадил ни книги, ни автора: “Роман слабый, слабее некуда. И это весьма прискорбно, поскольку у меня возникло такое ощущение, что миссис Кристи вложила в книгу много личного… гораздо больше, чем в другие”.

Коллеге Корку Дороти Олдинг прислала еще более резкие высказывания из той же рецензии: “Каждому случается написать плохой роман, с миссис Кристи такое случалось гораздо реже, чем с другими беллетристами. Но кто-то должен был вмешаться и не допустить этой публикации. Ни читателям, ни репутации

самой писательницы данный опус не принес ничего хорошего". Подчеркнув два последних предложения, Дороти спрашивает: "Уж не нас ли с вами имел в виду рецензент?"

Эй. Дж. Хьюбин мог иметь в виду что угодно, но разве посмели бы литературные агенты Агаты Кристи покуситься на прибыли? Разве решились бы они заявить своей знаменитой подопечной, что ей пора остановиться? Это было бы равнозначно убийству, потому что книги были ее жизнью.

Дела семейные к тому моменту были таковы. Мэтью поселился в отцовской усадьбе, в Поллирэче, теперь он был человеком женатым, строил собственный очаг. Макс, завершивший свой грандиозный труд "Нимруд и его останки", продолжал заниматься научными изысканиями, Энтони не на шутку увлекся садоводством и огородничеством, Розалинда стала официальным блюстителем авторских прав Агаты.

А что же сама Агата? Она продолжала писать.

В 1971 году вышел роман "Немезида". Газета "Гардиан" отозвалась такими словами: "Не прежняя Кристи, но перо у почтенного автора на удивление бойкое и сюжет закручен мастеровито, разогревает как горячая ванна". В том же году появился сборник "Золотой мяч" и другие рассказы", из рассказов, опубликованных ранее.

1972 год – роман "Слоны помнят все". Литературное обозрение "Нью-Йорк тайме" отметило, что это "винтажная" Кристи. Но, увы, не самая лучшая".

"Врата судьбы", издание 1973 года. Это последний роман, ею написанный. Восьмидесятая книга восьмидесятитрехлетней Агаты Кристи. Она уже плохо видела и слышала, она сгорбилась от старости, но все же осилила подарок для читателей, очередную "Кристи к Рождеству".

Это была милая история с участием Томми и Таппенс, полная ностальгии по давно минувшим временам. Агата вспоминала свою жизнь перед прощанием с ней. Некто по имени Кэллендар посетует в вышеупомянутом литературном обозрении: "Грустно осознавать, что почтеннейший автор, ветеран литературных трудов, пишет уже только по инерции… Жаль".

Но в жизни Агаты еще случались счастливые события, и она наслаждалась ими от души. В 1971 году ее пригласила мадам Тюссо, чтобы снять мерки для восковой фигуры, которую собирались потом поставить в Большом зале музея. Польщенная Агата не могла отказать мадам, хотя уже почти не могла ходить. Дело в том, что летом (в июне) она упала (это произошло в Уинтербруке) и ушибла бедро. Неделю она терпела боль, потом сделали рентген, и выяснилось, что это не просто ушиб, а

перелом. В Наффилдском ортопедическом центре (Оксфорд) ей сделали операцию, постепенно нога полностью зажила. Тем не менее теперь Агата передвигалась с огромным трудом.

На следующий год, по весне, когда всюду проводят генеральные уборки, Агата решила почистить машинописный экземпляр пьесы “Эхнатон”, написанной еще в 1937 году, но так и не востребованной. Действие происходит в Древнем Египте, драматический стержень пьесы таков: фараон отчаянно пытается обратить своих подданных в новую веру, заставить их почитать Единого Бога. Двадцать два действующих лица, одиннадцать сцен… Агата прекрасно понимала, что поставить такой спектакль практически невозможно, но надеялась, что уговорит своих издателей опубликовать пьесу. Что они и сделали в 1973 году.

Теперь давайте вернемся на время в 1971 год. Итак, Агата написала “Немезиду”, а знаменитая американская киностудия “Юнайтед артисте” изрядно удивила ее экранизацией книги “Бесконечная ночь”. Получилась беспомощная и грубая имитация фильмов ужасов, хотя пригласили известных актеров, Хейли Миллз и Джорджа Сандерсза (который, между прочим, прямо накануне выхода фильма на экраны свел счеты с жизнью). Лондонская “Таймс” возмущенно заявила, что “от этого фильма несет протухшей копченой селедкой”.

Агата тоже долго не могла прийти в себя от возмущения, и тут последовало еще одно кинематографическое предложение. Лорд Маунтбаттен попросил ее предоставить его зятю, Джону Брабуне, право на экранизацию романа “Убийство в “Восточном экспрессе”. Предполагалось участие звезд первой величины и студии “ЭМИ-филмс”. Поначалу Агата вообще не стала это обсуждать, она не желала больше связываться с кино, ни за что. Но лорд Маунтбаттен, человек дипломатичный и обходительный, мало-помалу сумел добиться доверия. Но предварительных встреч в савойском “Гриль-баре” было много. Агата приходила со своей домашней свитой, Джон Брабуне – со своей. Лорд Маунтбаттен так горячо просил за зятя, что все-таки растопил сердце Агаты. И как только она сказала “да”, ее свита тоже перестала сопротивляться. Фильм получился грандиозный, одна из лучших экранизаций Агаты Кристи.

Американскому режиссеру Сидни Люмету удалось воссоздать атмосферу тридцатых годов – атмосферу книжек Агаты Кристи. А какие актеры там играли! Начнем с Альберта Финни в роли Эркюля Пуаро. Среди прочих – Лорен Бэколл, Шон Коннери, Майкл Иорк, Ингрид Бергман, Ванесса Редгрейв, Джон Гилгуд… великолепное созвездие, сумевшее придать фильму таинственность, романтичность и шик.

“Столь ярких звезд мы пригласили не ради коммерческого успеха, – рассказывал Сидни Люмет, – нам важно было выдержать стиль. Огромное спасибо спонсорам, рискнувшим нанять знаменитостей, ведь это очень опасно. Звезде не скажешь, что денег не хватает и поэтому гонорар придется урезать”.

Винсент Кэнби из “Нью-Йорк тайме” сравнил фильм с “упоительным любовным посланием”, рассыпая похвалы притягательному, всколыхнувшему память о былом духу ушедшей эпохи. Дань восхищения была адресована не только книге Кристи, но и блеску старого Голливуда. Недаром голливудская “Киноакадемия” отметила этот фильм шестью номинациями на “Оскар”.

На лондонскую премьеру Агата прибыла на инвалидной коляске. Тем не менее почтенная Дама Британской империи выглядела очень элегантно в своем норковом палантине и держалась молодцом. На показе присутствовала королева Елизавета и сопровождающие ее величество лица. Когда Агату представляли королеве, она поднялась на ноги и простояла достаточно долго, потому что кроме королевы Англии королева детектива желала поприветствовать, как полагается, и королевскую дочь, принцессу Анну.

Это был феерический вечер. Для создателей фильма само собой. Но в особенности – для Агаты. Когда фильм закончился, ее пригласили на банкет, устроенный в честь премьеры в отеле “Клариджес”.

Вот что писал Макс в своих “Мемуарах”: “Агата была безмерно счастлива. Я хорошо помню такую сцену: полночь, лорд Маунтбаттен ведет Агату к двери банкетного зала и, прощаясь, почтительно пожимает ей руку”.

Это было ее последнее появление перед лондонской публикой[91].

Надо сказать, что всего полтора месяца назад у Агаты случился сердечный приступ – на какое-то время ей был предписан строгий постельный режим. Она жаловалась Корку: “Мне намного лучше, врачи позволили спускаться вниз, в гостиную, но только ненадолго… Тоска!”

В 1974 году не написано ни одной книги, однако Розалинда настояла на сборнике из рассказов с Пуаро, печатавшихся когда-то в журналах. Назывался он “Ранние дела Пуаро”. Обложку для английского издания заказали художнице Маргарет Мюррей. На ней изображен довольно потрепанный дорожный саквояж, стоящий у ног путешественника (вообще-то только его ноги и видны). Ступни в начищенных ботинках и белых гамашах были довольно большими, и Агата сразу написала строгое письмо

Билли Коллинзу: “Ноги этого щеголя никак не могут принадлежать Эркюлю Пуаро”. Вот так-то, очень тревожилась, что в воображении читателя возникнет господин футов шести, а то и выше.

Подобные перепалки бодрили, вносили некоторое разнообразие в теперешнюю ее жизнь, почти лишенную событий. Время от времени Агата все же покидала Уинтербрук-хауз, но о поездках в Гринвей больше не могло быть и речи. Кровать ее иногда спускали из спальни вниз. Пока подыскивали сиделку, о жене нежно заботился Макс.

Случалось, она не осознавала, что делает, совершала странные поступки. Однажды вдруг схватила ножницы и обкромсала волосы. Или внезапно начинала с чувством тараторить что-то, вспоминая прошлое, – негромко, уже не хватало сил. Но в общем-то оставалась прежней Агатой, только с каждым днем все заметнее слабела.

В выходные обычно приезжала секретарь Макса, Барбара Паркер, помогала управляться с хозяйством, заботилась о Максе, ведь свалившиеся на профессора хлопоты и переживания, естественно, сказывались на его самочувствии. Агата любила Барбару, ценила ее доброту и покладистый характер. Та спокойно воспринимала и замечания и похвалы.

Скорее всего, Агата понимала, что умирает, медленно, но неотвратимо, совсем как героиня одной из ее книг, понимала, что со временем обратится в прах. Она отдала распоряжения относительно погребения, никаких слез, четко и деловито. Похоронят пусть в деревне Чолси, на погосте церквушки Святой Девы Марии, это неподалеку от Уинтербрука. На могильном памятнике она попросила высечь цитату из “Королевы фей” Эдмунда Спенсера: “Усни, сокройся от забот, от войн и штормовых морей. На смену Жизни Смерть идет, ты не противься ей”[92]. Прощание пусть совершится под музыку Баха: оркестровая сюита № 3 (“Воздух”).

Слабеющая Агата редко выказывала беспокойство, подолгу играла с Бинго, манчестерским терьером, который сменил Питера и тоже стал лучшим ее другом, помогавшим преодолевать житейские бури. С ним можно было сколько угодно разговаривать, не боясь наскучить или что он уйдет. Макс знал, что соперничать с Бинго бесполезно, и даже не пытался. К тому же пес несколько раз его тяпнул. Какое уж тут соперничество.

Итак, 1975 год. Писать Агата больше не могла и потому после долгих уговоров все-таки позволила изъять из банковской ячейки заключительный роман про Пуаро – “Занавес”. Книга, которую Агата когда-то распорядилась напечатать после ее смерти,

послужила традиционным подарком читателям – “Кристи на Рождество”. Критики трубили в фанфары, радуясь, что получили “прежнюю Кристи”. Мэтью Коади из “Гардиан” писал: “Дама Агата, чьи последние творения заметно уступают написанным ранее, вновь явила миру свою гениальность”.

Роман вмиг раскупили, первый тираж составлял 120 000 экземпляров. В Америке он вышел в твердой обложке, принеся Розалинде (ведь она была обладательницей права на публикацию) 300 ООО долларов. Поклонники Эркюля Пуаро были растроганы безмерно, так как их любимец здесь уже немощный старик, скрючившийся от боли в суставах. Особенно душераздирающей была последняя страница, где месье прощается со своим дорогим другом, капитаном Гастингсом.

“Прощайте, eher ami. Я убрал с прикроватного столика ампулы с амилнитритом[93]. Предпочитаю уповать на милость Господа”.

На первой полосе “Нью-Йорк тайме” крупными буквами был напечатан заголовок “Умер знаменитый бельгийский сыщик Эркюль Пуаро”.

Далее читаем сам некролог: “В конце жизни месье Пуаро страдал артритом, и у него было больное сердце. Мы частенько видим месье в инвалидном кресле, когда его переносят из спальни в гостиную Стайлз-корта[94]. В эссекском имении Стайлз теперь устроен пансион с маленькими комнатками. А гордец Эркюль Пуаро вынужден пользоваться париком и фальшивыми усами, дабы скрыть урон, нанесенный старостью”.

Прямо перед рождественскими каникулами Агату, совсем как и ее Эркюля Пуаро, переносят из спальни в гостиную Уинтербрука и укладывают на диван, на котором она и примет последнее причастие.

На Рождество соберется вся семья, Агата подолгу будет смотреть на каждого, мысленно благодаря Господа за ниспосланную ей благодать – близких людей.

А потом она простудится, не сильно. Но когда организм настолько хрупок и истощен, довольно и такой малости…

Новый год Агата встретила вдвоем с Максом. А двенадцатого января, когда муж вез ее на коляске из столовой, она нашла его руку и, не поднимая головы, прошептала: “Я возвращаюсь к моему Создателю”. Прошептала – и умерла.

Агата Мэри Кларисса Кристи Мэллоуэн покинула этот мир в восемьдесят пять лет.

Эпилог
Гений детективного жанра

В жанре детектива нам следовало бы наградить ее титулом "гений".

Из речи сэра Уильяма Коллинза, произнесенной на церковной мемориальной службе

13 ЯНВАРЯ 1976 ГОДА. Второй день после смерти Агаты. Во всех театрах лондонского Уэст-Энда от десяти до одиннадцати вечера будет притушен свет. Агата заслужила эту почесть, девятнадцать пьес были написаны ею, девятнадцать пьес, гарантировавших успех. Люди театра были ее друзьями и теперь отдавали дань памяти и признательности не просто знаменитой писательнице, а коллеге.

Похоронили Агату на пятый день после смерти, там, где она просила, на церковном кладбище в деревне Чолси. Розалинда постаралась выполнить все мамины распоряжения. Могильный памятник поставят позже, его сделают друзья покойной, археологи. Они вырежут и надпись, и головки ангелов. Могила Агаты Кристи располагалась на самом краю скромного погоста, подальше от любопытных глаз. Так что даже после смерти Агата оставалась в сторонке. Эта стыдливая и робкая женщина, эта великая сказочница, после смерти осчастливит мир еще одним романом, написанным давным-давно, в 1940 году.

Книга “Спящее убийство”, про последнее расследование мисс Марпл, будет опубликована спустя девять месяцев после смерти автора. Критик из газеты “Нью-Йорк тайме”, мистер Гэвин Ламберт, напишет: “Этот роман не из самых лучших в наследии писательницы, но в нем очень хорошо передано ее личное отношение к деяниям преступника, к тому, что сама она называет злом”. Агата была бы довольна тем, что Ламберт заметил это, ведь она всю жизнь, вооружившись ярким фонариком, с неослабным вниманием наблюдала за борьбой добра и зла. И в финале ее книг добро всегда побеждало.

Сэр Уильям Коллинз на мемориальной службе через четыре месяца после ухода Агаты Кристи, проводившейся в самой знаменитой приходской лондонской церкви – Сент-Мартин-ин-зе-

Филдс, найдет очень точные слова о сути ее произведений.

Он сказал, что ее книжки – современный аналог средневековых пьес-моралите. Создательнице сложнейших криминальных головоломок всегда гораздо важнее было поймать преступника, чем вникать в подробности его “работы”. И мисс Марпл, и Пуаро, Томми и Таппенс Бересфорд, Паркер Пайн, Харли Кин… словом, все сыщики Агаты Кристи непременно добиваются поимки злодея, и всегда очевидно, что ему уже не избежать возмездия.

Эдмунд Корк, литературный агент, верный друг и порученец, получил на память (по завещанию) бюст Меркурия из веджвудского фарфора и большой сундук, доставленный когда-то по морю из Дамаска.

Сразу после смерти Агаты был учрежден мемориальный фонд, средства, пожертвованные ее поклонниками, попечители распределили между “Детским трастом Агаты Кристи”[95] и католической женской монашеской конгрегацией “Малые сестры убогих” (помогающей старикам). Авторские права на свои книги она раздарила задолго до смерти.

В главный дом Гринвей-хауза Розалинда с Энтони перебрались тоже достаточно давно, поэтому в их жизни после ухода Агаты особых перемен не произошло. Энтони по-прежнему увлекался огородничеством, удивляя округу отменными овощами, Розалинда продолжала ревностно следить за тем, чтобы не нарушались авторские права на публикацию книжек Агаты Кристи, и старательно избегала назойливых интервьюеров. Вскоре после смерти матери ей тоже пришлось вступить в перепалку с издателями. Розалинда жаловалась, что те не сочли нужным показать ей обложку к “Спящему убийству”.

“Автобиография”, отосланная Корку самой Агатой, была впоследствии отредактирована, убраны повторы и длинноты. В результате получилась невероятно захватывающая история, состоящая из отдельных воспоминаний, особенно дорогих писательнице.

“Автобиография” была опубликована в ноябре 1977 года. Редактор Филип Циглер (из издательства “Коллинз”) провел большую работу над рукописью. Первое издание вышло с четырьмя цветными вкладками, на которых были напечатаны фамильные портреты семьи Миллер. В повторных изданиях эти вкладки убрали.

В книге рассказывается о множестве реальных событий – неудивительно, что в памяти Агаты спутались кое-какие даты и факты. Таких неточностей набралось достаточно много, но редактор все выверил и выправил. Большая часть книги

посвящена детству, проведенному в Торки, и семейным путешествиям. В этой части множество драгоценных деталей, она пропитана ностальгией. Ну а тому, что происходило с 1945 по 1965 год (Агата закончила книгу в семьдесят пять, прожив потом еще десять лет), отведено лишь двадцать три страницы. Ни единой строчки и про печально известное исчезновение в 1926 году. Агата отмахнулась от тех событий, как от надоедливого комара: “Мне всегда тяжело вспоминать следующий год своей жизни… но совсем не обязательно долго задерживаться на подобных воспоминаниях”.

Недвижимость, принадлежавшую только самой Агате, получила Розалинда (Гринвей-хауз был переписан на нее в 1959 году). У Макса оставался Уинтербрук-хауз и еще несколько домов. Он овдовел в семьдесят один год и, похоже, не собирался до конца жизни лишь скорбеть о былом. Он продолжал видеться с сердобольной Барбарой Паркер, которая помогала ему увозить из дома вещи жены, много вещей. Но роман профессор завел с другой дамой, жившей по соседству.

Баронесса Жанна Стоунер Камойз, эффектная красавица, тоже недавно потеряла мужа – Ральфа Роберта Уоттса Шермана Стоунера, который был шестым лордом Камойзом.

От пятого лорда Камойза лорд шестой, кроме титула, унаследовал огромное фамильное поместье, Стоунер-Парк. Жена его Жанна дружила со своими знаменитыми соседями, причем с обоими. Когда барон покинул этот мир, шестидесятитрехлетняя баронесса решила, что Макс – вполне достойный преемник.

Баронесса, конечно, не сомневалась, что потенциальным наследником солидного состояния Агаты был только ее муж. Но она ошибалась, Максу досталось далеко не все. Так вот, спустя два месяца после смерти жены он приободрился и стал выглядеть весьма импозантно. Ездил на роскошном “бентли”, облачен был в модный твидовый костюм, отправив в отставку привычный теплый жилет. Соседку он теперь приглашал не на чай, а на коктейли. Этот всплеск молодости, порожденный чарами прелестной вдовушки, был коротким. Баронесса вскоре узнала, что Макс не так богат, как ей казалось, хотя, разумеется, и далеко не беден.

А вот Барбару Паркер его деньги волновали мало. Ей было шестьдесят девять, и двадцать из них она преданно служила Максу Никто особо не удивился, узнав, что они помолвлены. А уже в сентябре 1977 года Барбара и Макс поженились. Розалинду это событие не обрадовало, она предпочла бы, чтобы отчим до конца своих дней был верен памяти ее мамы. Дочерняя обида и боль длились недолго, и года не прошло, как Максу пришлось

перенести операцию на пораженном артритом бедре. Это случилось в июле, выздороветь отчим Розалинды не успел, его настиг очередной сердечный приступ.

Макс Мэллоуэн умер 19 августа 1978 года, он покоится в той же могиле, что и Агата.

После похорон Розалинду вызвали в Уинтер-брук-хауз и попросили указать, какие еще вещи принадлежали ее матери. Вещи вывезли, а имение вдова продала. За него Барбара Паркер Мэллоуэн получила 40 ООО фунтов. По нынешним ценам это составило бы примерно четыреста тысяч.

Вторая супруга Макса до самой смерти жила в Уоллингфорде (город, где расположен проданный ею Уинтербрук-хауз). Уже после кончины Макса ее выбрали президентом Британской археологической школы в Ираке. Миссис Барбара Паркер Мэллоуэн активно работала до конца своих дней. Умерла она в восемьдесят пять лет.

В 1979 году английские издатели Агаты Кристи выпустили книгу “Последние дела мисс Марпл и еще два рассказа”[96], в которую были включены рассказы, публиковавшиеся в сороковые годы, почти все в США. “Таймс” сочла, что “от некоторых новелл веет ароматом кондитерской”.

Позднее издательство “Харпер-Коллинз” (образовавшееся в 1987 году в результате слияния “Коллинз” и “Харпер энд Роу”) старалось так компоновать рассказы Агаты Кристи, что сборники воспринимались публикой как нечто совершенно новое. В 1991 году появилась книга “Хлопоты в Польенсе” и другие рассказы”[97], в 1997-м – “Доколе длится свет” и другие рассказы” и сборник “Чайный сервиз “Арлекин”, выпущенный издательством “Джордж Патнам”.

Розалинда ревностно следила за тем, чтобы репутацию Агаты Кристи не портили некачественными изданиями и фильмами. И у нее имелись для этого веские основания. Когда Агата уже серьезно болела, в ФРГ сняли Ein Unbekannter rechnet ab[98] (1974), съемки проходили в Иране, в них, среди прочих актеров, участвовал шансонье Шарль Азнавур и давний знакомец Агаты, сэр Ричард Аттенборо. В Америке фильм выпустили в прокат под названием “Десять маленьких индейцев”. Винсент Кэнби из “Нью-Йорк тайме” заявил, что данный фильм из разряда тех, которые “позорят всякого, кто причастен к их появлению… ”.

В 1978 году Розалинда подала иск на компанию, приступившую к съемкам фильма “Агата” по одноименному роману Кетлин Тинан, посвященному пресловутому исчезновению героини в 1926 году Розалинда была удручена настолько, что даже написала письмо в лондонскую “Таймс”:

“Хочу воспользоваться возможностью уведомить всех, что согласия на съемки никто из нашей семьи не давал, никаких советов у нас не спрашивали. Мы против этих съемок и чрезвычайно огорчены происходящим”. Суд не смог остановить съемочный процесс. Фильм все-таки вышел на экраны. И хотя он получил лестные отзывы, Розалинда навсегда невзлюбила кинопродюсеров, для которых не существует элементарных этических норм.

В том же, 1978 году студия ЭМИ, вдохновленная грандиозным успехом “Убийства в “Восточном экспрессе”, сняла “Смерть на Ниле”. Розалинда побывала на съемках. Говорят, она подошла к Питеру Устинову и сказала, что его Пуаро был совершенно на себя не похож. И всемирно известный актер вроде бы ответил: “Был. Но теперь похож, мадам. Теперь похож”. Фильм снимали в Египте, критики хвалили его так же пылко, как “Убийство в “Восточном экспрессе”. Кассовые сборы составили примерно пятнадцать миллионов долларов, что гораздо меньше, чем сборы от первого фаворита зрителей.

Однако студию это не смутило, в 1980 году она предприняла экранизацию романа “И в трещинах зеркальный круг”. Название фильма – “Разбилось зеркало”. Состав, разумеется, звездный. Мисс Марпл – Анджела Лэнсбери. А еще Элизабет Тейлор, Рок Хадсон, Ким Новак. На радость поклонникам.

Кино получилось – настроение, ритм, все в точку, все совпало. Газета “Варьете” оценила фильм: “Чуть менее энергичный, но не менее захватывающий, чем “Убийство в “Восточном экспрессе”. В 1982 году ЭМИ экранизировала “Зло под солнцем”, но этот фильм публика приняла уже не так горячо, хотя производители вроде бы не отступили от апробированной “формулы успеха”. Пуаро снова сыграл Питер Устинов, его партнерами были великолепные Мэгги Смит и Джеймс Мейсон. Въедливый Винсент Кэнби (напоминаем – “Нью-Йорк тайме”) написал тогда: “Фильм примечателен чувством стиля, не более того. Впрочем, это не так уж и мало”.

На телеэкраны произведения Агаты Кристи попали только в начале восьмидесятых, компания “Агата Кристи лимитед” позволила наконец телевизионщикам экранизировать детективы Агаты. Сама писательница телевидение не признавала, воевала с ним, считала, что на телевизоре неплохо смотрится ваза с цветами, а смотреть на экран совсем не обязательно. Розалинда, в отличие от своей мамы, относилась к телевидению лояльно. Но согласилась на сотрудничество с лондонским “Телевидением выходного дня”, лишь оговорив ряд условий. Так в развлекательных программах появился “Час с Агатой Кристи”.

Десять фильмов по рассказам Кристи были приняты великолепно.

Успех этого сериала вдохновил компанию Си-би-эс на съемки двух телефильмов. В 1973 году зрителям показали “Карибскую тайну” и “Сверкающий цианид” – и снова грандиозный успех. Теперь уже в Би-би-си решили, что пора браться за Кристи всерьез. Сериал “Мисс Марпл” был начат в 1984 году, роль прозорливой старой девы исполняла Джоан Хиксон. А в 1989-м “Телевидение выходного дня” запустило сериал “Пуаро Агаты Кристи” с Дэвидом Суше. Этого актера порекомендовала Розалинда, которой он очень приглянулся в сериале по книге Тома Шарпа “Блотт в помощь”.

Оба сериала Розалинду порадовали, там все соответствовало книгам ее матери, и сюжеты, и антураж, и облик главных героев. Сериалы купила Америка – для Общественного телевидения, потом их приобрела и кабельная американская сеть “Артс энд энтертейнмент”. В общем, сериалы про мисс Марпл и Пуаро принесли компании “Агата Кристи лимитед” немалую прибыль и продолжают приносить.

В 1993 году миссис Розалинда Хикс учредила “Общество Агаты Кристи”, призванное охранять наследие ее матушки. Председателем оного стала сама Розалинда, а вице-председателями – Джоан Хиксон и Дэвид Суше.

Спустя семь лет Розалинда и Мэтью подарили Гринвей-хауз и его замечательные сады и огород “Британскому национальному трасту”[99], теперь за судьбу уникального особняка можно было не волноваться.

Розалинда умерла в 2004 году, принадлежащая ей собственность была оценена примерно в шестьсот миллионов долларов. Ее супруг Энтони умер через год. Мэтью Причард вскоре передал Национальному трасту и все остальные строения и службы на землях Гринвей-хауза. Ему хотелось, чтобы в дом его бабушки могли прийти все желающие, ведь интерес к ее творчеству и ко всему, что касается ее личности, по-прежнему велик.

После реставрации, которая обошлась в семь с половиной миллионов долларов, Гринвей-хауз был открыт для посетителей – в феврале 2009 года.

Едва ступив на порог старинного уютного особняка цвета столь любимых Агатой взбитых сливок, мы попадаем в былые времена. В этих изобилующих сувенирами и милыми мелочами комнатах люди невольно почтительно умолкают. Агата любила подобные мелочи, не обязательно дорогие, но напоминающие о дорогих сердцу моментах. В холле стоит обитый кожей багдадский сундук, побитый и потертый, в доме вообще много

старых, несколько потертых и выцветших вещей. В столовой мы видим ту самую, военных лет, фреску с недорисованной нимфой. В малой гостиной по-прежнему висят расписанные красками ракушки, в большой гостиной – все те же скромные диванчики и основательные кресла. Усевшись в такое кресло, Агата любила читать домочадцам отрывки из очередного романа. Немного воображения – и вы словно наяву слышите ее голос. Этот особняк не просто исторический памятник. В нем сохранился дух семейного очага, Мэтью Причард и управляющий Робин Браун очень постарались, чтобы это был не просто музей, а дом Агаты.

На столе лежат шляпы для работы в саду, а посмотришь поверх них, взгляд сразу упрется в сад, где стройно высятся мощные ясени, буки и раскидистые монтеррейские сосны. Рядом с этими великанами красуются благородные лавры и камелии, а вдали, ближе к горизонту, спокойно катит свои воды Дарт.

Этот дом и этот сад – молчаливое, но яркое свидетельство любви к женщине, которая даже не считала себя настоящим писателем, однако общий тираж ее книжек перевалил уже за два миллиарда, и они переведены на сто пять языков. На данный момент Агата – самый популярный современный писатель[100]. Агаты Кристи нет на свете уже тридцать с лишним лет, но все ее книги продолжают издавать. Романы и сборники рассказов (коих набралось 157). Восемьдесят четыре книги. И еще шесть романов, написанных под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Две книги воспоминаний. Девятнадцать пьес. Напомним, что “Мышеловка” идет в театрах с 1952 года. За эти годы в ней участвовали 282 актера, а ставили ее более двадцати трех тысяч раз. И это о ней Агата когда-то говорила: “Какое-то время продержится на плаву, хоть и недолго”.

Агате было чем похвастаться, но она этого не делала. Зачем? Ее труды говорили сами за себя. Она избегала репортеров, предпочитала не отвлекаться от историй, которые брезжили в ее воображении. Пока она, лежа в ванной, грызла яблоко или мыла в кухне посуду, в голове ее закручивался захватывающий сюжет.

Когда Агату просили объяснить загадку ее таланта, она пожимала плечами и, скептически поцокав языком, отвечала: “Я не считаю свои книги каким-то литературным откровением, просто я умею писать занимательно”.

Романы и сборники рассказов

(английские и американские названия)

Таинственное происшествие в Стайлзе, 1920

Таинственный противник, 1922

Убийство на поле для гольфа, 1923

Пуаро расследует *(сборник рассказов)*, 1924

Человек в коричневом костюме, 1924

Тайна замка Чимниз, 1925

Убийство Роджера Экройда, 1926

Большая четверка, 1927

Тайна "Голубого экспресса", 1928

Тайна семи циферблатов, 1929

Сообщники *(сборник рассказов)*, 1929

Таинственный мистер Кин *(сборник рассказов)*, 1930

Убийство в доме викария, 1930

Загадка Ситтафорда / Убийство в Хейзлмуре, 1931

Загадка Эндхауза, 1932

Тринадцать загадочных случаев / Вечерний клуб "Вторник" *(сборник рассказов)*, 1932

Смерть лорда Эджвера / Тринадцать за столом, 1933

"Гончая смерти" и другие рассказы, 1933 *(только в Великобритании)*

Убийство в "Восточном экспрессе" / Убийство в поезде до Кале, 1934

Тайна Листердейла *(сборник рассказов),* 1934 *(только в Великобритании)*

Почему же не Эванс?/Улика-бумеранг, 1934

Расследует Паркер Пайн / Детектив мистер Паркер Пайн *(сборник рассказов)*, 1934

Трагедия в трех актах / Убийство в трех актах, 1935

Смерть в облаках / Смерть в воздухе, 1935

Убийства по алфавиту, 1936

Убийство в Месопотамии, 1936

Карты на столе, 1936

Убийство в бывшей конюшне / Зеркало мертвеца *(сборник рассказов),* 1937

Немой свидетель / Несостоявшийся клиент Пуаро, 1937

Смерть на Ниле, 1937

Свидание со смертью, 1938

Рождество Эркюля Пуаро / Убийство на Рождество/ Каникулы для убийства, 1938

Убить легко / Погубить легко, 1939

“Тайна регаты” и другие рассказы, 1939

Десять негритят / И не осталось никого / Десять маленьких индейцев, 1939

Печальный кипарис, 1940

Раз, два, пряжку застегни / Патриотические убийства/ Смертельная доза, 1940

Зло под солнцем, 1941

Икс или Игрек? 1941

Труп в библиотеке, 1942

Пять поросят / Давнее убийство, 1943

Отравленное перо (Одним пальцем), 1943

К нулю, 1944

Смерть приходит в конце, 1945

Сверкающий цианид / Памятная смерть, 1945

Лощина / Убийство спустя несколько часов, 1946

Подвиги Геракла *(сборник рассказов*), 1947

К берегу удачи / Миг прилива, 1948

“Свидетель обвинения” и другие рассказы, 1948

Кривой домишко, 1949

“Три слепые мышки” и другие рассказы / “Мышеловка” и другие рассказы, 1950

Объявлено убийство, 1950

Багдадская встреча, 1951 “Неудачник” и другие рассказы, 1951

Миссис Макгинти с жизнью рассталась, 1952 “

Фокус с зеркалами” / “Убийство с зеркалами”, 1952

После похорон / Роковые похороны, 1953

Карман, полный ржи, 1953

Место назначения неизвестно / Так много шагов до смерти, 1954

Хикори, дикори, док / Хикори, дикори, смерть, 1955

Причуда мертвеца, 1956

В 4.50 от Паддингтона / Что увидела миссис Макгилкадди! 1957

Испытание невиновностью, 1958 Кошка на голубятне, 1959

“Приключения рождественского пудинга” и немного о других блюдах, 1960 *(только в Великобритании)*

“Двойной грех” и другие рассказы, 1961 *(только в США)*

Бледный конь, 1961

И в трещинах зеркальный круг / Разбилось зеркало, 1962 Часы, 1963

Карибская тайна, 1964

Отель “Бертрам”, 1965

Третья девушка, 1966

Бесконечная ночь, 1967
Пальцы чешутся, к чему бы? 1968
Вечеринка на Хеллоуин, 1969
Пассажирка до Франкфурта. *Феерия,* 1970
“Золотой мяч” и другие рассказы, 1971
Немезида, 1971
Слоны помнят все, 1972
Врата судьбы, 1973
Ранние дела Пуаро / Ранние дела Эркюля Пуаро *(сборник рассказов),* 1974
Занавес, 1975 Спящее убийство, 1976
Последние дела мисс Марпл и еще два рассказа, 1979 *(только в Великобритании)*
“Хлопоты в Польенсе” и другие рассказы, 1991 *(только в Великобритании)*
Чайный сервиз "Арлекин”, 1997 *(только в США)*
"Доколе длится свет” и другие рассказы, 1997 *(только в Великобритании)*

Романы под псевдонимом Мэри Уэстмакотт

Хлеб великанов, 1930
Неоконченный портрет, 1934
Вдали весной, 1947
Роза и тис, 1947
Дочь есть дочь, 1952
Бремя любви, 1956

Книги Агаты Кристи, не относящиеся к детективному жанру

Дорогой мечты *(сборник стихов)*, 1924
Расскажи, как живешь *(мемуары)*, 1946
"Звезда над Вифлеемом” и другие истории *(сборник рождественских рассказов и стихов),* 1965
Стихи, 1973
Автобиография, 1977

Пьесы и инсценировки

Алиби *(пьеса Майкла Мортона по роману “Убийство Роджера Экройда")*, 1928

Черный кофе, 1930

Любовь незнакомца *(пьеса Фрэнка Воспера по мотивам рассказа “Коттедж Соловей"),* 1936

Эхнатон, 1937

Чай для троих *(пьеса Марджери Воспер по рассказу “Несчастный случай”),* 1939

Загадка Эндхауза *(инсценировка Арнольда Ридли),* 1940

Десять негритят / Десять маленьких индейцев, 1943

Свидание со смертью, 1945

Смерть на Ниле / Невидимый горизонт, 1946

Убийство в доме викария *(инсценировка Барбары Той и Мойе Чарльза),* 1949

Лощина,1951

Мышеловка, 1952

Свидетель обвинения, 1953

Паутина, 1954

К нулю, 1956

Вердикт, 1958

Нежданный гость, 1958

Возвращение к убийству, 1960

Правило трех, 1962

Тройка скрипачей, 1972

Объявлено убийство, 1977

Убийство в доме викария *(инсценировка Лесли Дарбона),* 1977

Карты на столе *(инсценировка Лесли Дарбона),* 1981

Убить легко *(инсценировка Клайва Экстона),* 1993

И не осталось никого *(инсценировка Кевина Элиота),* 2005

notes

Примечания

1

На самом деле Агате Кристи было 36 лет. *(Прим. автора)*.

2

Малый Лондон – город в Западном Йоркшире.

3

“Рио Тинто компани” – концерн по добыче меди, его штаб-квартира находилась в Лондоне. Арчи Кристи работал в “Острал лимитед”, это инвестиционная компания, офисы которой располагались в здании “Рио Тинто” (“Рио Тинто Билдинг”). *(Прим. автора.)*

4

“Светский альманах” – ежегодник, в котором перечислены имена и адреса людей, принадлежащих к избранному обществу.

5

Мой удивительный кузен *(фр.)*

6

“Дамская миля” – участок Бродвея, где в XIX веке находились крупнейшие магазины женской одежды.

7

Моя цыпонька *(фр.)*.

8

Карапасная палуба – палуба, имеющая наклон к бортам, для быстрейшего стока с нее штормовой воды.

9

“Вперед, Христовы воины” – очень популярный в Англии христианский гимн, часто исполняемый в школах, а также на всяких торжественных мероприятиях, в том числе и на похоронах.

10

Изумительно *(фр.)*.

11

Чтобы спасти свою дочь, я убила собственную мать *(фр.)*.

12

Теперь в этом здании находится отель “Мариотт”.

13

Страна нежности *(фр.)*.

14

Имеется в виду опера Рихарда Вагнера “Тристан и Изольда”.

15

“Bodley Head” – “Голова Бодли”.

16

Господин *(суахили)*.

17

Комптон-Касл – особняк XIV в., расположенный в живописном уголке, примерно в пяти милях от Торки. Агата и Джек часто наведывались туда с корзиной для пикника. *(Прим. автора.)*

18

Имеется в виду один из самых престижных и роскошных лондонских отелей.

19

Богги – количество ударов на один больше, чем пар. Паром называют допустимое правилами количество ударов, за которое игрок должен пройти лунку.

20

“Да хранит тебя ангел” – колыбельная из оперы “Жослин”. Одно из самых популярных произведений французского скрипача и композитора Бенжамена Луи Поля Годара (1849–1895).

21

Мистер Паркер – тогдашний начальник вокзала в Харрогейте. *(Прим. автора.)*

22

“Авантюристы”: общество с ограниченной ответственностью” *(нем.)*.

23

Ур – город и морской порт в Ираке.

24

Киликийские ворота – проход между хребтами Таврских гор, по которому проложена дорога из Малой Азии в Сирию.

25

Английский философ Джон Уильям Данн вошел в историю философии XX века как создатель многомерной модели времени.

Там находится мечеть-мавзолей первого имама шиитов, основателя шиизма Али и его сыновей Хусейна и Аббаса.

27

Календула считалась в древности символом постоянства в любви, и ее часто вплетали в свадебный венок.

28

Великая пирамида – египетская пирамида Хеопса.

29

А пятый граф Карнарвон участвовал в египетских раскопках археолога Говарда Картера (и финансировал их). Этим энтузиастам в 1923 г. посчастливилось обнаружить гробницу Тутанхамона. *(Прим. автора.)*

30

Вероятно, имеется в виду череп Призрака из книги Гастона Леру “Призрак оперы”.

31

Тут, безусловно, корректнее было бы назвать СССР, поскольку России (РСФСР) в маршруте супругов Мэллоуэн не было.

32

Идея романа возникла у Агаты Кристи после посещения концерта этой популярной в те годы артистки, обладавшей редкостным даром перевоплощения.

33

Телль – арабское название кургана.

34

В “Автобиографии” сама Агата Кристи указала номер 48, эта ошибка потом перекочевала во все другие жизнеописания. *(Прим. автора.)*

Некоторые рассказы из того сборника время от времени публиковались там после 1948 г., но в составе других сборников. *(Прим. автора.)*

36

Так называемый “мандат Лиги Наций”, по которому Сирия (как часть распавшейся после Первой мировой войны Османской империи) отошла Франции.

Неизвестная земля *(лат.)*.

38

А заодно и возможности не присутствовать на премьере фильма “Смерть лорда Эджвера”, где на роль Пуаро опять позвали Остина Тревора, что, по мнению Агаты, было ужасно. *(Прим. автора.)*

39

Десерты (*фр.)*.

В США – “Убийство в трех актах”. *(Прим. автора.)*

41

В США – “Смерть в воздухе”. *(Прим. автора.)*

42

В Америке в название вынесли заголовок другого рассказа– “Зеркало мертвеца”. Среди переводов на русский есть вариант “Разбитое зеркало”.

43

Американский вариант – “Несостоявшийся клиент Пуаро”. *(Прим. автора.)*

44

В США – “Убийство на Рождество”. Позже там вышло еще одно издание, в бумажном переплете, под названием “Каникулы для убийства”. *(Прим. автора)*.

Американское название “Погубить легко”. *(Прим. автора.)*

46

Стишок из сборника “Стихи и песни Матушки Гусыни”.

47

Ллойд Джордж Амбр о з – государственный секретарь по делам колоний. Должность получил в 1940 г., когда премьер-министром стал сэр Уинстон Черчилль.

48

Формируется из гражданских лиц, получающих военную подготовку на добровольных началах; создана в 1920 г. как резерв первой очереди сухопутных войск, с 1967 г. реорганизована в Территориальный армейский добровольческий резерв.

49

Полк был сформирован 16 марта 1689 г. по указу короля Вильгельма III (бывшего Вильгельма Оранского), в том же году занявшего английский трон.

50

В США – “Патриотические убийства”. В 1953 г. роман вышел в бумажной обложке под названием “Смертельная доза”. *(Прим. автора.)* Один из вариантов русского названия – “Раз, два, пряжка держится едва”.

51

Дословный перевод: “Н или М?”

52

Ист-Энд, то есть Восточный Лондон, долгие годы считался районом простых людей с весьма скромным достатком.

Ранее именно он открыл путь на сцену пьесе “Алиби” с Чарльзом Лоутоном в роли Пуаро.

Напоминаем читателю, что этот актер ранее уже исполнял роль Пуаро – в первой пьесе Агаты Кристи “Черный кофе” (1930).

55

Существует перевод названия, более близкий к тексту оригинала: “Одним пальцем” (Moving Finger).

Американский заголовок “Давнее убийство” *(Прим. автора.)*

57

Хайгейт – фешенебельный жилой район в северной части Лондона.

58

Американское издание в бумажной обложке – “Дорога к виселице”. *(Прим. автора.)*

59

Название было навеяно 98-м сонетом Уильяма Шекспира.

60

Гурия – прекрасная девственница в магометанском раю, обещанная Аллахом воинам в качестве награды за доблесть и праведность. *(Прим. автора)*

61

Агата Кристи долго воевала с адмиралтейскими чиновниками, не желавшими избавлять дом от этих кабинок.

62

Американское название романа – “Убийство спустя несколько часов”.

63

Робинс Гвен – автор книги “Неизвестная Агата Кристи”.

64

Персонажи стишка из столь любимого Агатой сборника “Стихи и песни Матушки Гусыни”.

65

Эти похожие на быков божества с женскими головами и накладными бородами охраняли дом и город от несчастных случаев, которые могли учинить злые демоны.

66

Намек на приближение весеннего еврейского праздника Пурим, связанного с почитанием Эсфири, ветхозаветной спасительницы иудейского народа.

67

В Америке – “Миг прилива”. Это название – часть строки из пьесы У. Шекспира “Юлий Цезарь”. Цитата целиком: “В делах людей бывает миг прилива;//Он мчит их к счастью, если не упущен” *(пер. Исая Мандельштама).*

Калху – Калах в Ветхом Завете. *(Прим. автора.)*

69

На самом деле это был 50-й роман Агаты Кристи, книга же была 52-й, потому что выходили еще два сборника рассказов в Америке. *(Прим. автора.)*

В переиздании в бумажном переплете название иное: “Мышеловка” и другие рассказы. *(Прим. автора.)*

Сук – рынок *(араб.)*.

Английское название *The Under Dog*.

73

“Ферри-коттедж” – название лодочного домика.

74

После войны Агата рассталась с хэмпстедской квартирой на Лон-стрит и приобрела недвижимость в Челси: Свон-корт, 28, кв. 48. Это была ее лондонская “писательская мастерская”. *(прим. автора.)*

75

В Америке книга была опубликована под названием “Роковые похороны”. *(Прим. автора.)*

76

Олд Бейли – традиционное название центрального уголовного суда, расположенного в величественном здании в стиле не о ампир в центре Лондона.

77

Премия “Тони” была основана в 1947 г. и считается театральным эквивалентом кинематографического “Оскара”, музыкальной “Грэмми” и телевизионной “Эмми”.

Героиню, которую предстояло сыграть Маргарет Локвуд, звали Клариссой, как мать Агаты Кристи. *(Прим. автора.)*

Назван по первой строчке детской считал очки.

80

Американское название – “Так много шагов до смерти”.

81

Премия Эдгара Аллана По (часто называемая “Эдгар”) вручается ежегодно.

82

Ныне (с 1963 г.) – международный аэропорт имени Джона Кеннеди.

83

В слове presents (представляет) не горела первая буква, и получилось слово resents, что означает “обижаться, быть недовольным”.

Великие женские проблемы *(фр.)*.

85

Имеется в виду пудинг с коринкой, который называется “пятнистая собака”.

Русский вариант наименования фильма все же совпадает с книжным: “После похорон”.

Вообще-то в 1972 г. Агата написала еще одну пьесу – “Тройка скрипачей”. Но в предварительном гастрольном туре по провинциям она не имела успеха и до престижных подмостков лондонского Уэст-Энда так и не добралась. *(Прим. автора.)*

88

Вустерская академия – престижная частная школа в штате Массачусетс.

89

Дурной *(фр.)*.

В России была опубликована под названием “Ночная тьма”.

91

В конце ноября она посетила ежегодную вечеринку в честь по-прежнему востребованной “Мышеловки”, но это была встреча в узком кругу давних друзей и знакомых. *(Прим. автора.)*

92

Та же эпитафия высечена на могиле польского романиста Джозефа Конрада. *(Прим. автора.)*

93

Этим лекарством смачивают платок или марлю и вдыхают его пары, чтобы купировать приступ стенокардии.

94

Действие происходит в том самом имении, которое фигурирует в книге “Таинственное происшествие в Стайлзе”, где Эркюль Пуаро появляется впервые.

95

Был основан в 1969 г. для помощи обездоленным детям и детям с физическими недостатками.

В сборник вошли восемь новелл: шесть с мисс Марпл и два мистических рассказа. На русском языке публиковался под названием “Последние дела мисс Марпл”.

В России сборник выходил под названием “Случай в Поллензе”.

“И не осталось никого” *(нем.)*.

Что было зафиксировано и в Книге рекордов Гиннесса. *(Прим. автора.)*

100

Что было зафиксировано и в Книге рекордов Гиннесса *(Прим. автора.)*